

ОБЪЕМ: 16,3 а.л.

Лоран Ботти

БИЛЕТ В АД

Редактор:

Корректоры:

Верстальщик: *Дятлов А. В.*

Объем 480 полос (30 печатных)

Не путь является наивысшей трудностью,
но наивысшая трудность являет собой путь.

С. Кьеркегор

Пролог

Он включил первый монитор, затем второй, третий... Появились изображения комнат: гостиная, обставленная дизайнерской мебелью (необычно для дома в дешевом пригороде); кухня, в которой царила аптечная чистота; детская, чересчур темная, даже мрачная...

— Работает!

На мгновение Джорди обернулся. Это единственное слово произнес светловолосый человек с удлинённым лицом, остроконечным подбородком, тонкой переносицей и изящно вырезанными ноздрями; его длинные гибкие пальцы напоминали щупальца. Короче, с виду это был типичный представитель старинного аристократического рода, из тех, что способны часами сидеть неподвижно, глядя на розы в саду и слушая Шуберта... или еще какую музыкальную хрень (по крайней мере, именно так представлял себе аристократическую жизнь Джорди).

Затем он снова повернулся к мониторам. Мгновенно, в два клика, перемещаясь из комнаты в комнату, он казался себе кем-то вроде персонажа «Клуэдо»¹.

¹ «Клуэдо» — настольная игра детективного жанра.

На четырех экранах можно было увидеть изнутри сразу весь дом. Всего шесть помещений, включая санузел (с гаражом решили не возиться).

— Ни фига се, можно еще и любоваться, как они срут!

Человек, произнесший эти слова, стоял позади Кольбера, Артиста. Он именовал себя Такис. Здоровяк, лицо которого состояло, казалось, только из низкого лба и огромной нижней челюсти.

Джорди пока еще мало что знал о двух своих компаньонах. Но изысканные манеры первого ничуть его не обманывали — он понимал, что истинная натура, скрывающаяся за ними, совсем иная. Второй обладал ничем не прошибаемым спокойствием — в те несколько ночей, что они вместе провели в одном помещении, спал как убитый и оглушительно храпел. К нынешнему делу гигант относился без особого волнения — а может, просто не до конца понимал его суть. Его, судя по виду, вообще никак не задевало происходящее вокруг.

Но самому Джорди это дело, по правде говоря, страшно не нравилось. У него было плохое предчувствие. А интуиция его редко подводила.

Однако это не имело значения: организация уже все решила. И конечно, имела на то свои причины, о которых он ничего не знал.

Он молча встал и подошел к окну. В оконном стекле он увидел свое отражение — стройный мускулистый парень, с заметным влиянием южных генов, унаследованных от отца: резкие черты, густые брови, не слишком высокий лоб и синеватая щетина на щеках, которая не исчезала полностью даже после самого тщательного бритья. На миг ему

показалось, что это призрак отца взглянул на него через окно, и, чтобы развеять эту иллюзию, он почти вплотную прижался лицом к стеклу, вглядываясь в ночную улицу предместья.

Вдоль противоположной стороны улицы тянулся ряд одинаковых бело-серых домиков, похожих на тот, в котором они вместе с Такисом и Кольбером прожили несколько месяцев. Кое-где окна были освещены изнутри холодным синеватым светом плазменных телеэкранов — жители предместья тоже стали понемногу обзаводиться телевизорами нового поколения.

За его спиной вдруг послышался слабый механический голосок:

— Мам?..

Джорди вернулся к мониторам. На одном из них он увидел ребенка — мальчика лет восьми. Темноволосый и, судя по всему, худенький, но размещенная под потолком камера искажала изображение, делая его приплюснутым.

По какой-то непонятной причине сердце Джорди вдруг сжалось. Может быть, из-за тревоги в голосе мальчишки? Может быть, потому, что он напомнил Джорди его самого в таком же возрасте?..

— Ништяк, прямо как в «Лофте»¹, — пробормотал у него за спиной Такис.

¹ «Loft» — бельгийский кинофильм 2008 года.

Часть первая

1

Позже Шарли часто вспоминала события того вечера, проходящие перед ней словно в замедленной съемке. Не само убийство — хотя именно это было бы логичнее всего, — но все то, что ему предшествовало и последовало за ним, резко перевернув ее судьбу.

Сначала — шум. Урчание подъезжающего автомобиля.

Шарли с сыном как раз собирались есть пиццу. Это был вечер без Сержа — иными словами, один из тех редких и драгоценных моментов, когда можно было вздохнуть свободно и поужинать перед телевизором чем-нибудь приготовленным на скорую руку, вместо того чтобы готовить запеченную телятину или другие сложные блюда, ради которых нужно было проводить на кухне по нескольку часов. И наконец, хоть немного побыть наедине с Давидом, ее девятилетним сыном, ее сокровищем, ее светом в окошке. Ее единственным счастьем.

По телевизору «Звездная академия» демонстрировала, как обычно, яркие огни сцены, грохочущие музыкальные

инструменты и слезы неудачливых участников. Завтра Давид должен был бы идти в школу, но, в конце концов, у них в кои-то веки был вечер без Сержа, и лучше того — им предстоял целый уик-энд без Сержа, так что Шарли решила устроить сыну и себе настоящий праздник. Не то чтобы похождения Квентена или кислые гримасы Рафи ее сильно забавляли, но, в конце концов, «Звездная академия» или «Затерянные» — неважно: любой предлог был хорош, чтобы насладиться этим недолгим отдыхом, с любовью глядя на сына, мурлычущего песенки, которые он раньше где-то услышал (хотя она не знала где: в их доме почти не звучала музыка, за исключением Джонни и Сарду, фанатом которых был Серж), стараясь не обращать внимания на темные круги у него под глазами, от вида которых у нее сжималось сердце, и повторяя про себя — в восторге, как девчонка, предвкушающая каникулы, — пока на экране очередной Сильвен (или Жюльен? или Кристоф?) безжалостно издевался над хитом Селин Дион, всю предстоящую программу отдыха: добраться на пригородном поезде до Парижа, прогуляться по Большим бульварам, поесть мороженого и выпить горячего шоколада, потом пойти в кинотеатр на какой-нибудь из новых 3D-мультфильмов, потом купить гамбургеров... и все это время смотреть на сына и осыпать его поцелуями. Школа никуда не убежит. Нужно будет позвонить туда и сказать (или написать учителю записку), что Давид слегка приболел... Она твердо решила не говорить об этом Сержу (впрочем, тот никогда не проявлял ни малейшего интереса к школьным делам своего пасынка).

Музыка в телевизоре смолкла. На сцену вихрем вылетел Никос и с энтузиазмом воскликнул: «Ну что, Рафи, какую

оценку вы поставите этому замечательному исполнителю за ремейк „Этого мне хватит“?»

Светящиеся цифры на панели DVD-плеера показывали 21:41, и тут Давид тревожно прошептал: «Мам?..»

Шарли ответила не сразу: мысленно она прикидывала, как выкроить два-три часа на уборку и готовку, чтобы обеспечить Сержу достойную встречу в воскресенье вечером и уничтожить все следы недолгого праздника.

— Мам?..

— Что, милый?..

С экрана донеслось: *«...мне кажется, Тома недостаточно сильно прочувствовал эту песню... его исполнению не хватает личного отношения...»*

— МАМ!

Под декольте Рафи, занявшим чуть ли не весь экран, светящиеся цифры показывали 21:43.

Снаружи раздался шум автомобиля, только что выехавшего из-за перекрестка на улице Нуазетьер.

Они жили недалеко от Орсей, в «очаровательном квартале семейных особнячков» (по утверждению каталога недвижимости), чем-то напоминавшем предместье из сериала «Отчаянные домохозяйки», только без ярко-голубого неба, пестрых цветочных клумб, любительницы джоггинга с завязанными в два хвостика волосами и ее приятельниц с накачанными ботоксом губами.

В этот час квартал был отнюдь не самым оживленным в Иль-де-Франс, особенно если речь шла об огромных грохочущих машинах с таким узнаваемым шумом мотора.

Шарли повернула голову к окну... потом перехватила испуганный взгляд сына. На мгновение ее сердце остано-

лось, глаза расширились от ужаса. Затем она вскочила одним прыжком:

— Быстрее! Быстрее, Давид, иди в постель! Я обо всем позабочусь!

Но он не послушался и стал наводить порядок вместе с ней: выбрасывать еще теплые остатки пиццы, вытряхивать пепельницу, поскольку сегодня вечером мать курила, нарушая один из *абсолютных* запретов, установленных в этом доме.

Слыша приближающийся шум, Шарли подумала, что автомобиль сейчас примерно на полпути от начала улицы к дому — иначе говоря, ей оставалось сорок — пятьдесят секунд, если только *он*, выйдя из машины, не будет любовно осматривать и оглаживать ее, чтобы на сверкающем кузове не осталось ни пылинки. Это будет неслыханной удачей, поскольку даст еще пару минут форы.

Невозможно! Неужели он их застукает?..

Шарли почувствовала, как у нее подкашиваются ноги.

Держаться. Нужно держаться. Ради сына.

— Давид!.. — воскликнула она, чтобы остановить его — он пытался поставить на место коробки с видеоиграми, которые не имел права трогать. — ДАВИД!

Сын замер на месте.

— Нет времени, — прошептала она. — Больше нет времени! Беги к себе в комнату и ложись в постель! И не надевай пижаму — наденешь позже. Забирайся под одеяло и притворись, что...

Клац! С улицы донесся приглушенный звук захлопнувшейся автомобильной дверцы. «Этот звук дорогого стоит, — сказал *он* ей однажды с воодушевлением, почти с востор-

гом. — Клац — и ты свободен от всего остального мира. Все равно что войти в космический корабль...» Она кивнула, делая вид, что восхищается этим сравнением, но в глубине души испытывая желание отрезать ему яйца, которые упали бы на землю с не менее волшебным звуком — «шмяк-шмяк!» — *и я свободна от всего остального мира...*

Давид по-прежнему стоял неподвижно с коробками в руках.

Она быстро пересекла гостиную, по пути ударившись коленом об угол низкого журнального столика, но почти не ощутив боли от мгновенно набухшего кровоподтека, и выхватила коробки из рук сына. Снаружи донеслись тяжелые шаги по гравийной дорожке.

Сегодня он даже не стал тратить время на вылизывание своей драгоценной машины. Черт, вот невезуха!.. Это означало, что он был в плохом настроении. Нужно было вести себя тише воды ниже травы.

Давид бегом бросился к лестнице, ведущей наверх. Он едва успел поставить ногу на нижнюю ступеньку, как входная дверь распахнулась. С улицы повеяло холодом. Затем на пороге появился огромный силуэт.

Долгое молчание. Долгий взгляд. Потом Серж медленно перевел глаза с Шарли на Давида и обратно. Мальчишка застыл на месте, занеся ногу над ступенькой — видно, только собирался подняться в свою комнату. Полностью одетый, хотя в это время уже давно должен был лежать в постели и видеть десятый сон. Впрочем, Сержа Тевеннена не интересовало, спит ли мелкий паршивец или нет, лишь бы не видеть его после 20:45 (*ровно* в это время ему надлежало отправляться

наверх). Что до *нег*, она держалась прямо, и на ее хорошенькой мордашке читалось фальшивое удивление. Худенькая, светлоглазая, в слишком, по его мнению, обтягивающих джинсах с непонятно откуда взявшейся дыркой на коленке, она выглядела, право же, вполне безмятежной... если бы уголок рта не подергивался в непроизвольном нервном тике.

В руках у нее были коробки с видеоиграми.

Серж Тевеннен мысленно раздул ноздри...

...и Шарли буквально *увидела*, как он это сделал. Нет, его лицо оставалось спокойным. Но когда долгое время живешь рядом с опасным существом, приучаешься распознавать малейшие оттенки его настроений по едва уловимому напряжению лицевых мускулов. А в существе, стоявшем сейчас перед ней, не было почти ничего человеческого.

Это был зверь. Безумный дикий буйвол. Он всегда таким был — даже когда весил на семнадцать килограммов меньше (он набрал вес, бросив курить три года назад) и женщины еще поглядывали на него. Даже когда он с искренней нежностью обнимал ее своими огромными ручищами, чтобы утешить, — ее, мать-одиночку с двухлетним сыном на руках, «танцовщицу» пип-шоу, когда она, перепуганная и дрожащая, явилась в полицейский комиссариат Первого округа Парижа с жалобой на попытку изнасилования. Даже когда пообещал ей, что найдет и накажет виновного — и сдержал слово: тот тип уже несколько лет как лежал в могиле, — и Шарли подозревала, что ему пришлось долго молить о смерти, прежде чем Серж наконец снизошел к его мольбам.

Да, зверь. С пустой головой и порочной душой. Зверь, загнавший ее в безвыходную дьявольскую ловушку: «Если твой

щенок будет выдываться, за это ответишь ты. А если ты от меня сбежишь, за это ответит он. Куда бы вы ни делись, я с приятелями до вас доберусь».

Она без раздумий поверила ему на слово — у нее не было ни малейших сомнений в его решительности и в том, какими методами он будет действовать. Серж был полицейским — или скорее, как те копы, которые влезают в шкуру бандитов, чтобы легче внедриться в их среду, противоположностью полицейского, — иными словами, полным подонком. Так что у него и впрямь было достаточно средств и связей, чтобы изводить ее — вплоть до того, чтобы безнаказанно избивать Давида у нее на глазах. И он никогда не упускал случая использовать такую возможность.

И вот теперь он смотрел на них — на нее, на Давида, снова на нее, — буквально истекая слюной в предвкушении очередного наказания, и она из последних сил сдерживалась, чтобы не сблевать — от страха, от омерзения, от стыда, и особенно от удушающего чувства вины за то, что ей пришлось впутать во все это и сына.

Он с нарочитой осторожностью закрыл за собой дверь, и Шарли едва не отшатнулась, когда он прошел мимо нее — совсем близко. Он стянул куртку, швырнул ее на диван, потом тяжело рухнул на него сам.

Шарли искоса наблюдала за ним. Он выглядел утомленным. Это могло быть хорошим знаком. Слишком устал, чтобы орать, угрожать... и трахаться. Она вспомнила, что последние месяц-полтора он часто выглядел мрачным и озабоченным. Из-за чего? Какие у него проблемы? У нее не было ни малейшей догадки на этот счет. Может, он задолжал денег мафии? Она не питала иллюзий: новый джип, домашний

кинотеатр с 60-дюймовым плоским экраном, целая коллекция кожаных курток, огромный белый мотоцикл в гараже и другие «подарки» никак не вписывались в семейный бюджет. Не говоря уже о громоздком домашнем сейфе и регулярных коротких визитах типов, которые с успехом могли бы побороться за первое место на конкурсе «Мистер Уголовная Рожа».

Но это ее не заботило. Это было не ее дело.

Она лишь замечала, что в последние месяц-полтора его отлучки становились все более долгими, и это ее вполне устраивало: он все чаще оставлял ее в покое, в том числе и по ночам — когда он ночевал дома, то спал беспробудно, наглотавшись снотворного. Что могло быть лучше?

Она лишь старалась избегать побоев, которые в последнее время случались реже, как будто Серж уже не находил в себе достаточно сил для поддержания... дисциплины («Ты никогда не понимала, Шарли, насколько необходима дисциплина. Без дисциплины весь мир полетит к чертям. И ты первая...»).

Но самой главной ее заботой было защитить сына — в той ничтожной мере, в какой она могла это сделать.

Сейчас она стояла посреди гостиной, по-прежнему не выпуская коробок из рук. Она бросила умоляющий взгляд на Давида, который колебался, не решаясь подняться наверх. Затем все же тронулся с места — мелкими шажками испуганного котенка, и при виде этого у нее сжалось сердце.

Она прекрасно знала, что он чувствует: желание взбунтоваться, гнев, бесконечную печаль... беспомощность, ненависть, страх. Ни одна из этих эмоций не могла ассоциироваться с понятием «счастливое детство».

Не думать об этом, повторяла она себе. Не думать об этом. Сейчас самое главное — выжить.

— Пива нет? — спросил он.

Нужно ответить, как любая женщина в нормальной семье в подобной ситуации:

— Почему же, есть... Я думала, что в эти выходные ты будешь... *на задании*... но пиво в холодильнике всегда есть.

Она вышла из гостиной, постаравшись пройти мимо дивана не слишком близко и в то же время не слишком далеко, чтобы это не выглядело как явное желание дистанцироваться, и вскоре вернулась с бутылкой «Хайнекена». О, сколько раз — двадцать? сто? — она мечтала насыпать ему в пиво теместы, или брома, или и того и другого сразу, но каждый раз рассудок удерживал ее от такого поступка («Если провинишься ты, отвечать будет твой щенок!»). При малейшем головокружении, при малейшем подозрении, что что-то неладно, Серж вполне мог отправить пиво (или жаркое, или соус) своим коллегам, экспертам-криминалистам. Кроме того, она вот уже много лет, чтобы пролить хоть немного бальзама себе на душу, изобретала самые изощренные планы, как бы от него избавиться, но тщетно. Любая подобная попытка с ее стороны могла привести в действие карающий механизм.

Она протянула ему бутылку, которую он взял, не удостоив Шарли даже взглядом. Вид у него был по-прежнему мрачный и еще более замкнутый. Шарли застыла на почтительном расстоянии, ожидая нового приказа, которого все не было, — вернуться в кухню и уничтожить все следы несостоявшегося праздника. Потом она заметила, что Серж лихо радочно нажимает на кнопки пульта, перескакивая с од-

ного канала на другой. Звук был слишком громкий, но Шарли все равно с трудом сдержала улыбку — она уже давно не позволяла себе улыбаться в присутствии Сержа, однако сейчас была готова это сделать: кажется, гроза прошла стороной, и вечер будет пусть не праздничным, но хотя бы обыкновенным, как будто ничего не случилось.

...и крестный отец «Звездной академии», месье Халл...

...Бруни и вся эта шумиха вокруг частной жиз...

...в самом сердце Маркизских островов, куда Жак Брель переселился, окончив свою карьеру...

...скоро на «Франс-2»...

...вживую! на эээм-тиши-виши!...

Кухня была идеально чистой, и Шарли уже готовилась включить посудомоечную машину — один из подарков Сержа. Да, иногда он делал ей подарки, хотя в довольно своеобразной манере — все они были связаны с домашним хозяйством. Как, например, этот огромный серебристый куб известной немецкой марки, очень дорогой, по-кошачьи уютно мурлычущий во время работы. После пребывания в нем бокалы сверкали, как бриллианты.

Шарли решила приготовить ужин по-домашнему, чтобы отпраздновать свою маленькую победу. Она осмотрела содержимое холодильника и составила в уме приблизительное меню. Еще не закрыв дверцу, она приподняла голову и крикнула в сторону гостиной:

— Ты будешь ужи...

Пощечина едва не сбила ее с ног. Перстень с печаткой содрал кожу на щеке и, кажется, выбил зуб. Шарли ударилась виском об угол холодильника и на секунду перестала ды-

шать. Во рту она почувствовала вкус крови и желчи. Все еще оглушенная, она поднесла руку к щеке, потом провела ею по голове, словно пронизанной сотнями иголок. Затем нащупала языком едва держащийся зуб, от которого во все стороны расходились волны боли.

Чувствуя звон в ушах, она с трудом вдохнула воздух и подняла глаза, освещенная слабым светом холодильника, зажатая между дверцей и полкой, на которой лежал сыр. И с ужасом ощутила, как ее снова захватывает вихрь эмоций, ставших такими привычными за эти семь лет: ненависть к себе, страх побоев, желание убежать...

Он огромной глыбой нависал над ней, и на его физиономии она заметила едва различимую под маской гнева слабую ухмылку. Это было самое худшее, самое невыносимое: доставлять ему удовольствие таким образом. Из-за того, что звук телевизора был включен на полную громкость, она не услышала, как Серж подошел. Пожалуй, он действительно был неплохим полицейским: мог перемещать свою громадную тушу без единого звука, без малейшего колебания воздуха.

— Ну что, Шарли? — спокойно спросил он.

Затем резко схватил ее за волосы и одним рывком поднял на ноги. На мгновение Шарли показалось, что ее голова оторвалась от тела.

— Принимаешь меня за идиота? — прорычал он ей прямо в лицо.

Ничего не говорить. Не кричать. Ради Давида. Пусть Давид ни о чем не узнает...

Не дождавшись ответа, Серж снова швырнул ее на пол — на то самое место, откуда только что поднял, между дверцей

и нижними полками холодильника. Шарли почувствовала, как спину пронзила адская боль.

— Ты не оставляешь мне выбора, Шарли..

Звякнула пряжка кожаного ремня. Затем он с мягким шорохом выскользнул из петель.

— Ты в самом деле думаешь, что если сейчас у меня слишком много... работы, то я не вижу, что происходит в моем доме? Ты думаешь, что какая-то мелкая шлюшонка, которую я подобрал в Сен-Дени, будет заводить свои порядки в доме, где я за все плачу?

Она знала этот ритуал наизусть. Каждую реплику, каждую паузу в этом вступлении — поскольку пока это было лишь вступление.

— Нет, ты никогда не научишься дис-цип-ли-не. Никогда! Ты не оставляешь мне выбора, Шарли..

Она в последний раз взглянула ему в лицо и закрыла глаза.

2

Минут пять снизу не доносилось ни звука. Хотя нет, в телевизоре по-прежнему бубнили голоса. Кажется, шел выпуск политических новостей, поскольку говорили о Саркози, о правительстве и прочем в таком роде, — иными словами, это было то, на чем Серж точно не стал бы задерживаться. Такие вещи никогда не представляли для него интереса (как, впрочем, и для Давида).

А раз так, значит, внизу что-то происходило.

Что-то ужасное.

Если Серж больше не сидит перед телевизором, непрерывно щелкая пультом, значит... он учит маму дис-цип-ли-не.

Да, Давид об этом знал. Еще с того момента, как впервые услышал звук его подъезжающей машины несколько минут назад. Даже, пожалуй, еще раньше: он что-то почувствовал еще до того, когда по телевизору заканчивалась очередная песенка.

Однако Давид *должен был* спуститься. У него не было выбора. Поскольку если он понимал многое — даже слишком многое, — кое-что от него пока все же ускользало. И среди прочего был один, самый важный вопрос: когда он ее убьет?

Вот почему он никогда не пытался усилить то, что мама назвала однажды его «небольшим отличием» (поскольку он много раз требовал от нее, чтобы она дала этому хоть какое-то определение), а сам он предпочитал называть «глазом»; в конце концов они оба сошлись на слове «тайна». Чтобы в один прекрасный день не увидеть ее (своим «другим» зрением) убитой — еще *до того*, как это произойдет на самом деле. И оказаться не в силах ничего сделать, чтобы это предотвратить, поскольку есть силы, которым даже самая яростная воля не может противостоять.

Кроме того, шла ли речь о смерти матери или чем-то другом, «видение будущего» всегда открывало ему реальность одновременно более простую, более жестокую и, разумеется, гораздо более ограниченную, чем, например, та, что могла открыться персонажам сериалов «Герои» или «Люди Икс».

Он осторожно вышел из комнаты и, прислушиваясь на каждом шагу, направился к лестнице. Его тело представляло собой один сплошной комок нервов, сердце сжималось от недоброго предчувствия.

Справа доносилось: «...но Симона Вейль все же признает необходимость священного долга памяти...»

Слева: *«Ты просто илюха, Шарли. Грязная илюха. А знаешь, что я делаю с отбросами вроде тебя?..»*

Сердце Давида подскочило в груди. Мама жива! Раз он с ней говорит, значит, она еще жива.

Еще можно было снова подняться. Сунуть голову под подушку, чтобы заглушить голоса, оскорбления, образы — вчерашние, сегодняшние, завтрашние... Уснуть и обо всем забыть. Или даже, как он порой мечтал, умереть.

Но что-то было не так. Мама не отвечала. Говорил только Серж.

Нет, что-то не так... *абсолютно!*

Давид продвинулся еще немного вперед.

«... вот что я с ними делаю, Шарли, ясно тебе?..»

Голос был какой-то странный... словно хнычущий. Но если и существовал на свете человек, неспособный выжать из себя ни слезинки ни при каких обстоятельствах, то это был Серж.

И — никакого ответа. Тишина.

Оставалось еще два метра до полуоткрытой двери кухни. Давид преодолел их с медлительностью сомнамбулы, двигаясь механически, словно заводная кукла.

Затем протянул руку и слегка толкнул дверь. Холодный неоновый свет показался ему слишком ярким, стены — слишком красными... как будто кричащими. Он несколько раз моргнул, но глаза по-прежнему были не в состоянии передать мозгу информацию об увиденном — или, точнее, сознание отказывалось воспринимать весь ужас этой сцены.

Его мать скорчилась на полу, как раненая белка. Ее лицо было наполовину закрыто светлыми волосами, наполовину — ладонями. Руки были исполосованы следами от ударов ремня. На полу кое-где виднелись доски одежды, вырван-

ные рукой Сержа или тем же ремнем — сейчас он лежал у ног хозяина, как преданный раб, а сам Серж стоял, расстегнув штаны и сжимая в руке член, и...

— Видишь, что ты вынуждаешь меня делать?..

...и мочился на бесформенное тело... которое когда-то произвело Давида на свет...

...Он писает на маму... Он писает на маму...

Серж, вероятно, ощутил его присутствие и повернул голову к двери.

Ребенок и его отчим смотрели друг на друга какое-то время, показавшееся Давиду бесконечным, будучи где-то очень далеко от всего мира, от Симоны Вейль, от окровавленных стен кухни...

Без размышлений, движимый какой-то непонятной силой, которая ему не принадлежала, Давид уже готов был броситься на отчима, как вдруг адская боль стиснула ему череп. Он почти услышал, как сдавливается внутри его мозг — это был влажный чавкающий звук, как будто лопнул какой-то гигантский гнойник. И тут же на него нахлынул поток образов, хаотически перемешанных, наслаивающихся друг на друга, как будто вся его жизнь, каждый миг его существования, каждая сцена, каждый удар, каждое оскорбление, каждое издевательство за последние семь лет пронеслись перед ним всего за несколько секунд, резко вырвавшись на поверхность из глубины сознания, словно поток лавы из жерла вулкана, а потом этот огненный хаос превратился в цепочку огромных горящих букв, сложившихся в настойчиво повторяющийся приказ: *бежать из преисподней! бежать из преисподней! бежать из преисподней!*

Он испустил громкий вопль и тут же без сознания рухнул на пол.

3

Тома Миньоль долго рассматривал лицо на фотографии: по форме — почти идеальный овал, слегка искаженный тяжелой нижней челюстью; нос крохотный, словно выточенный скальпелем; пухлые губы сложены в фальшиво-многообещающую улыбку; кожа слишком натянута; глаза чуть удлиненные, и надо всем этим — ярко-рыжая шевелюра. Ни мужчина, ни женщина. Ни белый(-ая), ни черный(-ая). Непонятно, какого возраста. Удивительный, фантастический гибрид Карлы Бруни и Майкла Джексона. Или Тины Тернер и Жан-Клода Житруа.

— Вы ее узнаете, я полагаю?

Лейтенант Миньоль кивнул и слегка подтолкнул фотографию по гладкой поверхности стола к своему шефу, комиссару Рулену.

— Да, — ответил он. — Клео ди Паскуале.

— А также Роберта Молина, Карина Патов и так далее и так далее. Множество имен плюс прозвище Вдова. Его настоящее имя Кеннеди Васкес. Кубинец по происхождению. Во Францию прибыл около двадцати лет назад. Что еще вы знаете о нем... о ней? — уточнил Рулен.

Тома Миньоль слегка вздохнул и быстро окинул взглядом комнату — один из тех безликих кабинетов полицейской префектуры Парижа, в которых всем без исключения копам Иль-де-Франс предстоит хоть раз, да побывать. И хорошо еще, если речь пойдет о наведении справок, а не о служебном розыске...

— Я не специалист по крупному бандитизму. Кажется, она сделала себе имя на торговле кокаином. Также ее подозревали в причастности ко многим убийствам. Считается

одной из особо опасных преступников, что вполне объяснимо, поскольку с ее прошлым, точнее, с ее... особенностями...

— С ее членом, ты хочешь сказать. По информации, которой мы располагаем, она не делала операции по перемене пола.

— ...заставить считаться с собой всех боссов парижского преступного мира было, вероятно, совсем непросто.

Рулен согласно кивнул.

Миньоль ждал, пока шеф снова заговорит. Кабинеты Генеральной инспекции служб, в отличие от других полицейских подразделений, работающих фактически круглосуточно, в восемь вечера обычно уже пустели. Вызов к Рулену в такое время свидетельствовал о важности данного дела.

— Я тут недавно затребовал у ребят из отдела по борьбе с наркотиками досье Вдовы. Не буду перечислять, сколько звонков мне пришлось сделать и кому, чтобы получить к нему доступ, но в новоявленном Центральном бюро наконец согласились. Видно, решили не поднимать лишнего шума вокруг этого имени...

Миньоль молча кивнул. Сотрудники Генеральной инспекции служб — а это были сливки сливок всей полиции — в глазах остальных полицейских, по определению, были предателями, перебежчиками, коллаборационистами. Настоящими крысами, проще говоря. Они принадлежали к разным кланам и действовали прямо противоположным образом: если одни за много лет расследований привыкли приноравливаться к обстоятельствам и учитывать «человеческий фактор», то другие неукоснительно соблюдали правила, порой проявляя демонстративное пренебрежение к своим коллегам, за что получили от тех прозвище «мари-

надная инспекция» — намек на обычай устраивать многочасовые проверки.

— Досье весьма поучительное, — снова заговорил Рулен. — Итак, наша подруга прибыла в Париж около двадцати лет назад. В начале своей карьеры занималась проституцией. Золотое времечко! Уже тогда ее подозревали в причастности к ряду убийств — например, один из ее дружков был найден мертвым с дюжиной ножевых ран на теле. Потом организовала свое собственное веселое заведение, куда набрала девиц из Латинской Америки. Потом к этому добавились торговля наркотиками и рэкет... Словом, она сделалась настоящей «крестной матерью», единолично правящей своей империей.

— Но как могло случиться, что она ни разу ни на чем не попала?

Рулен испустил долгий горький вздох:

— Наша... мадемуазель имеет серьезных покровителей, представь себе. Очень серьезных. Как раз благодаря своей особенности.

Тома предпочел воздержаться от комментариев.

— Ее хозяйство не только остается в наличии, но еще и исправно функционирует... Ходит даже слух о его невероятных размерах... Сам понимаешь — кубинское происхождение, темперамент соответствующий... К тому же у Вдовы, кажется, есть и негритянские корни. Так что волшебная палочка нашей феи — это настоящий меч... или, скорее, мачете.

Мачете — это не на Кубе, машинально отметил про себя Тома. Шеф малость ошибся с географией... Комиссар, тем не менее, был явно доволен своей шуткой и издал один из ха-

рактрных сальных смешков, на которые не скупился в продолжение всего разговора. Потом, переведя взгляд на лицо подчиненного, почувствовал свою оплошность — несмотря на вполне обычное французское имя, внешность Миньоля ясно свидетельствовала о североафриканских корнях. Улыбка шефа превратилась в натянутую гримасу.

— Короче, — проговорил он, — Вдова пользуется расположением весьма высокопоставленных господ.

— Судей в том числе?

— Судей, политиков... Возможно, и высших полицейских чинов. Всякий раз, как затевается очередная операция по борьбе с бандитизмом или наркоторговлей и все вроде бы складывается удачно, Вдове неизменно удается выйти сухой из воды. Как будто ее кто-то предупреждает о готовящейся проверке или облаве.

Тома начал понимать, зачем его сюда вызвали:

— Я так понимаю, есть подозрение, что это кто-то из наших?

Рулен открыл другую папку, достал оттуда новую фотографию и положил перед подчиненным на стол.

Тома склонился над ней, вглядываясь в квадратное лицо с грубыми чертами, словно вытесанное из камня, в маленькие прищуренные глазки, взгляд которых казался убегающим, едва заметную довольную ухмылку... Нервный тип. Если не сказать — безбашенный.

— Лейтенант Миньоля, перед вами Серж Тевеннен, капитан отдела по борьбе с наркотиками. Тридцать семь лет, хорошие характеристики, уважение коллег... суровый, но справедливый, все такое. Это официальные данные. Неофициально всеми своим успехами он обязан двум главным

kozyрям: первый — огромная физическая сила, которая изумляет всех, кто с ним знаком, и которую он использует при всяком удобном и неудобном случае...

— ...и второй — невероятно разветвленная шпионская агентура, — договорил Тома.

Оба полицейских обменялись понимающими взглядами. Коп, чья успешная работа основывалась на донесениях внедренных повсюду информаторов, недаром вызвал интерес у «маринадной полиции». Чувствовалось, что по натуре он склонен искать опасности: ему явно *нравилось* плавать в бурных водах. И в ходе этого плавания он, возможно, завел несколько знакомств, которые в его среде были сочтены... нежелательными.

— Если уж выкладывать все... Мы некоторое время назад взяли его на заметку, — продолжал Рулен. — Но назначить расследование мы не имеем права, поскольку на него не поступило ни одной официальной жалобы. Только слухи, да еще одно мутное дело — бесследное исчезновение одного насильника, которого Тевеннен сначала задержал, потом вынужден был отпустить за отсутствием улик. В один прекрасный вечер тот тип не пришел домой, его сожительница явилась в полицию и устроила скандал — говорила, что это копы его куда-то увезли... В общем, ничего о нем так и не узнали.

— А сейчас что-то случилось?

— Вот что.

Рулен снова раскрыл папку и вынул оттуда несколько листков.

Миньоль быстро просмотрел их.

Анонимный донос. Какие-то цифры, похожие на шифр. Фотографии.

Тома не был удивлен. Одной из причин, по которым ГИС презирал остальной полицейский корпус, был ее принцип принятия дела к производству: для этого достаточно было письменной жалобы — неважно, от кого она поступала: от чересчур нервного соседа, от жаждущего мести бывшего супруга и так далее — или запроса из прокуратуры (что обычно случалось под нажимом СМИ). Кроме того, ГИС могла назначить расследование по собственной инициативе и в результате обратить в прах репутацию доселе безупречного копа (хотя случалось и так, что впоследствии его все же признавали невиновным).

Миньоль внимательно рассматривал фотографии: Тевеннен наклоняется к окну лимузина, откуда выбиваются пряди огненно-рыжих волос; тот же самый лимузин, номерные знаки крупным планом; чей-то профиль в окне задней двери — странный, получеловеческий-полузвериный, напоминающий морду льва... Потом — Тевеннен за рулем серебристо-серого «БМВ Х5». И наконец, на последнем снимке, он же на сверкающем белоснежном мотоцикле «хонда-голдвинг». Без шлема.

По самым скромным подсчетам, оба транспортных средства должны были обойтись где-то в восемьдесят тысяч евро. Неплохо для капитана полиции... если тачка и мотоцикл в самом деле его. Наверняка есть еще и машина «на каждый день», чтобы ездить на работу, не вызывая подозрений...

«Фотосессия» сопровождалась заметками: точные даты и время встреч Тевеннена с Вдовой или кем-то из ее доверенных лиц. Эти сведения напрочь исключали для него возможность алиби.

В списке подручных Вдовы Миньоль обнаружил одно имя, слишком хорошо ему знакомое. Он с трудом смог сохранить внешнее спокойствие.

— Если верить полному досье, которое я передам тебе через минуту, у нашего друга рыльце в пушку, — сообщил Рулен. — Правда, до какой степени он влип и во что именно — об этом история пока умалчивает. — Кажется, комиссар собирался снова засмеяться своим грубым смехом, но передумал и в заключение лишь добавил: — Во всяком случае, это *очень* серьезно.

Теперь Тома в общих чертах представлял себе расклад. Если расследование пройдет как надо, они смогут не только прищучить Тевеннена, но и предъявить официальное обвинение Вдове. К тому же для репутации ГИС будет полезно, если они смогут отыскать паршивую овцу в своем стаде, вместо того чтобы трепать нервы коллегам из-за проблем, не стоящих выеденного яйца.

Рулен подался ближе к подчиненному, склонившись над столом. Вся веселость комиссара в одно мгновение исчезла.

— Ты можешь взять в помощники кого захочешь, ты можешь действовать по своему усмотрению, но мне *нужен* этот тип! И *она* тоже, если представится возможность прихватить и ее, хотя, конечно, в первую очередь ты должен сконцентрироваться на нем. Тебе передадут все нужные данные из отделов по борьбе с бандитизмом и наркотиками. Словом, ты получаешь карт-бланш. И не питай особых иллюзий. Когда ты все прочтешь, сам увидишь: речь уже не о том, увяз ли у птички коготок, а о том, не утонула ли она в болоте целиком.

Тома Миньоль понимал, что это расследование — серьезный шаг в его пока еще недолгой служебной карьере.

4

...2...7...14...17...35...

...3...6...

...нужно уезжать... быстро...

...найду решение... обещаю тебе...

...то, что я делаю для этих сук...

...все эти деньги...

...они за нами наблюдают...

...они сейчас явятся, они уже в пути...

...верни мне моего сына!..

...ааа...

...аааааа!...

Давид с криком вырвался из глубин сна, постепенно превращавшегося в кошмар, и какое-то время лежал неподвижно, оглушенный, растерянный, дрожащий как в лихорадке. Сбившиеся простыни спеленали тело, словно гигантская паутина. Он поморгал, перевел дыхание, стряхнул с себя недавний ужас... и почти сразу же осознал не менее ужасную реальность.

Он был у себя в комнате. У кровати горел ночник — мама оставила его включенным, когда ушла.

Когда он очнулся здесь в первый раз, придя в себя после обморока, она сидела рядом с ним. Глаза у нее распухли от слез, на скуле был синяк, но она не обращала на это внимания, охваченная тревогой за сына. Сейчас она, должно быть, спала, наглотавшись снотворного — иначе она не засыпала, — и Серж храпел рядом с ней. И Давид чувствовал себя

одиноким — наедине со своими кошмарами и своими вопросами, в полной тишине зябкой зимней ночи городского предместья.

Он отбросил одеяло и, дрожа, сел на край кровати. Он знал, что приснившийся недавно сон был не совсем обычным. Образы были слишком реальными, слишком насыщенными и в то же время слишком бессвязными, не подчиняющимися текучей линейной логике сновидений. Нет, его сознание снова посылало ему сигналы из будущего, перемешанные с обрывками прошлого. Ничего приятного в этом не было. И однако...

Он встал и подошел к письменному столу, сидя за которым обычно притворялся, что делает домашнюю работу. Взял листок бумаги и аккуратно записал на нем ряд цифр. Две последние обвел контуром, напоминающим звезду.

Пригодится ли это ему когда-нибудь?

Он пока не знал.

Давид вздохнул. Теперь какое-то время не удастся заснуть. Он достал из школьного портфеля игровую приставку PSP, с которой никогда не расставался. Гаджет был для него чем-то вроде домашнего зверька. Давид всегда мечтал о собаке, которая могла бы стать ему товарищем для игр — он очень страдал от одиночества (однако он не хотел младшего брата или сестру: мысль о том, чтобы породниться с Сержем, пусть даже таким косвенным образом, была ему отвратительна).

Затем вынул из бокового отделения портфеля USD-диск с фильмом «Рататуй», который дал ему посмотреть Тео Богран. У мамы хватило денег только на приставку, на диски с фильмами и видеоиграми — уже нет, так что ими снабжал его Тео, школьный приятель (сам он имел все, о чем, по

мнению Давида, мечтает каждый ребенок: iPod, крутой мобильник, PSP, само собой, плюс целую кучу видеоигр и фильмов). В обмен на это Давид давал ему списывать домашние задания; таким образом, деловые отношения были взаимовыгодными и сильно облегчали жизнь обоим.

Давид почувствовал, что хочет пить. Он немного поколебался перед тем, как выйти из комнаты — своего единственного владения, своего убежища. Остальная часть дома была вражеской территорией. За последние месяцы это ощущение обострилось до крайности: Давиду постоянно казалось, что за ним наблюдают. Но это, конечно, была иллюзия — просто во всем доме ощущалось присутствие Сержа. Даже когда его самого не было, здесь как будто незримо присутствовал его призрак.

Давид приоткрыл дверь и прислушался. Издалека доносился храп. Серж спал — значит, путь был свободен.

Он на цыпочках прошел по коридору и спустился на первый этаж, в кухню. Как только он вошел, его молнией пронзило недавнее воспоминание: его мать, скорчившись, лежит на полу...

Давид встряхнул головой, словно пытаясь избавиться от ужасного видения, и взял из холодильника бутылку кока-колы. Пока он пил, он повторял про себя семь цифр, которые недавно записал на листке бумаги. Счастливый билет, с которым можно было осуществить любую мечту... последняя надежда, за которую он продолжал цепляться, даже вопреки самому себе...

Но какую цену придется заплатить за эту надежду? «Воспоминания о будущем», которые приходили к нему во сне, были еще более смутными и бессвязными, чем те, что порой

мелькали днем, во время бодрствования. Но никогда еще они не были настолько отчетливыми, как сегодня.

Обычно, когда события из будущего возникали в его сознании — как правило, внезапно и порой в самых неподходящих ситуациях, — это всегда выглядело одинаково: картина была слегка размытой, словно контуры предметов стерлись от времени, зато краски, звуки и запахи воспринимались четко. Однако Давид никогда не пользовался плодами своего таланта и тем более не пытался развивать его. Быть в состоянии каждый раз предвидеть, что, например, Лулу позвонит через несколько минут, не представляло для него никакого интереса и казалось лишь бесполезным напряжением мозгов.

К тому же он понимал, что не в силах контролировать механизм видений. Например, он не смог «увидеть» несчастный случай, произошедший год назад: ухаживая за растениями в небольшом школьном садике, он случайно упал и сильно разбил лицо о металлическое ограждение.

Единственной способностью, которую Давид использовал постоянно и с большой охотой, была его исключительная память, позволяющая сохранять всю информацию из учебников без малейших усилий. Правда, ему все время приходилось нарочно делать ошибки на контрольных, поскольку мама повторяла ему десятки, сотни раз: «Пусть это будет наш с тобой секрет... только наш, и больше ничей!»

«Почему?» — недоумевал он поначалу, когда они только-только открыли это его «отличие». Ответ пришел довольно быстро. В тот день, когда школьная учительница, мадам Дюмон, ужасная старая дева, морально искалечившая несколько поколений учеников и считающая главной своей миссией

вдолбить им в головы, что жизнь состоит из правил, которые нужно соблюдать, и запретов, которые нельзя нарушать, — так вот, когда мадам Дюмон собиралась раздать проверенные накануне контрольные. В своей отличной оценке Давид был уверен на все сто, поэтому не мог понять, почему она написала на его работе красными чернилами: «НЕЛЬЗЯ СПИСЫВАТЬ С УЧЕБНИКА!», словно для вящего назидания трижды подчеркнув эту надпись, — и поставила нулевой балл. Он с искренним недоумением спросил у нее об этом — примерно за час до того, как контрольные были розданы.

Мадам Дюмон долго смотрела на него из-под своей похуже на башню укладки седых волос, подкрашенных сиреновой краской, — вначале с подозрением (как мелкий паршивец мог узнать?..), потом с ужасом.

Целый год она его избегала — уклонялась от его взгляда, вздрагивала всякий раз, когда он обращался к ней с вопросом.

Впрочем, за каждую работу она теперь неизменно ставила ему высшие баллы, а общение с ним свела к минимуму — до такой степени, что это заметила директриса школы и пригласила ее к себе в кабинет, чтобы сделать соответствующее внушение. Ко всеобщему удивлению, вскоре после этой беседы мадам Дюмон уволилась с работы по состоянию здоровья. Сама директриса, кстати сказать, тоже порой невольно вздрагивала, встретившись взглядом с необычным учеником где-нибудь в школьных коридорах.

После этого случая — и некоторых других, менее значительных, — Давид сделал следующие выводы:

— мама была права;

— любое отличие от окружающих — препятствие к общению с ними, если они о нем знают или догадываются:

тогда вы становитесь в их глазах опасным и даже отвратительным; вы обречены на одиночество;

— его «талант» может стать преимуществом лишь в том случае, если использовать его по минимуму и только в случае крайней необходимости.

Именно это было гораздо более важным уроком, чем все правила и запреты мадам Дюмон. Сама того не зная, учительница (которая из отпуска по состоянию здоровья отправилась напрямиком на пенсию и больше никогда в жизни не встречала своего необычного ученика) выполнила свою миссию.

Давиду пришлось научиться лгать, скрываться, изворачиваться и при этом запоминать все что нужно, никогда не делая попыток развивать свои способности дальше — в повседневной жизни они как бы оставались за скобками. Свой «глаз» он держал по большей части полуприкрытым или закрытым полностью — хотя при этом втайне всегда надеялся когда-нибудь «увидеть» по-настоящему счастливое событие: окончание того многолетнего кошмара, в котором они жили вместе с матерью. Но эта мечта оставалась несбыточной. Со временем он перестал надеяться и только ждал, когда наконец вырастет, чтобы расправиться с Сержем так, как тот заслуживает, и освободить от него маму навсегда.

Этой ночью он почувствовал, что скоро произойдет нечто важное, после чего вся былая неопределенность его существования развеется как дым.

Сначала — цифры. Четкие. Искушающие. Зловещие. Потом — образы, тоже не сулящие ничего хорошего: огненные вспышки; выстрелы; дорога, словно уходящая в бесконеч-

ность; жестокое бледное лицо какого-то типа с ножом в руке; окровавленное тело, завернутое в простыню, на полу кухни; крики матери; белозубая улыбка на гладком лице странного существа с огненно-рыжими волосами, пряди которых напоминали лучи солнца... И — словно постоянное немое сопровождение всех этих картин, хаотически проноссящих перед ним, словно кадры киноплёнки, — гнетущее предчувствие чего-то ужасного...

И очень странного, почти невероятного.

Эти цифры могли открыть путь к свободе — да, что-то подобное должно случиться, Давид был в этом почти уверен.

Но также они могли открыть дорогу в преисподнюю.

Он чувствовал на своих плечах давящий груз ответственности, необходимости принять важное решение.

Вкус кока-колы во рту стал горьким.

Давид открыл холодильник, чтобы поставить бутылку на место. В прямоугольнике слабого света он различил на плиточном полу какое-то темное пятно. Обычно пол на кухне блестел, как и все остальное, что было еще одним из нерушимых правил, установленных Сержем. И вот, тем не менее, пятно. Кровь. Единственное напоминание о той сцене, что разыгралась здесь несколько часов назад...

Скомканный в его руке листок бумаги как будто потяжелел и стал горячим... почти живым, как больной птенец, из последних сил цепляющийся за жизнь.

Бежать из преисподней! бежать из преисподней!..

И вдруг он понял — по-прежнему не отрывая взгляда от кровавого пятна и чувствуя в руке теплого бумажного птенчика, — что тот благословенный день, который он так надеялся увидеть в будущем, возможно, уже настал.

Он понял, что отныне ничто не будет хуже, чем эта кухня.

Он понял, что его решение уже принято, хотя он этого еще не осознает.

Потому что память никогда его не обманывала.

Они последуют тем путем, который уже начертан для них.

5

Ужасная ночь. Ужасное пробуждение. Ужасное утро. Ее сердце было переполнено отчаянием, отвращением, паникой. Глаза, полные слез, почти не различали угнетающий сероватый зимний пейзаж за окном.

Затем Шарли начала готовить завтрак, почти механически выдерживая последовательность привычных действий: выжимать сок из апельсинов, заливать молоком кукурузные хлопья, варить шоколад. И ждать, пытаясь найти в себе силы, чтобы выдержать взгляд Давида, который должен был появиться в кухне с минуты на минуту. Она старалась держаться прямо, несмотря на сильную боль в пояснице — люмбаго? воспаление седалищного нерва? — впрочем, ей было все равно, она ничего не хотела об этом знать. Точно так же, как о синяках, ссадинах и кровоподтеках. Гораздо хуже были оскорбления, унижения, брань. Но самым худшим было то, что ее сын стал свидетелем этой пытки, этого ужаса. Вчера она не смогла даже вызвать для Давида «скорую» — Серж ей категорически это запретил, — и ей оставалось лишь беспомощно сидеть у изголовья сына, ожидая, пока он придет в себя. Несколько минут, проведенных в ожидании, показались вечностью.

Она услышала, как Давид спускается по лестнице. Когда он вошел в кухню, Шарли не сразу решилась повернуться к двери. Наконец ей удалось это сделать и изобразить на лице подобие улыбки.

— Как спалось, дорогой?

В ту же секунду, взглянув на измученное личико сына, она поняла, насколько это был глупый вопрос.

— Нормально...

Давид выглядел напряженным, замкнутым. Он не смотрел на мать, словно стыдился. Теперь, в отчаянии подумала Шарли, это всегда будет стоять между ними: Серж... Серж за работой. Она почувствовала, что вот-вот расплачется.

— Ты проголодался? — неуверенно спросила она.

Не отвечая, Давид подошел к столу и сел, по пути бросив мимолетный взгляд на пол перед холодильником, что не ускользнуло от Шарли. Сегодня утром кровавое пятно на полу бросилось ей в глаза, едва лишь она вошла на кухню. Шарли тут же оттерла пятно и теперь недоумевала, каким образом Давид мог о нем узнать. Она с трудом удержалась от этого вопроса и налила сыну бокал апельсинового сока.

— Сегодня ночью я три раза вставала и заходила к тебе. Ты крепко спал, у тебя вроде бы не было температуры, но...

— Все в порядке, мам. Не волнуйся.

Шарли сняла с плиты кастрюльку с горячим шоколадом и разлила его по чашкам.

— Что произошло вчера вечером, Давид? — мягко спросила она. — Ты можешь мне об этом рассказать? Это твое обычное... недомогание?

Он пожал плечами:

— Не знаю... просто голова болела, и все.

Шарли вздрогнула:

— Это похоже... на тот случай, в прошлом году?

— Нет... кажется, нет. Сначала заболела голова, а потом... ну, ты знаешь, как у меня бывает... когда память как будто скачет из прошлого в будущее.

Лицо Шарли омрачилось.

В прошлом году Давиду пришлось сделать энцефалограмму — он неудачно упал во время игры в мяч, и рентген обнаружил легкую черепную травму.

Именно тогда Шарли выяснила реальное положение дел: необычные способности сына были следствием изначально неправильного строения мозга.

— У вашего сына уже проявлялись какие-то особые свойства? — спросил ее невролог, элегантный мужчина с серебристыми висками, важный, как китайский мандарин, сидевший за столом в своем кабинете, оборудованном по последнему слову медицинской техники.

Шарли почувствовала, что краснеет.

— Нет, — солгала она.

Серж рядом с ней сидел не шелохнувшись, но она знала, что он стережет каждое ее слово, словно цербер.

— Видите ли, меня кое-что заинтересовало... Может быть, у него особенно хорошая память? Или какие-то необычные сны?..

Шарли очень хотелось рассказать ему обо всем. О том, как быстро Давид научился говорить, читать, писать. О том, как хорошо он все запоминал. Об этой его... аномалии, о «небольшом отличии», которое, возможно, могло в будущем сделать его настоящим гением. И о своем собствен-

ном ужасе, который она испытала, когда это стало для нее очевидно.

Но она промолчала. Меньше всего на свете ей хотелось, чтобы ее сына изучали, как подопытного кролика.

— Нет, доктор... ничего такого.

— Странно. Дело в том, что одна часть мозга вашего сына необыкновенно развита. Я говорю о конечном мозге, который находится в левом полушарии и отвечает за долговременную память. К тому же — и это делает вашего сына совершенно уникальным — его гиппокамп — иными словами, желудочек головного мозга, который обеспечивает связь кратковременной памяти с долговременной, — также имеет объем больше обычного. Это как если бы... в голове вашего сына находился огромный многопиксельный экран, на котором одновременно отражается множество событий.

— Я... я даже не знаю, что вам сказать, доктор. Да, мой сын довольно развит для своего возраста, он очень быстро все усваивает в школе, у него хорошие отметки, но... ничего сверхординарного.

— И у него не было ничего похожего на дежавю?

Кажется, доктор не заметил, как она вздрогнула. Да, судя по объяснениям Давида, это действительно напоминало дежавю: мгновенное, словно вспышка, воспоминание. Не предвидение — именно воспоминание, словно образы из будущего уже хранились где-то в глубинах его памяти и вдруг неожиданно всплыли на поверхность.

— Нет... а при чем здесь дежавю? — неуверенно спросила Шарли. Серж рядом с ней слегка пошевелился на стуле, отчего тот скрипнул.

— Согласно последним научным исследованиям, дежавю — некое кратковременное расстройство памяти. Осечка, можно сказать...

— Нет, доктор, — перебил его Серж с любезной улыбкой уличного торговца, которая всегда была у него наготове для щекотливых ситуаций. — Мы никогда ничего подобного за ним не замечали. Не правда ли, дорогая?

Доктор, слегка нахмурившись, в течение нескольких секунд переводил взгляд с одного на другую и обратно, как будто что-то подозревал. Наконец вздохнул и произнес:

— Что ж, хорошо. Было бы любопытно провести несколько тестов... но если вы ничего не замечали... На всякий случай все же присматривайте за вашим сыном. Если вдруг он испытает шок в результате какой-то чрезвычайной ситуации, это может... пробудить в нем нечто...

«...пробудить в нем нечто...»

— Этой ночью не случилось ничего особенного? — спросила Шарли.

Давид бросил на мать один из тех непроницаемых взглядов, которые порой ее раздражали — можно подумать, говорила она себе в такие моменты, что его невероятная память развилась за счет того, что одолжила немало клеток у системы, отвечающей за коммуникабельность.

— Тебе не снились... какие-то необычные сны?

Вместо ответа Давид низко опустил голову и отпил глоток из чашки с шоколадом.

— Почему ты спрашиваешь? — наконец спросил он, выпрямляясь. Над его верхней губой были шоколадные «усы».

Шарли вздохнула. Нет, хватит на сегодня... на утро уж точно.

— Так просто, сокровище мое. А теперь беги, скоро придет автобус. Не опоздай.

Почему он выглядит таким отстраненным?.. То есть отстраненным гораздо больше обычного?.. Конечно, из-за вчерашней сцены. Из-за обморока... Разве могло быть иначе?

Через минуту после того, как Давид вышел из кухни, Шарли почувствовала дуновение сквозняка. Она выглянула в прихожую и увидела, что сын стоит неподвижно возле настежь распахнутой входной двери.

— Давид, что случи...

Он обернулся, и Шарли осеклась. На золотисто-смуглом личике, с огромными черными глазами и четко очерченным, несмотря на юный возраст, подбородком, она ясно прочитала два чувства: панику и вместе с тем решительность. Сходство с отцом было поразительным. То же самое выражение, которое...

...которое появилось на его лице, когда она объявила, что он скоро станет отцом...

Паника.

И решительность.

Это абсолютное сходство даже заставило Шарли испытать мгновенный приступ головокружения. Она слегка пошатнулась.

Давид протянул к ней руку.

— Держи, — прошептал он.

На его ладони она увидела что-то непонятное и машинально взяла это, даже не глядя, — на ощупь предмет казался просто бумажным комком, — поскольку не отрывала глаз от лица сына.

Она очнулась лишь тогда, когда Давид повернулся, вышел из дома и побежал к автобусной остановке.

— Давид!

Но крошечная фигурка уже почти растворилась в синеватом зимнем тумане, который окутывал все предместье последние несколько дней, и вскоре скрылась за поворотом.

Охваченная тревогой, Шарли закрыла дверь, потом с некоторым замешательством развернула смятый листок.

2, 7, 14, 17, 35.

3, 6.

Две последние цифры были обведены контуром, напоминающим звезду.

«Что за...»

Она вглядывалась в цифры, пытаясь понять, расшифровать это послание, этот код и заодно выяснить, какое отношение он имеет к...

И вдруг ее сердце лихорадочно заколотилось — даже раньше, чем она успела полностью осознать смысл этих цифр.

Нет, воскликнула она про себя, ведь не может такого быть, что это... оно?..

Она пересчитала цифры. Семь. И две последние обведены звездой.

С трудом передвигая ноги, Шарли вернулась в кухню и опустилась на стул, словно придавленная неожиданно свалившимся грузом. Теперь она все понимала — и то, что произошло, и то, что это может означать для их будущего.

Если вдруг он испытает шок... это может пробудить в нем нечто...

Она поняла, что произошло этой ночью и почему наутро Давид так странно взглянул на нее, когда она спросила про

сны. И конечно, она поняла, что он ей дал несколько минут назад.

Счастливым билет. Их билет к свободе.

6

Тома Миньоля неторопливо допивал вторую чашку кофе, когда дверь кафе распахнулась и вошел высокий худощавый человек, по виду явный выходец из Северной Африки. Он быстро взглянул в сторону бара, где три четверти здешнего населения уже потягивали свою первую порцию красного за день, потом разглядел в полумраке кафе лицо Тома, сидевшего за одним из разделенных перегородками столиков, и решительно направился к нему бесшумной, слегка развалистой походкой. Подойдя, он сел напротив юного лейтенанта на банкетку, обтянутую потертой искусственной кожей, спиной к залу.

— Привет, Жамель, — сказал Тома.

— Здорово, земляк.

«Земляк»... В данном случае это слово не означало принадлежность к жителям одного и того же квартала, города или всего Иль-де-Франс, а было лишь одним из проявлений иронии судьбы — напоминанием о том, что в ряды ГИС Тома Миньоля привела вовсе не страсть к расследованиям, а всего лишь его физиономия. И его история.

Если не считать имени, вполне типичного для француза, все выдавало в нем североафриканца: шапка густых черных волос с упругими, словно теннисные мячи, завитками, вызывающий взгляд черных глаз из-под густых ресниц, орлиный нос, шрам на левой щеке. Идеальный кандидат в преступни-

ки, по мнению полицейских. Они задерживали его десятки раз, когда он еще подростком жил в арабском квартале, в маленькой квартирке, вместе с родителями — Миньодем-старшим, местным уроженцем, и Лейлой Зерруки, обильной телом женщиной со стойкими генами, которая передала сыну внешний облик своего брата и все тонкости приготовления кускуса по-мароккански.

Именно там, зажатый между башнями Валь-д'Уаза и страстно мечтающий о побеге, Тома, сам еще не зная об этом, выбрал свое будущее предназначение: бороться с полицейским произволом, с правонарушениями, возведенными в правило, с незаконными задержаниями, побоями, провокациями. Он понимал, что порой все это необходимо для обеспечения порядка, но это не могло не вызывать у него возмущения, как у человека, находящегося по ту сторону барьера.

Этот барьер он твердо решил пересечь, и это ему удалось. Отныне он сам был грозой полицейских, и его боялись те, кто некогда отравлял ему жизнь. Он имел полное право их контролировать. Путь от арабского квартала до ГИС был абсолютно прямым... и до сего момента безупречным.

Человек, сидевший напротив него, звался Жамель Зерруки. Один из главных помощников Вдовы. И, так сказать, по совместительству — двоюродный брат Тома.

Последний был ничуть не удивлен, узнав, что его родственник занимает столь высокий пост в иерархии преступного мира: кто бы ни контролировал наркотрафик — русские, африканцы или арабы, — рядовые участники цепочки рекрутировались именно в арабском квартале. Там же хранился товар — в разветвленных тайных лабиринтах домов, подвалов, складов...

До сих пор дела и заботы семейства Зерруки не касались Тома: он занимался полицейскими, а не преступниками. Но после того как в одном из досье он обнаружил имя Жамеля — в списке наиболее доверенных лиц Вдовы, — ситуация изменилась.

— Чем обязан удовольствию тебя лицезреть? — с иронией спросил Жмель.

— У тебя неприятности.

Над столом повисла тишина. Двое мужчин какое-то время в упор смотрели друг на друга. На лице своего родственника и предполагаемого союзника Тома прочел враждебность. Он понимал, что в глазах Жамеля выглядит как минимум трижды отступником. Начать с того, что отец Тома предпочел дать сыну западное образование вместо домашнего, как полагалось бы сделать в порядочной мусульманской семье. Во-вторых, Тома стал предателем, сотрудничающим с копами (так, по крайней мере, это наверняка представлялось Жамелю). И наконец, теперь он явился с дурными вестями.

— С каких это пор ваша «маринадная инспекция» нами заинтересовалась? — спросил Жмель с небрежностью человека, хорошо осведомленного о внутренних полицейских делах.

— С тех пор, как твоя... патронесса завела знакомства среди полицейских, — ответил Тома.

В общих чертах он обрисовал родственнику ситуацию, заметив, что при упоминании имени Тевеннена брови Жамеля слегка приподнялись — стало быть, рыльце у копа и впрямь было в пушку и Вдова действительно была здесь замешана... Никаких дополнительных подробностей Тома

сообщать не стал, ограничившись лишь информацией, необходимой, чтобы приобщить кузена к делу.

Он был уверен, что рыбка заглотнула наживку, как вдруг Жамель быстро и почти незаметно взглянул по сторонам, словно его что-то спугнуло.

— Ты зачем пришел? — спросил он.

Тома пожал плечами:

— Мы с тобой не в одной лодке, но я уж точно пришел не затем, чтобы сдавать своих родственников. Ты что, решил, что у меня в кармане диктофон? Твои дела меня не касаются. И моей инспекции тоже.

— Хорошо, тогда скажи зачем. А то это похоже на подставу.

Тома немного помолчал, размышляя, как лучше изложить суть дела, не раскрывая своих истинных намерений.

— Тебе так нравится работать под башмаком у трансвестита, который раньше был шлюхой? — без обиняков спросил он.

Даже в полусумраке Тома заметил, как лицо Жамеля побагровело. На лице его читался гнев, смешанный со стыдом. Причина была понятна: даже если Вдове удалось создать разветвленную преступную сеть, действуя со всей жестокостью и непреклонностью, и купить всеобщее почтение ценою страха, то для сыновей Корана она оставалась, в лучшем случае, существом, предназначенным для греховных развлечений, в худшем — ошибкой природы. И в обоих случаях — тем, что называлось *archouta*¹.

— Вот что я тебе предлагаю, — продолжал Тома. — Ты поможешь мне прищучить Тевеннена, а я в обмен помогу

¹ Здесь: стыдоба (араб.).

тебе свалить Вдову. На какое-то время тебе придется исчезнуть, но потом ты сможешь вернуться и продолжать вести прежние дела... или заняться чем-то еще. Честная сделка.

— Считаешь меня крысой? — возмутился Зерруки.

— Я тебя считаю умным малым, который понимает свой интерес. Я предлагаю тебе дешево отделаться и выйти из этой истории невредимым. Может, даже с почестями. Если дело сорвется, тебе тем более ничего не грозит. К тому же речь идет о том, чтобы прищучить копа. С каких пор ты стал жалеть эту публику?

Жамель подозрительно взглянул на него, слегка приподняв одну бровь:

— А твой-то интерес в чем? Тебе от этого какая выгода?

Тома с трудом сдержал улыбку. Он знал, что кузен осторожен, как лис, — привычка, выработанная долгими годами уличного воспитания.

Участие в этом деле Жамеля Зерруки необходимо было Тома ради двух целей: как можно быстрее схватить Тевенена и заработать себе репутацию, достаточно хорошую, чтобы перейти из ГИС на более достойную работу.

Часто сталкиваясь с рядовыми полицейскими в ходе своих расследований, он постепенно осознал всю сложность положения этих людей, которым приходилось бороться с преступностью и в то же время постоянно ощущать на себе как минимум неприязнь или даже открытую ненависть большинства населения и СМИ. В свое время подобная ненависть привела Тома на работу в ГИС, но, оказавшись там, он вынужден был пересмотреть свое отношение, изучив ситуацию с другой стороны.

Теперь полицейский корпус вызывал у Тома Миньоля искреннее уважение — достаточное для того, чтобы стремиться стать одним из его сотрудников. И заняться настоящими преступниками.

Когда в «деле Вдовы» всплыло имя его кузена, Тома увидел в этом подходящую возможность отличиться, чтобы позднее претендовать на другую работу. Более благодарную. Более уважаемую. Более... полицейскую — борьбу с преступностью, с наркотрафиком... Орфевр, 36¹.

Он долго смотрел на двоюродного брата.

— Мой интерес в том, чтобы выиграть время, — наконец ответил он. — Хотя рано или поздно Тевеннен все равно упадет, а вместе с ним и твоя патронесса... Еще в том, чтобы мой уважаемый родич не оказался за решеткой, если у него хватит ума принять мое предложение. Ну и наконец, я хочу иметь хоть одну почетную страницу в своем досье. Как видишь, ни один из нас внакладе не останется.

Жамель Зерруки некоторое время молчал, глядя на свои сжатые кулаки. Затем вдруг резко встал и произнес одну единственную фразу:

— Я ничего не обещаю.

Однако Тома понял, что выиграл первый раунд.

7

— Ты... никуда не поедешь сегодня вечером?

Шарли задала этот вопрос почти шепотом, хотя изо всех сил старалась, чтобы голос звучал естественно. Она старалась

¹ «Набережная Орфевр, 36» — французский детективный фильм о двух полицейских, которые стремятся занять вакантное место начальника полиции.

вести себя как ни в чем не бывало, и в каком-то смысле Серж ей даже помогал: он был молчаливым, отстраненным... можно сказать, отсутствующим, даже когда находился в доме. Их разговоры после недавней сцены свелись к минимуму — Серж словно и сам понял, что на сей раз переступил черту.

По крайней мере, так было до сегодняшнего вечера. Сегодня, по какой-то непонятной причине, Серж явился домой в хорошем настроении (догадаться об этом можно было хотя бы по тому, что он два часа просидел перед телевизором без единого комментария в духе: «Ну и б...ская морда!»).

— Нет. Посижу дома, со своей любимой женушкой.

Шарли изумленно моргнула, заметив адресованную ей улыбку, и одновременно почувствовала, как вдоль позвоночника пробежала легкая дрожь.

— У тебя разве нет никаких дел? — спросила она, хотя и понимала, что это лишнее. — Я слышала, как ты только что договаривался по телефону о встрече..

— Нет. Этот вечер я проведу с тобой. И все остальные вечера тоже. Никаких больше дел. Со всем этим покончено. Сейчас мне надо будет отъехать, но всего на полчаса.

Загадочная полуулыбка. Иронический блеск в глазах.

Шарли вздрогнула. Она не понимала, что происходит. Ситуация развивалась как-то очень странно, и это ей не нравилось. Совсем не нравилось.

Неужели он что-то заподозрил?

Нет, не может быть! Она приняла все меры предосторожности — в этом Шарли была уверена. Она даже не брала машину для своих недавних разъездов, опасаясь, что Серж может проверить счетчик и удивиться, обнаружив на

нем лишние километры. В те четыре раза, что она отлучалась, Шарли садилась на автобус и отъезжала подальше от дома, а телефонные разговоры вела с городских таксофонов, расположенных на большом от чужих ушей расстоянии.

Конечно, во всех этих случаях она действовала торопливо, лихорадочно, постоянно ощущая холодок в животе, поэтому могла и не заметить слезки. Сейчас Шарли вспомнила одного подозрительного типа — темноволосого, очень бледного, с тонкими чертами лица, сидевшего за рулем припаркованного у тротуара «ауди», — его пристальный взгляд она перехватила, выходя из торгового центра с лотерейным билетом в сумочке. Что, если он следил за ней? Сейчас Шарли была в этом почти убеждена.

Она чувствовала, как в ней нарастает паника и одновременно страстное желание закурить. Незаметно выскользнув из гостиной, она отправилась на кухню, где выпила стакан ледяной воды из-под крана и после этого некоторое время неподвижно стояла перед раковиной.

Но что бы ни случилось, она должна держаться. Это их последний шанс. Если Давид угадал все верно...

(...а он, разумеется, угадал все верно!..)

...второго такого случая им не представится больше никогда.

Из гостиной, где на полную громкость был включен телевизор, донеслись какие-то крики, потом послышался тонкий голосок девочки, которая явно нервничала.

— Эй, скоро ты там? — заорал Серж, перекрывая все остальные звуки, и Шарли изо всех сил стиснула зубы и кулаки, чтобы не броситься на него с воплем: *«Ты можешь хоть раз вспомнить о том, что наверху спит ребенок?!»*

Но вряд ли это было так — разве Давид мог заснуть сегодня ночью? Наверно, он ворочается с боку на бок в постели или смотрит фильм на PSP — он думал, что ей об этом неизвестно, но ничего не скроешь от внимательного материнского взгляда... У Шарли просто не хватало духу лишить его этого удовольствия. А поскольку на школьной успеваемости это не отражалось, она предпочитала закрывать на это глаза.

Она глубоко вздохнула, разложила по вазочкам оливки и чипсы «Принглз» и плеснула в бокал щедрую порцию анисового ликера («Пусть он заснет, господи боже, сделай так, чтобы он заснул!»). Потом слегка побрызгала лицо холодной водой. И наконец, взяла поднос, привычно собравшись с силами, чтобы сдерживать дрожь в руках, от которой слегка позванивала стеклянная посуда.

Она вошла в гостиную как раз в тот момент, когда Софи Фавьер начала объявлять результаты лотереи «Евромиллион».

Шарли поставила поднос на столик, не заметив внимательного взгляда Сержа.

— Итак, выигрышные номера...

...2...7...14...17...35...

...3...6...

И наш победитель... во Франции... в департаменте Эссонн... Наш победитель, который выиграл тридцать четыре миллиона евро!..

Шарли изо всех сил старалась сохранять бесстрастный вид, но при этих словах ощутила, как ее сердце на несколько мгновений замерло, а потом заколотилось с удвоенной силой. Она судорожно слотнула слюну и сделала несколько коротких вдохов, чтобы выровнять дыхание.

Тридцать четыре миллиона! С ними можно уехать хоть на край света!.. Нанять хоть тысячу телохранителей, если потребуется!.. Изменить внешность, сделать себе другие документы, начать новую жизнь!..

Свободны, свободны, свободны!

Конечно, придется принять сотни мер предосторожности. Шарли уже звонила во «Французские лотереи», чтобы выяснить всю необходимую информацию, и знала, как получить деньги. И в банк тоже (когда в последний раз она занималась финансовыми вопросами самостоятельно?..). Осталось лишь связаться с консультантом, чтобы договориться о переводе. И выбрать место, где они с Давидом будут в полной безопасности.

Шарли подошла к двери и, уже открыв ее, на мгновение замерла на пороге комнаты. Господи!.. всего через неделю, самое позднее через две этот кошмар закончится! Она снова сможет смотреть Давиду в глаза, и...

— Отдай мне билет, Шарли.

Голос Сержа оторвал ее от просмотра захватывающего фильма, ускоренные кадры которого проносились в ее сознании. Здесь не было шикарных особняков, бассейнов и лимузинов с личными шоферами, было только одно: они с Давидом на морском пляже, смеющиеся, свободные.

Шарли обернулась, чувствуя, как снова перехватило дыхание, но все еще надеясь, что просто ослышалась. Конечно же Серж сказал... что-то другое.

— Что?..

На экране Жюльен Курбе начал свою очередную юридическую тягомотину.

— Отдай мне этот гребаный билет.

Голос Сержа был ледяным. В нем звучала спокойная уверенность человека, ни на секунду не допускавшего возражений.

Это невозможно! Только не это!

Нельзя упустить шанс, единственный шанс — убежать от него навсегда!

Шарли заморгала, чтобы рассеять темноту, внезапно ступившуюся перед глазами, словно перед этим лицо Сержа освещал прожектор, который вдруг погас.

Стараясь говорить как можно мягче и спокойнее, она произнесла:

— Серж, я не понимаю, о чем ты.

Собственный голос донесся до ее ушей откуда-то издалека, словно из глубины туннеля.

Серж с едва заметной улыбкой покачал головой:

— Все ты понимаешь, Шарли. Ты знаешь, что мне нужно. И знай, что я его получу, этот билет.

— Но... ты головой ударился... или что?.. Я не играю в лоте-рею... может быть, пару раз в году покупаю билетик, если выпадает пятница, тринадцатое... и с чего ты взял, что у меня этот выигрышный билет?

Она поднялась, чтобы собрать посуду, хотя вазочки и бокал были по-прежнему полны.

Серж слегка подался вперед своей громадной тушей и, сунув руку в карман джинсов, с усилием достал оттуда какой-то небольшой предмет. Это оказался смятый клочок бумаги, который Серж с торжествующим видом сунул прямо ей под нос.

Шарли почувствовала, что сейчас потеряет сознание.

— Узнаешь? Я нашел это у тебя в сумочке сегодня утром. Не знаю, куда ты дела билет, но вот это... здесь ведь почерк

твоего сопляка, так? — это было в боковом кармашке твоей сумочки.

Молчание.

— Ты ничего больше не скажешь?

Вазочки на подносе зазвенели друг о друга.

— С каких это пор ты роешься в моей сумочке? — едва слышно выдохнула Шарли, как будто, обвиняя его, могла спасти ситуацию... да что там ситуацию!.. свою свободу и свою жизнь.

Серж хмыкнул:

— Сколько раз ты принимала меня за идиота, Шарли? Сколько раз ты думала, что я не замечаю, как ты и твой щенок не осмеливаетесь поднять на меня глаза? Думаешь, полицейский, который допрашивал хоть одного виновного, не сумеет распознать других? Я уже давно за тобой слежу. Я всегда знал, что пригрел на груди змею, и вот сегодня утром... бинго! нашел этот клочок бумаги...

Серж помахал им, словно дразня собаку конфетой.

— К сожалению, я не сразу понял, что это такое. Номер телефона где-нибудь на краю света? Номер банковского счета? Пришлось поломать голову. Кто б мог подумать, что в таком тихом омуте и впрямь черти?.. Но я знал, что твой пацаненок способен на разные трюки... о да, мне доводилось замечать за ним очень странные вещи... так что я решил малость подождать. И кое-что проверить. И вот буквально только что меня осенило — когда пошла реклама «Звездной академии» и засюсюкала эта пигалица... Я понял, что мелкий засранец угадал правильные номера — уж не знаю каким образом, но точно угадал. К несчастью, мне уже поздно заполнять билет... но еще не поздно получить деньги, не так ли?

Звон стеклянных вазочек друг о друга стал, как показалось Шарли, оглушительно громким. Она застыла на месте, не в силах произнести ни слова. Мысли вихрем пронеслись в голове: он знает про Давида... Он знает и теперь может потребовать, чтобы тот угадывал номера билетов каждую неделю... А если у него еще будут и деньги... он станет всемогущим. Еще более могущественным, чем всегда. Неуязвимым.

«Если я отдам ему билет, мы с Давидом останемся в этом аду на всю жизнь».

Выиграть время. Только это и оставалось.

— Я не заполняла билет. Давид мне дал этот листок с цифрами, но я подумала, что это просто фантазия... Он никогда раньше ничего подобного не делал... Словом, я не стала покупать билет. Поэтому сейчас, когда я услышала, как объявляют номера... мне стало нехорошо. Я подумала, что, если ты узнаешь, что мы упустили такие деньги, ты рассердишься... но послушай, Давид сможет это повторить. Наверняка сможет! Мы попросим его об этом на следующей неделе, и...

— Шарли, Шарли... — вздохнул Серж с притворным сожалением. — Послушай, я знаю, что в последнее время у нас с тобой случались некоторые размолвки...

«Размолвки!» — мысленно воскликнула Шарли, не зная, смеяться или плакать.

— ...но это потому, что на меня слишком много всего свалилось за последние недели. Работа и еще всякое-разное... Но это все изменится, поверь мне, если у нас будут деньги. Мы уедем отсюда, купим красивый дом где-нибудь на берегу моря и будем жить припеваючи. Начнем все сначала. Ты согласна, детка?

Невероятно, но на краткий миг Шарли ощутила к нему почти нежность — и ужаснулась сама себе. Она ведь знала все его приемы: это показное смирение было одной из самых частых его уловок. Вначале она несколько раз на это попадалась — а ведь тогда было еще не поздно от него сбежать. Все эти покаяния, просьбы о прощении, букеты цветов... Но это всегда было *после* побоев и других унижений. Никогда не *до* того. Она постоянно ощущала себя заблудившейся в джунглях, где никогда не знаешь, с чем столкнешься в следующий миг.

Серж взглянул на свои наручные часы, и этот неожиданный жест вывел Шарли из оцепенения:

— У меня нет билета, Серж. Извини, но ты зря на это надеялся.

И вышла из гостиной с подносом в руках.

Она была уже на кухне, как вдруг ее голову резко запрокинули назад. Поднос выскользнул у нее из рук, и вазочки с оглушительным звоном разбились, усеяв пол осколками, оливками и чипсами.

— Отдай мне этот чертов билет, Шарли! Ты что, не понимаешь? Это вопрос жизни и смерти, слышишь, сука? Жизни и смерти! Я тебя прикончу, если понадобится, и клянусь тебе, что буду делать это долго... очень долго! Но рано или поздно ты мне его отдашь!

— У меня его нет! Нет! — закричала она.

Серж резко выпустил ее, и это вызвало новый шквал боли в затылке.

— Билет! Отдай мне этот гребанный билет!

— Я же тебе сказала: у меня нет никакого билета!

Несколько секунд они стояли лицом к лицу, не говоря ни слова. Шарли увидела, что маска спокойствия полностью ис-

чезла с лица Сержа: зверь вырвался на свободу. В его глазах вспыхнул так хорошо знакомый ей жестокий блеск.

— Хочешь, чтобы я попросил... у Давида? — промурлыкал зверь, особым тоном произнеся это имя, которого прежде никогда не произносил. — Может быть, билет и впрямь у него? Может быть, он окажется не таким идиотом, как его шлюха-мамаша?

Молчание.

— Пожалуй, я сейчас поднимусь наверх и спрошу его, что он об этом думает. Да, теперь я почти уверен, что билет у него.

(ТОЛЬКО НЕ ЭТО!)

Зверь уже сделал несколько шагов к лестнице, ведущей на второй этаж, когда Шарли закричала:

— Нет!

Зверь остановился, потом повернул назад.

Шарли и зверь вновь стояли рядом, глаза в глаза. Шарли пыталась не отводить взгляда, чтобы прочитать по глазам зверя, что у него на душе; то, что она увидела, заставило ее оледенеть. Зверь не отказался от своих намерений. Если он переступит черту, если он тронет Давида — а ради тридцати четырех миллионов он это сделает, — рука у нее не дрогнет.

Выхода нет... нет... нет!..

Сердце бешено колотилось, тело было парализовано паникой. Перед глазами проносились беспорядочные образы прошлого, которые она едва могла разглядеть сквозь мельтешиющие черные точки: надежда и обещания во взгляде зверя после их первой ночи; букет полевых цветов — пустяк, но это были первые цветы, подаренные ей за долгое время, — и фраза «Я тебя не оставляю»; первая пощечина — полгода

спустя, когда зверь явился домой в пять утра, пьяный, проиграв все деньги в покер; секс, больше похожий на изнасилования; ее собственная тошнота, когда он кончал ей на лицо, потому что зверь не видел разницы между женщиной и самкой, между женой и шлюхой...

Потом картины замелькали с такой быстротой, что Шарли уже почти не могла их разглядеть. Она почувствовала, что углубляется в какой-то бесконечный коридор, во временной провал, где сначала оказалась в объятиях отца Давида, потом — в тесной комнатке, куда ее заперла мать... *«Ты должна пройти курс лечения до конца, Анн Шарль, потому что ты токсикоманка, и это единственный способ избавиться от зависимости, ты понимаешь? Я знаю, что это очень тяжело, но... врачи знают, что делают, это лучшие специалисты...»* — за этим последовало безумное бегство вместе с отцом ребенка, которого она уже тогда носила... и другая комната с белыми стенами, где она впервые взяла на руки своего сына — крошечное розовое создание с огромными глазами, словно вбирающими в себя все вокруг... Затем все окончательно смешалось (*...отдай мне билет!.. в ад на всю жизнь... он доберется до Давида...*), и в глазах у Шарли потемнело. Точнее, покраснело — на мгновение все заволочилось красной пеленой. Потом внутри у нее словно переключили какой-то рычажок — она вдруг стала очень спокойной и уже не думала о том, что делать — все происходило как бы на автопилоте. У Шарли было ощущение, что она отделилась от собственного тела и ушла в какое-то астральное путешествие.

Словно со стороны она услышала свой голос, который спокойно произнес: «Хорошо, сейчас я тебе отдам этот билет».

Потом увидела себя, идущей к раковине, и зверя, следующего за ней по пятам. Она отрешенно наблюдала за собой, открывающей шкафчик под раковиной, достающей мусорное ведро, роющейся в нем среди очисток и оберток, и в то же время думала, что, если бы зверь сейчас мог видеть ее глаза, он бы обо всем догадался. Думала, что полностью утратила самоконтроль и собирается совершить непоправимое. Напоследок промелькнула мысль: *странно, я ничего не чувствую...*

Откуда-то издалека: то ли из нескончаемого коридора, то ли с неба, то ли из глубин ее собственной души,— словом, из самых недр того места, где она сейчас находилась, — Шарли услышала медленный тягучий голос, словно со старой магнитофонной пленки, которую вдруг заело: «Идеаааальный столоооооовый набооооор „Месьеееее Прууууупр“.....»

...выбора нет...

Шарли крепко ухватила рукоятку ножа для резки мяса, хранившегося в специальном футляре под раковиной, — слишком большого, чтобы поместиться в выдвижном ящике стола, и слишком опасного, чтобы постоянно держать его возле разделочной доски, на виду у зверя. Затем на мгновение замерла, считая про себя: «Раз... два...»

— Три! — выкрикнула она, резко распрямляясь.

8

Тома Миньоль положил бинокль на приборную доску своей машины. 23:19. Еще несколько минут — и появится реальная возможность застукать Сержа Тевеннена в момент оче-

редной преступной сделки. Тома буквально дрожал от нетерпения.

— Вроде бы он уже должен был позвонить?

Миньоль повернул голову к сидевшей на пассажирском сиденье Орели Дюбар, новой стажерке ГИС. Стройная блондинка с голливудской внешностью, очень амбициозная. Тома уже успел убедиться, что ума этой Барби не занимать. Она была дочерью весьма уважаемого в своих кругах полицейского и по какой-то непонятной причине — возможно, соревнуясь с отцом — буквально рыла носом землю, когда представлялась возможность вывести на чистую воду кого-то из нечестных коллег. Интересный случай для психоаналитика и заодно хорошая иллюстрация для какого-нибудь американского пособия на тему: «Как преуспеть в жизни благодаря собственным комплексам».

Кроме того, она всегда носила отлично сшитые черные костюмы и черные очки в фэбээровском стиле — словом, смотреть на нее было гораздо приятнее, чем на любого другого сотрудника. Такой богатый набор достоинств побудил Тома включить ее в свою группу, чьей задачей была поимка Тевеннена.

— Источник назвал мне время 23:30. Именно тогда, по уговору, Тевеннен должен позвонить Вдове и назначить ей встречу для передачи денег. Кажется, он по уши в дерьме, так что не заставит себя ждать. — Последние слова Тома произнес с ноткой невольного злорадства в голосе.

Орели кивнула, задумчиво посасывая пластмассовую соломинку, торчащую из баночки кока-колы, и глядя куда-то вдалеку сквозь лобовое стекло — возможно, на вто-

рую машину, в которой сидели еще двое их коллег, Марион и Коньо.

— Я знаю, что тебе не очень хочется делиться информацией, но в этом деле есть две-три детали, которые мне непонятны. С чего вдруг он задолжал Вдове столько денег?

— Тебе это так важно?

— Это могло бы дать мне хоть какой-то стимул к работе. А то пока мы здесь торчим, я чувствую себя новичком-патрульным.

Тома улыбнулся.

Последние четыре дня он ждал звонка от Жамеля. За эти дни он подобрал себе команду: двух надежных парней и Орели Дюбар, — хотя занимался этим скорее не для пущей эффективности работы, а для того, чтобы отвлечься от ожидания. Заодно изучил отчеты наблюдателей, следящих за всеми перемещениями и контактами Тевеннена. Тома вынужден был признать, что этого типа нелегко будет припереть к стене: за исключением внешних примет богатства, о которых стало известно благодаря анонимному доносу, присланному в ГИС, ничто не свидетельствовало о его причастности к каким-либо преступным махинациям.

Он коротко обрисовал Орели ситуацию на основании сведений, полученных от Жамеля Зерруки.

— Несколько лет Тевеннен довольствовался крохами со стола Вдовы, поставляя ей разную мелкую информацию, — сообщил ему кузен. — Но в последние года два у него, видно, разгорелся аппетит. Понемногу он стал втягиваться в ее дела — не то чтобы поставлять более серьезные сведения, но помогать с продажей и хранением наркотиков, снабжать нужными контактами и прочее в том же духе.

Пару месяцев назад он занял у нее деньги. Приличную сумму. Наверняка проигрался в карты или захотел приобрести какую-то шикарную вещь... Взамен предложил помочь с доставкой очередной партии белого. Но дело провалилось из-за паршивой подготовки, за которую отвечал Тевеннен. В результате Вдова потеряла ценный груз и двоих помощников. Ее саму едва не схватили. Так что теперь Тевеннен должен ей не только то, что занимал, но еще и стоимость груза.

— Но ты ведь не думаешь, что это она отправила нам анонимный донос на него?

— Нет. Она не стала бы вмешиваться в это напрямую. Ее подручные держат Тевеннена за яйца, но молча. — При этих словах Орели улыбнулась. — Однако она точно не простит ему ни долга, ни накладки с грузом. Она очень злопамятна.

— И что твой источник?..

— Позвонил мне около часа назад и сообщил, что Тевеннен связался с Вдовой и назначил ей встречу сегодня вечером, уверяя, что раздобудет деньги. Точнее, пообещал предъявить доказательство, что деньги будут у него через несколько дней...

Орели Дюбар недоверчиво хмыкнула — точно так же, как и сам Тома, когда услышал от Жамеля об этом загадочном обещании.

— Доказательство, что деньги будут у него через несколько дней... — повторила стажерка. — И что это значит? Что он собирается ей принести? Выписку с банковского счета? Разве нельзя подождать несколько дней и передать наличные? Может, это какая-то ловушка?

— Я сначала тоже так подумал. Но, скорее всего, нет. Уж не знаю, откуда он собирается достать эти деньги, но если

он так засуетился, это лишнее подтверждение того, что с Вдовой шутки плохи.

— То есть?..

— Возможно, она угрожала ему чем-то гораздо худшим, чем разоблачение. И дала понять, что не будет медлить с приведением этой угрозы в действие.

Орели ничего не ответила. Тома взглянул на часы: 23:26.

Его коллега взяла бинокль и направила окуляры на витрину ресторана, за которым они наблюдали:

— Твой человек там, вместе с ней? Это кто-то из ее доверенных лиц?

— Типа того...

Орели отложила бинокль.

— С каких это пор сотрудники ГИС контактируют с гангстерами? — спросила она нарочито небрежным тоном, снова поднося к губам пластмассовую соломинку.

Про себя Тома улыбнулся — Орели была слишком самолюбива, чтобы выполнять приказы, не зная всех деталей дела.

— Как тебе известно, все дела с наркотиками проворачиваются в арабском квартале...

Орели кивнула, как примерная школьница.

— А я там вырос, — продолжал он, устремляя на нее пристальный взгляд черных глаз, обжигающих, как марокканское солнце. — И еще не растерял все связи. Иногда они оказываются полезными.

— А твой человек не боится, что его арестуют за компанию с Вдовой?

23:32. Тома предпочел промолчать, слегка раздраженный хорошими детективными способностями коллеги.

23:36. Он начал слегка нервничать. Тевеннен не стал бы давать Вдове обещания, если бы не был твердо уверен, что сумеет его сдержать. Вдова была слишком опасна. Множество раз пролистав личное дело Тевеннена, Тома пришел к выводу, что тот был хорошим копом — хитрым, осторожным, энергичным. И, само собой, неукоснительно соблюдающим все правила, принятые в его окружении.

Возможно, у него был какой-то тайный план.

А что, если он собирается сбежать? — внезапно пришло в голову Тома. И просто хочет выиграть немного времени, чтобы усыпить бдительность Вдовы?

А что, если Жамель сообщил неверную информацию?..

А что, если Вдове стало известно о его сотрудничестве с ГИС и она собирается его разоблачить?..

23:42. Или просто запоздание?

Дверь ресторана распахнулась. Тома схватил бинокль, лежащий на коленях Орели.

Перед ним промелькнул женский силуэт, увенчанный копной ярко-рыжих волос. Женщина подняла воротник шикарного пальто, закрывая лицо, словно кинозвезда, прячущаяся от папарацци, и быстро направилась к стоящему у тротуара «мерседесу». Несколько секунд спустя из ресторана вышел мужчина. Тома узнал Жамеля. Кузен казался озабоченным. Он быстро взглянул по сторонам и направился к машине, в которой незадолго до того скрылась Вдова.

Этого не должно было быть. Жамель никогда не стал бы так светиться!

— Что будем делать? — спросила Орели.

Тома заколебался. Слежка в темноте — дело трудное. К тому же ему не хотелось действовать наобум, без подго-

товки, — по натуре он был собранным и методичным, и такой образ действий ему претил. Но разве можно упускать Тевеннена, если тот подтвердил свое предложение о встрече с Вдовой?..

Может быть, у Жамеля просто не было возможности позвонить?..

Машина, в которой находились Марион и Коньо, стояла в двух сотнях метров впереди. Что ж, при наличии двух автомобилей у его группы есть шанс не упустить Тевеннена.

Тома бросил бинокль на заднее сиденье и объявил напарнице:

— Едем за ними. Предупреди наших. Посмотрим, куда направляется эта теплая компания...

«Мерседес» тронулся с места.

9

Сколько времени Шарли простояла неподвижно посреди кухни? Она не знала. Позже, мысленно восстанавливая последовательность событий, она решила, что всего несколько минут. Полностью оцепеневшая, ничего не сознающая, хотя по-прежнему стояла на ногах и смотрела перед собой широко открытыми глазами. Рядом с телом человека, с которым в течение семи лет делила ложе, теперь плавающим в луже крови — густой, липкой, вязкой, — с двадцатисантиметровым лезвием, вонзенным прямо в сердце.

«...Я стою прямо в крови... у меня подошвы в крови... мои подошвы в крови...»

Она повторила себе это десять, двадцать раз, глядя на свои домашние шлепанцы, пропитанные кровью, пока наконец не решилась признать истину:

«Я убила Сержа».

При мысли об этом к горлу резко подступила тошнота, и Шарли едва успела повернуться к раковине, прежде чем ее вырвало.

Затем она умылась ледяной водой. Движения ее были совершенно механическими, мозг был по-прежнему заблокирован одной-единственной мыслью: *Я убила Сержа... Я убийца...* Шарли поднесла ко рту ладонь, чтобы сдержать рвущийся наружу крик. *Что же теперь делать? А Давид?..*

Вдруг она поняла: вот почему Давид в последние дни был таким мрачным и отстраненным. Вот почему он стоял тогда в коридоре, с видом сомнамбулы, прежде чем отдать ей листок с цифрами: он знал.

Скорее всего, он не мог предвидеть весь грядущий ужас, но чувствовал, что вскоре произойдет что-то трагическое. И все же он отдал ей листок, потому что у него не было выбора. Либо это, либо медленная смерть рядом с Сержем.

Мысль о сыне наконец-то вернула ее к реальности.

Что теперь с ними будет?

Она почувствовала, как ее захлестывает отчаяние. Из глаз заструились слезы. Идиотка. Еще будет время поплакать, покричать и забыться. Сейчас нужно сделать все ради блага Давида.

Шарли закрыла кран, вытерла лицо рукавом и обежала глазами кухню — на чем бы сосредоточиться, чтобы не смотреть на труп? Потом с гримасой отвращения сбросила шлепанцы — невозможно, совершенно невозможно ходить

с перепачканными в крови подошвами, чувствуя, как кровь хлюпает при каждом шаге, — и направилась к выходу, осторожно обходя усеявшие весь пол стеклянные осколки.

Выйдя из кухни, она закрыла дверь и сказала себе: я никогда больше не смогу туда войти! Внезапно все ее тело охватила лихорадочная дрожь. Шарли вошла в гостиную, рухнула на диван и сжалась в комок, чтобы немного согреться. Потом, заметив стоявшую на низком столике бутылку скотча, схватила ее и поднесла к губам.

Напиток обжег ей горло и заставил ее окончательно прийти в себя. Еще не избавившись от шока, но уже довольно ясно соображая, она сидела у себя в гостиной (нет, *просто* в гостиной: она никогда не чувствовала себя дома — ни здесь, ни где бы то ни было), глядя на экран телевизора, где Жюльен Курбе и мэтр Ноашович по телефону угрожали кому-то наихудшими карами, и одновременно различая боковым зрением все предметы, вплоть до самых мелких безделушек, которые за последние годы вообще перестала замечать, — с удивительной, пугающей четкостью, словно человек, очнувшийся после долгого тяжелого сна.

Позвонить в полицию. Сдаться добровольно. Это единственный выход. По крайней мере, другого она сейчас не видела.

Шарли отключила звук телевизора, взяла телефон, сняла трубку... снова положила. Потом опять сняла. Нажала 1. Затем ее указательный палец замер, едва коснувшись клавиши с цифрой 7.

Разве можно представить себя произносящей такие простые и безнадежные слова: «Я убила своего сожителя. Приезжайте...»??

Что будет потом? Конечно, заведут дело, может быть, даже предоставят адвоката, который будет говорить о смягчающих обстоятельствах, о самозащите...

Какого вам еще адвоката, мадам? Какие смягчающие обстоятельства? Позвольте вам напомнить, что Серж Тевеннен был очень уважаемым полицейским, хорошим профессионалом, любимым своими коллегами и начальством. Вы убили ПОЛИЦЕЙСКОГО, мадам. Который раньше никогда не привлекался за пьянство или домашнее насилие. И надо же, какое совпадение: вы убили его именно в тот день, когда выиграли в лотерею тридцать четыре миллиона евро. О чем тут вообще говорить? Помилуйте, какая самозащита?.. Ради тридцати четырех миллионов евро и не на такое пойдешь...

Эти деньги ни в коем случае нельзя потерять. Не ради себя — ради Давида. Если начнется расследование, ее разлучат с сыном. Пусть даже на время, которое потребуется, чтобы доказать ее невиновность...

(Невиновность?)

...но все равно ему нужны будут деньги, пока он будет один...

(А ты знаешь, что его отправят в приемную семью?)

(А ты знаешь, что пройдут, может быть, все двадцать лет, прежде чем ты снова его увидишь?)

(А ты понимаешь, что в приемной семье могут заметить его... особенности?)

Шарли поставила телефон на место.

Нет, нельзя звонить копам. Слишком большой риск. Слишком много незнакомых людей. В лучшем случае она останется в тюрьме до суда — какой судья согласится выпу-

стить под залог убийцу полицейского? Значит, Давид будет обречен провести два-три года пусть не в аду, но в чистилище: в приемной семье, или в детском приюте, или еще в каком-то подобном месте, о котором ей даже не хотелось думать.

А в худшем... в худшем они раскопают все факты из ее прошлого, обстоятельства ее знакомства с Сержем, ее имена в многочисленных поддельных документах... И тогда самое худшее — пожизненное заключение.

У Шарли закружилась голова. Ей казалось, что она неудержимо соскальзывает вниз по какому-то бесконечному спуску.

Бежать?

Спуск внезапно прекратился. Она замерла.

Бежать. Снова. Скрыться, исчезнуть. В третий раз. В сущности, уже привычное дело... На этой неделе она почти неосознанно сделала некоторые приготовления к такому повороту событий. Правда, теперь появились два новых обстоятельства: во-первых, Давид был уже не младенцем (что скорее усложняло ситуацию) и, во-вторых, теперь у них были тридцать четыре миллиона евро. Значит, все же придется скрываться где-нибудь на краю света, затерявшись в многолюдности солнечного морского пляжа, о чем она мечтала столько времени, — но скрываться не от Сержа, как она раньше думала, а от его коллег, от правосудия, от ужасов судебного процесса, от тайных подробностей своей жизни, вытасненных на божий свет, от тюрьмы, от разлуки с сыном — может быть, навсегда... Но сейчас не имело значения, от кого и от чего бежать, ясно было одно: нужно действовать быстро.

Да, твердо сказала себе Шарли: уезжать, сейчас же, немедленно!

Другого выхода нет. Позднее будет время подумать... «обо всем об этом» — она непроизвольно состроила гримасу, поскольку в самом уголке сознания тихий голосок сформулировал «это» точнее: *Ты убила человека и сейчас думаешь только о том, как бы спасти свою шкуру.*

Но инстинкт выживания — и спасения сына — побудил ее отместить эти слова в сторону. Она поднялась и, несмотря на то что ноги по-прежнему подкашивались, отправилась вверх, по пути лихорадочно думая о том, как объяснить Давиду необходимость срочного отъезда.

Итак, через несколько минут, самое большое через полчаса Анн Шарль и Давид Жермон исчезнут в очередной раз.

10

В другое время Клео ди Паскуале наверняка позволила бы себе немного подремать, убаюканная мягким покачиванием рассекающего ночь «мерседеса». Ей нравилось смотреть сквозь стекло на звезды, рассеянно мечтая о тропической жаре, о признании в любви под летним дождем, о ребенке, которого у нее никогда не будет... Ей также нравились хорошие машины — те, что способны увезти вас далеко-далеко отсюда, куда-то в другой мир... потому что там всегда лучше, чем здесь: там будет новая жизнь, новая личность, новые возможности... Да, ехать ночью в машине мощностью в пятьдесят лошадиных сил, погрузившись в мягкое кресло, так хорошо пахнущее кожей, и чувствовать себя полностью защищенной от мира, оставшегося за тонированными стеклами, на которых иногда задерживаются чужие взгляды, — это было одно из маленьких удовольствий, напоминающих,

что жизнь стоит того, чтобы за нее цепляться, что она может в любой момент подарить вам проблеск надежды, или миг забвения, или несколько секунд мечты... И часто, когда она вот так сидела на заднем сиденье машины, подняв воротник и скрестив длинные стройные ноги, Клео думала о том, что, в сущности, она стала тем, чем всегда мечтала стать: надежно охраняемой суперзвездой.

Но только не в этот вечер.

Сегодня Вдова замечала лишь нескончаемую утомительную череду развязок и объездных автострад, ведущих в мрачные унылые предместья с типовыми бетонными домиками, то есть в гораздо худшие, по ее мнению, места, чем Ла Габана Бъеха, с ее грязными кривыми улочками, или любой другой из нищих кварталов кубинской столицы.

В этот вечер Клео одолевали те неконтролируемые вспышки гнева, от которых уголки глаз оттягивало к вискам и сводило судорогой нижнюю челюсть — этот тик появился после пластической операции, в результате которой она избавилась от всех резких лицевых черт, потому что ей хотелось, чтобы овал лица был нежным и мягким. И как всякий раз в таких случаях, к ней приходили воспоминания о том периоде жизни, который был сплошным нескончаемым оскорблением.

Сегодня вечером Клео почти непрерывно повторяла про себя, как заклинание: «Тевеннен издевается надо мной». Этого она никогда никому не прощала — это был главный пункт того кодекса правил, которым она руководствовалась в жизни с самого детства.

Она очень хорошо помнила самый первый случай подобной непочтительности. Ей было двенадцать лет, и ее тело,

так же как ее чувства, начинало выходить из-под контроля. Очаровательный ребенок, которого мать баловала и обожала, стал пленником своего изменившегося, уродливого тела, своих эмоций, подогреваемых бушевавшими гормонами и безумными сексуальными фантазиями, и своего сознания, разрывавшегося между *он* и *она*.

Того мальчишку звали Эдисон. Четырнадцать лет, золотисто-белокурая копна волос, почти столь же густая светлая поросль, тянувшаяся от верхней кромки шорт до пупка, горделивая белозубая улыбка и та беспечность, которая по-настоящему проявляется лишь у жителей латиноамериканских стран, где непредсказуемость стала нормой жизни, — на Кубе, в Бразилии, в Венесуэле... Клео — тогда еще Кеннеди — сходила по нему с ума. Ее первая любовь. Ее первое убийство.

Эдисон постоянно издевался над ней, буквально изводил ее — повсюду, где только встречал: в школе, на улице, на пляже... «*Vaya chica, churamela, puta de marrica, negrita, negrita, NEGRITA!*»¹ Это продолжалось месяцами. И месяцами она лелеяла будущую месть, месяцами обещала себе: он будет моим.

Она не ошиблась. Уже тогда Клео понимала, что секс — всепокрушающее оружие, если уметь им пользоваться. Она подкараулила Эдисона однажды поздним вечером, когда он возвращался домой — вопреки обыкновению, один, без своей обычной банды подростков-мулатов, которыми командовал с врожденной самоуверенностью альфа-самца. Инстинкт шепнул ей: сейчас или никогда.

Видя, как он приближается, Клео, вместо того чтобы привычно развернуться и убежать, замедлила шаги. Затем гор-

¹ Ну, давай-ка, крошка, отсоси мне, черненькая! (*исп.*)

деливо прошла мимо него, покачивая бедрами, как заправская малолетняя шлюха. Ее длинные смуглые ноги были полностью открыты, а короткие обтягивающие шорты скорее выставляли напоказ, чем скрывали, великолепные очертания того из немногих достоинств, которыми природа ее наделила: ее задницы.

Эдисон без единого слова проследил за ней взглядом, и она вздрогнула, ощутив, как по всему ее телу прокатилась волна желания.

Не оборачиваясь, она углубилась в лабиринт темных улочек. Он не мог усомниться в ее намерениях: он знал, что она живет не здесь, как знал и то, что даже на Кубе двенадцатилетние девочки не гуляют среди ночи по подозрительным городским кварталам. Во всяком случае, девочки из приличных семей.

Она сама выбрала место: полузаброшенный городской парк, пропахший кошачьей мочой. Она пробралась туда, и Эдисон присоединился к ней минутой позже. Все произошло быстро, буквально за минуту, — без единого слова, без единой ласки. Но и сейчас, тридцать лет спустя, она хранила волнующее воспоминание о тех мгновениях, когда стискивала его бедра своими, пока он изливал в нее свое семя. Каждый раз, заново воскрешая в памяти те ощущения, она испытывала легкую ностальгию.

Потом он встал, застегнул шорты и повернулся к ней спиной, собираясь уходить. Даже, кажется, убежать...

У нее едва хватило времени найти подходящий камень, достаточно тяжелый и острый, который она, собрав все силы, обрушила ему на затылок — без единого колебания, сожаления или укола тревоги. И даже без настоящего удо-

вольствия. Она просто повиновалась необходимости. И чтобы не допустить даже малейшей возможности разоблачения (хотя такая предусмотрительность была, мягко говоря, запоздалой после того безрассудства, которое она проявляла до сих пор), она нанесла еще несколько ударов, пока не почувствовала, как хрустнули кости и брызнул наружу мозг.

И вот теперь, тридцать лет спустя, Клео ди Паскуале сидела в мягком кожаном кресле своего «мерседеса», охваченная смешанным чувством гнева и ностальгии — в последнее время такое состояние возникало довольно часто и внезапно: очевидно, давал о себе знать сорокалетний рубеж. Автомобиль быстро и бесшумно проносился по улицам унылых предместий, наводивших на мысли о погребенных заживо домохозяйках.

Все это из-за Тевеннена. Из-за того, что он обошелся с ней столь непочтительно. Она решила не медлить с ответным ударом и назначила ему встречу у него дома, в присутствии его жены и сына, — чтобы он как следует уяснил, что этот разговор будет последним. Чтобы понял: Кеннеди-Клео не из тех, кто позволяет смеяться над собой. Даже арабы — хотя для них она сама по себе была ходячим оскорблением, — даже арабы это поняли. Она сумела усмирить всех эдисонов мира. И Тевеннену, этому здоровенному вонючему копу, тоже придется склониться перед ней. Или сдохнуть.

— Далеко еще? — негромко спросила она.

— Минут двадцать, мадам, — откликнулся с переднего сиденья Жамель.

Она машинально кивнула и снова повернулась к стеклу, пытаясь отвлечься от своих мыслей и от мировых новостей, которые только что начали передавать по радио. Это ее не касалось — по сути, она никогда не жила в этом мире.

— ...а также напоминаем вам, что в этот вечер будет объявлен победитель лотереи «Евромиллион» — он получит кругленькую сумму в тридцать четыре миллиона евро!..

Тридцать четыре миллиона, подумала Клео. Этого хватит, чтобы наконец отойти от дел — такая мысль в последнее время все чаще приходила ей в голову, потому что она устала от... всего этого. Взбираться наверх — это ежедневное, ежеминутное испытание; но удерживаться наверху труднее всего, потому что все кругом только и ждут твоего падения: полицейские, конкуренты и даже собственные подчиненные... Скоро ей должно было исполниться сорок два, ее тело начинало понемногу дряхлеть и в любой момент могло снова, как в отрочестве, перестать ей подчиняться, лишив ее поддержки покровителей, которой она некогда с таким трудом добилась, неумолимо работая чреслами, и благодаря которой смогла подняться к вершинам власти, обходя все ловушки, расставленные на ее пути.

Тридцать четыре миллиона. Этого хватит на операцию, которая наконец внесет полную ясность в ее самоощущение: теперь ей больше не понадобится этот отвратительный отросток, сделавший из нее могущественное существо, одно из тех, кто тайно правит Парижем... Да, хватит и на операцию, и на то, чтобы провести остаток своих дней в совершенно другом, светлом мире, в другой жизни — прекрасной и настоящей, в другом теле — нежном золотисто-шелковом

убежище... Может быть, она даже встретит мужчину, который будет обнимать ее, шепча ей на ухо нежные слова, и никогда ничего не узнает о ее прошлом, о ее истории, о ее истинной натуре... Эта мечта становилась все ближе, хотя по-прежнему оставалась недостижимой. Необходимо было еще несколько миллионов, чтобы завершить собирать тот золотой запас, который она полагала необходимым для достойного существования в старости.

Да... тридцать четыре миллиона... новая жизнь, новая личность, новые возможности...

Можно позволить себе немного помечтать...

11

Давид сидел у себя в комнате на кровати. Полностью одетый. Готовый к отъезду. У его ног стояла небольшая спортивная сумка. Четверть часа назад он наспех затолкал туда джинсы, кроссовки, толстый свитер, пару футболок, а также PSP, два диска с фильмами и один — с видеоигрой (их принес ему Тео Богран как раз сегодня утром, и теперь Давид испытывал слабые угрызения совести, поскольку не знал, когда сможет их вернуть своему единственному школьному приятелю; заодно он с сожалением думал о том, что теперь отметки Тео резко ухудшатся, и вряд ли кто-нибудь во всей школе сможет объяснить этот феномен). Рядом с ними втиснулся последний том «Гарри Поттера», в который были вложены две фотографии — единственные, где Давид был вместе с матерью, и оба смеялись. Когда тебе девять лет, вся твоя жизнь легко помещается в сумке «Адидас»... особенно если все самое важное хранится в твоей не совсем обычной памяти.

Он забыл положить в сумку носки и зубную щетку, а может быть, и еще что-то, но сейчас он не мог думать связно. Наоборот, он нарочно старался отвлечься на всякие незначительные мысли, потому что это помогало ему сохранять самообладание — например, он думал о грядущем падении успеваемости Тео Бограна или о том, брать или не брать с собой игрушечного Джи Ай Джо.

Он не знал, что недавно произошло внизу. И у него не было никакого — ни малейшего! — желания об этом узнать. Может быть, если бы он сосредоточился, «воспоминание» об этом пришло бы к нему. Но Давид отказался от такой возможности. Повседневная жизнь в доме Сержа была ужасна, но внезапный переход к чему-то неизвестному страшил его еще сильнее.

Было уже не слышно телевизора — кто-то его выключил или убавил звук. Стояла абсолютная тишина. Даже с улицы не доносилось ни малейшего шума. Весь квартал как будто вымер. Давид терпеливо ждал, когда распахнется дверь и мама скажет: *Давид... нам нужно...*

— ...скорее уезжать! Быстрее, дорогой, собери свои вещи, и...

Он повернул голову к матери, которая только что распахнула дверь и торопливо вошла в комнату.

На несколько секунд она замерла, изумленно глядя на сумку, стоявшую у ног сына, как будто не до конца понимая, что это означает. Потом бросилась к нему и судорожно стиснула в объятиях, с трудом произнося сквозь рыдания:

— О!.. Господи боже мой, Давид, Давид... Мне так жаль... так жаль, радость моя... мне правда жаль, что так случилось... это я виновата... это я во всем виновата!..

И тут он понял: тело, которое он мельком видел в «воспоминании», укрытое пропитанной кровью простыней, — это тело... это труп...

Страх, который до этого момента тлел в его душе, вдруг разом взорвался, охватив все его существо.

Давид почувствовал, как из его горла вырываются неудержимые рыдания, вызванные ужасом от того, что мама в таком состоянии, и одновременно от того, что недавно произошло... Никогда раньше, даже в худшие моменты жизни с Сержем, он не видел на ее лице такого отчаяния.

— Это я виновата!.. — повторяла она, и Давид не знал, что ей ответить. Уж если кто в этом доме был виноват меньше всех, так это она, думал он, но не мог произнести ни слова — даже те немногие слова, что приходили ему в голову, намертво застредали в горле. Он понимал только одно: мама в таком состоянии не может ничего сделать, и ему нужно взять ситуацию в свои руки.

К тому же надо было спешить. Он не знал почему, знал только, что они *должны* уехать отсюда как можно скорее. Так он это видел.

Давид с трудом подавил рыдания и произнес:

— Надо ехать, мам.

Шарли еще сильнее стиснула его в объятиях, словно отпустить сына означало немедленно погибнуть.

— Не плачь... — пробормотал он. — Надо уезжать, правда.

Шарли в последний раз всхлипнула и провела по его волосам дрожащей рукой.

— Да, радость моя, ты прав... — с трудом произнесла она. — Я... я уже приготовила вещи, и...

Она поднялась и взяла сына за руку, но почти сразу же отпустила. Ее движения выглядели неуверенными и плохо скоординированными.

— Что у тебя в сумке? — вдруг спросила она, когда они уже спускались по лестнице.

Давид коротко перечислил все собранные вещи.

— А носки?..

Он удивленно моргнул. В этой ситуации вопрос казался до смешного неуместным.

— Нет...

Шарли вернулась в комнату сына, открыла шкаф, беспорядочно поворошила вещи и почти наугад взяла в охапку какие-то из них. Потом затолкала в сумку, которую Давид заранее открыл.

— У нас пока очень мало денег, — пробормотала Шарли, словно говоря сама с собой. — Поэтому надо взять побольше вещей... Если бы только я знала код этого чертова сейфа!..

Они спустились на первый этаж. Распахнутый чемодан Шарли стоял в прихожей. На кресле рядом с ним лежала груда курток, шарфов, перчаток — все это должно было защитить их от смертельного (как ей отчего-то представлялось) холода, который ждал за порогом... Но Давид не обратил на эти вещи никакого внимания — он неотрывно смотрел на кровавые следы, тянувшиеся со стороны кухни. Отпечатки... ног.

Мама наступила в кровь! В кровь Сержа!

Против его воли эта сцена отчетливо возникла в его сознании — но на сей раз это было не «воспоминание», не «видение», а просто результат разгоряченного воображения.

Он с силой зажмурился и встряхнул головой, чтобы избавиться от нее. Он не хотел видеть, как мама... это сделала.

— Я знаю код, — тихо произнес он.

Шарли обернулась к нему:

— Что ты сказал?

— Код сейфа... я его знаю. Если только он не поменялся с тех пор, как я его видел...

— А... а когда ты его видел?

Давиду было тогда около пяти лет. Он прекрасно все запомнил. Сейф стоял в гараже, в самом углу, за верстаком. «Это из предосторожности, — объяснил Серж. — Самые ценные вещи надо прятать в самом грязном закутке дома...» Давид застал отчима в гараже почти случайно. В те времена он уже начал понимать, что «мамин муж» — очень плохой, очень злой человек. Серж внушал ему страх и одновременно словно завораживал: часто Давид тайком следил за ним, с притворно-рассеянным видом бродя по дому, — просто чтобы узнать, что тот собирается делать... точнее, не собирается ли причинить маме вреда.

В тот день Давид незаметно проскользнул в гараж. Поскольку в те времена у Сержа еще не было ни мощного джипа, ни белого мотоцикла, напоминавшего средство передвижения из какого-то фантастического фильма, ничто не загоразживало сейф и кодовый замок, и Давид разглядел, какие цифры набирает отчим. Давид запомнил их, даже не задумываясь, что они означают.

— Да, я знаю код, — повторил он. — Я его запомнил, потому что там были те же цифры, что на номерной табличке старой машины... Поэтому я до сих пор его помню, — добавил он, словно извиняясь.

Молчание. Мама, кажется, не до конца ему поверила.

— Но я не знаю, что там внутри, — на всякий случай добавил он.

— Подожди меня здесь, Давид, хорошо? Только... никуда не уходи. Слышишь, оставайся на месте!

Шарли пересекла прихожую, направляясь к кухне. Давид невольно повернул голову в том же направлении.

Всего на одну секунду он увидел какой-то огромный бесформенный предмет, лежавший на полу и укрытый белой простыней, пропитанной какой-то густой, темной и блестящей жидкостью, похожей на бензин.

Точь-в-точь «воспоминание» из его недавнего кошмара.

Шарли закрыла дверь кухни и прижалась лбом к косяку, пытаясь избавиться от недавнего зрелища.

Она поклялась, что никогда не переступит порог кухни, и вот нарушила свое слово уже во второй раз. В первый она зашла туда, чтобы укрыть тело Сержа простыней. Совершенно бессмысленное, даже нелепое побуждение... и недостойное. Но мысль о том, чтобы оставить его здесь вот таким — плавающим в собственной крови, глядящим в потолок остекленевшими глазами, в которых навеки застыло изумление, — вызвала у нее отвращение. Впрочем, Шарли тут же пожалела о своем поступке: наброшенная простыня еще больше подчеркивала контуры неподвижного тела, и особенно выступ в том месте, где торчала рукоятка ножа.

И вот теперь ей предстояло спуститься в гараж (за запасными ключами от него она и зашла на кухню). Много ли денег Серж хранил в сейфе? У Шарли не было ни ма-

лейших догадок на этот счет — она всегда старалась держаться подальше от его дел, — но у нее не было выбора: в портфеле Сержа, лежавшем в прихожей, обнаружилась лишь тощая пачка купюр. На сколько ее хватит им с Давидом? Когда они получат свой лотерейный выигрыш? И каким образом?..

Она вошла в просторное бетонированное помещение гаража, освещенное галогенными лампами, специально установленными Сержем: именно они, а не какие-то там неонки, позволяли в полной мере оценить сверкающие, как елочные игрушки, джип и мотоцикл. Обогнув два роскошных средства передвижения, Шарли подошла к длинному, во всю стену, верстаку. Хотя она, разумеется, не знала и не могла знать код сейфа, она знала, где он располагается: в самом углу за верстаком была ниша в стене, закрытая едва заметной раздвижной перегородкой.

Шарли сдвинула перегородку в сторону, и перед ней оказалась металлическая дверь сейфа. С трудом подавив дрожь в пальцах, она набрала на цифровой панели код, сообщенный ей Давидом.

Никакого результата. Крошечный красный огонек на панели не превратился в зеленый.

«Черт!..»

Она повторила операцию во второй, в третий раз. В сердцах ударила кулаком по равнодушному, непробиваемому металлическому предмету. Разумеется, напрасно.

На нее навалилось невыносимое чувство беспомощности.

Ничего не получится. Нечего и думать о том, чтобы взломать этот сейф!

Шум проехавшего мимо дома автомобиля заставил ее вздрогнуть.

Машины!

Шарли обернулась. Ее взгляд упал на «бэуху» и мотоцикл.

Что там говорил Давид?.. *Я его запомнил, потому что там были те же цифры, что на номерной табличке старой машины...*

Серж обожал свою новую тачку. Значит, он, скорее всего, изменил код. Да, конечно! Так сказать, в честь нового приобретения...

Шарли набрала на панели те же цифры, что были на номерном знаке «БМВ».

Опять ничего. По-прежнему красный огонек.

«Твою мать!..»

Последняя попытка... Мотоцикл. Может быть, «хонду» Серж любил больше?.. *«О Господи, умоляю, сделай это ради моего сына... ради моего сына!..»*

На номерной табличке мотоцикла было шесть цифр. Бывают ли сейфовые коды из шести цифр?..

Шарли сосредоточилась, наклонилась к двери сейфа и, стараясь быть спокойной, насколько возможно, медленно набрала код — цифру за цифрой.

Огонек стал из красного зеленым. Послышался слабый щелчок. Шарли с трудом сдержалась, чтобы не закричать от радости. На двух полках сейфа лежали разбухшие от каких-то бумаг папки, пистолет и пачки денежных купюр. Сколько здесь?.. Две тысячи евро? Три?

Неважно, пересчитать можно будет потом. Главное — деньги есть! Их хватит по крайней мере на то, чтобы скрыться и прожить без проблем какое-то время.

Шарли схватила деньги и затолкала их в небольшую пустую сумку, обнаружившуюся на верстаке между дрелью и пилой-ножовкой.

Она уже собиралась вернуться в дом, как вдруг остановилась и после некоторого колебания снова подошла к сейфу, откуда забрала пистолет, коробку с патронами и папки.

Через пару минут она вошла в гостиную и наконец-то облегченно вздохнула, увидев сына, — мысль о том, что он здесь один, всего в нескольких метрах от лежащего на кухне трупа, все это время не давала ей покоя.

— Давид, радость моя... нам пора ехать.

— На чем мы поедем? — спросил он.

— На машине. Выходи на крыльцо и жди меня, я сейчас выведу ее из гаража. И... не заходи на кухню. Жди меня снаружи, у двери.

— Ты возьмешь «БМВ»? — спросил Давид. В голосе его прозвучало невольное восхищение, которое в очередной раз напомнило Шарли о том, что мальчишка остается мальчишкой в любых обстоятельствах.

— Да.

Она не знала, на какие деньги Серж купил эту машину и на чье имя ее зарегистрировал. Но если полицейские будут искать принадлежащий ему автомобиль, то скорее всего, не «БМВ». По крайней мере, Шарли на это надеялась.

— Давай поторопись. Надевай куртку...

Они оба надели куртки и шарфы, Шарли взяла с тумбочки в прихожей мобильный телефон Сержа. Затем распахнула входную дверь. Порыв ледяного ветра, ударивший в лицо, окончательно привел ее в чувство.

С темного неба сыпал мелкий снег. Улица была пуста и окутана туманом, сквозь который едва пробивался свет фонарей. Шарли с сыном вышли на крыльцо и поставили рядом чемодан и две сумки.

— Ну и холодина! — вздрогнув, сказал Давид.

— Да. Но это к лучшему. — Шарли чуть было не добавила: «Это помогает чувствовать себя... живыми».

Прежде чем запереть дверь, она в последний раз заглянула внутрь. Отсюда была видна часть гостиной: диван, на котором она провела столько часов, гигантский плоский экран телевизора, приобретенного год назад... В голове теснились обрывки воспоминаний. Но лучше всего Шарли запомнила именно этот момент, окрашенный некой мрачной ностальгией, совершенно, казалось бы, неуместной, — миг, в который она решительно захлопнула дверь за самым ужасным периодом своей жизни.

— Постой здесь, я подъеду через минуту. Только никуда не уходи, радость моя. Не двигайся с места!

И бросилась к гаражу с пультом сигнализации в руке.

12

— Черт!

Орели Дюбар на мгновение оторвала взгляд от красных огней «мерседеса», мчащегося по автостраде примерно в сотне метров впереди, и повернула голову к напарнику, только что произнесшему это единственное слово.

— Что такое? — спросила она.

— Они направляются к выезду из города. Значит, Вдова едет к Тевеннену, — ответил Тома Миньоль.

— И?..

— Мы не сможем следовать за ней даже на двух машинах — слишком рискованно. Улицы в пригороде сейчас пусты. Нас заметят.

— Как поступим?

Тома размышлял. По мере того как «мерседес» удалялся от центра Парижа, его все сильнее грызли сомнения. Неужели Вдова и впрямь заявится в дом полицейского среди ночи?.. Немыслимо... Разве что дело очень серьезное. Но в таком случае почему Жамель его не предупредил?

Или Вдова ничего не сообщала о своих намерениях, пока не села в машину?..

Тома чувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Он боялся сделать серьезный промах, который погубит сегодняшнюю операцию, если не все расследование в целом.

В детстве он показывал некоторые успехи в легкой атлетике, тогда как его приятели в основном отличались в футболе или баскетболе. Не то чтобы тут сыграла свою роль какая-то врожденная предрасположенность, скорее дело было в отцовском жизненном кредо, которое Тома слышал постоянно: «В этой жизни ты можешь рассчитывать только на себя».

Без сомнения, этот принцип помог ему избежать многих опасностей арабского квартала — в частности, вступления в одну из местных банд. Также он способствовал и развитию четкого мышления, умению разграничивать хорошее и плохое, — свойство, которое может обеспечить вам безопасность в тех случаях, когда ее не обеспечивает больше ничто.

Тома не спешил: хотя твердость и четкость были его ценными козырями, они же могли превратиться в помехи в тех случаях, когда прямой доселе путь неожиданно обрастал перекрестками и развилками. Вот почему, по мере того как он размышлял о сложившейся ситуации, ему все меньше хотелось в нее вмешиваться.

— Может быть, это как раз подходящий момент, чтобы застукать его с поличным? — спросила Орели.

Тома не отвечал. Еще через пару минут они выехали за пределы города. «Мерседес» увеличил скорость, и его задние фары почти растворились в тумане.

Тома взял рацию:

— Коньо!

— Да?.. — отозвался сквозь треск помех механический голос подчиненного.

— Мы только что выехали из города. Они, скорее всего, едут к Тевеннену. Будут там минут через пять — семь. Дюбар вам сообщит точный адрес.

— Наши действия?

— Прекратите преследование. Сделайте крюк и доберитесь до места другим путем. Убедитесь, что Вдова действительно там. И ждите дальнейших указаний.

И передал рацию Орели.

— Почему бы не схватить его сейчас? — настойчиво спросила она.

— Нельзя! Во-первых, мы с моим источником так не договаривались. Во-вторых, с чего нам его хватать? Мы даже не знаем, что они с Вдовой собираются делать... Может, просто хотят что-то обсудить. И что тогда? Он запросто отмажется — скажет, что она поставляет ему информацию. В резуль-

тате мы не только ничего не добьемся, но еще и подставимся. За отсутствием состава преступления. И даже хоть сколько-нибудь серьезных улик.

Орели нехотя кивнула:

— Тогда что делаем сейчас?

Не отвечая, Тома нажал на акселератор.

Они не проехали и двух сотен метров, когда рация снова затрещала, и голос Коньо сообщил:

— У нас проблема.

— Что случилось?

— Мы только что видели машину Тевеннена. Он ехал нам навстречу.

— Что?!

Тома вырвал рацию из рук Орели:

— Вдова с ним?

— Нет. Мы прекратили следовать за ней, как вы и сказали. Сделали крюк и встретили машину Тевеннена. Никаких других машин поблизости не видно. Какие будут указания?

Тома лихорадочно обдумывал неожиданную информацию. Значит, Вдова направлялась к Тевеннену, а он... неужели решил от нее сбежать?

Или они должны были встретиться где-то в условленном месте, недалеко от его дома?

Мысленно он осыпал кузена проклятиями.

— Следуйте за машиной Тевеннена. А я еду к его дому. Надо выяснить, где у них назначена встреча.

Он отложил рацию, стиснул зубы и полностью сосредоточился на дороге.

Орели Дюбар смогла расслышать, как он пробормотал: «Что за черт!..», но на сей раз предпочла промолчать.

13

— Мам, а куда мы едем?

Шарли не услышала вопроса, полностью поглощенная дорогой. С «БМВ» оказалось непросто управляться, зато он двигался быстро и почти бесшумно. Тревога не покидала Шарли, и она не снимала ноги с педали акселератора. Нельзя было отвлекаться ни на секунду. К тому же, по мере того как они ехали по пустынным улицам, в бледном свете луны, придававшем привычному миру какой-то фантастический оттенок, в ней нарастало пьянящее чувство свободы. Она больше не думала «Я убила Сержа», а только «Серж мертв» и «Я свободна». Конечно, она сознавала, что теперь ей грозит не меньшая опасность, но, впервые за много лет вырвавшись на вольный воздух, испытывала почти эйфорию, стараясь лишь не позволить этому ощущению захлестнуть ее с головой.

Добравшись до развязки, она решила сделать крюк, чтобы замести следы.

— Мам, куда мы едем? — повторил Давид.

— В Париж, котенок...

— В Париж? Но ты не туда свернула...

— Да... но мне еще нужно кое-что сделать. Кое-кому позвонить.

Шарли слегка нахмурилась, заметив в зеркальце заднего вида фары другого автомобиля.

Кто-то их преследует?.. Нет, не может быть. Слишком мало времени прошло... У нее просто приступ паранойи!

Они проследовали по главной магистрали, которая вела к центру предместья Орсей. Теперь Шарли постепенно замедляла скорость. Увидев телефонную кабинку на углу, она остановилась и, выходя из машины, вновь заметила позади

фары чужого автомобиля. Это тот же самый?.. Она не могла определить. На всякий случай она подождала, пока он проедет мимо и полностью скроется из вида.

— Давид, посиди немного в машине, хорошо? Не бойся, я ее закрою, и с тобой ничего плохого не случится. Я быстренько позвоню и сразу вернусь.

Давид кивнул. По его лицу никак нельзя было догадаться о его состоянии.

Чувствовал ли он страх? Или тревогу? Или слышал в глубине души тот же ликующий голос, что и она: «Мы свободны! Мы свободны!»?

Шарли нежно погладила его по щеке:

— Давид, все это скоро кончится, я тебе обещаю. Я знаю, что слишком много от тебя требую, но сейчас просто такой период... сложный. Потерпи немного, радость моя, хорошо? Нам обоим сейчас нужно быть стойкими, очень стойкими. Но когда все кончится, мы с тобой будем самыми счастливыми людьми на свете! Ты ведь это знаешь, правда?

— Да, мам. Я знаю.

Сердце Шарли сжалось, и она с трудом заставила себя захлопнуть дверцу машины. Потом почти бегом бросилась к телефонной кабинке и, войдя внутрь, торопливо набрала номер.

На другом конце провода слегка задыхающийся женский голос произнес:

— Алло...

— Брижитт, это я... — Шарли почти шептала, словно боясь, что кто-то может ее подслушать. — У меня... возникли непредвиденные обстоятельства. Я сейчас на пути к тебе. Ты одна?

Молчание. Потом женщина ответила:

— Нет... но это можно уладить. Минут через пятнадцать я буду одна. Ты можешь подождать?

— Да. Я приеду не раньше чем через полчаса. Я пока еще не добралась до Парижа.

— Хорошо, я буду ждать. У меня уже все готово. Вы останетесь на ночь?

Где-то на заднем плане Шарли расслышала недовольное ворчание. Явно мужской голос.

— Я... я пока не знаю. Все оказалось сложнее, чем я думала. Но в любом случае, я не собираюсь ни во что тебя впутывать. В общем, приеду — расскажу подробнее.

— Хорошо, я вас жду. Только не волнуйся, дорогая. Все будет хорошо.

Шарли повесила трубку. «Не волнуйся, все будет хорошо...» Одна из любимых фраз Брижитт, этой непробиваемой оптимистки...

До сих пор еще ничего не было хорошо. И вообще никогда раньше... Фраза Брижитт напомнила Шарли об этом со всей жестокой очевидностью.

Она обернулась. Между двумя уличными фонарями пролегла тень, пересеченная прядями тумана, которые полностью закрыли от нее лицо Давида за стеклом машины. Были видны только очертания самого автомобиля — нечеткие, размытые, как на акварели. Сердце Шарли сжалось. Но оставалась еще одна, последняя формальность, которую нужно было выполнить, прежде чем вернуться к сыну.

Она сунула руку в сумочку и вытащила айфон Сержа. Он будет как нельзя кстати, чтобы затруднить поиски владель-

ца, если вдруг кому-то захочется определить его местонахождение по мобильнику, прежде чем взламывать дверь дома...

Шарли положила айфон на маленькую металлическую полочку на стене кабинки. Она понимала, что тем самым все глубже увязает в этом деле и увеличивает доказательства того, что совершенное ею убийство было преднамеренным. Но у нее не было выбора: если этого не сделать, у них с Давидом будет гораздо меньше шансов скрыться. Их жизни, точнее, их одна общая жизнь стоила того, чтобы заплатить такую цену: обречь себя на максимально суровое наказание в случае неудачи. Однако при мысли об этом Шарли почувствовала, как у нее закружилась голова.

Затем она вышла из кабинки, быстро преодолела два десятка метров, отделявших ее от машины, и распахнула дверцу, чувствуя огромное облегчение от того, что снова оказалась рядом с Давидом.

— Все в порядке? — спросила она, садясь за руль и захлопывая за собой дверцу.

Давид повернул к ней голову. Его взгляд был каким-то странным, почти невидящим.

— Ты знаешь кого-нибудь, кто живет в доме у озера?

На мгновение у Шарли перехватило дыхание. Она невольно закрыла глаза, пораженная внезапно всплывшими в памяти картинами детства.

Дом у озера... Значит, именно туда им предстоит отправиться?

— Да, — наконец почти шепотом ответила она. — Я знаю кое-кого, кто живет в *доме у озера*...

— Тогда, я так понимаю, именно туда мы и поедем.

Чуть подрагивающий огонек зажигалки слабо осветил салон «мерседеса». Клео зажгла сигарету, глубоко затянулась и выпустила несколько дымовых колечек, медленно растворившихся в полусумраке.

Закуривая, Вдова всегда испытывала легкое чувство вины перед самой собой: она знала, что от этого становятся заметнее круги под глазами и морщинки в уголках глаз, которые она некогда с таким трудом почти полностью разгладила благодаря пластическим операциям, очень болезненным и очень дорогим. Да, разумеется, курение помимо того может вызвать проблемы с сосудами, инфаркт, рак или еще какую-нибудь дрянь, но самое ужасное, что из-за него женщина сорока с лишним лет почти всегда выглядит на свой возраст, даже если она «хорошо сохранилась», и никогда моложе. А Вдова никак не могла вообразить себя... старой. Ни даже зрелой. Что может быть ужаснее старого...

...трансвестита, скажи уж прямо, девочка моя.

Несколько лет назад она видела по телевизору интервью с Коко Шанель — точнее, жалкой тенью той, которая некогда очаровывала весь Париж своим волнующим шармом. Старая кляча, ничего другого не скажешь... Нелепая, одутловатая, густо наштукатуренная, цепляющаяся за остатки былой славы, как Гарпагон за свои сундуки с золотом... Кошмарное зрелище! Такой развалине уже не страшен никакой рак: она будет все равно что мертва, пока он до нее доползет. И будет только рада умереть по-настоящему.

Впрочем, это все неважно. Даже если курение ее уродует, оно ей необходимо. Потому что в такие моменты Вдова забывала все свои заботы, все морщины, все оскорбления

и несправедливости, которых ей так много досталось от природы и от жизни, и могла в полной мере насладиться своей властью, почувствовать себя одновременно сценаристом, режиссером и, разумеется, суперзвездой, исполнительницей главной роли в захватывающем фильме в жанре черного, даже инфернального кино...

Пару минут назад Жамель вошел в дом Тевеннена, чтобы подготовить почву для ее визита. Подождав еще с минуту, она откроет дверцу машины, неторопливо переместит свои длинные ноги наружу, выйдет и все так же не спеша направится к дому. Приблизившись, она бросит сигарету на землю и придавит ее мыском туфли — медленным, почти сладострастным, по-настоящему женским движением, как будто специально предназначенным для того, чтобы его могли зафиксировать многочисленные кинокамеры, прежде чем она войдет в эту странную берлогу и покажет этому *el cabron*¹, где его настоящее место... покажет в присутствии его жены и сына...

Да, в следующую минуту она снова станет героиней «фильма своей жизни», который она продолжала создавать день за днем, с истинным драматизмом великих творцов...

Негромкий стук по стеклу оторвал ее от мечтаний. Она взяла пульт управления и немного опустила стекло.

— У нас проблема, — сообщил Жамель.

Вдова вошла в гостиную. Представшее перед ней зрелище окончательно ее разъярило. Гнев, тлеющий у нее внутри с того момента, как Жамель сообщил ей о смерти Тевеннена, означающей окончательную и бесповоротную потерю

¹ Козел (исп.).

нескольких десятков миллионов евро, вспыхнул, как лесной пожар.

«Вот, значит, как! — мысленно воскликнула она. — Вот на что уходили мои деньги!..» Снаружи дом Тевеннена ничем не отличался от остальных типовых домов пригородного квартала, зато обстановка гостиной — огромный плазменный экран домашнего кинотеатра, дизайнерская мебель, диваны из натуральной кожи — красноречиво свидетельствовала о нетрудовых доходах ее подопечного и о его страсти к роскоши.

— Где эта падаль? — спросила она.

Жамель указал ей на дверь кухни, и одновременно ей бросились в глаза кровавые отпечатки на полу прихожей. Клео понимала, какому риску себя подвергает одним своим присутствием на месте преступления, хотя за последние годы убедилась, что деньги способны обеспечить полную безнаказанность в любых случаях. Но неважно: она хотела увидеть труп. Хотела убедиться в смерти Тевеннена. Хотела понять ее причину.

Она прошла вдоль цепочки отпечатков на полу и, предварительно обмотав руку шелковым шарфом, распахнула дверь кухни.

На полу лежала бесформенная груда, укрытая простыней в кровавых пятнах. Чтобы окончательно убедиться, что это Тевеннен, Жамель приподнял край простыни. Можно подумать, вскользь отметила Клео, что этот у блюдонок сдох от чрезмерного удивления... По крайней мере, в его застывших глазах читалось именно это чувство.

Некоторое время Вдова смотрела на него. У нее не было никаких сомнений по поводу того, кто *автор преступления*.

ния — она понимала, что в данном случае не годится слово «виновник». В ее глазах женщина, которая это совершила, — что это именно женщина, было понятно по маленьким следам, — не была виновна. Она лишь исполнила некий приказ мироздания, чьей воле повинуются все, даже если этого не сознают: она *исправила ошибку*, которой было само существование Тевеннена. А ведь именно это нужно для того, чтобы жить пусть не счастливо, но спокойно: закопать всех тевенненов мира... Или, по крайней мере, постоянно держать их на привязи, позволяя лишь одно: удовлетворять свои низменные нужды...

При других обстоятельствах Вдова, пожалуй, даже вознаградила бы мадам Тевеннен. Однако сейчас дело обстояло иначе: поступок этой женщины лишил Клео немалой суммы денег.

Она пыталась справиться со своим разочарованием, когда ее взгляд упал на руку Тевеннена, торчавшую из-под простыни, — точнее, на смятый клочок бумаги, на который мертвец словно указывал пальцем, не в силах до него дотянуться.

Почему вдруг Вдова обратила внимание именно на этот клочок, хотя весь пол кухни был усеян осколками, остатками еды и брызгами крови?.. Почему эта бумажка показалась ей такой... особенной? Она не знала. Позже она подумала, что указующий палец Тевеннена в каком-то смысле был перстом судьбы. Который решил вдруг остановиться на гаванской *negrita*. Перст божий... Или дьявольский.

Она осторожно обошла тело, тщательно избегая следов крови на полу, подобрала клочок бумаги и развернула его.

Цифры. Смазанный кровавый отпечаток пальца. Две капельки крови.

Непонятно... Однако, когда Вдова прочитала эти цифры вслух, они вдруг отдались в ее сознании чем-то очень знакомым...

Код сейфа?.. Или банковской ячейки?.. Ключ от которой унесла с собой эта маленькая... *puta*¹?

Ее воображение лихорадочно заработало. Она стиснула клочок бумаги в кулаке и выпрямилась. Да, возможно, жена Тевеннена убила его как раз из-за этого. Как иначе объяснить такой неожиданный оборот? И почему все случилось именно этой ночью?

Цифры, труп... тайна. Разгадкой которой были деньги — в этом она не сомневалась.

Ну что ж, это сулит очередной захватывающий поворот сюжета в сценарии ее персонального блокбастера.

¹ Шлюха (*исп.*).

Часть вторая

15

По обе стороны узкого коридора было множество дверей — очевидно, здесь, на третьем этаже этого огромного дома, выстроенного в эпоху грандиозной османовской реконструкции, некогда располагались комнаты прислуги. Шарли молча шла по истертой ковровой дорожке, крепко держа Давида за руку. Ее недолгая эйфория миновала, и теперь она чувствовала, как стены буквально сжимаются вокруг нее, вытесняя из этого коридора в другой — временной, заставляя снова отправиться в прошлое, населенное призраками, невидимыми, но ощутимыми... Беспощадными.

Много лет назад она шла этим же путем, только тогда рядом с ней был не Давид, а его отец.

Почти в самом конце коридора одна дверь чуть приоткрылась, и из-за нее показалась густая курчавая шевелюра. Шарли узнала Брижитт.

— Заходите быстрее! — прошептала та, даже не поздоровавшись.

Шарли ничуть не удивилась такому приему. Несколько дней назад она предупредила подругу о своем визите, но неожиданное появление в столь поздний час свидетельствовало о серьезности ситуации. Кроме того, обе женщины пережили вместе столько приключений и испытаний, что понимали друг друга с полуслова. И однако — сколько раз они виделись за последние годы? Пять, может быть, шесть? Брижитт даже ни разу не видела Давида с тех пор, как Шарли переехала в пригород.

Все трое вошли в тесную гостиную, набитую восточными безделушками и пестрыми вышитыми подушечками. Две женщины молча обнялись. Шарли почувствовала, как горло сжимает судорога. Затем Брижитт с явным волнением принялась разглядывать Давида.

— Скажи-ка, ты меня помнишь? — спросила она с наигранной веселостью, словно пытаясь не замечать обстоятельств встречи.

Давид хорошо помнил эту шумную толстую с молочно-белой кожей и влажными глазами. Правда, в его воспоминаниях она была еще не такой толстой. И пахло от нее сейчас иначе, хотя трудно было понять как именно, поскольку вся квартирка была пропитана густым тяжелым ароматом восточных благовоний, дым от которых плавал по комнате, мешая рассмотреть знакомые предметы и затуманивая картины прошлого. Но одна из них все же вспомнилась и вызвала у Давида улыбку: та же самая женщина с густой копной завитых волос держит его на коленях и поет: «...это танец канареек...», размахивая в такт его ручками, которые осторожно сжимает в своих, и он хохочет...

Брижитт повернулась к Шарли.

— Он... он действительно помнит, — произнесла она с удивлением, даже с некоторым испугом, несмотря на то что знала об особенностях Давида.

Шарли кивнула, чувствуя, что вот-вот расплачется. Она не знала, была ли тому причиной нынешняя встреча, или ослабление напряжения, или слабая улыбка на губах Давида — как будто он понял, что нависшая над ними опасность на время отступила. Или же само присутствие Брижитт внушило ей чувство защищенности, которое она всегда испытывала рядом с подругой и которое теперь, спустя семь лет, снова вернулось к ней.

Они с Брижитт познакомились, когда обеим было по тринадцать, на одной из тех светских вечеринок, которые устраивают богатые буржуа для своих отпрысков, чтобы понемногу ввести их в обширную и могущественную социальную среду, в которой им предстоит вращаться и добиваться успеха. Две девочки, одна — хрупкая, с фигуркой балерины, другая — настоящая валькирия, уже тогда с пышными формами, обе стесненные непривычными нарядами и собственными комплексами, обе чувствующие себя одинокими, сразу почувствовали симпатию друг к другу.

С тех пор они вместе осушили несколько сотен бокалов с коктейлями, порой напиваясь в хлам, — Шарли помнила, как однажды Брижитт выпила даже «Шанель номер пять» в ванной комнате хозяйки дома, где проходила одна из бесчисленных вечеринок, — предаваясь флирту с наследниками богатых семей и часто заходя гораздо дальше, особенно если сборища устраивались в загородных особняках, окруженных огромными парками. Однако, несмотря на то что они

вели себя в точности как большинство ровесниц, их дружба была гораздо прочнее. Возможно, потому, что их совместный бунт против общественных устоев был чем-то большим, чем обычная подростковая блажь: он был результатом отчаяния, возникающего от страха перед жизнью и ощущения своей полной непригодности к ней. От светских вечеринок они перешли к готическим тусовкам, шокируя близких нарядами и макияжем, потом ко множеству других тусовок, бросаясь из одного романа в другой, пробуя всевозможные наркотики и ставя рискованные сексуально-наркотические эксперименты. Потом впервые сбежали от предков... Потом все окончательно понеслось под откос — дальше и дальше от благопристойных буржуазных кварталов Отей, Сен-Клу, Марн-ла-Кокетт...

Но все это время они любили и поддерживали друг друга. И ни одна из них ни разу не сказала себе, даже в мыслях: «Я сделала неправильный выбор в этой жизни... До чего я докатилась!..» Однако итоги у обеих были плачевными: мадемуазель Жермон стала убийцей в бегах, мадемуазель Биша — потасканной толстухой, выброшенной на обочину жизни.

— Я все приготовила, — сообщила Брижитт. — Может, наш мальчик поспит?

«Наш мальчик»... Она произнесла эти слова совершенно естественным тоном, как будто знала Давида уже много лет.

Шарли кивнула. В самом деле, Давиду хватит испытаний на сегодня...

— Радость моя, давай мы тебя уложим спать в соседней комнате, хорошо?

Брижитт отвела их в небольшую спальню, еще более тесную, чем гостиная, где явственно ощущался запах гашиша — вероятно, его курил недавний гость, столь поспешно отправленный хозяйкой восвояси.

— Ну, располагайся, — мягко сказала Брижитт, обращаясь к Давиду.

Обе женщины дождались, пока он уснет, и на цыпочках вернулись в гостиную.

Брижитт взяла с бамбуковой этажерки небольшой чемоданчик и поставила его на стол перед Шарли:

— Все здесь.

Немного помедлив, Шарли осторожно приподняла крышку и невольно вздрогнула.

Внутри лежали два паспорта: один на имя Анн Шарль Жермон, другой — Софи Бердан.

Первая существовала когда-то давно, в другой жизни, и была дочерью Шарля Жермона, крупного промышленника, и Лиан Массьер, домохозяйки, хотя правильнее было бы назвать ее светской дамой — во всяком случае, это определение больше подходило к тому образу жизни, который она вела до развода с мужем. Это имя Шарли носила до двадцати одного года, иными словами — до побега из наркологического реабилитационного центра, куда ее поместила мать.

О второй Шарли ничего не знала — даже то, существовала ли эта женщина когда-нибудь на самом деле. Лицо на фотографии было тем же, что и в настоящем паспорте. Подельный раздобыл ей отец Давида, Фабиан, который до помещения в ту же клинику, что и она, был наследником весьма влиятельной семьи и имел множество полезных свя-

зей. Шарли знала, что ее мать пойдет на все, чтобы найти ее, и фальшивые документы давали ей возможность сбежать в очередной раз, уже вместе с Фабианом и их будущим ребенком. Они были безумно влюблены друг в друга. Они могли бы стать настоящей семьей...

Потом... потом Фабиан исчез. Шарли пришлось рожать в одиночестве, под фальшивой фамилией, которую унаследовал и Давид. После они перебрались к Брижитт, которая присматривала за ребенком по ночам. Можно было даже с некоторой натяжкой сказать, что жизнь наладилась... хотя довольно грустная жизнь. Так продолжалось вплоть до попытки изнасилования. До Тевеннена...

Когда Серж вошел в ее жизнь — точнее, когда она сама бросилась в его объятия, — он начал распоряжаться ею с такой безапелляционностью, что это уже тогда должно было бы насторожить Шарли.

«Ты влипла в историю с полицией нравов, ты танцуешь полуголая в каком-то притоне... Я не хочу, чтобы твое имя связывали с грязными историями...» Слушая эти слова, она покорно кивала, как провинившаяся школьница, слишком растерянная для того, чтобы возражать (хотя была совершенно не виновата в случившемся) и вообще как-то противостоять напору Сержа. В конце концов, одна фальшивая личность или другая — какая разница?... Настоящая Шарли, живущая где-то в самой глубине ее души, все равно была безымянной...

Итак, Анн Шарль Жермон, она же Софи Бердан, превратилась в Шарли Руссо, хотя так и не узнала, существовала ли такая женщина на самом деле или это имя выдумал Серж, чтобы оправдать прозвище Шарли, которым наградил ее

в самом начале знакомства, и с тех пор он иначе ее не называл. Итак, Серж Тевеннен окрестил ее заново — уже в третий раз, — и Давида с ней заодно. «Пусть он тоже носит фамилию Руссо, так будет проще для оформления документов — в школу или еще куда...»

Почему она попросила Брижитт сохранить два предыдущих паспорта, Шарли не знала. Скорее всего, это был инстинкт существа, привыкшего к переходам из одного мира в другой: ведь прежде ей уже довелось сменить бальные платья на стринги со стразами, а матрас на полу сквота¹ — на койку в наркологической клинике, и она знала, насколько непрочны эти границы, насколько непредсказуема жизнь... Не исключено, что сыграла свою роль интуиция — уже тогда Шарли предчувствовала, что рано или поздно расстанется с Сержем, который, ко всему прочему, ничего не знал о ее происхождении, хотя благодаря профессиональному чутью мог что-то подозревать. «Да откуда ты, в самом-то деле? Можно подумать, тебя воспитывали в пансионе для благородных девиц!» — ворчал он иногда, но Шарли отмалчивалась, зная, что если плохое воспитание и образование можно улучшить, то сделать обратное фактически невозможно.

— И вот еще мобильник, как ты просила, — добавила Брижитт. — Сим-карту я оформила на себя. — И положила мобильный телефон на стол перед подругой. — Теперь, может быть, ты мне расскажешь, что случилось?

Она села рядом с Шарли и провела рукой по ее волосам почти с материнской нежностью.

¹ Сквот — самовольное поселение в заброшенных или бесхозных зданиях.

Шарли закусила губы. Она еще ни разу в жизни не солгала Брижитт. Даже ни о чем не умолчала. Подруга всегда оставалась для нее единственной опорой, единственной спасительной гаванью, укрывающей от жизненных бурь, единственной читательницей ее истории — в полной версии, без купюр... Но рассказать Брижитт о последнем... приключении означало своими руками сокрушить эту опору. Если она промолчит, для подруги так будет лучше.

Потом, когда все закончится, когда она будет богата и свободна — самое главное, свободна! — она позовет Брижитт к себе, и тогда наконец-то для всех троих начнется новая, счастливая жизнь — без мужчин, без измен, без опасностей.

А пока... молчание. Терпение. Осторожность.

— Я не могу, Брижитт... Правда, не могу... Для тебя будет лучше, если...

— Ты ведь его не...

— Не говори ничего. Ни о чем не спрашивай. Обещаю, что вернусь к тебе, как только смогу, и... нет, лучше ты к нам приезжай. И все изменится. Навсегда. Все будет по-настоящему хорошо. Я тебе обещаю.

Брижитт ничего не ответила. В ее широко распахнутых глазах читались ужас, тревога, отчаяние. Наконец она машинально кивнула.

— А Давид... он это видел? — прошептала она. — Как это случилось?

— Не знаю... Я правда не помню. Все произошло так быстро... О господи, что теперь с нами будет?..

Брижитт уже собиралась что-то сказать — наверняка по своему обыкновению утешить, ободрить... Но ей помешал какой-то шум. Разглядев сквозь душистую дымовую завесу

маленькую фигурку, переступившую порог комнаты, Шарли тут же вскочила:

— Ты почему не спишь, котенок?

— Не могу уснуть...

— Почему?

— Не знаю... У меня как будто... электричество во всем теле. Оно проходит сквозь меня...

Обе женщины тревожно переглянулись. Брижитт снова непроизвольно кивнула. Шарли приложила ладонь ко лбу сына, чтобы проверить, нет ли у него жара.

После некоторого молчания Брижитт спросила:

— Вы здесь переночуете?

— Нет, я думаю, нам лучше подыскать какой-нибудь маленький отель... Сейчас всего час ночи... Так будет надежнее.

Брижитт поняла, что настаивать бесполезно, и скрылась в кухне, откуда вышла через пару минут с небольшим пакетом в руках.

— Я собрала вам кое-какие лекарства... на всякий случай, — пояснила она, протягивая пакет Шарли. — Парацетамол, аспирин... и теместа. Если Давид так сильно нервничает, то, может быть...

Брижитт замолчала. Продолжать и впрямь не было смысла. Так или иначе, она знала, что Шарли никогда — *никогда!* — не даст сыну транквилизатор, если только это не будет вопрос жизни и смерти.

— И вот мои ключи от машины, — добавила она.

Шарли уже собиралась отказаться, но Брижитт не позволила ей даже рта раскрыть:

— И без возражений! Это допотопная «клио», она уже почти ничего не стоит. Потом объясню, где она припаркована

на. Я так поняла, ты приехала на *его* машине. Ее будут искать в первую очередь. Пока оставь авто здесь, завтра я им займусь. А теперь поезжайте. Не будем тратить время на разговоры...

На прощание она расцеловала Шарли и Давида, после чего быстро шепнула подруге на ухо:

— И ни о чем не беспокойся! Мы всегда выпутывались из передряг, и на этот раз уж точно все будет хорошо!

16

..2...7...14...17...35...

...3...6...

Вдова, не переставая, повторяла в уме эти цифры, словно в них заключалась какая-то неведомая истина.

Она раздраженно захлопнула за собой входную дверь квартиры. Слишком громко, но тем хуже для соседей... К тому же она редко позволяла себе подобное — обычно у нее было тихо. И если в первое время после того, как она здесь поселилась четыре года назад, соседи взирали на нее с кислыми физиономиями, то постепенно они привыкли к этому странному существу неопределенного пола, возраста и даже цвета кожи, которое ласково заговаривало с их детьми или с нежностью гладило их собак.

Она жила на площади Клиши, иными словами, почти на самой границе между площадью Пигаль и западными районами Парижа. Клео не выбирала это место специально, но оно соответствовало ее нынешнему статусу как нельзя лучше, поскольку она пребывала ровно на поддороге между *puta*, которой некогда была, и *dona*¹, которой надеялась

¹ Женщина, госпожа (*порт.*).

через какое-то время стать: богатой, ухоженной, элегантной...

...2...7...

«*Сопо!*»¹ — выругалась она про себя. Неотвязная череда цифр уже начала ее раздражать. Словно для того, чтобы еще усилить воздействие проклятия, Клео отшвырнула сумочку — преувеличенно резким, театральным жестом — и опустилась на кожаный диван, который с мягким приятным шорохом принял ее в свои комфортные объятия. Затем попыталась стянуть верхнюю одежду, что оказалось нелегко: костюм сидел на ней как влитой. Двенадцать тысяч евро... Да, тряпки всегда были ее слабостью. За последние десять лет она потратила на них сотни тысяч евро, и теперь ее гардероб был достоин суперзвезды, вроде Мадонны, хотя, скорее всего, был даже лучше — однажды Клео где-то прочитала, что эта дешевка Чикконе жадна, как крыса.

А Клео была львицей, не какой-то там крысой. Ей нравилось преподносить себя. Ее хорошо знали парижские модные дизайнеры и кутюрье, она была излюбленный клиенткой во всех бутиках Фобур-Сен-Оноре и авеню Монтень. Продавцы обслуживали ее почти благоговейно, словно жрецы, совершающие обряды перед своим идолом: благодаря идеальным пропорциям манекенщицы, Клео носила модные туалеты с волнующей экзотической грацией Лизетт Малидор или Грейс Джонс.

...2...7...

Она поднялась и направилась через всю квартиру в ванную комнату. Там открыла воду, вылила в ванну полфлакона

¹ Блин! (*исп.*)

ароматического бальзама и, пока ванна понемногу наполнялась, вернулась в гостиную — просторную, хорошо освещенную комнату, изящно декорированную и полную экзотических растений. Клео сама обставляла свое новое жилье, и здесь не было никаких красных абажуров, никаких диванов леопардовой расцветки — словом, никаких примет дешевой роскоши, на которую были так падки многие из ее бывших товарок.

Из своей большой сумки «Прада» Вдова вынула фотографию, которую нашла в доме Тевеннена. Она случайно заметила ее на стеллаже — небольшую фотографию в простой металлической рамке, стоявшую на некотором удалении от остальных безделушек, словно ощущавшую свою неуместность среди них. В общем-то, так оно и было. Само присутствие такой фотографии в этом доме казалось чем-то фальшивым, как макияж постаревшей Коко Шанель.

На фотографии был изображен мальчик с густыми темными волосами и огромными черными глазами, глубокими, немного таинственными. Несмотря на то что он улыбался, на лице его не было заметно той беззаботной детской радости, которую испытывал бы любой из его сверстников летом на пляже.

Не он ли написал непонятные цифры на клочке бумаги? Впервые Вдова задала себе этот вопрос в машине по дороге домой. Внимательнее разглядев цифры, она подумала, что почерк, скорее всего, детский.

Однако не ребенок в первую очередь привлек внимание Вдовы, а молодая женщина, сидящая рядом с ним. Ее тело, почти полностью открытое для обозрения, если не считать двух узеньких полосок бикини, выглядело легким и гибким.

Пепельно-белокурые волосы развевались по ветру. Она смотрела на ребенка обожающим материнским взглядом, и в ее глазах играли отблески яркого июльского солнца.

Вдова, не размышляя, схватила фотографию.

А сейчас... сейчас она начинала понимать, почему это сделала.

Эту молодую женщину она знала. Где, когда, при каких обстоятельствах они могли пересекаться?.. Клео никак не удавалось вспомнить. Может быть, она мельком видела ее рядом с Тевенненом во время очередной встречи? Молчаливый силуэт на пассажирском сиденье...

Нет, исключено. Тевеннен всегда приезжал на встречи один. В этом Вдова была уверена. Но лицо женщины было ей *действительно* знакомо.

Вдова задумчиво, почти с нежностью, обвела кончиком длинного наманикюренного ногтя лицо на фотографии. „*Mi asesina...*“¹.

Отдаленный шум воды вдруг напомнил ей, что ванна вот-вот может переполниться.

Она вздохнула, отложила фотографию и отправилась в ванную. Войдя, с наслаждением вдохнула поднимавшийся от воды ароматный пар.

Потом разделась, стараясь не замечать — что с каждым днем было для нее все труднее — свой член, освобожденный из специального маскирующего чехла, в котором она его обычно прятала. Клео любила свое тело, но ненавидела этот...

...тело!

...легкое и гибкое...

...совсем как у той...

¹ Моя убийца (исп.).

Она вздрогнула и пару раз моргнула. Густые ресницы взлетали, как крылья бабочки.

Неужели и впрямь?.. Такое совпадение!..

Она неподвижно простояла минуту или две, чувствуя, как кровь гулко стучит в висках от этого неожиданного озарения. Так оно и есть... Понадобилось лишь освежить в памяти некоторые эпизоды из прошлого, смахнуть с них пыль... Да, вот именно: смахнуть пыль.

Очевидность предстала перед ней во всей полноте. Теперь Клео знала. Она знала все.

Знала, кто была эта женщина на фотографии.

Знала, как ее найти.

Озарение... Благая весть...

И одновременно — доказательство того, что случайных совпадений не бывает. Стало быть, всего через пару дней она узнает, какой секрет таят в себе эти странные цифры. Ибо палец Тевеннена, устремленный на скомканный клочок бумаги, был не чем иным, как перстом божьим. И на сей раз сам Бог решил указать ей путь.

17

Тома Миньоль не отрывал глаз от окон квартиры на последнем этаже дома — типично буржуазного здания, выстроенного из огромных тесаных камней и украшенного по фасаду лепниной и полукруглыми балкончиками.

Вдова вернулась домой.

Орели Дюбар, сидевшая в машине рядом с ним, наблюдала за входом, ожидая, не объявится ли Тевеннен, если вдруг Вдова вызвала его к себе. Хотя это было почти полно-

стью исключено: Вдова никогда не вела деловых переговоров в своих апартаментах. Даже гостей принимала редко. Как будто порог ее квартиры был границей, которую нельзя было пересекать посторонним, могущим нарушить респектабельность окружающей обстановки. Ее дом был ее крепостью. Или секретным садом, если воспользоваться не английской, а французской аналогией...

Скорее всего, случилось что-то непредвиденное. Так или иначе, Жамель должен об этом знать. Тома на мгновение заколебался, не стоит ли ему проследить за «мерседесом», в котором уехал кузен после того, как привез Вдову домой, но потом решил, что если Жамель захочет объясниться, то у них еще будет время встретиться.

А пока не было ничего нового. Мысленно Тома упрекал себя в том, что ввязался в такое серьезное дело почти без всякой подготовки, заручившись поддержкой одного-единственного союзника, пусть даже и родственника. Почва, на которую он ступил, оказалась слишком зыбкой. Слежка за Вдовой ничего не дала: та действительно ездила к Тевеннену, но провела в его доме не больше двух минут.

— Вот не везет! — произнесла Орели, словно откликаясь на его мысли. — Никого похожего на Тевеннена...

Тома взглянул на часы на приборной доске машины. Оказалось, они с напарницей торчали тут уже час. Он взял рацию:

— Коньо, что там у вас?

— Они вдвоем с мальчишкой остановились в доме недалеко от площади Республики, — донеслось сквозь треск помех. — Минут сорок назад. Время позднее, так что, скорее

всего, они там и заночуют. Не потащит же она ребенка куда-то еще среди ночи...

Тома машинально кивнул. До сих пор его расследование никаким боком не касалось Шарли, сожительницы Тевеннена. Случаен ли ее отъезд? Именно сегодня вечером?..

Он попытался собраться с мыслями, чувствуя, что в голове у него полный бардак, как на арабском рынке.

— А здорвяк так и не объявился, — снова донеслось из радиации. — Как в воду канул.

— Даже если бы и объявился, что с того? — вмешалась Орели. — Так или иначе, Вдова уже дома. Судя по всему, они решили перенести дело на другой день. Если у них вообще было какое-то дело... — добавила она, явно выражая сомнение в надежности «источника» Тома.

Последний был вынужден с сожалением признать, что она права.

— Все, отбой, — объявил он по радиации. — Что бы там ни случилось, у нас нет повода брать его сегодня вечером.

В полумраке автомобильного салона он разглядел довольную улыбку на лице Орели.

Молча, стиснув зубы, Тома включил зажигание и поехал в сторону площади Бастилии, чтобы отвезти Орели домой. Его продолжали терзать вопросы, на которые не было ответов: что произошло? почему Вдова вломилась в дом Тевеннена, вопреки самой элементарной предосторожности? куда все подевались из этого дома сегодня вечером? Свет в окнах так и не зажегся...

И самое главное: где сейчас Тевеннен?

Именно в этот момент Орели Дюбар, до того сидевшая молча и даже, кажется, дремавшая, слегка повернула голо-

ву и произнесла успокаивающим, почти материнским тоном:

— Не беспокойся. Рано или поздно мы его схватим. Это только вопрос времени...

Но Тома отнюдь не был в этом уверен: поимка Тевеннена с сегодняшнего дня только осложнялась.

От внезапного чувства одиночества у него сжалось сердце. Был ли тому причиной ледяной холод парижской зимней ночи, от которого попрятались с улиц даже бомжи? Или слабый мертвенный свет покрытых инеем фонарей? Или груз слишком больших амбиций, оказавшийся ему не по силам? Или нетерпимость к одной только мысли о поражении?..

Тома не знал. Он был не из тех, кто слишком трепетно относится к своим эмоциям. Он даже не считал себя человеком, способным их испытывать.

И однако в этот вечер ему так сильно захотелось теплоты, уюта, нежности, утешения, что внезапно он почувствовал себя уязвимым и беззащитным, как голый человек среди ледяной пустыни.

Именно поэтому он, вопреки элементарным правилам субординации, не убрал руку с переключателя скоростей, когда ее неожиданно накрыла ладонь Орели.

18

Брижитт тщетно пыталась заснуть: встреча со старой подругой, рассказ Шарли и особенно то, о чем она умолчала, не давали ей покоя с момента отъезда матери и сына. Однако сильнее всего ее беспокоила их ближайшая участь.

Прежде Брижитт еще никогда не видела подругу в таком состоянии. Даже когда Шарли сбежала из клиники, куда поместила ее мать на принудительное лечение от наркозависимости, и среди ночи объявилась в доме Брижитт вместе с Фабианом, отцом Давида, она выглядела менее отчаявшейся и потерянной, чем сейчас.

Впрочем, и было отчего: на сей раз ей предстояло скрываться не от матери. Если она на самом деле убила копа (и, вопреки всему, Брижитт ощущала горькое удовлетворение, зная, что он уже не сможет ей навредить), то ее будет разыскивать, без преувеличения, вся полиция Франции. И к тому же еще Давид... Он выглядел так... странно. Не то чтобы он казался потрясенным, но, в каком-то смысле, был таким же, как и его мать: потерянным, словно отсутствующим... как будто на грани обморока. Шарли хоть отдавала себе в этом отчет?..

И вдруг, словно в ответ на этот последний вопрос, Брижитт услышала тихий щелчок замка входной двери.

Эдуар решил вернуться?.. Все-таки он душка... Славный парень и замечательный любовник, всегда восхищавшийся ее округлостями. Однако Брижитт уже сожалела о том, что дала ему запасные ключи. Вот так всегда: начинается с безобидной зубной щетки, в одно прекрасное утро обнаруживающейся в вашей ванной комнате, а заканчивается внезапным появлением среди ночи, несмотря на предупреждение о «важном семейном деле»!

Неужели он следил за квартирой? И вернулся, убедившись, что неожиданные гости уехали?

Увы, судя по всему, ей предначертано судьбой провести сегодня ночь без сна...

Брижитт вздохнула, села на постели и зажгла сигарету, слегка улыбаясь уголками губ. Или лучше изобразить на лице упрек?..

Прошла минута... другая. Брижитт не отрывала глаз от крошечного красного огонька сигареты, чувствуя, как мысли разрываются между Шарли, Давидом, Эдуаром...

Она прислушалась, но в квартире было тихо. Разве что... слабый шорох и усталое поскрипывание старого паркета, словно от чьих-то осторожных шагов по истертому ковру.

С чего вдруг Эдуар решил поиграть в индейцев? Или он по каким-то причинам решил сохранить свой ночной визит незамеченным?

На долю секунды ей пришла мысль о взломщике, но Брижитт тут же отмела ее как совершенно нелепую. Она помнила, как мягко щелкнул замок — явно под воздействием привычного ключа, а не воровской отмычки. Скорее всего, Эдуар хотел сделать ей сюрприз... К тому же на последнем этаже находились самые маленькие и дешевые квартирки, так что, если бы взломщик захотел как следует пожить, он наведалься бы в какие-нибудь шикарные апартаменты, расположенные ниже. Так что, очевидно, речь шла о какой-то дурацкой шутке — возможно, вызванной ревностью.

Слегка раздраженная, Брижитт отбросила простыню и встала с кровати, собираясь направиться в гостиную. Но когда она была уже у порога, как будто чья-то холодная рука сжала ее сердце.

Там, прямо за дверью, кто-то был. Она явственно ощущала чужое враждебное присутствие.

Брижитт замерла и прислушалась. Не услышав больше ничего, слегка пожала плечами. Не иначе, вся эта история с Шарли подействовала на нее слишком возбуждающе...

— Черт возьми, Эд! С чего вдруг тебе вздумалось прятаться?

Она резко распахнула дверь, переступила через порог и включила в гостиной свет. И тут же поняла свою ошибку.

В квартиру действительно проник чужой человек. Он стоял прямо перед ней. Высокий, стройный, облаченный в элегантный костюм. Прядь светлых волос небрежно спадала ему на лоб. Он чем-то напоминал агента ФБР, но скорее из комедийного фильма. Или некий шарж на французского аристократа, потомка старинного рода. Если не считать его совершенно неуместного присутствия в этом месте в такое время, в нем не было ничего угрожающего.

Брижитт попятилась:

— Что?

— Добрый вечер, Брижитт. Я ищу Шарли. Вы не подскажете, где я смогу ее найти?

Он говорил с тем легким жеманным сюсюканьем, с которым некоторые не в меру ретивые ценители прекрасного произносят «эскьюство» вместо «искусство». Несколько мгновений Брижитт разглядывала его. И вдруг истина обрушилась на нее со всей очевидностью: этот светский акцент был ненастоящим, фальшивым. Этот человек был не тем, за кого себя выдавал. Хотя Брижитт уже давно носила потрепанные балахоны с бирками «Made in Katmandou» вместо прежних шикарных туалетов, она выросла в богатой и добропорядочной буржуазной семье, и ей не составляло труда отличить настоящее золото от подделки.

Это открытие окатило ее ледяной волной ужаса. Этот человек лицедействовал. Он разыскивал Шарли. И уж, во всяком случае, он не был полицейским.

Значит, этот человек был опасен.

Брижитт ощутила мощный всплеск адреналина и быстро оценила ситуацию. В пределах досягаемости не было ни одного предмета, который мог бы послужить оружием. Дверь спальни была в трех метрах позади. Она запиралась на замок, но ее верхняя часть представляла собой витраж с узором из разноцветного стекла. Но все равно, если бы удалось быстро проскочить в спальню, можно было бы запереться и позвать на помощь...

Человек уверенно и небрежно шагнул к ней, и это движение мгновенно нарушило ход мыслей Брижитт. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, и за это время она успела заметить в его глазах жестокий, первобытный блеск, словно у хищника.

Она резко повернулась, собираясь броситься в спальню, но он схватил ее еще раньше, чем она успела сделать хоть шаг.

Затем он нанес ей удар в печень — резкий, точный, сокрушающий. Брижитт без единого звука рухнула на пол. От адской боли у нее перехватило дыхание, и она не смогла даже закричать, чтобы услышали соседи.

Человек склонился к ней и прошептал прямо в ухо:

— Ты мне скажешь, где она. Ты мне это скажешь, грязная, вонючая потаскуха, а после будешь умолять, чтобы я побыстрее покончил с тобой... — Ненависть, звучавшая в его словах, обжигала почти физически.

После были только ужас, боль и, наконец, тишина.

— Мама, что с нами будет?

Давид прошептал эти слова несколько минут спустя после того, как они с матерью вместе улеглись в кровать, под огромное теплое одеяло, в чистой и хорошо натопленной комнатке небольшого отеля.

Попетляв некоторое время по улицам, Шарли обнаружила этот отель — не так далеко от дома Брижитт, на улице Гран-Приере, за бульваром Вольтера. Он скорее напоминал семейный пансион, чем пристанище туристов, и Шарли порадовалась своему выбору: портье, зевая, записал их имена в регистрационную книгу, не спросив документы и даже не обратив особого внимания на них самих.

Сейчас она лежала в кровати, крепко прижав к себе Давида и разглядывая его лицо в слабом свете ночника. Шарли оставила ночник включенным, но набросила на абажур полотенце, и теперь комнату наполнял мягкий оранжевый полумрак.

Однако ни ей, ни Давиду не удавалось заснуть, даже несмотря на умиротворение от того, что они были вместе, к тому же свободные, как никогда прежде.

— Мы выкарабкаемся, котенок. Ты ведь это знаешь, правда?

Давид ничего не ответил, и Шарли подумала, что, скорее всего, он не знает — он этого не «видел». Его необычная ретропамять не подсказывала ему никаких вариантов выхода из нынешней ситуации — ни плохих, ни хороших.

— Послушай, Давид... — прошептала она, ласково глядя сына по волосам. — Через несколько дней все закончится. И все забудется, хотя я понимаю, что сейчас тебе это кажется

ся невозможным. Но рано или поздно все забудется. У нас начнется совсем другая, новая жизнь.

Шарли замолчала. Потом подумала, что Давид и так видел достаточно, чтобы что-то от него скрывать.

— Завтра я позвоню во «Французские лотереи»... насчет нашего билета.

Давид едва заметно кивнул.

— Я туда уже звонила на прошлой неделе. Мне все объяснили. Нужно будет позвонить по специальному номеру, чтобы зарегистрировать свои данные. После мне назначат встречу, чтобы выдать деньги. Самое большее — еще через неделю. Или даже раньше... А потом, когда мы получим деньги, мы уедем куда-нибудь далеко-далеко... где море и солнце. А еще чуть попозже к нам приедет Брижитт. И все будет как раньше... Нет, конечно же гораздо лучше, чем раньше! В сто, в тысячу раз лучше! Ты увидишь много интересных вещей, которых никогда не видел. Например, сначала мы поедем в Бразилию, подыщем какой-нибудь небольшой домик... а потом подумаем, куда отправиться всем вместе. Представляешь себе, котенок? Бразилия!.. И все это благодаря тебе, сокровище мое!

Давид никак на это не отозвался, но Шарли чувствовала, что он еще не спит. «Видел ли он... труп? — не переставала она себя спрашивать после убийства, как только смогла более-менее связно размышлять. — Слышал ли что-нибудь?..» Эти вопросы неотвязно преследовали ее, и она никак не решалась задать их сыну.

Говорить обо всем, ничего не скрывать...

— Давид, ты знаешь, что произошло сегодня вечером... Это был несчастный случай. Мы не должны были вот так убежать...

— Я знаю, мам.

От этих слов у нее перехватило дыхание. В этом был весь Давид: хрупкость ребенка, зрелость настоящего мужчины, память о будущем... Живая загадка.

— Давид... я хочу, чтобы ты знал: я никому не позволю причинить нам зло. Больше никогда... никогда. Я люблю тебя больше всего на свете, — прошептала она на ухо сыну. — Ты даже не представляешь, как сильно... И я тебе клянусь: мы выпутаемся. Вот увидишь, завтра будет новый день, и все станет таким ясным... таким простым.

— А куда мы поедем завтра? Где мы проживем эту неделю?

Шарли обдумывала этот же вопрос с того момента, как вошла в номер отеля, безликий, но все же выглядевший гостеприимным. Она бы с удовольствием осталась здесь, но понимала, что это слишком опасно. Непонятно было, как станут развиваться события. Прежде всего, сколько пройдет времени до того момента, как кто-то обнаружит труп Сержа? Два дня? три? неделя? Так или иначе, ее тут же объявят в розыск. Поэтому, чем быстрее она покинет Париж, тем меньше будет риска. Особенно если ее описание разошлют повсюду, в том числе и по всем отелям...

— В *доме у озера*... туда мы завтра и поедем. Все как ты сказал...

Шарли закусила губы. *Говорить обо всем, ничего не скрывать...*

— Но сначала мы заедем к твоей бабушке.

Снова молчание. Но так было даже лучше, и Шарли почувствовала облегчение. Все равно слишком поздно, чтобы что-то объяснять. Да и стоит ли?.. Давид и в самом деле поверил ей, когда она сказала ему, что его бабушка умерла?

Что он на самом деле знал? О чем догадывался? Все ли он рассказывал ей о своих «воспоминаниях»? Шарли иногда упоминала о матери и в разговорах с Брижитт. Может быть, Давид это запомнил?

Она протянула руку к ночнику и погасила свет. Потом поцеловала сына в щеку:

— Я тебя люблю, котенок. Всегда помни об этом.

— Я тоже тебя люблю, мама, — отозвался Давид. — Очень!

Тепло его тельца и дыхание, наконец ставшее размеренным, понемногу убаюкали Шарли. К тому же она чувствовала огромную усталость. Она заснула, согретая этим недавним «Очень!» и любовью к сыну, затопившей все ее существо.

Еще спустя какое-то время Давид шепотом произнес:

— Мам... она нас уже ищет... какая-то странная черная дама...

Но Шарли уже не услышала этих слов.

20

...Это фиаско! Полное фиаско! И почему вы решили объявить об этом открыто всем коллегам на общем собрании?.. И почему вы не отключили ваш гребаный телефон, Миньоль? Тома, этот звонок — это просто паскудство!..

...звонок...

...откуда-то...

...мои штаны, господи, где мои штаны?..

Тома протянул руку — твердая почва казалось близкой, буквально на расстоянии вытянутой руки... Но его пальцы

сначала наткнулись на пустой бокал, который опрокинулся, потом на какой-то твердый холодный предмет, потом окунулись в пыль... это оказался пепел в стеклянной пепельнице.

Он вынырнул из сна, и жестокая реальность предстала перед ним во всей полноте: он потерпел фиаско... Безрезультатное наблюдение за домом Вдовы... ладонь Орели Дюбар... потом они напились и даже выкурили косяк... и... и он заснул у нее дома, слишком одуревший, чтобы самостоятельно уехать... и... этот кошмарный сон...

...и звонок!

Номер, который высветился на экране мобильного, заставил его забыть обо всем.

— Тома?..

— О черт, что там еще?..

— Наш клиент склеил лапы.

Тома встряхнул головой. О чем говорит кузен?..

— Тевеннен мертв, — отчетливо произнес в трубке голос Жамеля Зерруки.

— Что?.. Что ты такое говоришь?.. То есть... ты в этом уверен?

В трубке послышался невеселый смешок.

— Если человек лежит на полу у себя в кухне с ножом между ребер и не шевелится, я так думаю, вопросы излишни.

Тома откашлялся, чтобы избавиться от остатков гашиша в легких и заодно как-то утрясти в голове новую информацию.

— Он уже окоченел, когда мы приехали к нему вчера вечером. Ты ведь знаешь, что мы там были, потому что сам за нами следил. Так вот, знай и то, что это не мы его прикончили.

Тома сжал кулаки. Он знал. Уже вчера вечером он знал! Не о том, что Тевеннен мертв, конечно, но о том, что ему самому не стоит заходить в дом. Возможность была слишком уж выгодной, ловушка слишком уж очевидной.

— Почему ты мне не позвонил сразу же?

— Я не мог... Она меня не сразу отпустила. К тому же...

Молчание.

Жамель боится, как бы вчерашний эпизод не обошелся ему слишком дорого, машинально подумал Тома. Боится, как бы его не обвинили в убийстве. Но вместо того, чтобы зря паниковать, кузен, очевидно, поразмышлял и избрал более правильную тактику. Тевеннен был главным подозреваемым, а поскольку он выбыл из игры, расследование Тома прекращалось само собой. Поэтому Жамель решил дать родственнику бесплатную информацию в надежде, что это избавит его самого от ненужных расспросов.

— Ты знаешь, кто его убил?

— Ну, это уж твоя работа, братан.

— Где он сейчас? В смысле...

— Трупак? Мы его не трогали. Ты же видел, как мы вышли из дома, и его с нами не было, ведь так? Мы его оставили на полу в кухне, где он и был. Думаю, у тебя уже достаточно информации. Теперь тебе все карты в руки.

И Жамель отключился, даже не попрощавшись. Тома остался неподвижно сидеть с трубкой в руке.

— Что такое?.. — вдруг послышался сонный голос у него за спиной.

Тома обернулся. Несколько секунд он разглядывал миловидное, еще заспанное личико Орели. Хороша, ничего не скажешь. А в постели так просто супер... Ночь получилась

поистине волшебной, даже несмотря на слишком крепкие напитки и слишком сильный наркотик, особенно для Тома, который и забыл, когда в последний раз курил гашиш... Совершенно неожиданно для себя он встретил женщину невероятно сексуальную, пламенную и отзывчивую, и эта внезапная близость дала ему чувство абсолютного единения с другим существом, ощущаемого отнюдь не только на физическом уровне.

Но никакое волшебство не может длиться долго. Рано или поздно реальность вступает в свои права. В нашем случае, горько подумал Тома, даже слишком рано... Орели исчезла. Перед ним была его коллега мадемуазель Дюбар.

— Нам подкинули работенку...

— Это шеф звонил?

— Нет, мой источник. Нам нужно ехать... — Он посмотрел на часы, которые показывали почти восемь утра, и добавил: — Прямо сейчас.

Орели села на постели, и соскользнувшая простыня открыла ее соблазнительные груди с затвердевшими от утреннего холода сосками.

— Куда ехать?

— К нему. В смысле, к Тевеннену.

21

Шелковые портьеры, пестрые ковры и альковы в стиле рококо окружали три небольших подиума, в центре каждого из которых возвышался металлический шест. По ночам это место начинало жить своей особой жизнью — тайной, за-

претной — в мерцающих бликах приглушенного янтарного света. Но в этот утренний час здесь горели лишь тусклые неоновые лампы, разоблачая всю фальшь показной роскоши: ветхие дырявые портьеры, потертые ковры, потускневшие краски...

Ничто не может быть более жалким, чем ночное заведение при беспощадном свете дня. Зная об этом, Вдова почти никогда не приходила сюда до наступления темноты и уходила задолго до закрытия. Это место слишком напоминало ей ее саму. Утренний свет был враждебен им обоим.

Однако в это утро Клео, охваченная лихорадочным нетерпением, прибыла в «Эль Паласио» с первым лучом солнца. Она пересекла главный зал, сморщив нос от запаха прокисшего пива (странно, но после того, как в клубе было запрещено курить, внутри стало вонять еще хуже, чем раньше, — очевидно, теперь флюиды похоти, которые источали посетители, приходившие на «эротические шоу», уже ничто не могло перебить) и почти не обратив внимания на хрупкую китайку уборщицу с чересчур большой для нее шваброй в руках. Впрочем, была ли эта азиатка и в самом деле китайкой?.. Клео этого не знала и не хотела знать. Она даже не могла вспомнить, видела ли ее тут раньше. Мир обслуживающего персонала располагался в другом измерении, где царил бедность, и Клео испытывала перед ним неподдельный ужас.

В самом дальнем углу, за занавеской, располагалась неприметная дверца с табличкой «Только для персонала». Вдова толкнула ее, прошла по небольшому коридору, устланному красной потертой дорожкой, миновала раздевалку танцовщиц и, наконец, вошла в свой кабинет, единственное

приличное помещение во всем клубе, с огромным зеркалом, хрустальной люстрой и глубоким честерфилдовским диваном. В углу стоял массивный письменный стол, на нем — телефон и два небольших монитора, один из которых был связан с камерой видеонаблюдения над баром, другой — с камерой над центральным подиумом. Вместо того чтобы включить мониторы (какой смысл наблюдать за уборщицей?), Клео включила радиоприемник — *...итак, «Бенабар»!* Что же это за альбом с таким по меньшей мере странным названием?.. Что вы хотели этим сказать? — и, не дожидаясь ответа певца, подошла к висевшему на стене гобелену и приподняла его. В нише за гобеленом располагался сейф.

Она не слишком заботилась о том, чтобы его прятать — во всяком случае, при мало-мальски добросовестном обыске любой коп его обнаружил бы, — поскольку не держала в нем ничего особо ценного. Ей просто нужно было создать иллюзию, что нечто ценное здесь есть. На самом же деле весь компромат, находившийся в ее распоряжении: письма, документы, счета, фотографии тех или иных известных личностей в весьма... пикантных ситуациях, — все это хранилось в других местах и было спрятано очень надежно. Здешний же сейф существовал скорее для отвода глаз. Кроме того, он был свидетельством ее странной, иррациональной привязанности к этому месту — ее первому ночному клубу, который она приобрела в собственность на совершенно законных основаниях.

Клео набрала код и открыла дверцу. На полках лежали пачки денег, документы на заведение и огромный фотоальбом. Его она и вытащила, после чего вернулась к столу.

Альбом был полон фотографий. Лица и обнаженные тела. Танцовщицы клуба.

Стараясь сдерживать нетерпение, Вдова нарочито медленно переворачивала страницы. Десятки женщин — высокие, маленькие, брюнетки, блондинки, рыжие...

Она хранила всё — во всяком случае, фотографии, паспортные данные и отпечатки пальцев всех своих служащих. Это было нечто вроде мании: Клео ди Паскуале — ни мужчина, ни женщина — хотела иметь свой собственный тайный бестиарий. К тому же в практическом плане такая архивация была полезна — всегда можно было откупиться от полицейских, подсыпав им несколько крошек информации. Такой возможности она никогда не упускала.

«Итак, кто именно вас интересует? Жанна Мальду?.. Сан-Дрина Эрло?.. Клара Карлун?..» — говорила она, листая альбом. От обилия обнаженной женской плоти у полицейских обычно отвисала челюсть. Эти фотографии были для Вдовы примерно тем же, чем для энтомолога — драгоценная коллекция редких бабочек.

И вот на странице под номером четырнадцать она обнаружила то, что искала, — фотографию жены Тевеннена. В те времена, несколько лет назад, та была еще более худенькой, чем на фотографии, которую Клео забрала из дома этого жирного борова, почти тощей, несмотря на упругую грудь и плавные и в то же время четкие изгибы тела, характерные для профессиональных танцовщиц. И конечно, тогда эта женщина была моложе. Хотя «моложе», подумала Клео, это не совсем удачное слово — правильнее было бы сказать «свежее». Она не выглядела еще такой... обреченной. Хотя, взяв лупу и взглядевшись в фотографию внимательнее, Вдова

поняла, что уже тогда в глазах ее танцовщицы сквозило ощущение безысходности, отчего они казались потухшими.

Клео понемногу вспоминала ту историю... Она никогда не забывала людей, с которыми пересекалась по жизни, и сейчас ей просто нужно было слегка освежить память. В те времена она уже редко навещалась в «Эль Паласио» — бизнес был налажен, клуб регулярно приносил не слишком большой, но все же приличный доход, так что заниматься им вплотную не было необходимости. Но несмотря на это, она обратила внимание на одну из новых «девочек», сильно отличавшуюся от других природной грацией, горделивой посадкой головы, поведением, в котором не было ни малейшего оттенка вульгарности, столь характерной для этой среды, умом, манерами и лексиконом. Сдержанная, элегантная... и, как следствие всего этого, не слишком полезная для заведения, в которое мужчины приходят в поисках сочных курочек, а не таких вот небесных голубиц.

Клео вспомнила, что даже подумывала ее уволить. Но, уже собираясь поручить Ольге, управляющей клубом, это сделать, она вдруг засомневалась и решила вначале посмотреть досье своей служащей. Молодая женщина была одиноким и имела малолетнего сына. Стало быть, пришла на эту работу, просто чтобы прокормиться... Она была ошибкой кастинга, так же как сама Клео была ошибкой природы. Что, в конечном счете, и спасло танцовщицу от увольнения — на миг Вдова ощутила какое-то смутное тайное родство с этой женщиной, которой нечего было делать в ночном клубе... как, впрочем, и самой Клео.

Она не стала выгонять танцовщицу, но при этом ничуть не удивилась, когда буквально на следующий день та сама

попросила об увольнении. Позже Вдова краем уха услышала историю о том, как один из клиентов пытался ее изнасиловать. Но Клео знала, что девушки в таких заведениях склонны многое преувеличивать, в том числе и опасности в своей жизни, и то отвращение, которые якобы вызывали у них клиенты, да и вообще вся мужская часть населения Земли.

Что ж, ни одно доброе дело не проходит даром: если бы не этот полузабытый эпизод из прошлого, Вдова могла бы и не заметить сходства женщины на фотографии в доме Тевеннена со своей бывшей работницей. *Перст божий...*

Она взглянула на данные под фотографиями (портрет и фото в полный рост): Софи Бердан. Да, Софи — так ее называли в клубе.

Дата и место рождения... семейное положение... адрес...

В те времена она жила у подруги, недалеко от площади Республики. Если этот адрес не был фальшивым...

Что ж, негусто: имя и адрес семилетней давности, ксерокопия удостоверения личности... Но все равно хоть какой-то след. Сгодится, если иметь в своем распоряжении хороших ищеек. А уж ищеек у Вдовы хватало.

Все на свете имеет смысл, рассеянно подумала она, захлопывая альбом. Более того, сама жизнь ежеминутно этот смысл *создает*. Словно каждый шаг на пути, сделанный Клео до сих пор, должен был в результате подвести ее к настоящему моменту: к разгадке тайны этой женщины.

Спокойно и величественно, словно королева, она поднялась, подошла к сейфу и водворила альбом на полку. Затем закрыла сейф, подвинула гобелен на прежнее место и верну-

лась к столу, собираясь выключить радио. Ее палец был уже в сантиметре от кнопки, как вдруг сквозь шквал новостей об экономическом кризисе, о Северном и Южном потоках, о реформе французского телевидения пробились слова, ставшие для нее очередным откровением:

— ...и вскоре мы узнаем имя победителя, выигравшего тридцать четыре миллиона евро! Если вы еще не проверили свой лотерейный билет, самое время это сделать! Итак, выигранные номера: 2...7...

Цзинь Мэй, только что окунувшая тряпку в ведро, где давным-давно утонули все ее мечты, испуганно вздрогнула, услышав из-за двери хозяйкиного кабинета безумный хохот, прокатившийся по всему клубу, словно цунами.

22

На всякий случай Тома Миньоль еще раз проверил замок на двери. Он знал, что обнаружит там следы взлома — накануне он видел в бинокль, как Жамель орудует отмычкой, очевидно собираясь застигнуть Тевеннена врасплох.

Но когда он уже собирался войти, его остановил голос Орели Дюбар:

— Я не понимаю, что здесь происходит, Тома...

С сегодняшнего утра она звала его по имени, и он даже не знал, радоваться этому или наоборот, ведь это означало, что Дюбар (Орели?..) не прочь продолжить, возможно, даже углубить отношения. Но сейчас этот вопрос отходил на второй план. Еще будет время его решить.

А сейчас нужно прежде всего объяснить Орели, почему они здесь и собираются войти в дом Тевеннена, открыв уже

взломанную дверь, поскольку до сих пор он так и не сообщил ей никаких подробностей. По пути сюда он разжимал челюсти только для того, чтобы проклинать утренние пробки и сожалеть о потерянном времени — хотя с чего вдруг оно казалось ему таким драгоценным, если Тевеннен все равно уже был мертв?.. Ответа на этот вопрос у него тоже не было.

Наверно, он просто хотел побыстрее... увидеть. Понять. Расследование выходило у него из-под контроля, возможность арестовать Вдову и благодаря этому получить хорошую должность в полиции — *настоящей* полиции! — становилась все более иллюзорной, и он всеми силами стремился исправить ситуацию. А для этого ему нужно было, по крайней мере, первым оказаться на месте преступления.

— Мой источник уверяет, что Тевеннен оставил за собой серьезный след. Именно здесь. Вчера вечером, незадолго до того как началась вся эта хренотень...

Скорее всего, этот аргумент показался Орели достаточно натянутым, но она не стала задавать лишних вопросов.

Тома толкнул дверь, сделал несколько шагов по просторной прихожей, откуда открывался вход в гостиную, затем обернулся к напарнице:

— Ты идешь?

Орели вздохнула и наконец последовала за ним.

— О черт, мадам Тевеннен любит жавелевую воду!.. — пробормотала она, наморщив нос.

Тома ничего не ответил на это замечание. Его удивила обстановка в доме копа. Он никогда бы не подумал, что

в этом человекоподобном куске сала есть хоть какая-то утонченность, но, судя по изысканной дизайнерской мебели в гостиной, он ошибался. Если только оформительницей семейного гнездышка, напоминавшего скорее модный парижский лофт, чем дом в городском предместье, не была Шарли, подружка Тевеннена...

Тома продолжал осмотр. В гостиной трупа не обнаружилось — комната была безупречно чистой, в ней пахло как после генеральной уборки... что, кстати, было странно: ведь если Тевеннен умер еще вчера, запах разложения, пусть даже слабый, уже должен был ощущаться.

— Ты осмотри кухню, а я поднимусь наверх, — распорядился он, обращаясь к коллеге.

Орели с раздраженным видом направилась к кухне, тогда как сам Тома поднялся на второй этаж, где по обе стороны коридора располагалось несколько комнат.

За первой дверью оказалась супружеская спальня. Все такая же изысканная обстановка: красивая двуспальная кровать, пушистый ковер, шкаф с зеркальными раздвижными дверцами длиной во всю стену, трюмо в стиле ар-деко...

Трупа не было.

Вторая комната оказалась детской. Не так уж много игрушек, белые стены с яркими цветами, нарисованными через специальный трафарет... Тоже довольно изящно, хотя слишком уж экономично...

И здесь трупа не было.

Третья комната, очевидно задуманная архитектором как спальня для гостей, была абсолютно пуста.

И в ванной ничего.

Так, а что внизу? Почему молчит Орели?..

— Эй, ты что-нибудь нашла? — крикнул он вниз, перегнувшись через перила.

Орели вышла из кухни:

— На кухне ничего, в гараже тоже ничего, кроме супер-пупер-мотоцикла... То есть я имею в виду, ничего необычного. Но поскольку я вообще не знаю, что мы ищем, чего ты от меня хочешь? У нас тут игра в «Форт Бойяр» или что?

Тома сжал кулаки и от всей души шархнул по перилам. Какого черта Жамель устроил ему такую подставу? Значит, он вернулся ночью, чтобы вывезти труп? Или Вдова отправилась для этой цели кого-то другого, а Жамель об этом даже не знал?..

Он вернулся в коридор, снова осмотрел все комнаты второго этажа, потом спустился на первый и, не обращая внимания на красноречивый взгляд Орели Дюбар, заново осмотрел все помещения и там.

Никаких следов преступления. Ни даже просто драки. Ни капельки крови нигде.

Тома с силой потер подбородок. А что, если... Тевеннен разыграл собственную смерть? Заставил Вдову в нее поверить, чтобы беспрепятственно скрыться?

Единственным средством это узнать был люминол. Это вещество использовали эксперты, чтобы обнаружить следы крови даже после самой тщательной очистки помещения, когда их нельзя было увидеть невооруженным глазом.

Итак, нужно было вызывать криминалистов. Что ж, тем хуже для его открытия... И вдруг у Тома перехватило ды-

хание — он только что осознал, что никакого открытия на самом деле нет! Ему ни о чем не известно. А Вдове? Знать бы...

Ясно одно: если Тевеннен мертв, делу конец; если же он жив и в бегах, тогда еще остается шанс на удачный исход.

Тома вернулся в гостиную и вынул из кармана оставленной здесь куртки мобильник. Набрал номер Коньо. Для очистки совести он сегодня утром отправил двух других своих подчиненных к дому, где вчера поздно вечером остановились Шарли с сыном, чтобы проверить, там ли еще их «БМВ».

— О, ну наконец-то! Я тебе уже звонил!.. — воскликнул Коньо.

— Что у тебя?

— Все очень странно... «БМВ» на месте. Но... этой ночью в доме убита женщина. В том самом доме, где на ночь остановилась наша подруга...

Тома постарался с честью выдержать новый удар. Значит, сожительницу Тевеннена *тоже* убили?..

— А что с мальчишкой? — спросил он.

— Нет, ты не понял. Это не Шарли Тевеннен убита. Другая женщина. Причем совсем недавно. Наши коллеги уже были там, когда мы подъехали. У меня уже есть все данные: имя и точный адрес жертвы. Похоже, дело рук маньяка. Ее насиловали, пытали... в общем, кошмар.

Тома, совершенно растерянный, встряхнул головой:

— А жена Тевеннена все еще там?

— Нет, ее уже нет. Там сейчас целое столпотворение, но ее нет. Ни ее, ни мальчишки...

Мысли Тома смешались. И так, Тевеннен убит у себя в доме этой ночью... Женщина, у которой остановилась его жена в ту же ночь, тоже убита, причем зверски. Какая связь?.. И где сейчас эта Шарли?

Он отсоединился, не переставая задавать себе вопрос: *но почему же ту женщину пытали и насильовали?..*

— Ты мне объяснишь наконец, что происходит?

Тома обернулся. Орели стояла, уперев руки в бока, с видом женщины, которая под утро встречает пьяного мужа, наконец вернувшегося домой. Тома собирался все ей объяснить сразу же после того, как они обнаружат тело. Но... нет тела — нет дела. Он чувствовал себя полным идиотом.

Не отвечая, он еще раз обвел глазами комнату, ненадолго задержавшись на огромном экране телевизора, словно ожидал, что там сейчас появится объяснение.

И вдруг он заметил что-то под самым потолком, над стеллажами. Какой-то отблеск, промелькнувший буквально на долю секунды...

Он нахмурился, затем, по-прежнему не говоря ни слова, направился в кухню.

Орели Дюбар, глубоко задетая полным отсутствием внимания к себе, но слишком гордая для того, чтобы пытаться его привлечь, осталась в гостиной. Тома вернулся через минуту, неся небольшую лестницу-стремянку.

Скрестив руки на груди, Орели наблюдала, как он поднимается по лестнице, протягивает руку к верхней полке стеллажа, затем проводит ею вдоль длинного провода, тянущегося от настенного светильника.

Затем Тома порылся в карманах, после чего начал откручивать наверху какую-то детальку — по крайней мере, так

показалось Орели. Она не понимала смысла его действий, но они вызвали у нее невольное любопытство.

Через минуту у него в руке оказался какой-то небольшой предмет, который он принялся вертеть перед глазами так и сяк.

Наконец Орели не выдержала:

— Что это?

— Камера.

— Что? — изумленно переспросила она.

— Мини-камера, — уточнил Тома, протягивая ей предмет, лежащий у него на ладони.

Когда Орели приблизилась, она перехватила взгляд его темных глаз, в котором прежнее вождение сменилось суровостью. Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга.

— За ними наблюдали... И между прочим, за нами сейчас тоже, возможно, наблюдают, — произнес он. — Дом Тевенена был под постоянным видеонаблюдением.

23

Давид не мог оторвать изумленного взгляда от женщины, сидевшей рядом с ним на водительском сиденье. На ней были огромные темные очки, а на голове возвышалось нечто невообразимое из черных набриолиненных прядей, стоявших торчком, как иглы дикобраза.

На мгновение она отвлеклась от дороги и повернула голову к нему:

— Давид, ну перестань уже смотреть на меня как на монстра!

Сдвинув очки на лоб, она подмигнула ему, и Давид невольно улыбнулся:

— Извини, мам, но я тебя не узнаю... ты похожа на певицу с Эм-ти-ви! На Аврил Лавинь, например...

Шарли, улыбаясь, покачала головой:

— Аврил Лавинь блондинка, радость моя. И у нее длинные волосы.

— Ну тогда... на Пинк.

— Да, в самом деле, у Пинк короткие волосы, но она тоже блондинка... с розовым оттенком.

— Вообще-то да... То есть... я не знаю, они постоянно меняют имидж... ладно, тебе видней. Просто ты сама на себя не похожа! Ты выглядишь как... ну, певица с Эм-ти-ви, и все тут! Иначе не скажешь!

Шарли снова улыбнулась. Да уж, имидж певицы с Эм-ти-ви не лучший для встречи с матерью после десятилетнего молчания... но сейчас ей не хотелось об этом думать.

Сейчас она наслаждалась короткой передышкой — рядом с Давидом, в тепле и уюте автомобильного салона.

Утро выдалось хлопотным. Давид еще спал — глубоким, свинцовым сном, — когда Шарли выскользнула из номера отеля, не разбудив сына и ничего ему не сказав, чтобышний раз не беспокоить. Сначала она зашла в салон-парикмахерскую, где ей и создали этот новый, слегка гротескный имидж, затем — что было самым главным — позвонила во «Французские лотереи» и объявила о своем выигрыше. Конечно же от нее потребовали сообщить данные удостоверения личности, и она назвала данные единственного документа, который могла предъявить без особого риска: акта гражданского состояния. Она не была уверена, что ее фаль-

шивый паспорт выдержит серьезную проверку, и понимала, что тридцать четыре миллиона евро не отдадут первому встречному. Что касается Шарли, гражданской жены и убийцы Сержа Тевеннена, она исчезла навсегда, почти одновременно со своим сожителем. Осталась Анн Шарль Жермон, воскресшая из небытия после десяти лет пребывания в коме. Странно, еще совсем недавно Шарли была уверена, что ей никогда больше не понадобится удостоверение ее *реальной* личности, и однако вот очевидный факт: она едет по дороге, ведущей в Сен-Клу...

...к дому у озера...

Почему она решила выбрать именно это место, которое предстало Давиду в одном из его «видений», Шарли не знала. Может быть, она предчувствовала, что это неспроста?.. Что в этом есть какой-то смысл... возможно, даже необходимость? Сказать матери последнее «прости», не сказанное за все десять лет после бегства юной Анн Шарль из наркологической клиники. Поставить последнюю точку перед окончательным отбытием в неизвестность, без всяких шансов на возвращение. И наконец, показать матери Давида. Но в то же время внутренний голос нашептывал Шарли, что это безнадежная и совершенно напрасная затея.

Дом у озера... Возможно, однако, отправиться туда было ее собственным, чисто рефлекторным побуждением: хотя Шарли ни за что бы себе в этом не призналась, но она инстинктивно искала защиты у матери, как любой человек в самые трудные моменты жизни.

И потом, всего через несколько дней, самое позднее — недель ее мать обязательно увидит в газетах или даже по телевизору ее фотографию с комментариями, вроде: «Трагедия

в семье полицейского... разыскивается убийца... опасная преступница...» Рано или поздно полицейские проследят весь ее путь: ее опознает и портье из отеля, и представитель «Французских лотерей»... ведь прическа типа «Взрыв на макаронной фабрике» вряд ли так уж сильно ее изменила... В конце концов они явятся и к ее матери. Шарли понимала, как та отреагирует на все это, и хотела, чтобы мать запомнила ее как адекватное существо, нормальную женщину, любящую своего сына, а не как бывшую наркоманку, ставшую убийцей.

На ближайшей развилке она свернула — и удивилась, внезапно осознав, что уже почти добралась до цели. Из-за тумана Шарли вела машину медленно, но при этом ни разу не сбилась с пути, хотя не слишком обращала внимание на дорогу — можно было подумать, что ее вел какой-то старый инстинкт, память об этих местах, сохранившаяся с детства...

Вот они и приехали.

Шарли замедлила ход, потом притормозила, предоставив мотору некоторое время работать на холостом ходу. Перед ней тянулась абсолютно пустая улица, как будто застывшая во времени. Высокие каштаны, окаймлявшие улицу с обеих сторон, протягивали голые ветви к свинцово-серому зимнему небу. Шарли вспомнила, что в крайнем правом от нее доме, аккуратном белом особнячке, когда-то жила семья профессора Гримо — он сам, его жена и двое детей, а дальше — семьи Моризо, Клейн, Морсан дю Кулак, а еще дальше, за высокой решеткой и густыми зарослями садовых кустарников, ее собственная семья: мать всегда считала, что лучше как следует отгородиться от посторонних взглядов...

Шарли почувствовала, как ее сердце забилось сильнее, и сделала глубокий вдох, чтобы как-то справиться с нахлынувшим на нее потоком воспоминаний.

— Это здесь? — нерешительно спросил Давид. — Но... это ведь не *дом у озера*, нет?..

— Нет, радость моя... Мы просто заедем сюда, чтобы забрать ключи...

Шарли вновь медленно тронула машину с места, радуясь, что на пути нет ни одной живой души.

Наконец они поравнялись с решеткой своего семейного особняка. Шарли вышла из машины и в ту же секунду ощутила ледяной холод — температура здесь была как минимум на три градуса ниже, чем в городе. О боже, как же она ненавидела холод! Почему они с Брижитт не уехали на юг сразу же, как только выяснилось, что Фабиан исчез бесследно?.. Тогда все было бы иначе, совсем иначе, и они могли бы...

Напрасные мысли. Шарли чувствовала, что вообще напрасно приехала сюда. Все в ней кричало: уезжай, убегай... подальше отсюда!..

Но она постаралась не думать об этом и сказала Давиду:

— Подожди немного здесь, котенок, ладно? Мне просто нужно кое с кем поговорить...

Она захлопнула дверь машины и подняла воротник. Потом приблизилась к чугунной решетчатой калитке и протянула руку к кнопке звонка. В тот самый момент, когда ее палец коснулся кнопки, Шарли обернулась, но увидела не старую синюю «клио», а роскошное авто своего отца, медленно отъезжавшее от дома. За рулем сидел отец, на заднем сиденье — две девушки азиатской наружности. Почему две?.. Тогда, в семь лет, она этого не знала. Позже ее мать, потяги-

вая виски из бокала, постаралась это ей объяснить. *Все* ей объяснить. Шарли было тогда всего девять.

Она несколько раз моргнула. Синяя «клио» стояла на месте. И Давид прижимался носом к стеклу. На его лице читалось явное любопытство. И нетерпение... и какое-то предчувствие...

Шарли поправила волосы, потом сняла темные очки и сунула их в карман пальто. И наконец позвонила.

Давид вытянул шею с любопытством выглядывающего из норки маленького зверька. За живой изгородью он разглядел красивый особняк, совсем не похожий на те дома, среди которых он вырос. Это была какая-то другая, неизведанная вселенная.

Значит, здесь живет его бабушка... До сих пор он думал, что она давно умерла. Мама говорила, что бабушка погибла в автокатастрофе, и он в этом никогда не сомневался, потому что у него не было никаких причин подозревать маму во лжи. Однако, когда мама совсем недавно сказала, что бабушка жива и тот самый *дом у озера* — это, в общем-то, *ее* дом, он не удивился. Может быть, он слышал, как мама говорила об этом когда-то давно, когда он был совсем маленький и она еще не знала о его способностях?.. Во всяком случае, у него не осталось об этом никакого четкого воспоминания. Кажется, даже никакого «воспоминания о будущем»...

По дороге сюда мама сказала только: «Видишь ли, мы с ней никогда особо не ладили... поэтому я тебя с ней так и не познакомила...» Давид не стал требовать подробностей: он знал, что со вчерашнего вечера привычный для него мир

непоправимо изменился, и его мысли были слишком сумбурны, а эмоции слишком хаотичны, чтобы попытаться как-то прояснить ситуацию, которую он не до конца понимал. Тем не менее он все же спрашивал себя: что это за бабушка, которая совсем не интересуется внуком? такие вообще бывают?..

Сейчас, когда он смотрел на кованую узорчатую решетку перед домом и на маму, которая нервно сжимала и разжимала руки, прежде чем нажать на кнопку звонка, он все отчетливее представлял себе бабушку в образе злой феи из «Спящей красавицы».

Как же ему ее называть? Бабушка? Или мадам?..

Этот дом и весь окружающий квартал, казалось, застыли во времени. Втайне Давид желал, чтобы никто так и не открыл калитку — ему совсем не хотелось знакомиться с бабушкой. Да и вообще ни с кем. Хотелось уюта, покоя, безопасности... где-нибудь вдали от всего остального мира. И самое главное — чтобы мама была счастлива.

Но он понимал, что так не получится. Знал, что встреча с бабушкой неизбежна. Их с мамой путешествие должно было закончиться в *доме у озера* — и только бабушка могла дать им ключи от него.

Словно в подтверждение его мыслей загудел интерфон, и Давид смутно расслышал, как мама что-то произнесла. Еще через несколько секунд она сделала ему знак выйти из машины и присоединиться к ней.

Ну вот, подумал он обреченно, пора.

И удивился, осознав, что его сердце колотится гораздо сильнее, чем обычно.

Так как же все-таки ее называть? Бабушка? Или мадам?..

24

Женщина, открывшая дверь, выглядела типичной домохозяйкой — на ее лице читалась неизбывная скука от постоянного пребывания в четырех стенах. Но когда Тома развернул у нее перед глазами служебное удостоверение, выражение ее лица изменилось — на нем появились беспокойство и даже некоторая враждебность.

— Но... что я могу для вас сделать? — спросила она.

— Мы расследуем дело о поставке наркотиков, и я попросил бы вас припомнить, не замечали ли вы в последнее время по соседству чего-нибудь подозрительного?

Женщина — лет сорока, спортивного телосложения, ненакрашенная — слегка нахмурилась:

— Чего именно?

— Ну, например, не появлялись ли здесь какие-то незнакомые люди?

Немного поколебавшись, она впустила его в дом — примерно такой же, как у Тевеннена, но с более соответствующей данному кварталу обстановкой.

— Хотите кофе? Я только что сварила...

Тома совершенно не хотелось кофе, как не хотелось и мучить бесполезными расспросами эту женщину. После того как он обнаружил в доме Тевеннена первую камеру, он вышел на улицу, чтобы посмотреть, нет ли где поблизости припаркованного грузовичка. Хотя Тома не слишком хорошо разбирался в аппаратуре слежения, он все же предполагал, что шпионы обосновались явно не за километры отсюда. «Режиссерская аппаратная», куда передавалось изображение, наверняка находилась в этом же квартале.

Осмотр ближайших окрестностей ничего не дал. Но, вернувшись в дом, Тома с помощью Орели обнаружил еще две камеры: одну — на кухне, другую — в супружеской спальне. Настоящая сеть видеонаблюдения, опутавшая весь дом!

Он взял чашку кофе, протянутую женщиной.

— Так что же, вы не заметили каких-нибудь незнакомых людей, подозрительных перемещений?.. — снова спросил он.

— Да... это началось несколько месяцев назад. Еще весной, если память мне не изменяет... Они появились... как будто из ниоткуда.

— Кто — «они»?

— Сначала их было двое. То есть... в основном двое. Время от времени к ним присоединялся третий. Вы понимаете, когда двое мужчин снимают жилье в тихом семейном квартале... это немного странно...

Тома кивнул.

— У них был такой вид... в общем, они совсем не вписывались в здешнюю обстановку. Особенно один из них. Настоящий гигант. Немного похож на Себастьяна Шабаля, знаете?.. Только бритый наголо. А второй... ну, в общем, скорее симпатичный парень, такой стройный... Но было такое ощущение, что они здесь ненадолго. Как будто выполняют какую-то работу...

— А где конкретно они снимали жилье?

— Это дом в самом конце улицы. У перекрестка.

Дом?.. Тома скорее предполагал, что они приезжали и уезжали в небольшом пикапе... но съемный дом?.. Кто же они такие, если проводили операцию с подобным разма-

хом?.. Или это просто совпадение и те двое ребят занимались чем-то другим?..

Он поднялся и подошел к окну.

— Вон тот дом? — спросил он, указывая на серо-белый домик у поворота.

— Да, — подтвердила женщина, приблизившись.

Недалеко от этого дома Тома увидел Орели, оживленно беседующую с каким-то пожилым господином. Время от времени она поглядывала на дом. Неужели и впрямь?..

— А как они себя вели, эти двое мужчин? — спросил Тома. — Вы сказали, они производили странное впечатление... А что именно было странного, кроме того, что они вместе снимали дом?

— Да в общем, ничего такого особенного... Они не пили, не дебоширили, почти никуда не отлучались, разве что в магазин... По очереди, никогда вместе... И не принимали никаких гостей, кроме того, третьего... Он приезжал раза два в неделю...

— Вы не могли бы описать их подробнее?

— Ну... один из них такой здоровяк, прямо чемпион по регби... Другой — не слишком высокий, стройный, темноволосяй... чем-то похож на вас. Только побледнее. А третий... о, этот тип был самый странный из всех! Высокий блондин, худой, даже тощий... такой, я бы сказала, женоподобный. С ним я однажды даже общалась — наши машины столкнулись, и он слегка повредил мою...

— Он вам случайно не называл свое имя? Или профессию?

— Нет... Он... — тут женщина слегка покраснела, — он платил мне наличными...

— Вы помните, какая у него была машина?

— Я не очень разбираюсь... внедорожник. А двое других ездили на серой «ауди». Мы с мужем, помнится, даже удивлялись — люди снимают самый маленький домик во всем квартале, а машина у них такая здоровенная... и они ей почти не пользуются.

Тома снова взглянул в окно на дом.

— А сейчас что-то не видно ни джипа, ни «ауди», — заметил он.

— Ну да. Я так и подумала, что вы по этому поводу... — отозвалась женщина.

— Э-ээ... то есть?..

— Они уехали как раз сегодня утром. Примерно с полчаса назад. Я видела, как они грузят вещи в машину. В «ауди». Столько чемоданов, сумок!.. Я подумала, что они едут куда-то на отдых.

Торопливо поблагодарив собеседницу и распрощавшись с ней, Тома вышел из дома и почти бегом устремился через улицу к Орели.

25

Близость полицейских в форме всегда вызывала у Клео ди Паскуале дискомфорт. Они напоминали ей о многочисленных неприятных эпизодах времен юности: о принудительном сексе в зарешеченных фургончиках, о ночевках в «обезьяннике». С полицейскими в штатском, которые занимались гораздо более серьезными делами, чем ночные облавы на шлюх, она чувствовала себя намного увереннее. Здесь была привычная для нее почва: все вопросы реша-

лись либо с помощью связей, либо с помощью денег. Но с «синими» она предпочитала не иметь никаких дел: недостаток власти и денег те предпочитали компенсировать, издеваясь над своими «клиентами», которых запросто могли задержать под каким-нибудь абсолютно надуманным предлогом.

И уж особенно не повезло бы «клиентке» неопределенного пола и непонятной национальности, да еще и облаченной в длинную белоснежную меховую шубу и такую же шляпу.

Вот почему Вдова не решилась выйти из машины, обнаружив целую толпу полицейских в форме, собравшуюся у того дома, где Клео надеялась обнаружить фальшивую Софи Бердан, — именно этот адрес был указан в анкете бывшей танцовщицы из «Эль Паласио».

«Мерседес» остановился в нескольких метрах от полицейского ограждения, возле которого уже начали собираться журналисты и телеоператоры. Некоторое время Вдова наблюдала из окна за происходящим, чувствуя неприятный холодок в животе при мысли о том, что тридцать четыре миллиона евро могут от нее ускользнуть.

— Что-то не так? — обернувшись с водительского сиденья, спросил Жамель.

Вдова помедлила с ответом. Она не объяснила подручному причину своего визита. Она не доверяла Жамелю, как не доверяла вообще никому на свете, и хотя до сих пор он ни разу не дал ей повода для подозрений, но кто бы устоял, услышав о тридцати четырех миллионах?..

Уж точно не она. И тем более, надо полагать, не Жамель Зерруки...

Но, так или иначе, она должна узнать, что происходит. Ей необходимо узнать, что случилось или может случиться с «ее» деньгами...

В толпе журналистов и зевак она высмотрела какого-то юнца с фотоаппаратом на шее, усиленно работающего локтями, чтобы пробиться в первые ряды, но более опытные в таких делах коллеги оттесняли его назад.

Подходящая добыча, решила Клео.

Не сказав ничего Жамелю, она вышла из машины, захлопнула дверцу и направилась к репортеру.

— Что тут происходит? — небрежно поинтересовалась она с высоты своего гигантского роста.

Молодой человек обернулся к ней. На миг в его глазах промелькнуло изумление, но тут же он слегка пожал плечами, словно ему много раз доводилось видеть и бóльшие диковины, чем полунегритянский аналог Снежной королевы.

— Не знаю. Это у полицейских надо выяснять. Хотя они делают все от них зависящее, чтобы помешать людям работать...

— Я приехала навестить подругу, — светским тоном прощбетала Клео. — Ее зовут Софи Бердан. Надеюсь, с ней ничего плохого не случилось...

— Я еще не узнал имя жертвы, я только что приехал... — пробормотал юный журналист.

— Жертвы?.. А что именно произошло?

— Убийство. Невероятно зверское... Какой-то маньяк насилывал и пытал женщину несколько часов, прежде чем прикончить...

Вдова попыталась с честью выдержать удар. Все эти кошмарные подробности, скорее всего, преувеличение (навер-

няка судмедэксперты еще даже не успели осмотреть тело), но в том, что убийство действительно произошло, сомневаться не приходится.

— О боже!.. Я надеюсь, это не моя подруга!.. — с притворным волнением воскликнула она. — Как же мне узнать имя жертвы?..

— Брижитт Биша.

Клео обернулась на голос, в то время как начинающий журналист поспешно выхватил из кармана записную книжку и ручку. Рядом потрясенно охнула какая-то женщина — на вид обычная пожилая домохозяйка, в дешевом пальто, наброшенном поверх розовой блузки.

— Я ее хорошо знала... — пролепетала она. — Брижитт часто ходила за покупками для меня... Господи, кто бы мог подумать, что с ней такое случится... Какой ужас!..

Не дожидаясь окончания рассказа — женщина лепетала что-то о том, что осталась совсем одна и теперь ей некого будет попросить сходить за хлебом, — Вдова вернулась к машине. Теперь она знала уже достаточно.

— Жена Тевеннена пока еще жива, — сообщила она Жамелю. — Во всяком случае, это не ее отвезли отсюда в морг сегодня утром.

— Но убийство, скорее всего, не случайное, — отозвался тот. — Именно в этом доме, именно сегодня ночью...

— Да, очевидно, кто-то еще охотится за деньгами... или за женой Тевеннена, кто знает... Надо это выяснить.

Клео поудобнее устроилась на сиденье и дала знак Жамелю трогаться с места. По пути она начала выстраивать план дальнейших действий.

26

Женщина, ребенок, холодный ветер сельских равнин, длинная аллея, дверь. Шарли медленно шла по гравийной дорожке, окаймлявшей огромную клумбу напротив главного входа в дом — белый особняк в стиле ар-деко. Все ее детство прошло здесь. И вот теперь она сюда возвращается — через двадцать лет. Гораздо более печальных, чем те, что она прожила в этом доме...

Ей казалось, что, по мере того как она подходит все ближе, крепко держа Давида за руку в шерстяной варежке, дом все больше отдаляется от нее и сама окружающая обстановка становится все более нечеткой, словно размытой.

Наконец она поставила ногу на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей к входной двери. Потом шагнула на вторую... третью...

Дверь открылась.

С верхней площадки наружной лестницы, увенчанной небольшим портиком с колоннами, на нее смотрела мать.

Долгое время они молча разглядывали друг друга. Не смотря на охватившее ее смятение, Шарли заметила и морщинки в углах губ матери, которые, видимо, уже не мог убрать никакой лифтинг, и поредевшие и поседевшие волосы, хотя и тщательно уложенные. Но это были всего лишь детали, и Шарли почти сразу же забыла о них, поскольку с удивлением осознала, что в целом ее мать не изменилась. Тот же самый пристальный холодный взгляд ярко-голубых глаз, та же молочно-белая кожа природной блондинки... И та же непреодолимая дистанция, всегда

существовавшая между матерью и всем остальным миром...

...кроме тех моментов, когда она напивалась.

— Здравствуй, Анн Шарль, — наконец произнесла женщина с холодными голубыми глазами.

Анн Шарль...

Это имя мгновенно пробудило в ней хаотический поток воспоминаний.

...Тебя уже ничем не исправить, Анн Шарль... ты конечный человек... Где мой бокал, Анн Шарль?.. Этот скот бросил меня ради двух блядей, ты слышишь, Анн Шарль?.. Даже не ради одной, а ради двух!.. Это просто таблетки для улучшения сна, Анн Шарль... ничего страшного... Тебе нужно больше спать... Успокойся, Анн Шарль, и прими эти таблетки... вот так... теперь я за тебя спокойна...

Она почувствовала, как рука Давида сжала ее руку. Шарли встряхнула головой, отгоняя непрошенные воспоминания, и слегка улыбнулась сыну, взглянув на его испуганное личико, наполовину скрытое толстым синим шарфом.

Потом наконец произнесла, обращаясь к матери:

— Это мой сын, мама. Его зовут Давид.

Обстановка в доме была прежней — утонченной, изысканной. Везде чувствовалась женская рука. Даже запахи были прежними. Особенно приятен был запах горящих в камине дров.

— Я не ждала вашего визита, Анн Шарль, иначе я бы приготовила обед. Но ты всегда преподносила мне сюрпризы...

«Вашего визита...» Конечно, ей было известно о существовании Давида... Когда Шарли сбежала из наркологического

центра, куда ее насильно поместила мать — которая и сама прежде проходила там курс лечения, избавляясь от алкогольной зависимости, развившейся в результате постоянных вечеринок и званых обедов, — она была уже на третьем месяце беременности. Именно это обстоятельство и побудило ее к бегству: мать настаивала на том, чтобы она сделала аборт.

«Ты не должна рожать ребенка от наркомана! К тому же ты не в том состоянии, чтобы растить его в одиночку! Подумай как следует хоть раз в жизни!»

Но, натолкнувшись на решительный отказ, мать пришла в такую ярость, что Шарли стала всерьез опасаться самого худшего: она знала, что, встречая сопротивление своей воле, та становится непредсказуемой. Поэтому она и решила бежать вместе с Фабианом — ночью, тайком, как преступница... Поэтому и жила с тех пор по поддельным документам.

Но хотя она до сих пор не забыла нескольких месяцев, проведенных в клинике — это был настоящий ад! — она все же надеялась, что мать изменилась, простила ее... и сама Шарли тоже готова была ее простить.

Сейчас она поняла, насколько сильно ошибалась. «Ты всегда преподносила мне сюрпризы...» Язвительность под прикрытием любезной улыбки... Подразумевались конечно же *неприятные* сюрпризы. От дочери, которая не должна была родиться девочкой... которой, возможно, и вообще не стоило бы появляться на свет...

Не дожидаясь ответа, мать перевела взгляд на внука:

— Сколько же тебе лет, Давид? Девять, так?

— Да, мадам, — вежливо ответил Давид, глядя на нее с некоторой настороженностью.

Лиан Жермон, урожденная Массьер, улыбнулась странной улыбкой. Шарли не могла понять, что именно она выражала: сожаление, горечь или просто любопытство.

— Ты знаешь, кто я?

— Да... — почти прошептал Давид, смущенный и очевидной двусмысленностью ситуации, и самим видом женщины, стоявшей перед ним.

Мать снова посмотрела на него долгим пристальным взглядом, в котором на сей раз явственно читались жадный интерес и непритворное волнение.

— Ты любишь шоколад? Горячий шоколад? Сейчас холодно, ты, наверно, замерз... Обедать еще рано, но выпить шоколада — это как раз то, что тебе нужно. И еще у меня есть круассаны...

Шарли заметила на лице Давида слабую улыбку — смущенную и растерянную улыбку ребенка, который не понимает взрослых игр и, скорее всего, спрашивает себя, зачем его сюда привезли, — и ответную улыбку матери, излучавшую столь непривычную для этой женщины доброжелательность. Они вошли в дом. Мать отправилась на кухню и отдала какое-то распоряжение прислуге, потом вернулась и помогла им раздеться. Ее движения были быстрыми и уверенными — казалось, она испытывает настоящий прилив энергии.

Затем Лиан Жермон провела дочь с внуком в гостиную. Шарли мельком окинула взглядом привычное убранство: мягкие диваны, бархатные портьеры, мебель из ценных пород дерева, изящные дорогие безделушки... Высокие окна-двери выходили на веранду, с которой открывался вид на бесчисленные крыши Парижа. Кое-где над трубами видся

дымок. Шарли вспомнила, как подолгу разглядывала эту картину: город, далекий и близкий, распахивал ей свои объятия, манил фальшивыми обещаниями свободы...

На какое-то время в комнате повисла тишина, которую нарушила горничная-азиатка, принесшая на подносе обильный завтрак. Шарли никогда не смогла бы вообразить себе подобной сцены — а впрочем, чего именно она ждала?.. Она не знала, и у нее даже не было времени об этом подумать: все эти непредвиденные события, стресс, постоянное чувство опасности лишили ее такой возможности. Она приехала сюда в поисках убежища, но теперь нелепость этого шага предстала перед ней со всей очевидностью.

Однако, после того как горничная ушла, случилась еще одна неожиданная и удивительная вещь: Лиан Жермон принялась буквально засыпать Давида вопросами:

— Тебе нравится в школе? Какие у тебя отметки? Ты хорошо ладишь с одноклассниками? Ты бывал на море? Ты занимаешься каким-нибудь спортом?

Это были вполне обычные вопросы, которые взрослые задают детям, и если поначалу Давид стеснялся, отвечая на них, то понемногу, видимо ободренный бабушкиной улыбкой, не сходявшей у нее с лица, расслабился и начал говорить увереннее. Между ними очень быстро установилась некая связь, почти сообщничество, и Шарли стало казаться, что они совсем забыли о ней, поглощенные своей беседой. Любопытство и явный интерес матери к внуку удивляли Шарли, но внезапно она поняла, что было тому причиной, — и это открытие отнюдь ее не обрадовало.

«Я не создана была для того, чтобы иметь дочь...» — часто повторяла Лиан Жермон тоном шутки или упрека, в зави-

симости от того, была ли она трезва или пьяна. В этих словах таилось нечто гораздо более серьезное, чем просто признание в том, что ей хотелось иметь сына: Шарли была виновата в том, что в каком-то смысле заняла место Шарля, первого ребенка четы Жермон, умершего от менингита в возрасте трех лет, за два года до рождения сестры. Об этом мальчике Шарли почти ничего не знала, хотя была «обязана» ему многим, и отнюдь не лучшим: своим именем, разводом родителей, нелюбовью матери...

И вот, против всякого ожидания, десять лет спустя после расставания с дочерью и тридцать лет спустя после смерти первенца Лиан Жермон сидела напротив ребенка, черты лица которого, скорее всего, чем-то напоминали ей давно потерянного сына.

При виде этой картины Шарли с трудом сдерживала в себе самые противоречивые чувства: сожаление, жалость, готовность простить...

Она откинулась на спинку дивана и прикрыла глаза. Невозможно поверить, что всего двенадцать часов назад она бросилась на Сержа с ножом в руке!.. Невозможно представить, что всего через неделю у нее будут тридцать четыре миллиона и они с сыном отправятся в Бразилию...

Господи, как же Давид пережил все это, если она сама уже на грани нервного срыва?..

— ...я тебя совсем заболтала, Давид!.. — неожиданно донесся до нее голос матери. — Ты же проголодался, а я не даю тебе съесть ни кусочка! Знаешь, что мы сейчас сделаем? Мы с твоей мамой уйдем в соседнюю комнату поговорить, а ты поешь в свое удовольствие. Все эти сладости — твои!

Шарли почувствовала, как внутри у нее все холодеет. И так, настало время объяснений.

— Кто его отец, Анн Шарль?

Мать задала этот вопрос сразу же, как только переступила порог небольшого кабинета и прикрыла за собой дверь.

Шарли вновь была захвачена врасплох. Она ожидала любого вопроса: «Зачем вы приехали?», «Что у тебя опять стряслось?», — только не этого.

Однако же нет. Видимо, счет претензий Лиан Жермон датировался 1998 годом.

— Я... его не знаю, мама.

На губах матери появилась легкая торжествующая улыбка.

— Чего ты от меня ждешь? — не выдержав затянувшейся паузы, спросила Шарли. — Хочешь, чтобы я сказала: да, ты была права, мама, это был какой-то наркоман, мне не стоило с ним связываться, я должна была послушать тебя, как всегда? Да, он был не готов к тому, чтобы стать отцом, тут я с тобой совершенно согласна. Но он меня любил. Возможно даже, это был единственный человек, который любил меня по-настоящему...

Молчание. Мать даже не пыталась убеждать ее в обратном...

— И к тому же он вытащил меня из этой... тюрьмы. И дал мне этого ребенка. Он сделал мне два самых ценных подарка за всю мою жизнь!

— Эта «тюрьма», как ты ее называешь, Анн Шарль, спасла тебе жизнь. Одному Богу известно, что бы с тобой случилось, если бы не она.

— Но я попала туда из-за тебя, мама. Ты забыла таблетки, которыми пичкала меня в детстве? Те самые, «для улучшения сна»?.. Да, я плохо спала и нервничала, после того как папа от нас ушел... Что это были за таблетки? Валиум? Теместа? Нечего сказать, лучшее средство для ребенка восьми лет!.. Конечно, позже я о них забыла, но в этой чертовой клинике, на сеансах терапии, которые продолжались целые часы, если не недели подряд, я все вспомнила! Это не я начала принимать наркотики. Это ты меня на них подсадила! Всему виной ты и твои прихоти, ты и твоя собственная блажь!..

У Шарли перехватило дыхание. Зачем все это?.. Ничто не изменилось и никогда не изменится. Не будет никакого возрождения там, где нет самого главного: любви.

— Зачем ты приехала? — спросила мать ледяным тоном. — Тебе нужны деньги?

Шарли пожала плечами. Деньги. Универсальное средство. И отец так же считал: уехав в какой-то тропический рай для миллионеров, он продолжал платить бывшей жене деньги, причем с королевским размахом, вплоть до того, что каждые два года покупал ей новый «мерседес». Видимо, таким образом он заглушал упреки совести.

— Нет, мне просто нужны ключи от *дома у озера*. Максимум на неделю.

— Ты хочешь отвезти туда Давида? Сейчас, в разгар зимы?! Чего ради?

— Ну, скажем так: человек, с которым я живу последние годы, стал создавать мне... некоторые проблемы. Мне нужно какое-то время побыть одной, в уединенном месте, безопасном для меня... и для Давида, — на всякий случай добавила

Шарли, надеясь, что этот последний аргумент окажет нужное воздействие.

Подозрительный, по-прежнему холодный взгляд.

— В какую историю ты снова впуталась, Анн Шарль?

О черт, это и вправду была плохая идея... очень, очень плохая идея — отправиться сюда! Ни в коем случае не нужно было этого делать! Почему она послушалась Давида? И как он мог обмануться?.. Очевидно же, что им ни в коем случае не стоило сюда приезжать! Нужно было придумать какой-то другой вариант, но только не этот: лишний раз дать матери убедиться в собственной правоте!..

В этот момент из гостиной донесся крик. Резкий и пронзительный крик, в котором звучали изумление и ужас. И сразу вслед за ним раздался звон осколков.

— Давид! — воскликнула Шарли и бросилась в гостиную.

Давид полулежал на диване. Казалось, он в обмороке. Из носа стекала тонкая струйка крови.

— О боже!..

Шарли подбежала к сыну и опустилась перед ним на колени:

— Что с тобой случилось, радость моя?..

— Я... я не знаю. Кажется, я заснул, и мне приснился кошмар.

— Ничего страшного, котенок... Это просто сон... Ты же видишь, я здесь...

Шарли схватила свою сумку и, достав упаковку бумажных салфеток «Клинекс», промокнула кровь:

— Ничего страшного... у тебя немного кровоточит нос, но это сейчас пройдет... приподними голову...

Лиан Жермон молча наблюдала за этой сценой, держась на некотором расстоянии. Затем она окинула взглядом комнату и направилась к небольшому круглому столику в другом конце гостиной.

Подойдя, она наклонилась и стала подбирать осколки разбитой вазы. Затем выпрямилась и мысленно прикинула расстояние между ребенком и столиком, на котором прежде стояла ваза. Семь-восемь метров...

Она слегка склонила голову, словно ища объяснения, и вдруг перехватила взгляд Шарли. Мать и дочь пристально смотрели друг на друга несколько секунд, отягощенных каким-то загадочным, тайным смыслом... У Шарли даже создалось впечатление, что мать сейчас произнесет нечто очень важное...

Но Лиан Жермон лишь сказала:

— Сейчас я принесу ключи и позвоню месье Боннэ — скажу, чтобы подготовил дом к вашему приезду. Его нужно как следует протопить...

27

— И что дальше? — спросила Орели.

Зрение Тома на минуту затуманилось, искаженное ощущением дежавю: холод, пустынная улица, маленький домик в пригороде, Орели Дюбар...

— У нас нет никакой уверенности в том, что ребята, о которых тебе рассказала соседка, именно те, которые шпионили за домом Тевеннена, — настойчивым тоном продолжала его коллега. — А может быть, они наблюдали за домом совершенно легально? Может быть, хозяин сам оплачивал видеонаблюдение?

Тома отвернулся, чтобы не встречаться с ее пристальным взглядом.

— А что, ты заметила какие-то признаки сигнализации? — спросил он. — Кстати, что тебе рассказал этот старичок из дома напротив?

— То же самое, что и тебе твоя домохозяйка. Два типа — один громила, другой стройняшка — снимали здесь жилье несколько месяцев и уехали сегодня на рассвете. Пока жили здесь, почти никуда не выходили, разве что в магазин, и всегда поодиночке, никогда вместе.

— Они уехали меньше часа назад, — уточнил Тома. — И они больше не вернутся, можешь мне поверить. Ладно, так или иначе, считай, что я беру на себя полную ответственность за содеянное.

И с этими словами изо всех сил шарахнул ногой по двери. Петли жалобно заскрипели, и дверь подалась.

— Полиция! — на всякий случай громко объявил Тома, хотя перед этим долго звонил и стучал, прежде чем перейти к решительным мерам.

Никакого ответа. Вообще ни звука.

Они с Орели миновали небольшую прихожую и вошли в гостиную. Остатки завтрака на столе, дешевая икеевская мебель, никаких безделушек, книг, картин — ничего такого, что обычно украшает интерьер... Комната выглядела не более жилой, чем выставочный образец в «Икее».

Тома и Орели невольно переглянулись, подумав об одном и том же: никто и в самом деле не жил в этой комнате. Это было съемное жилье, которое использовалось по большей части для некоей работы.

В другой комнате обнаружили разобранную кровать, ночной столик и шкаф — распахнутый настежь и совершенно пустой.

В третьей — несколько мониторов, соединенных с общим процессором. Несмотря на отсутствие изображения, у Тома больше не оставалось сомнений.

— Это они, — констатировал он, нервно проводя рукой по своим густым пружинящим волосам. — За Тевенненом наблюдали двое каких-то парней... или трое... или даже больше, неважно... которые несколько месяцев жили буквально у него под боком!

Орели Дюбар внимательно осмотрела мониторы.

— Эти ребята уехали в спешке, — констатировала она. — Не забрали аппаратуру, даже не отсоединили кабели... — С этими словами она подхватила с пола широкую пластиковую трубку, из которой выходили многочисленные электрические провода.

Тома приблизился к пустому стеллажу. На полках почти не было пыли. Стало быть, прежде на них громоздились десятки, а то и сотни видеодисков. Интимная жизнь семьи Тевеннен, день за днем, час за часом... диски, рассортированные по датам или... по наиболее важным событиям. Но эти ребята все увезли с собой. Остались лишь тонкие бороздки пыли, свидетельствующие о том, что раньше между ними стояли коробки с дисками...

Тома и Орели тщательно осмотрели все оставшиеся помещения в доме, но тщетно. Ни одной улики — ни клочка бумаги с номером телефона, ни фотографии, ни чего-то подобного, позволяющего выяснить, кто такие были эти парни. И почему они шпионили за Тевенненом.

В конце концов, разочарованно вздохнув, Тома вышел из дома и на некоторое время задержался на верхней площадке наружной лестницы, глядя на дом Тевеннена. Он находился чуть наискосок отсюда, через несколько других домов, но из-за множества деревьев тайный наблюдательный пункт был почти незаметен, особенно в вечернее время, когда полицейский, должно быть, обычно возвращался домой. Ему, скорее всего, даже в голову не приходило, что новые соседи могут шпионить за ним — вот так, внаглую, буквально из дома напротив...

Что же касается его жены... вот она как раз могла заметить в доме напротив что-то подозрительное... А вдруг именно по этой причине она и сбежала среди ночи? Что же на самом деле произошло? Тома вдруг вспомнил слова Орели, когда они вместе осматривали дом Тевеннена: «Странно, ни одной семейной фотографии... да и вообще никакой...»

Может быть, Шарли — ключ к разгадке?..

У него в кармане завибрировал мобильник.

— Да, Коньо? — откликнулся Тома, проверив имя абонента.

— У нас кое-какие новости.

— Давай выкладывай.

— Во-первых, автомобиль жертвы исчез.

— Той девушки, которую убили сегодня ночью?

— Да.

Так вот почему «БМВ» остался стоять на месте: Шарли Тевеннен уехала на другой машине. Итак, меньше чем за сутки она сменила две машины... оба владельца которых ныне мертвы!

— А вторая новость? — спросил Тома.

— Гораздо более шокирующая: Шарли Тевеннен мертва.

— Что?!

— погоди, не паникуй. Пока я тут общался с нашими коллегами по поводу убийства, Жильяр проверял акты о гражданском состоянии и все такое прочее, чтобы установить личность мадам Тевеннен. Хотел отыскать ее родителей или других родственников. Короче, ее девичья фамилия — Руссо — фальшивая. Настоящая Шарли Руссо умерла восемь лет назад. К тому же она родилась где-то в бывшей французской колонии и была то ли негритянкой, то ли мулаткой...

Пауза.

— Эй, ты слушаешь?

— Да, — рассеянно пробормотал Тома, чувствуя, что кусочки этого загадочного пазла все сильнее перемешиваются, вместо того чтобы складываться в картинку. — Значит, так: нам всем нужно собраться и провести небольшое совещание. Я скоро подъеду. — И с этими словами он отключился.

— С этим видеонаблюдением все только сильнее запутывается, — словно прочитав его мысли, произнесла Орели.

Тома обернулся к ней. На мгновение забыв обо всех этих тайнах, он невольно подумал, что она восхитительна: ярко-голубые глаза, простая, но тщательно уложенная прическа — удлиненное каре, — отлично скроенный костюм...

— Я как-то даже растерялась, — произнесла Орели, разрушив это недолгое волшебство. — Кстати, такое ощущение, что здесь тоже недавно провели генеральную уборку. Как и в доме Тевеннена... Это ведь они сделали — и здесь и там?

Тома пожал плечами:

— Не знаю, что и думать.

— По-твоему, где они могут быть?

Тома взглянул вверх, на темно-серое небо. Скоро пойдет снег...

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил он. — Но самое обидное: мы разминулись с ними буквально на полшага!

28

Джорди сидел, откинувшись на спинку водительского сиденья и закрыв глаза. Уже в восьмой раз за последние несколько часов он мысленно прокручивал перед собой кадры видеозаписи: Шарли, как внезапно отпущенная пружина, резко распрямляется, сжимая в руке нож, и с безумным воплем вонзает это оружие в грудь Тевеннена... Глаза копа округляются от изумления, и в следующий миг он обрушивается на пол...

И уже в восьмой раз Джорди спрашивал себя: что он мог сделать — нет, что он *должен был* сделать, — чтобы не допустить такого поворота событий? И еще — по какой загадочной случайности перед мониторами в этот момент сидел только он один? Остальные увидели эти кадры только через час. Шарли с сыном к тому времени уже уехали.

Куда?..

Вздыхнув, он открыл глаза и взглянул на расстилавшееся перед ним пустое сумеречное пространство парковки — как велел им Кольбер, они запарковались на втором подземном ярусе.

Джорди открыл папку, лежавшую перед ним на руле, и взглянул прямо в глаза женщины, изображенной на фотографии. Какую именно из своих фальшивых личностей будет на этот раз использовать Шарли Тевеннен, чтобы скрыться? Ему было известно только о двух, но он почему-то — возможно, потому, что на протяжении долгих часов, дней, месяцев наблюдал за ней, и знал, что она способна на многое, — представлял себе целую грудку паспортов всех стран и национальностей. Хотя Шарли была отнюдь не Никита, она, вероятно, сотни раз представляла себе, как убегает из этого ужасного дома. Но что же удерживало ее так долго рядом с типом, о котором ей все должно было стать ясно после пары месяцев знакомства?..

Джорди тщетно пытался разгадать эту загадку, когда Такис, сидевший рядом с ним на пассажирском сиденье, недовольно пробурчал, что Кольбер опаздывает уже на десять с лишним минут. «Это не в его привычках», — добавил гигант почти обиженным тоном ребенка, которого долго не забирают из детского сада родители.

Джорди повернул голову и мельком взглянул на грубый, чуть приплюснутый профиль соседа. За все то время, что он прожил бок о бок с этим типом, что он узнал о нем? Почти ничего. Знал, что у того могучий храп; знал об огромной силе гиганта, который мог часами упражняться с тяжелыми гантелями — хотя Такис не признавал никакого другого спорта, этому он предавался столь ревностно, что иногда чуть ли не падал от усталости. Знал, что тот обожает «Звездные войны», «Гарри Поттера» и «Бондиану» — у него были все серии, и он крутил их день и ночь. К выполняемой миссии Такис, судя по всему, был абсолютно

равнодушен, как если бы выполнял обычную работу по наладке электросетей или типа того. Еще Джорди знал о его безоговорочной преданности Кольберу, который и руководил всей операцией.

Он взглянул на часы на приборной доске. В зеркальце над лобовым стеклом виднелись многочисленные коробки, сумки, компьютерные процессоры, сваленные как попало на заднем сиденье. Они взяли с собой только самое ценное, и Джорди понимал, что на месте осталось множество улик. Найдут ли копы камеры в доме Тевеннена? Догадаются ли, откуда за ним наблюдали? Сколько времени им для этого понадобится?

В этот момент на пологом спуске, ведущем на нижний ярус, появился темно-синий джип «чероки». За рулем сидел светловолосый человек, одна прядь волос спадала ему на лоб. Кольбер сделал круг по парковке — вероятно, чтобы убедиться в отсутствии ненужных свидетелей, — потом подъехал к своим сообщникам.

Джорди опустил стекло, и в салон ворвался холодный воздух с примесью бензиновых паров. Оба водителя переглянулись.

— Как обстоят дела? — спросил Кольбер. Вот вечно он так, никогда не спросит «Ну что там у вас?» или просто «Ну чё, как?», — нет, обязательно «Как обстоят дела?» — можно подумать, у них тут светский раут... Кольберовские манеры раздражали Джорди с самого начала миссии. Нет, хуже: от них ему делалось не по себе. Это произношение, эти жесты, этот общий аристократический облик совсем не вязались с холодной, расчетливой жестокостью, слишком хорошо заметной во взгляде этого человека...

Джорди коротко изложил ему ситуацию. Накануне вечером, после того как они увидели на мониторе... несчастный случай, произошедший с Тевенненом, они действовали строго по инструкциям шефа. Такис ночью отправился в дом Тевеннена, чтобы вытащить труп. Поскольку Джорди в этом не участвовал, он понятия не имел, куда гигант потом отвез тело для импровизированных похорон, и совершенно не хотел этого знать. Когда тот вернулся, они вдвоем провели тщательную уборку в доме. Затем, еще раз как следует все осмотрев и не обнаружив никаких оставленных улик, вернулись к себе, и Джорди принялся укладывать аппаратуру, после чего стал изучать досье Шарли, чтобы найти там хоть какой-то след, какое-то указание на то, куда она могла бы отправиться.

— Потом мы чуть-чуть поспали... вообще-то мы ждали твоего звонка, но ты все не звонил, и мы решили малость отдохнуть. Мы думали закончить все с утра, но тут вдруг объявились копы. И мы подумали, что чем скорее мы свалим, тем лучше...

— Но насколько я понял из твоих объяснений, в доме Тевеннена совершенно не за что зацепиться...

— Да.

— Таким образом, у них не будет причин назначать расследование. Во всяком случае, в ближайшие несколько дней...

Послышался шум подъезжающего автомобиля, и все трое обернулись. Но водитель остановился недалеко от спуска, так что не смог бы ни разглядеть их, ни услышать разговор.

— Дом абсолютно чистый, — еще раз подтвердил Джорди. — Но если они обшарят каждый сантиметр, то рано или поздно найдут камеры.

— Так, стало быть, камеры вы не сняли? — спросил Кольбер с ноткой недовольства в голосе.

— Мы собирались сделать это утром, в спокойной обстановке, без спешки. Это тонкая работа, она требует времени, — ответил Джорди. — Вчера мы слишком устали, да и пришлось бы включать в доме весь свет, а среди ночи это выглядело бы подозрительно... В принципе, мы можем вернуться позже и сделать это. Копы, скорее всего, пока ничего не нашли.

На сей раз Кольбер ничего не сказал. Джорди заметил у Артиста мешки под глазами — тот, судя по всему, тоже провел не самую безмятежную ночь, хотя Джорди и не знал, что именно он предпринял со своей стороны, чтобы найти Шарли.

— Когда я упаковывал диски, я заметил одну вещь... — произнес Джорди, все же решив сообщить о том, что не дало ему покоя. — Несколько дисков недостает.

— Ты знаешь, каких именно? — спросил Кольбер.

— Нет. Но если у меня будет время все разобраться, я установлю даты. Просто вчера на нас свалилось слишком много других дел...

Ему показалось или при этих словах Кольбер в самом деле облегченно вздохнул?..

— Я просмотрел ее досье, но не нашел ничего, что могло бы помочь ее найти, — добавил Джорди. — А ты?

— Я узнал номер мобильного телефона, который она захватила с собой. А также ее фальшивое имя, которого мы раньше не знали.

— Номер мобильника? Вот это да! Как ты его раздобыл?

— Проблема в том, — продолжал Кольбер, не отвечая на вопрос, — что этот телефон постоянно выключен. Я боюсь, что она включает его лишь в самых необходимых ситуациях, а потом сразу же выключает. Хитрая тварь!.. — почти прошипел он, и Джорди заметил, что его глаза на миг превратились в две узкие голубоватые щели.

— А фальшивое имя у нее откуда?

Кольбер слегка пожал плечами:

— По всей видимости, она вела непростую жизнь еще до того, как познакомилась с Тевенненом...

«По всей видимости...» У Джорди снова, как и множество раз за предыдущие недели, появилось неприятное ощущение какой-то неправильности, недосказанности, чего-то такого, что он никак не мог ухватить...

— Что теперь? — спросил он. — Ждем, пока она включит мобильник?

— Нам нужно будет раздели...

Телефонный звонок прервал Кольбера на полуфразе. Артист поднял стекло машины и взял телефон. Через несколько секунд Джорди увидел, как Кольбер стучит по клавишам своего GPS. Затем он снова опустил стекло и торжествующе сообщил:

— Ее обнаружили!

29

Откуда-то издалека до него донеслась музыка. Ему показалось, что он узнает голос Мадонны, одновременно с которым звучал и голос его матери, однако разобрать можно было только слова песни: «...time goes up, for nothing, time

goes...»¹. Затем к этим звукам добавился шум мотора. Сквозь сомкнутые веки Давид ощутил слабый свет, а когда приоткрыл глаза, то увидел, что автомобиль движется как будто сквозь огромный белый кокон.

Давид слегка приподнялся на заднем сиденье и, ненадолго забыв обо всех предшествующих событиях, начал восхищенно разглядывать огромные густые хлопья снега, летящие прямо в ветровое стекло: сквозь эту белую завесу было почти не видно дороги.

Затем он перехватил в зеркальце заднего вида взгляд матери и улыбнулся ей.

— Ну вы и спите, молодой человек! — пошутила она. — Как медведь в берлоге!

И тут же вновь переключила внимание на дорогу. Давид понимал, что вести старую машину, да еще в таких условиях, ей очень нелегко. По тому, как медленно они продвигались вперед в снежном вихре, он чувствовал, с какой осторожностью она едет.

— Здорово! — не удержавшись, воскликнул он. — Как на горнолыжном спуске!

Шарли грустно улыбнулась. Два раза они ездили в горы, и Давид был в полном восторге, впервые встав на горные лыжи. Сейчас она вспомнила, как радостно он хохотал, даже когда падал, и каким наслаждением для нее было слышать этот смех. Их недолгое счастье, однако, вызывало у Сержа безумные приступы ревности, и две поездки, и без того короткие, были отравлены градом ругательств, оскорблений и побоев, несмотря на все ее усилия не совершать никаких оплошностей.

¹ Проходит время просто так, проходит время (*англ.*).

Сейчас, представляя себе утопающий в снегу дом у озера, Шарли радовалась своему выбору — впрочем, действительно ли своему?.. Так или иначе, они с Давидом будут гулять, играть в снежки, слепят снеговика, съездят на лыжах в соседний небольшой лесок... Может быть, месье Боннэ найдет им и санки?..

Да, сейчас взгляд широко распахнутых глаз Давида был почти... счастливым. Но что же произошло недавно в Сен-Клу?.. Какой кошмар мог вызвать подобную реакцию?..

Шарли покусала губы, потом все же решилась задать вопрос, не дававший ей покоя с момента отъезда из дома матери:

— Ты можешь мне сказать, что с тобой случилось, Давид?.. Я имею в виду, недавно, в бабушкиной гостиной...

На мгновение она перехватила его взгляд в зеркальце заднего вида и поняла, что инстинкт ее не обманул — Давид... скрывал от нее что-то.

Давид скорчился на сиденье, обхватив руками колени. Как же ей объяснить?.. Это трудно... Что-то вроде... удара изнутри в запертую дверь, которая находится в голове...

— Я... я и сам точно не знаю, мам... Как будто что-то хотело вырваться из моей головы наружу...

Несмотря на то что в салоне машины было тепло, Шарли почувствовала, что ее охватывает дрожь — как будто температура воздуха вдруг резко упала.

— Ты можешь мне объяснить, как именно это происходит? — спросила она, стараясь говорить небрежным тоном. — Помнишь, ты мне раньше объяснял, как работает твой талант?

«Почему я говорю с ним как с несмышленьшим?» — тут же упрекнула она себя.

Потому что ты тревожишься, потому что ты боишься, потому что тебя гложет паника. Потому что ситуация вышла у тебя из-под контроля и может в любой момент осложниться еще больше. Потому что ваша свобода иллюзорна, и очень может быть, что вы проводите вместе последние часы...

Она на секунду закрыла глаза, чтобы заставить замолчать этот голос, который не переставал нашептывать ей эти мрачные предсказания.

В это время Давид размышлял, что ей ответить, точнее, прикидывал, что стоит рассказать, а о чем лучше умолчать. Он не хотел тревожить ее еще больше.

Прежде он никогда не пытался пробуждать в себе свой необычный талант по собственной воле. Скорее уж наоборот — Давид прилагал все усилия к тому, чтобы его *не* пробуждать.

Но после того, как он недавно угадал выигрышные номера, картины будущего буквально затопили его сознание: они мелькали перед ним, смешиваясь, как в калейдоскопе, и их смысл невозможно было разгадать — ясно было лишь то, что они таят в себе опасность. Больничная палата... врач, который почему-то кажется ему знакомым... огненные вспышки... кровь... множество предметов, со страшным грохотом рушащихся на пол... незнакомые лица... и знакомые тоже — например, лицо Брижитт на фотографии во весь экран телевизора...

И какое-то существо — невидимое, но вездесущее, которое следует за ним повсюду... Черная тень с огненным взглядом...

Давид понимал, что все это скоро воплотится в жизнь. Он точно не знал, когда именно — завтра, через неделю, через две? — и в каком порядке, но чувствовал, что грозящая им с матерью опасность исходит буквально со всех сторон. Она словно пропитала всю атмосферу вокруг них. Она становилась все ближе. И самое ужасное — она была... ГОЛОДНА. Да, «голодна» — это было самое подходящее для нее слово.

Но он и сам испытывал голод... точнее, жажду — жажду знания. Неопределенность, неясность видений сводила его с ума. Он знал слишком много о грядущих событиях, чтобы не думать о них, и в то же время слишком мало, чтобы их предотвратить.

И вот, когда он остался один в огромной бабушкиной гостиной, слегка смущенный окружающей роскошью, ему пришла мысль о том, чтобы попробовать прояснить видения, вызвав их по собственному желанию. Он сосредоточился и попытался... *усилиться*, чтобы вызвать нечто. Чтобы проверить, на что способен его талант, если дать ему полную свободу.

Сначала ничего не происходило. Будущее предстало перед ним как пустая белая страница, на которой еще только предстояло что-то написать. Он подумал о мутантах из сериала «Герои» — те могли летать, становиться невидимыми, останавливать пули на лету... за всем этим было очень интересно наблюдать по телевизору, но Давид подозревал, что добиться таких свойств в реальности очень тяжело, если вообще возможно. Не говоря уже о том, что жизнь героев сериала отнюдь не была вечным праздником — даже на экране... И еще им постоянно приходилось упражняться — раз-

вивать свои способности и одновременно учиться их контролировать. Понимать их. Иногда даже открывать в себе новые...

Все это он говорил себе, сидя на диване перед тарелкой с круассанами, в окружении картин в позолоченных рамах и дорогих безделушек, и позволив образам в сознании появляться и исчезать, как им вздумается.

Затем он стал вызывать силу — закрыв глаза, полностью сосредоточившись, молясь сам не зная кому или чему, что могло бы ему помочь... и понял, что молитва услышана, когда вдруг произошло... *ничто*. На этот раз не было ни картин, ни воспоминаний, ни дежавю. Вместо этого он ощутил почти физический жар. Тепло распространялось у него в голове — это было болезненное и одновременно приятное ощущение, которое понемногу передавалось и всему остальному телу. Как будто какая-то энергия стремилась вырваться из него наружу. Как будто внутри у него был зверек, очень резвый и полный сил. Нетерпеливый. И... голодный.

Ободренный этим первым результатом — и странной эйфорией, охватившей все его существо, даже несмотря на неприятный шум в ушах, — Давид попробовал еще увеличить эту пробудившуюся силу. По-прежнему не открывая глаз, он внезапно осознал, что его большой палец как будто сам собой оказался у него во рту — в детстве он постоянно сосал палец, но потом избавился от этой привычки. Гневные голоса, доносившиеся до него из-за двери, за которой недавно скрылись мама и бабушка, превратились в едва различимый шепот... И вдруг на него резко навалилась невероятная усталость — как будто огромная черная птица спикировала с высоты и распростерла перед ним свои шумящие крылья,

застилая ему глаза. Эта трепещущая чернота превратилась в бездну, куда он начал медленно падать, постепенно проваливаясь все глубже, оказываясь все дальше от окружающей реальности...

Когда он очнулся, мама стояла перед ним на коленях, а бабушка — чуть поодаль, держа в руках осколки разбитой вазы, и смотрела на него как-то очень странно. Из носа у него шла кровь. Он не мог сказать, сколько времени провел без сознания — час или секунду. Но все это время он был в полной отключке...

— Я просто попытался... увидеть, что с нами дальше будет.

— Что ты имеешь в виду? Ты сам... захотел вызвать силу?

— Да...

— А раньше ты уже так делал?

— Нет, никогда, но...

— Давид, ты не должен ни о чем беспокоиться. С нами все будет хорошо. Я сама обо всем позабочусь. Всего через несколько дней у нас не останется никаких забот. Все будет... совсем иначе. Ты ведь мне веришь?

Давид заколебался. Может, и не стоит говорить ей об этих обрывочных видениях... может, в них и правда нет никакого смысла...

— Верю, — наконец ответил он.

После этого воцарилось молчание, нарушаемое только голосом Нелли Фуртадо из радиоприемника. Несмотря на все усилия Шарли отогнать непрошенные голоса, они преследовали ее еще более навязчиво, чем раньше. Теперь к ним примешивался и голос врача, год назад предупредившего ее: *«Сильный шок... может пробудить в нем нечто...»*

Она заметила вывеску бензоколонки, рядом с которой располагался автосервис. Они с Давидом были уже на полпути к цели, но снег еще усилился, и по радио то и дело звучали предостережения водителям. Может быть, стоит сменить шины?.. Ведь рискованно так ехать... К тому же Давиду наверняка надо в туалет... А она сойдет с ума, если не выйдет из машины хоть ненадолго — немного подышать свежим воздухом...

На всякий случай Шарли припарковала машину чуть поодаль от остальных, затем щедро накрасила губы и натянула шерстяную шапочку до самых глаз. В таком виде она была совершенно не похожа на ту Шарли, чьи фотографии могли уже и появиться в газетах. Во всяком случае, ей хотелось так думать.

Они с Давидом вышли и под густым снегом направились к бензозаправке.

— Хочешь в туалет, котенок? Это вон там. Я зайду в автосервис, узнаю насчет шин...

Давид пошел к туалету. Шарли поискала глазами кого-нибудь из механиков и, заметив человека в синей спецовке, направилась к нему. Но, мельком взглянув на Давида, тут же остановилась.

Он неподвижно стоял на месте, застыв на полпути к дверям туалета.

Неужели новый приступ?..

Она повернулась и бегом бросилась к нему. Оказалось, что Давид неотрывно смотрит на экран телевизора, укрепленного в углу между стенами. На экране мелькали какие-то кадры, звука не было слышно.

— Что случи...

Шарли осеклась. Внимательнее взглянув на экран, она поняла, что передают криминальную хронику.

В следующий миг появилась фотография женщины — лицо крупным планом.

Брижитт...

30

Тип на фотографии чем-то напомнил Тома Миньолю его самого: те же резкие черты лица, смугловатая кожа, трехдневная щетина... Впрочем, Тома решил, что все же выглядит более обаятельным — взгляд того человека был настороженным, в нем словно навсегда застыли тревога и недоверие к окружающему миру.

Он оторвался от созерцания фотографии и перешел к досье.

Что ж, ребята из отдела криминалистики хорошо потрудились — скорее всего, потому, что запрос исходил от ГИС, и никому из полицейских не хотелось вызывать нарекания у тех, кто мог в один прекрасный день порушить им карьеру. Всего за пару часов они сняли отпечатки пальцев в доме, столь поспешно оставленном тайными наблюдателями, и собрали объемистое досье, которое сейчас лежало на столе Тома.

— Расскажи-ка мне самое основное... по-быстрому, — попросил он Орели, которой и поручил общение с криминалистами, в то время как сам отправился докладывать шефу обо всех неожиданных поворотах своего дела: предполагаемое убийство Тевеннена, исчезновение трупа, камеры скрытого наблюдения, появление Вдовы, зверское убийство де-

вушки по имени Брижитт Биша, приютившей у себя Шарли Тевеннен, которая на самом деле была вовсе никакая не Шарли и не Тевеннен...

— Его зовут Джорди Фонте, — заговорила Орели. — Его отец — испанец по происхождению. Отпечатков пальцев Фонте в доме множество, причем один, самый четкий, на экране монитора. С другими отпечатками пока не разобрались, но что он был одним из наблюдателей — не подлежит сомнению.

— А как он попал в нашу картотеку?

— За попытку убийства.

— Неплохо для начала...

— Он пытался убить своего отца.

На сей раз Тома лишь изумленно присвистнул.

— Он и раньше попадал в полицию, но речь шла о пустяках, вроде мелких краж... Потом он с этим завязал. На момент преступления он уже несколько лет был абсолютно чист перед законом. Вообще, дело это неоднозначное... Его отец пил, бил жену и детей... ну, ты представляешь себе картину. Это, кстати, послужило смягчающим обстоятельством на судебном процессе. Свидетели в один голос утверждали, что его отец был настоящим семейным тираном, который держал семью в постоянном страхе. В один из вечеров, когда он вернулся пьяным домой, все и произошло. Сначала он ударил жену так, что она упала и ударилась головой об угол стола. Это падение оказалось для нее смертельным. Джорди к тому времени было двадцать четыре, и он уже не жил с родителями — он закончил курсы информатики, и у него была работа, как-то связанная с компьютерами... Отец, еще не протрезвев окончательно, пришел в ужас и, не сообра-

жая, что делает, позвонил сыну, вместо того чтобы вызвать полицию. Домашний тиран, как всегда и бывает, в момент опасности оказался слабаком, — добавила Орели с презрительной улыбкой.

В результате дело обернулось для него плохо: как только Джорди вошел в квартиру, он набросился на отца и начал душить его голыми руками. Единственное, что спасло папашу от смерти, — появление младшего брата, который пришел домой почти сразу вслед за Джорди и сумел его оттащить. Но все равно было уже поздно: отец хоть и выжил, но до конца своих дней остался «овощем» — его мозг слишком долго был лишен кислорода. Да и спиртное сыграло свою роль... Еще через два года он умер в больнице.

— А Джорди?

— Получил восемь лет. Но отсидел только половину срока, вышел через четыре года. Был, можно сказать, образцовым заключенным. После этого совершенно исчез с нашего горизонта. Никаких задержаний, никаких сомнительных дел, ничего такого.

— Вплоть до сегодняшнего дня... — пробормотал Тома.

Какое-то время он размышлял. Почему же этот Джорди Фонте, после такой-то истории, вдруг занялся установкой незаконного видеонаблюдения в доме нечистого на руку полицейского?..

Тома глубоко вздохнул. Ему приходило на ум множество гипотез, но все казались бессмысленными.

— А что насчет других отпечатков? — наконец спросил он.

— Пока ничего, — ответила Орели. — ДНК-экспертиза — дело долгое... Если данные будут завтра, считай, что нам

очень повезло. Но вообще на это может уйти несколько дней... может быть, неделя.

Тома повернулся к Коньо. На вид это был грубоватый мальш, казалось, вовсе не знакомый даже с обычной расческой, не говоря уж о парикмахерских и тем более салонах красоты, но на самом деле — очень методичный, аккуратный и организованный сотрудник.

— Так что там у нас насчет Шарли? Я имею в виду — настоящей Шарли Руссо?

— Погибла восемь лет назад. Ее сбил неосторожный водитель. Это было в департаменте Луара, даже не у нас, но, поскольку того парня задержали и назначили расследование, все данные попали в наши архивы.

— Так-так... значит, имя жертвы тоже попало в полицейские архивы... — пробормотал Тома.

— Да.

— А когда лже-Шарли познакомилась с Тевенненом? — спросил Тома после некоторого молчания.

— Семь лет назад...

— Думаешь, это Тевеннен раздобыл ей фальшивые документы? — спросила Орели.

— Очень может быть. Слишком уж необычно для простого совпадения...

— Она с таким же успехом могла прочитать о том несчастном случае в газетах, — добавил Коньо. — Ведь только имя совпадает, а все остальное — номер страхового полиса и прочее — фуфло.

Тома встряхнул головой и встал из-за стола:

— В любом случае, она использует фальшивое имя. Кто его выбрал, она сама или Тевеннен, неважно. Важно то, что,

если она жила под чужим именем, у нее были веские основания опасаться полиции. Значит, ее настоящее имя должно быть где-то в нашей картотеке.

— Да, вероятно, — подтвердила Орели. — Во всяком случае, я не вижу другой причины скрывать свое настоящее имя...

— Итак, что мы имеем на данный момент? Тевеннен... — Тома слегка поколебался, затем продолжал: — Исчез. Девушка, последней видевшая Шарли Тевеннен, найдена убитой. Ее автомобиль исчез. С другой стороны, Джорди Фонте, который тайком наблюдал за семьей Тевеннена, наверняка видел, что там происходило в последние два-три часа до отъезда Шарли. Сам он уехал сегодня рано утром на серой «Ауди А4».

Стало быть, мы должны действовать в трех направлениях. Первое — лже-Шарли. Нужно, кстати, выяснить марку исчезнувшей машины...

— Уже выяснили. Синяя «клио» семьдесят пятого года выпуска, — сообщил Коньо.

— Еще нам понадобятся фотографии Шарли и ее сына, — продолжал Тома. — Коньо, ты сможешь этим заняться? Если пороешься хорошенько у них в доме, наверняка найдешь.

— А ордер на обыск?

— Без проблем. Об исчезновении Тевеннена стало известно ребятам из его отдела, это уже дошло до начальства, так что нам дают карт-бланш. Второе — нужно найти Джорди Фонте. У нас, правда, только антропометрические фотографии, но они относительно недавние. Орели, этим займешься ты. Узнай, где он раньше снимал жилье, с кем общался — короче, все, что может дать какую-то зацепку... А я как следует изучу его досье и попробую выяснить что-нибудь на-

счет знакомств, которые он мог завести в тюрьме. Может быть, он сохранил их, когда вышел на свободу.

И третье — убийство на площади Республики. Нужно держать руку на пульсе и постоянно поддерживать контакт с ребятами из отдела убийств, которые занимаются расследованием.

— А что насчет Вдовы? — спросила Орели.

Тома пожал плечами. Его недавняя основная цель теперь отходила на второй план, а вместе с ней и все надежды на дальнейшую карьеру. Зная почти наверняка, что Тевеннен мертв, он не мог сообщить об этом, потому что тем самым выдал бы Жамеля. Впрочем, все и без него скоро выяснится — полицейские проведут расследование со всей тщательностью, поскольку речь идет об их коллеге, а Вдовой и так уже занимается Генеральное управление внешней безопасности..

— Ее мы на время оставим в покое, — ответил он. — И скорее всего, на долгое время. К этому делу она, судя по всему, не имеет отношения.

31

— Помнишь ее?

И Вдова легонько подтолкнула фотографию по гладкой поверхности стола на противоположную сторону. Ольга поднялась, чтобы взять очки. Клео нечасто видела ее при свете дня — и сейчас невольно подумала, что Ольга выглядит совсем старухой. Они были знакомы уже лет двадцать, и Ольга даже, можно сказать, покровительствовала ей, когда Клео еще только начинала свою «карьеру» в Париже. Вдова под-

держивала это знакомство и в дальнейшем — ей нравилось, что Ольга сохраняет достойный вид при любых обстоятельствах, даже если на ней нет ничего, кроме чулок с подвязками и манто из искусственного меха, приобретенного где-нибудь в «Тати». К тому же Ольга была уроженкой Восточной Европы, и, поскольку противоположности зачастую и впрямь притягиваются, Клео — стройная мулатка и к тому же полумужчина — всегда чувствовала расположение к этой белокожей, светловолосой женщине с пышными формами.

Надев очки, Ольга взяла фотографию и стала рассматривать ее, держа на уровне груди — двух огромных дынь, еле прикрытых розовым пеньюаром. Потом, слегка поморгав светло-голубыми глазами, в уголках которых были хорошо заметны морщинки — следы множества бессонных ночей, — ответила:

— Софи, если мне память не изменяет... Софи Бердан.

— Что ты о ней знаешь?

Ольга сняла очки и повесила их на грудь, зацепив одной дужкой за край глубокого декольте.

— Ох, это было так давно, Клео... Зачем она тебе понадобилась?

Правая рука Вдовы непроизвольно дернулась — никто из служащих не смел задавать ей вопросы, и, если бы перед ней была не Ольга, а кто-то другой, он тут же получил бы «болгарскую пощечину» — так она называла удар ладонью, на одном из пальцев которой был перстень, повернутый печаткой внутрь.

— *Joder*¹, Ольга, она работала у нас несколько месяцев, и ты видела ее четыре-пять раз в неделю. И что, скажешь,

¹ Моя убийца (*исп.*).

тебе совсем ничего о ней не известно? Кто ее родители, откуда она, чем раньше занималась? Ну?

— Клео, в заведениях вроде нашего постоянно идет ротация персонала, и чем дальше, тем больше, да ты и сама это знаешь... У нас тут и студентки, и обычные безработные, без особых навыков... Насчет Софи... вроде бы она жила у подружки, где-то в районе площади Республики. Да, точно. У Софи был ребенок, и она просила подружку присматривать за ним. Несколько раз она звонила из клуба, чтобы узнать, все ли в порядке... Я даже помню, что подружку звали Брижитт, потому что мою сестру звали Бригитта, — добавила Ольга с ноткой ностальгии в голосе.

Брижитт. Площадь Республики. Значит, женщина, которую убили вчера, была знакома с женой Тевеннена. Наиболее вероятным было следующее: кто-то разыскивал беглянку и обратился к ее прошлому, чтобы выявить старые связи... после чего устроил Брижитт допрос с пристрастием. В духе какой-нибудь «Техасской резни бензопилой»...

— А про ее родителей ты что-нибудь знаешь? Бойфренд у нее был?

— Ничего... Нет, насколько мне известно...

Клео вздохнула. Не так уж много информации... И однако она найдет эту женщину — Вдова была в этом уверена. И получит свои тридцать четыре миллиона, которые откроют ей путь к полной и окончательной свободе.

— Ольга, это очень важное дело. Теперь скажи мне, пожалуйста: какие у тебя связи в том округе? Я имею в виду площадь Республики.

— Уже давно все заглохло... но я могу попытаться их освежить, если тебе это нужно...

— Дело вот в чем: сегодня ночью там убита женщина, как раз та самая подруга нашей Софи. Мне нужно знать о ней все. Где она обычно бывала, был ли у нее парень, где его можно найти. Словом, все. Это *очень* важно.

— Как ее фамилия?

— Биша. Брижитт Биша. Если ты скажешь своим знакомым, что речь идет о жертве сексуального маньяка, то, думаю, получить информацию тебе будет даже легче. Нажми на все кнопки, Ольга, очень тебя прошу. Подними все свои связи: бывших любовников, копов, клиентов клуба... Мне нужно как можно больше сведений и как можно быстрее...

Она поднялась и поцеловала подругу в волосы, пахнущие яблочным шампунем.

— Да, кстати, Софи могла купить в том же квартале подержанную машину. Вряд ли, конечно, но вдруг... Если мы выясним — у кого, это облегчит поиски.

— Клео, от тебя буквально током бьет. Какова ставка в этой игре? — спросила Ольга с видом гурмана, оказавшегося перед обилием лакомых блюд.

Вдова в этот момент была уже на полпути к двери. При последних словах она обернулась с хищной грацией кошки. Повернула перстень на пальце печаткой вниз. Подняла руку...

...и дружеским жестом помахала ею на прощание.

Когда она захлопнула за собой дверь, Ольга от всей души расхохоталась.

32

Они уже полчаса назад миновали дорожную вывеску, возвещающую: «Лавилль-Сен-Жур», — но сейчас Шарли казалось, что они давно проехали всю Бургундию и углубились

в неизведанные снежные просторы какой-то фантастической страны. При обычных условиях дорога от Лавилля до дома у озера заняла бы минут пятнадцать. Однако в этот вечер, после трех часов езды сквозь густую пелену снега, пронизанную странными отблесками лунного света на укутаных в белое ветвях придорожных деревьев, время и пространство, казалось, утратили всякую связь с реальностью.

Когда Шарли наконец заметила узкую проселочную дорогу, ответвляющуюся от основной трассы с правой стороны и ведущую через лес к дому, она чуть не закричала от радости.

— Это здесь? — удивленно спросил Давид, который, видимо, почувствовал, что автомобиль замедляет ход.

Голос сына и особенно прозвучавшее в нем неожиданное возбуждение застали Шарли врасплох. С того момента, как они увидели фотографию Брижитт на экране телевизора, они обменялись самое большое десятком фраз. Давид или спал, иногда бормоча какие-то неразборчивые слова, или играл во что-то на своей PSP. В зеркальце заднего вида Шарли видела его измученное личико с кругами под глазами, на котором с каждым часом все явственнее проступало беспокойство.

Брижитт... Шарли не хотела думать о ней сейчас. Просто не могла. Она даже выключила радио в машине, и уж тем более не стала набирать номер Брижитт из опасения, что ее мобильник попал в чужие руки. Она не знала, в связи с чем фотография ее подруги появилась в выпуске теленовостей, но понимала, что ей нужно защитить Давида. Все три часа она старалась не обращать внимания на сосущую под ло-

жечкой тревогу, одновременно пытаюсь полностью сконцентрироваться на дороге.

— Да, здесь... то есть в конце этой дороги, — ответила Шарли, поворачивая направо. На миг ей показалось, что она углубилась в какой-то снежный туннель. Машина въехала под свод, образованный заснеженными ветвями деревьев, растущих по обе стороны дороги.

И вот в конце пути, за последним поворотом, они наконец увидели его: *дом у озера*.

— Вау!.. Я его таким себе и представлял... но он даже лучше! — воскликнул Давид.

Ощувив его неподдельное воодушевление, Шарли не смогла сдержать улыбку.

Дом и в самом деле был очарователен — нечто среднее между загородным жилищем богатого французского холостяка и швейцарским шале. Отец Шарли построил его много лет назад — вдалеке от городской суеты, практически в лесу, в паре сотен метров от небольшого озера. Она провела там недолгие счастливые моменты своего детства и ранней юности.

Но она никогда не думала, что ей придется сюда вернуться.

Шарли остановила машину и какое-то время сидела неподвижно, глядя на силуэт дома в снежных сумерках. В последний раз она видела его таким на какое-то давнее Рождество. Ей тогда было лет шесть, но она до сих пор помнила, как бежала, проваливаясь в снег, к крыльцу, на котором стоял отец в костюме Санта-Клауса... Тогдашнее ощущение теплоты и семейного уюта, пропитанное запахом шоколада и горящих в камине дров, осталось с ней навсегда.

Сейчас, глядя на дом, сквозь запертые ставни которого едва пробивался красноватый свет — месье Боннэ, очевидно, разжег камин к их приезду, — Шарли невольно представляла себе какое-то сказочное громадное чудовище, притаившееся в зимнем лесу.

— Ну что, котенок, выходим... Берем вещи и устраиваем небольшую пробежку!

Стоило ей лишь чуть-чуть приоткрыть дверцу машины, как ледяной ветер со всего размаха хлестнул ей в лицо. И вот они вдвоем с Давидом бросились к дому, как дети, возвращающиеся с лыжной прогулки: веселые, довольные, ненадолго забывшие обо всех тревогах и опасностях, думающие лишь о том, чтобы побыстрее оказаться в теплом убежище. Наконец-то одни, вдалеке от всех жизненных драм...

Шарли закрыла за собой дверь, поставила сумки на пол и огляделась. В ее глазах промелькнуло изумление.

Здесь ничего не изменилось. Ровным счетом ничего. Высокий камин, мягкие полукруглые диваны, благодаря которым гостиная выглядела по-деревенски уютной... ковры, лампы, деревянные панели, картины, фотографии из далекого прошлого... В смежной с гостиной кухне — огромная старинная печь... Буржуазный, по-мужски основательный комфорт, полностью соответствующий стилю отца, сделавшего этот дом своим убежищем.

Шарли приезжала сюда много раз — сначала с обоими родителями, потом только с отцом. Несколько лет дом простоял заброшенным — мать возненавидела его после того, как отец от нее ушел.

Затем, когда Шарли повзрослела, а мать перешла от светских вечеринок с шампанским к водке и одиночеству, они вдвоем с Брижитт стали часто здесь бывать. Обе почувствовали вкус долгожданной свободы и всюду наслаждались ею: катались на велосипедах, а потом на автомобилях здешних молодых людей, богатых наследников старинных бургундских семейств, и развлекались всюду, испытывая восторг от нарушения запретов, отвергая моральные устои со всем пылом юношеской невинности...

В последний раз она была здесь вместе с Фабианом — в ту самую ночь, когда они сбежали из клиники. Они решили остановиться в *доме у озера*, чтобы попытаться найти немного денег и съестных припасов. Но из этой затеи ничего не вышло — ключей, которые обычно хранились в небольшой подсобке в глубине сада, на месте не оказалось. Должно быть, месье Боннэ, садовник, живший в паре километров отсюда, оставлял их только в том случае, если с ним договаривались об этом заранее. Наконец они заснули в гараже, прижавшись друг к другу и укрывшись брезентом, — свободные, счастливые, влюбленные...

Пока Давид носился из комнаты в комнату, Шарли, сама того не сознавая, механически приблизилась к окну, из которого был виден угол того самого гаража. Да, вон там, у входа, они стояли вместе с Фабианом... По-прежнему бессознательным жестом она погладила живот, как будто Давид был все еще там, внутри...

Затем она отвернулась от окна — и вдруг, впервые в жизни, поняла: она дома. В этом доме еще звучали шутки отца, смех Брижитт, царила атмосфера беззаботной юности...

И еще, как бы странно это ни звучало, здесь почти физически ощущалось отсутствие матери.

Громкий топот ног у нее над головой неожиданно прервал эти воспоминания. Шарли вздрогнула.

— Давид? — с тревогой окликнула она.

Давид в полном восторге свесился через перила узкой галереи, опоясывающей второй этаж.

— Мам, этот дом просто суперский! А я нашел твою комнату! Наверняка угадал! Сразу видно, что девчачья!

Ее комната...

Шарли улыбнулась, одновременно пытаясь сдержать слезы. Потом направилась к лестнице, чувствуя себя почти такой же заинтригованной, как Давид: что там, наверху?..

— Между прочим, — сказала она, подходя к сыну, — у меня хорошая новость: месье Боннэ оставил нам пирог в печке. Еще теплый. Попробуем?

33

Тома отложил папку и некоторое время задумчиво крутил в пальцах листок бумаги с номером домашнего телефона начальника тюрьмы, в которой отбывал наказание Джорди Фонте. Если бы речь шла о рядовом расследовании, он подождал бы до завтрашнего утра, чтобы позвонить этому человеку на работу. Но дело Тевеннена не было обычным делом... И Тома понимал: всего через несколько часов горячий след может остыть. Нужно отдавать себе отчет: Шарли — все равно что сбежавшая преступница, и упустить время — значит дать ей лишний шанс скрыться.

Мертв Тевеннен или нет — неважно. В любом случае, это скоро выяснится. Но Шарли — теперь он был в этом убежден — это ключ ко всему расследованию. И Джорди Фонте со своими камерами тоже, конечно, играет немало-важную роль. Тома уже знал, что в доме обнаружались и другие камеры, даже в детской, что было уж совсем нелепо. Кому и зачем понадобилось наблюдать за мальчишкой?

Он взглянул на часы: 20:52. За окном тускло горели уличные фонари, окрашивая густую снежную пелену в бледно-оранжевый цвет — мерцающий, тревожный...

«Где же ты прячешься?» — мысленно спросил Тома у исчезнувшей Шарли. Из-за снегопада многие дороги были перекрыты, и если только она не успела доехать до безопасного места — например, на юге — еще до вечера, то сейчас наверняка застряла где-нибудь не очень далеко от Парижа на старой колымаге своей подруги Брижитт... Хотя, конечно, она могла сесть на поезд. Или даже на самолет, купив билет по своим старым, настоящим документам...

Так где же она может быть?..

Чтобы это выяснить, нужно найти человека, который за ней наблюдал и сейчас наверняка бросился в погоню.

Тома отвернулся от тускло-оранжевого квадрата окна и набрал телефонный номер.

После нескольких гудков в трубке раздался низкий властный голос — Тома тут же мысленно пририсовал к нему усы, мощную коренастую фигуру и властные манеры начальника, у которого все подчиненные ходят по струнке.

Он коротко объяснил причины своего звонка. Не дослушав до конца, собеседник его перебил:

— Я вас понял, лейтенант, но, как вы понимаете, я не могу помнить обо всех своих заключенных... к счастью для себя, иначе мне каждую ночь снились бы кошмары, хе-хе...

«Ну вот, и юмор у него чисто армейский», — машинально подумал Тома.

— Может, вы мне сообщите какие-то подробности об этом парне?

Тома выполнил просьбу, не забыв упомянуть о смягчающих обстоятельствах преступления и примерном поведении Фонте в тюрьме.

— Так-так... попытка отцеубийства... и примерное поведение. Кажется, вам повезло: я действительно кое-что припоминаю. Этот тип вышел на свободу лет пять назад, так?

— Да, совершенно верно.

— Ага, теперь я его точно вспомнил — во-первых, потому что этот Фонте, представьте себе, пару раз помог нам решить проблемы с компьютерной техникой. Оказалось, он хорошо разбирается в этих железяках. И еще потому, что...

Собеседник замолчал. Тома решил, что ему понадобилось время, чтобы вспомнить какие-то подробности.

— ...потому что со временем он заметно изменился. В лучшую сторону. Можно даже сказать, полностью преобразился.

— Преобразился?

— Именно. Когда он прибыл, я подумал, что у него проблемы с психикой — знаете, с опытом работы такие вещи начинаешь распознавать сразу. Это был просто сплошной

комков нервов. Постоянно напряжен, почти не разговаривал... При этом создавалось впечатление, что он в любую минуту может взорваться... Понимаете?

Тома все прекрасно понимал. Описание было четким, точным и свидетельствовало о жизненном опыте и знании людей — качествах, которые он был бы не прочь перенять у собеседника.

— Вы говорили о преобразении...

— Да. Со временем мы все заметили, что он... переменялся. Расслабился. Раскрылся. Я бы даже сказал, смягчился, насколько это вообще возможно в таких обстоятельствах. Это, повторяю, было очень заметно, весь служебный персонал обратил на это внимание... Многие заключенные производят похожее впечатление, но только на первый взгляд. На самом деле они просто теряют силу к сопротивлению. Ломаются. Тюрьма вообще либо ожесточает, либо ломает — успешное исправление преступника в большинстве случаев остается недостижимой мечтой...

— Но в случае с Фонте, вы считаете, она реализовалась?

— Не знаю. Мне неизвестно, что с ним стало после освобождения, но, надо полагать, не все так гладко, раз вы мне звоните насчет него, да еще в такую поздноту... Но как бы то ни было, тогда этот случай меня заинтересовал, и я навел справки... Вскоре картина прояснилась.

Пауза. Собеседник явно хотел его заинтриговать. Тома почувствовал нарастающее раздражение.

— Так в чем было дело?

— У нас был похожий случай за несколько лет до того... Тогда с одним заключенным произошли еще более заметные изменения...

— И что послужило тому причиной?

— Влияние соседа по камере.

Соседа по камере, вот как... В голову Тома пришла одна гипотеза, но она показалась ему слишком уж... неправдоподобной.

— Вы хотите сказать, что у Фонте была... гм... любовная связь?

Начальник тюрьмы слегка фыркнул в трубку:

— Нет, такое чаще случается в американских сериалах. То есть не то чтобы этого не бывает на самом деле... но... словом, здесь был другой случай: соседом Фонте по камере оказался сам Джошуа Кутизи.

Снова пауза.

— Это имя должно мне что-то сказать? — поинтересовался Тома.

— Вы помните дело сектантов — приверженцев так называемой астрософии?

Тома на мгновение прикрыл глаза. Это слово не было ему вовсе незнакомо. Что же оно означало?..

— Лет десять назад, — продолжал директор, — разразился скандал, который, впрочем, довольно скоро замяли, вокруг секты этих самых астрософов. Людей держали под замком, не позволяя им общаться с внешним миром, это мог делать только их наставник... как бишь они его называли?..

— Гуру?

— Да, точно, гуру. По имени Джошуа Кутизи.

— Сосед Фонте по камере?..

— Именно.

Тома размышлял. Итак, тип, морально искалеченный тяжелым детством, впоследствии пытавшийся убить своего

отца, попал в лапы сектантов?.. Или гуру охмурил его индивидуально?..

А ведь такая организация могла оказаться достаточно богатой, чтобы тайно установить аппаратуру слежения в частном доме, снять другой дом по соседству и вести постоянное наблюдение. Если еще учесть, что «клиент» был полицейским, для такого дела требовалась изрядная смелость, чтобы не сказать наглость.

Но зачем? Почему вдруг какие-то сектанты заинтересовалась Тевенненом? Или объектом их внимания была Шарли?..

Может быть, Шарли... когда-то была членом этой секты? А потом сбежала, унеся с собой какие-то секреты? И вот старые — или новые — адепты астрософии отыскивали ее с помощью специалиста по компьютерной технике, завербованного гуру во время пребывания в тюрьме?..

На мгновение он ощутил какой-то проблеск... который мог бы стать озарением... но нет, не стал — промелькнул и исчез. И все же Тома чувствовал, что наконец вышел на след. Истина была где-то рядом, оставалось ее распознать.

— Вы слушаете?

— Да-да... я просто задумался. И каким же образом этот Кутизи помог своему сокамернику измениться?

— Ну, у него какие-то свои методы. Эта его астрософия — целая методическая система, и, надо признать, она действительно дает свои результаты.

— Хотите сказать, это что-то вроде психотерапии?

— Ну, я не специалист, конечно... но в общем, да, похоже на то.

— И в результате Фонте, так сказать, обратился в новую веру?

— Насчет этого не знаю, я сообщаю вам только факты. О чем они говорили, осталось тайной. Наверно, можно и так сказать. Кутизи, кстати, обращал особое внимание на тех заключенных, у которых были проблемы с отцами. А таких, как вы понимаете, в нашем заведении всегда хватает...

— Скажите, пожалуйста, а вы могли бы устроить мне встречу с Кутизи завтра утром?

Получив согласие и уточнив время встречи, Тома поблагодарил начальника тюрьмы и повесил трубку. Затем сразу же полез в Интернет, где набрал в поисковике имя гуру и название «астрософия». Он просмотрел несколько ссылок, когда Орели Дюбар приоткрыла дверь кабинета и сообщила о том, что проголодалась.

Тома поднял глаза — и тут же легкая дрожь, пробежавшая по его телу, заставила его нахмуриться от досады. Ощущение не было неприятным, хотя приятным его назвать тоже было нельзя. Но он был не из тех, кто вздрагивает без всякой причины, и уж точно не хотел приобрести такое свойство.

— Что-то я совсем расклеилась... — пожаловалась Орели. — Холод, снег, есть хочется... я устала, и мне одиноко... а я ужасно не люблю чувствовать себя одинокой, когда холод и снег...

Тома рассеянно улыбнулся, но ничего не сказал. Его глаза все еще скользили по строчкам на экране монитора, выхватывая отдельные слова: «скандал», «память», «Кутизи», «психотерапия», «астрология», — и он испытывал настоящий зуд в пальцах, обхвативших мышь, — ему хотелось щелкнуть по ближайшей ссылке, потом по следующей, чтобы рано или поздно добраться до разгадки тайны...

— Повторяю для особо недогадливых: идет снег, и мне очень холодно... мне нужно немного жаркого марокканского солнца, чтобы завтра хватило сил выйти на работу и даже сделать что-нибудь полезное... Считаю до трех!

Когда она произнесла: «Два с половиной!», Тома поднялся и взял куртку со спинки кресла.

34

После убийства юного Эдисона в грязном темном парке Ла Габана Бьеха Вдова никогда особенно не церемонилась с мужчинами. Она делила их на две неравные категории: одни, немногие, заслуживали уважения, поскольку обращались с ней как с равным человеческим существом, независимо от того, кем она была, какой властью располагала и какого рода удовольствия могла им доставить. Все остальные были немногим лучше скотов: властолюбивые, похотливые, тупые самцы, не заслуживающие ничего, кроме презрения.

Человек, в данный момент сидевший напротив нее — толстый, дряблый, одутловатый, — безусловно, относился ко второй категории. Он пришел всего пару минут назад, но уже весь дрожал и буквально исходил слюной от возбуждения, нетерпеливо ерзая на ярко-малиновом диване в гостинной небольшой квартирке на улице Берри, где Клео по старой памяти иногда еще продолжала оказывать некоторым клиентам определенного рода услуги.

— В прошлом месяце я столько раз пытался до вас дозвониться, а вы никогда не отвечали!.. — тоном обиженного ребенка произнес он.

Клео поставила бокал с шампанским на низкий столик, поднялась с кресла и пересела на диван. Она откинулась на спинку дивана и, приподняв свои великолепные длинные ноги, обтянутые красными чулками и обутые в туфли-лодочки на длинных острых каблуках, поставила их на бедро своему гостю. Тот судорожно вздохнул, когда остроконечная «шпилька» волшебной туфельки сорок третьего размера впиалась сквозь брючину в дряблую мякоть его ноги.

Клео подумала, что поступала совершенно правильно, не отвечая на его звонки, поскольку сейчас он завелся с пол-оборота. Он был похож на закоренелого наркомана, с нетерпением ждущего заветной дозы.

— Ты мне кое для чего нужен, — промурлыкала она.

Он повернул к ней круглую голову, поросшую младенческим пухом, и Клео заметила, как в его глазах промелькнул страх. Именно такой реакции она и добивалась.

Пьер Эдмон Жосней занимал высокий пост в Министерстве внутренних дел — был там то ли третьим, то ли четвертым человеком. А может, и пятым — какая разница?.. Так или иначе, он имел большое влияние в Париже и за его пределами, исполняя роль «крыши» для нечистых на руку полицейских. Только это сейчас и имело значение.

Среди многих его пороков было и пристрастие к высоким мускулистым созданиям, жестоким и властным. Вдова, отвечавшая этим критериям как нельзя лучше, держала его под башмаком в прямом и переносном смысле. Он был одним из четырех клиентов, которых она сохранила с давних пор. Остальные трое были следующие: высокопоставленный судейский чиновник, депутат парламента и медиамагнат; «правые» они или «левые», Клео точно не знала, но идеоло-

гические разногласия были ей глубоко безразличны. Ольга, единственная, кто знал ее тайны, часто шутила, что Клео заручилась поддержкой всех четырех видов власти: законодательной, исполнительной, судебной и прессы. И все это благодаря мерзкому отростку, болтающемуся у нее между ног...

Да, большинство мужчин и впрямь настоящие скоты...

— Чего вы хотите? — спросил Жосней.

Клео нахмурилась.

— Что я могу для вас сделать? — тут же поправился он.

— Среди твоих полицейских стало одним меньше, — сообщила Клео. — Его фамилия Тевеннен. Кажется, уже назначили расследование по поводу его смерти...

— Ты убила копа? — в ужасе спросил Жосней, забыв даже об обращении на «вы».

Клео сильнее вонзила каблук ему в ногу и смерила его ледяным взглядом, одновременно поворачивая на пальце знаменитый перстень с печаткой:

— Не говори ерунду. Это дело интересует меня по некоторым... личным соображениям. Мне просто нужно будет знать все подробности о расследовании. День за днем. Час за часом.

Жосней вздохнул:

— Не знаю, насколько это...

— Я еще не закончила.

Молчание.

— Еще мне нужны все подробности о девушке, которая была убита прошлой ночью в доме на площади Республики.

Во взгляде Жосней промелькнуло удивление. Он, конечно, уже слышал об этом деле: газеты и Интернет были полны ужасающих подробностей, реальных и мнимых, и самых

разных предположений по поводу преступника: киллер, сексуальный маньяк и даже каннибал.

— Ты хоть отдаешь себе отчет в том, о чем меня просишь?

— Вполне.

Жосней нервно задвигался на бархатном диване, стараясь освободиться от жалящего каблука, острие которого вонзалось в его ногу все глубже.

— Клео, я... я не могу.

Вдова убрала ногу, встала с дивана и выпрямилась во весь свой высокий рост, глядя на подопечного сверху вниз:

— *Disculpa?*¹

— Я не могу! Этим занимается полиция! Я не могу вмешаться в это дело, не вызвав подозре...

Он не договорил — на него обрушилась «болгарская пощечина». Жосней схватился рукой за щеку и в оцепенении уставился на Вдову.

— Ты можешь, и ты сделаешь все что нужно.

Она протянула руку к пульту, лежавшему на журнальном столике, и включила телевизор, затем DVD-плеер.

На экране появилось изображение, хотя и нечеткое, но не оставлявшее сомнений в происходящем: огромный белый дряблый зад, в самый центр которого был воткнут какой-то продолговатый предмет; язык, жадно лижущий ярко-красную тубельку на острой «шпильке»... а затем скользящий вдоль длинной мускулистой ноги к стоящему торчком члену...

Вдова невольно закрыла глаза с гримасой отвращения. Эту сцену ей предстояло заново пережить в реальности спу-

¹ Прошу прощения?

стя каких-нибудь полчаса, поскольку, несмотря на этот диск и связанный с ним шантаж, этот человек по-прежнему был ей нужен, и она должна была заплатить ему соответствующую цену. Если она хотела сохранить свою власть над ним, ей следовало разумно чередовать нежность и строгость, кнут и пряник.

Да, через минуту, или через две, или через пять она пойдет в ванную, освободит свой член из футляра и с помощью впрыскивания специального вещества из шприца ненадолго придаст ему былую твердость, полностью утраченную за двадцать лет приема гормональных препаратов...

Она нажала на клавишу «стоп», когда клиент на экране начал лаять.

— Но... как?.. — пробормотал Жосней, вертя головой во все стороны — очевидно, в поисках скрытой камеры.

— Не ищи, я не собираю БДСМ-видеотеку... У меня всего лишь одна эта запись... но, как ты понимаешь, на этом диске — копия. Теперь ты лучше представляешь себе положение вещей?

Жосней молча смотрел на нее. На лбу у него выступила испарина.

— Итак, я уже сказала: ты можешь, и ты все сделаешь как надо.

Он опустил глаза с видом побежденного.

— Вот и хорошо, дорогой. А сейчас ты разденешься и встанешь на четвереньки. Когда я вернусь из ванной, ты, я надеюсь, будешь в полной боевой готовности.

Неслышно вздохнув про себя, она направилась в ванную. Зазвонил ее мобильный телефон, и Клео взглянула на экран. Ольга. Она нажала клавишу приема, молча выслушала сооб-

щение от подруги и отсоединилась, по-прежнему не говоря ни слова, хотя и с довольной улыбкой на губах.

Уже взявшись за ручку двери, она обернулась и добавила:

— И последнее: если ты вздумаешь меня выдать, или скроешь от меня хоть крошку информации, или решишь натравить на меня своих легавых, эта видеозапись отправится прямиком на Ю-туб.

35

Шарли осторожно приоткрыла дверь в комнату сына и заглянула внутрь. В слабом свете, падавшем из коридора, она увидела, что он крепко спит под огромным теплым одеялом. Во сне он сосал большой палец. Что ж, все в порядке... правда, возвращение старой детской привычки немного беспокоило Шарли, но, возможно, причиной тому был стресс. Когда их жизнь наконец войдет в нормальное русло, это прекратится. Ведь есть же шанс, что у них все наладится...

...Ну, теоретически есть шанс, что космическая орбитальная станция «Мир» упадет прямо на Венсенский лес...

Она закрыла дверь и спустилась вниз, отметив про себя, что, несмотря на прошедшие годы, на лестнице скрипят все те же ступеньки, что и раньше, и даже звук тот же самый.

Оказавшись на первом этаже, она подошла к вешалке у входной двери, чтобы надеть куртку. Теперь, когда она была одна, пришло время осознать ужасную реальность: смерть Брижитт. Подробности Шарли по-прежнему не знала: когда она включила телевизор, изображения не было — должно быть, ветром повалило антенну. Но в каком-то смысле это оказалось к лучшему: они с Давидом нашли ста-

рую видеокассету «Санта-Клаус — мошенник» и посмотрели ее, уплетая пирог, оставленный для них месье Боннэ. Чем-то это было похоже на Рождество: вкусная еда, восхитительный запах горящих дров, уютное урчание парового котла в подвале...

Потом Давид заснул, и Шарли снова оказалась наедине с реальностью. Поскольку теленовости были недоступны, оставалось включить радио в машине.

Она обмотала вокруг шеи толстый теплый шарф и открыла дверь — о господи, неужели снегопад еще усилился после их приезда?! Если бы они задержались в пути хотя бы на час, могли бы и вовсе не добраться...

Стараясь не обращать внимание на хлещущие в лицо ветер и снег, Шарли побежала к машине. Оказавшись внутри, она облегченно вздохнула, зажгла свет, но почти сразу снова его выключила. Она чувствовала себя лучше в темноте, которую едва рассеивал бледный свет снаружи. Одна, в сумерках на опушке заснеженного леса, она чувствовала себя неуязвимой, недостижимой для любых опасностей. В темноте, по крайней мере, легче было спрятаться.

Шарли включила радио и стала искать программу новостей, пробиваясь сквозь шорох и помехи. Музыка... бархатный голос певицы... голоса диджеев... и вот, наконец, сводка новостей. Она немного увеличила громкость, откинулась на спинку кресла и дрожащей рукой зажгла сигарету.

Карла и Николя... куда ж без них... кризис... налоги... и вот — «зверское убийство в Париже, в Десятом округе, вблизи площади Республики...».

Шарли подалась вперед и почти вплотную наклонилась к радио, стараясь разобрать слова журналиста сквозь

треск помех. Репортаж занял самое большое полминуты, но, слушая, Шарли чувствовала, как кровь стынет у нее в жилах.

Брижитт зверски убита... Хуже того, перед смертью ее пытали. И произошло это в ту же самую ночь, когда Шарли с Давидом ненадолго у нее остановились...

Шарли испытывала сильнейшее чувство вины: ведь если бы они остались, ничего бы не случилось! Она была бы там и защитила Брижитт... Может быть, Давид даже сумел бы «увидеть» грозящую опасность и предупредил бы о ней...

А теперь Брижитт мертва... Убита... Кем? Из-за чего?

Шарли больше не слышала, о чем говорили в новостях, даже когда речь зашла о лотерее «Евромиллион». «Победитель которой уже известен!» — с энтузиазмом добавил ведущий. Внезапно к горлу подступила тошнота, и Шарли едва успела распахнуть дверцу машины, чтобы извергнуть на снег недавний ужин.

От холода у нее застучали зубы. Она постаралась собраться с силами, снова захлопнула дверцу и откинулась на спинку кресла. Теперь она уже не пыталась сдерживать слезы, и они хлынули потоком. Ее трясло как в ознобе, но она этого почти не ощущала. Ею владело глубочайшее, беспредельное отчаяние — и от потери единственной близкой подруги, почти сестры, и от ужаса той ситуации, в которой она оказалась. К боли и страху примешивалось чувство вины из-за того, что она втянула во все это сына...

Прошло десять минут, двадцать, полчаса... Наконец она нашла в себе силы прекратить рыдания, выйти из машины и направиться к дому.

Она была уже на полпути, когда какой-то шорох за спиной заставил ее насторожиться.

...полиция умолчала о некоторых чересчур ужасных подробностях, но следователь, выступавший на пресс-конференции, явно был в шоке — он назвал это убийство «живодерским»...

Снежные хлопья чуть поредели — теперь сквозь них было видно темную громаду леса. Кроны деревьев дрожали от резких порывов ветра.

Шарли застыла на месте, глядя на эту столь привычную картину, которая вдруг показалась ей чужой и враждебной... угрожающей.

Снова какое-то движение... Совсем недалеко, на опушке...

Или просто ветер?..

В одно мгновение страх полностью завладел ею, пригвоздив к месту. Она стояла неподвижно, словно любое, самое незначительное движение могло привести к тому, что из леса прямо на нее выскочило бы...

Что?.. Кто?..

Наконец Шарли очнулась и почти бегом преодолела последние метры до крыльца. Войдя в дом, она в то же мгновение резко захлопнула за собой дверь.

Потом на цыпочках приблизилась к окну и какое-то время простояла там, пытаясь что-нибудь различить сквозь отверстия в ставнях.

Ничего.

Значит, просто показалось, успокоила она себя. А завтра будет новый день, и... все будет иначе.

Да, завтра мир заиграет совсем новыми красками.

Но... в этом мире уже не будет Брижитт. Никогда.

36

«Клик... клик... клик...» Орели узнала тихое щелканье компьютерных клавиш. Она машинально вытянула руку в сторону и обнаружила, что рядом с ней на кровати никого нет. Чуть приподнявшись, она увидела сквозь дверной проем смежной со спальней гостиной темный силуэт, резко выделяющийся на фоне включенного монитора.

Орели взглянула на будильник: три часа ночи. Она вздохнула. Этот человек вообще когда-нибудь спит?..

Она набросила халат и, приблизившись к Тома, легонько обняла его сзади за шею. Он слегка вздрогнул, но не сделал попытки освободиться. Хотя и никак не отреагировал на нежный, почти материнский поцелуй в затылок. Орели отправилась на кухню и, взяв из холодильника пакет молока, наполнила две чашки. Затем постояла немного у окна, глядя на падающие снежные хлопья. Небольшой внутренний дворик был весь засыпан снегом, под крышами домов уже нарастали сосульки, похожие на сталактиты. Стояла непроницаемая ватная тишина. Почему-то Орели стало не по себе.

Когда она вернулась в гостиную, Тома даже не обернулся, полностью погруженный в чтение. Орели молча поставила рядом с ним чашку и, пододвинув себе стул, села рядом. По-прежнему не говоря ни слова, Тома слегка подвинулся, чтобы она могла лучше видеть экран.

Прижавшись к нему вплотную, Орели принялась читать вместе с ним, переходя от ссылки к ссылке, от сайта к сайту, от статьи к статье, — сначала со скукой, потом все с большим интересом. Дело десятилетней давности оказалось любопытным... Какое-то время оно не сходило с газетных стра-

ниц и телеэкранов, но довольно скоро от него остались лишь смутные воспоминания — что-то связанное с экспериментами над сознанием и памятью, астрологией, шоковой психотерапией... Постепенно то, что вначале казалось Орели обычной ловушкой для простофиль с лишними деньгами — вроде многочисленных объединений поклонников нью-эйджа в США, — представало перед ней в истинном свете — хорошо организованная секта с тщательно продуманным догматическим вероучением, которое, несмотря на арест главных руководителей, по-прежнему продолжало жить и находить себе сторонников на просторах Интернета.

Спустя примерно полчаса после начала чтения Орели наконец нарушила обоюдное молчание, спросив напрямик:

— Тома, ты хоть понимаешь, какое осиное гнездо собираешься разворошить?

Часть третья

37

Давид открыл глаза. Свет, который едва просачивался сквозь закрытые ставни, был мутно-белым, похожим на туман. Отсюда, из теплой уютной комнаты, из-под толстого стеганого одеяла, он казался холодным и... каким-то потусторонним.

Давид сел в кровати и прислушался. В доме царила пред-рассветная тишина. Здесь, в бывшей маминой спальне, не было часов, но он подумал, что сейчас, скорее всего, самое раннее утро.

Во сне к нему на этот раз не приходило никаких «воспоминаний», поэтому он чувствовал себя отдохнувшим. Уверенным. Готовым... к чему, он еще не знал — но, во всяком случае, ему нравился этот дом. И нравилось, какой стала мама в этом доме.

Только одно омрачало его мысли: Брижитт была мертва.

Накануне вечером он узнал об этом из «воспоминания», в котором лежал, кажется, на больничной койке, слишком высокой для обычной кровати... да и обстановка напоминала больничную палату: стены почти пустой комнаты были ос-

лепительно-белыми, в воздухе плавал запах эфира или еще какого-то химического вещества... но был и какой-то другой запах, казавшийся здесь совсем неуместным: пыли, старого чердака — Давид не мог с точностью его определить. Все было каким-то расплывчатым, нереальным... И вдруг, непонятно откуда, появился человек, который склонился над ним и прошептал: *...а когда я покончу с тобой, я убью твою шлюху-мамашу, как раньше убил ее подружку.*

Он не произнес ни одного имени, не сообщил никаких подробностей. Но это и не понадобилось: Давид был достаточно взрослым, чтобы понять связь между этой призрачной сценой и вчерашней фотографией Брижитт на экране телевизора. Да и подруга у мамы была только одна...

Давид попытался отогнать вернувшийся страх, понимая, что мама не сможет в одиночку справиться с грозящей им опасностью. Он должен еще раз попытаться освободить свою силу. Это их единственный шанс на спасение. Спонтанность вчерашней попытки уступила место твердому, решительному намерению, вызванному необходимостью. И страхом.

Он отбросил одеяло, натянул свитер и шерстяные носки, снова сел на кровать.

На этот раз он не стал закрывать глаза, как вчера в бабушкиной гостиной. Нет, теперь ему хотелось воочию увидеть то, что произойдет. Он поискал подходящий предмет, который можно было бы переместить с помощью взгляда. PSP?.. Нет, слишком тяжелая... Картина на стене... книга... кукла в костюме знатной дамы XVIII века... ага, вот подходящая вещь — небольшая шкатулка, оклеенная ракушками. Маленькая и наверняка легкая. То, что надо.

Давид поднялся, подошел к старинному комоду, на котором стояла шкатулка, и стал не отрываясь смотреть на нее.

Ну давай же, Давид, у тебя получится! Ты еще не знаешь, где и как это может пригодиться, но ты можешь это сделать! Ты столько раз это видел в своих «воспоминаниях»! Да ты и сам всегда об этом знал... Тебе нужно просто выпустить на волю... этого зверька, запертого внутри. Зверька, который победит страшного черного зверя...

Он напряг все силы...

Ничего.

Еще... еще... Наконец он ощутил уже почти привычное покалывание, вроде щекотки под кожей. И теплоту... нет, жар, волнами расходившийся из головы по всему телу...

...я убью твою шлюху-мамашу, как раньше убил ее подружку...

Сильнее! ЕЩЕ СИЛЬНЕЕ!

Его дыхание участилось, и он почувствовал, что слегка поднимается над полом, словно в невесомости. Одновременно в ушах нарастал гул — как будто в голове работал паровой котел...

Вот... вот оно! Ты же всегда это знал!..

Его глаза расширились... и тут же их заволокло белой пеленой. Он машинально встряхнул головой, и белый занавес распахнулся. Теперь Давид стоял неподвижно, наблюдая за открывшимся ему зрелищем.

Когда он пришел в себя, все его тело охватила лихорадочная дрожь.

Результат опыта оказался не тот, какого он ожидал, но сейчас это было неважно. Давид бегом бросился в комнату

матери. Увидев, что она спит, он подбежал к ней и начал трясти за плечо, чтобы разбудить:

— Мам, просыпайся!.. Скорее!.. Он едет сюда!..

38

Джорди Фонте еще раз проверил указания GPS, потом недоуменно хмыкнул. Она что, и в самом деле скрылась где-то в лесу?..

Он пристально вглядывался в просвет между деревьями. Значит, Шарли проехала здесь вчера вечером?.. Никаких следов шин на дороге, конечно, не было: все занесло снегом. Он скорее предположил бы, что она застряла в одном из придорожных мотелей, когда все основные трассы перекрыли из-за непогоды... Он и сам потерял несколько драгоценных часов...

Джорди взглянул на экран GPS: согласно указаниям, дом должен был находиться примерно в полутора километрах отсюда, в лесу. Он повел машину с почти черепашьей скоростью. Заснеженные ветки хлестали по лобовому стеклу и крыше. Он подумал, что если Шарли с сыном и приехали сюда, то явно впервые за многие годы, иначе проезд был бы более удобным. Уж ветки, во всяком случае, были бы подрезаны...

Он проехал около километра, затем остановил свой внедорожник. Дальше ехать было нельзя: лес становился слишком густым.

Он осмотрел окрестности в надежде разглядеть хоть какое-нибудь цветное пятно: может быть, яркую зимнюю куртку, шапку или шарф...

Ничего. Только белый снег и темные стволы деревьев...

Он в последний раз взглянул на GPS, вылез из джипа и бесшумно закрыл дверцу. Затем двинулся вперед, поминутно оступаясь — на ногах у него были кроссовки, не слишком подходящие для прогулок по зимнему лесу. Он с трудом преодолевал сугробы и расселины, чертыхаясь, когда ветки хлестали его по лицу или стряхивали снег за шиворот.

Наконец сквозь густые заснеженные заросли Джорди разглядел дом. Он был занесен снегом, но из трубы шел дым — наглядное доказательство того, что след, по которому шел Джорди, был еще горячим... прямо-таки раскаленным.

Он осторожно приблизился и осмотрел окрестности. Неподалеку стояла синяя «клио». Позади дома была пристройка — нечто вроде сельского амбара, — скорее всего, служившая гаражом. Джорди остановился за деревьями и стал ждать. Принимая во внимание ранний час, да и холод тоже, можно было предположить, что мать с сыном еще крепко спят. Впрочем, и днем тут нечего делать, кроме как спать... в ожидании заветного чека. Во всяком случае, как можно реже высовывать нос наружу.

Он проник в дом. В полуподвальной прачечной, как он и полагал, оказался старый паровой котел. Джорди остановился и прислушался, подняв голову к потолку. Тишина. Он пересек прачечную и поднялся по нескольким ступенькам в кухню. Там было тепло, приятно пахло кофе... Он медленно двинулся вперед, пытаясь прикинуть расположение комнат.

И вдруг за спиной у него раздался щелчок.

Джорди резко обернулся.

Она была здесь, в двух шагах от него. Должно быть, пряталась в дальнем углу, за огромным старым холодильником. С новой прической — короткие, стоящие торчком волосы, выкрашенные в черный цвет, — Джорди едва ее узнал. Но хрупкая фигурка и глаза — особенно глаза — не могли его обмануть: в них горел тот уже знакомый ему странный свет, который он не встречал больше ни у кого.

— Ни с места! — приказала она.

Джорди перевел взгляд с ее лица на тонкую, слегка дрожжащую руку, в которой она сжимала револьвер. Она держала его как нужно — очевидно, не в первый раз. Скорее всего, Тевеннен ее научил. Но было заметно, что она вне себя от страха.

— Я не двигаюсь, — спокойно произнес Джорди. — Вот, смотри, я кладу руки на затылок и стою смиренно. Я ни на волосок не сдвинусь с места, обещаю.

Услышав обращение на «ты», Шарли вздрогнула.

— Что вы здесь делаете? — спросила она, как ей показалось, властным (а на самом деле почти жалобным) голосом. — У вас привычка грабить дома, оставленные без присмотра?

Незнакомец слабо улыбнулся:

— Нет, Шарли, я не граблю дома. Я пришел за тобой. И Давидом.

Услышав эти два имени, Шарли едва не выронила револьвер от изумления, но постаралась взять себя в руки.

— Я пришел тебя предупредить: нужно уезжать отсюда как можно быстрее. Они придут с минуты на минуту. Я забрал их машину, но им не составит труда найти другую. Поэтому не будем терять времени.

Шарли оцепенела от ужаса:

— Но... о ком вы говорите? Сами-то вы кто?

Джорди со вздохом пожал плечами.

— О, я вас узнала! Вы следили за мной из машины у торгового центра! Вы работаете на Сержа? Кто вы?

Джорди взглянул на нее с печальной улыбкой:

— Я никто, точнее, не бог весть кто. Я просто человек, который восемь с лишним месяцев проторчал перед экраном, где проходила вся твоя жизнь, день за днем.

39

Судя по всему, Джошуа Кутизи сохранял свой имидж гуру даже в заключении: огромная борода патриарха, медленные, торжественные движения, пристальный, пронизывающий взгляд темных глаз из-под нависших бровей...

Он сидел напротив Тома Миньоля и, казалось, не испытывал ни малейшего удивления или любопытства по поводу неожиданного визита, к тому же в неурочный час. Весь его облик излучал властную уверенность. Тома вынужден был признать, что, несмотря на свою одежду заключенного и старые кроссовки на ногах, Джошуа Кутизи производит впечатление человека, с которым нельзя не считаться, причем в любых обстоятельствах.

— Вам объяснили, зачем я пришел с вами повидаться? — спросил Тома.

— Нет, мне ничего не сказали. Только назвали ваше имя и должность.

— Я по поводу Джорди Фонте, — без обиняков сообщил Тома.

Никакой реакции, кроме едва заметной из-за густой бороды улыбки.

— Это имя, полагаю, вам знакомо?

— Очень милый молодой человек, очень одаренный. Правда, немного сбившийся с пути... как большинство здешних обитателей.

Итак, Кутизи предпочел тональность светской беседы... Ну что ж... Тома подозревал, что любой гуру, поднаторевший в краснобайстве, с помощью которого привлекает в свои сети все новых и новых адептов, в итоге почти всегда оказывается воплощением чудовищного эгоцентризма. Это уязвимое место в его броне, и этим грех не воспользоваться.

— Так вот, Джорди Фонте, кажется, имеет отношение к делу, которым я сейчас занимаюсь...

— Но ваше подразделение, насколько я понимаю, занимается внутрислужебными делами. Поэтому я плохо представляю себе, какое отношение может иметь к вам Джорди.

— Я ни в чем его не подозреваю, — солгал Тома. — Но он важный свидетель по одному довольно запутанному делу, которое может в итоге стать... проблематичным для него. Мне нужно его найти...

— Его найти... — задумчиво повторил Джошуа Кутизи. — Хм... Ну и чем я мог бы вам помочь... если бы даже захотел?

— Вы, я так понимаю, покровительствовали Джорди на протяжении нескольких лет...

— Покровительствовал?

— Ну, во всяком случае, вы довольно долгое время применяли к нему ваши методы...

— Я показал ему путь, — серьезным тоном поправил Кутизи. — Его жизненный путь.

— И что это был за путь?

Джошуа холодно улыбнулся:

— Это его путь, лейтенант. Его — и больше ничей.

Молчание. Тома пытался найти какую-то зацепку для продолжения беседы, для возбуждения любопытства у бывшего соседа Джорди по камере. Но гордыня Джошуа Кутизи сама распахнула ему дверь.

— Что вы знаете об астрософии, лейтенант?

— Вы создали методику личностного развития человека, основанную на изучении звезд и планет в момент его рождения. При этом, насколько я понимаю, вы во многом опирались на астрологию. Причина, по которой вы находитесь сейчас здесь, — вы использовали некоторых своих... адептов в качестве подопытных кроликов в некой специальной клинике в Сен-Жермен-ан-Лэ. Множество молодых женщин покончили с собой при крайне необычных — и жестоких — обстоятельствах, вследствие чего астрософией вынуждены были заинтересоваться соответствующие службы... В ходе судебного процесса всплыло ваше имя, хотя вы и не были главным обвиняемым...

Кутизи жестом остановил его:

— Можете не продолжать. Я знаю подробности этого дела, лейтенант. Сейчас я задам вам вопрос, который может показаться вам странным и не имеющим отношения к делу, но тем не менее: что вы знаете об эре Водолея? Я не спрашиваю вас, принадлежите ли вы сами к этому знаку, поскольку и без того вижу: вы Козерог. Или же у вас Козерог в асценденте. Я прав?

Тома почувствовал, что невольно краснеет под пристальным взглядом гуру. Ему показалось, что голые стены убогой комнатухи, где проходила встреча, теснее сжались вокруг него и его собеседника.

— Не удивляйтесь. Козерогов сразу видно: они держатся напряженно и слегка отстраненно от остальных, всегда сохраняют дистанцию. Тонкие черты лица, недоверчивый взгляд — это недоверие свойственно тем, кто всего в жизни добивался сам, — внешняя холодность, преданность своей работе... Представьте себе, Джорди тоже Козерог. У него к тому же сильное влияние Овна — можно сказать, именно Овен и привел его сюда... но Козерог его отсюда вытащил. Впрочем, сейчас это неважно. В данный момент нас интересует Водолей.

Тома ничего не сказал. Если Кутизи хочет играть ведущую партию в этом разговоре — пусть его. Пока.

— Я уверен, что вы слышали хоть краем уха разговоры о наступлении эры Водолея. Некоторые считают, что она уже наступила — например, поклонники нью-эйджа и прочие невежды, — но они ошибаются. Астрологическая эра, которая длится две тысячи лет, соответствует феномену, хорошо известному в астрономии: прецессии равноденствий. Мы перейдем из эры Рыб, в которой живем сейчас, к эре Водолея в 2150 году. Вы знаете, что об этом сказано еще в Библии? Да, именно так! Но дело в том, что, точно так же как переход от зимы к весне совершается не за один день, переход к новой эре произойдет не за одну ночь 31 декабря 2149 года. Поэтому можно сказать, что сейчас мы живем в переходном периоде. Вы наверняка это чувствуете. Мы все это чувствуем. Мир стоит на пороге перемен. Все ценности

предшествующих веков обращаются в прах: экономика, наука, религия, семья... и даже массовые развлечения. Интернет совершил настоящую революцию в умах, так что каждый теперь замкнулся в своем собственном виртуальном мире... Да, эра Водолея уже близко.

Тон Джошуа на протяжении всего этого монолога оставался ровным, но по лихорадочному блеску, постепенно разгоравшемуся в глазах гуру, Тома заметил, что тот все сильнее воодушевлялся. Он действительно верил в свои теории, он не был обычным мошенником, дурачащим не в меру доверчивых людей. Его внутренняя сила была основана на этой вере.

— Вы знаете, что это означает? — продолжал Джошуа. — Новый мир скоро возникнет на месте старого. Человечество должно полностью трансформироваться, пройдя через серьезную мутацию, — и сейчас ведутся поиски пути, которым она сможет реализоваться. Рано или поздно она произойдет со всеми, но те, кто сможет пройти через нее в числе первых, станут победителями в грядущую эпоху. Они воспримут новые ценности эпохи Водолея: прогресс, универсальность, глобализацию, братство, некую всемирность, коммуникацию, науку, технологию, идеологию... Да, лейтенант, вот-вот должен родиться новый человек. В мир придут тысячи детей Водолея..

— Все это вы рассказывали и Джорджи? — спросил Тома, чтобы напомнить гуру о цели своего визита.

Глаза Джошуа на мгновение расширились, в них промелькнуло разочарование — как у человека, только что очнувшегося от приятного сна и осознавшего гораздо менее приятную реальность. Очевидно, он привык проповедовать часами. Здесь ему явно не хватало аудитории.

Он мельком взглянул на Тома — с легким и даже благодушным презрением. Словно взрослый на неразумного, упрямого ребенка.

— Да, в числе прочих и ему тоже. Но он меня слушал, — холодно ответил Джошуа.

— Поэтому он и изменился?

— Не только поэтому. Я дал ему возможность навсегда избавиться от призраков прошлого, которые его преследовали.

— Но что именно вы сделали?

Еще одна слабая, почти незаметная улыбка.

— То, что мог бы сделать и для вас, если бы вы захотели — и если бы сообщили мне точную дату своего рождения. Тогда, может быть, вы поняли бы смысл этой страсти к расследованиям, которая является вашей основной жизненной мотивацией... которая увлекает вас все дальше и дальше в ваших поисках... и одновременно пожирает вас, а вы не знаете ни почему это происходит, ни как от этого избавиться.

— В данный момент все, чего я хочу, — это найти Фонте, а не узнать о роковом влиянии Сатурна на мою жизнь... и всяком таком прочем. Этот человек для меня очень важен. Найти его — это буквально вопрос жизни и смерти.

— Я знаю.

— Но отку...

— Это начертано на вашем жизненном пути.

Тома с трудом подавил желание схватить Джошуа Кутизи за шиворот и хорошенько потрясти. Нужно было найти другой угол атаки.

— Но вся ваша астрософия, кажется, сошла на нет после самоубийств нескольких ваших подопечных и вашего ареста.

Кутизи взглянул на него с презрительной гримасой:

— Не знаю, к чему вы клоните, но это не имеет никакого значения. Астрософия жива и переживет меня самого.

— В этом я не сомневаюсь. Итак, если Джорди Фонте создал свое собственное общество астрософии, руководствуясь вашими теориями, то где я смогу его найти?

— Почему вы так уверены, что мне об этом известно?

— Потому что Фонте — ваш, так сказать, апостол. Вы должны как-то поддерживать с ним связь, чтобы наставлять его в трудах праведных. Как я уже сказал вам, это вопрос жизни и смерти...

— Я больше не поддерживаю связь с Джорди.

— Но ведь вы помогли ему в заключении, значит, вам был небезразличен его дальнейший путь. Вы наверняка дали ему чьи-то координаты. К кому вы его направили? У него больше нет родителей, его брат, насколько я знаю, уехал в США вскоре после судебного процесса...

Долгое молчание.

— Если вы скажете мне об этом, я могу устроить так, что вам улучшат условия заключения...

— Как именно?

— Например, переведут в одноместную камеру. Там вы сможете без помех предаваться размышлениям, спокойно спать — в нынешних условиях это роскошь, сопоставимая с пятизвездным отелем на свободе... Если я найду Джорди, разумеется.

Кутизи погладил бороду — нежным, почти эротическим жестом, и этот жест его выдал: под маской гуру-аскета скрывался любитель роскоши и наслаждений.

— У вас есть ручка?

Тома вынул из кармана листок бумаги и карандаш, с удивлением отметив про себя, что Кутизи не потребовал никаких гарантий, никаких доказательств того, что этот устный договор будет соблюден.

Кутизи нацарапал на листке какое-то имя.

— Эта женщина была одной из лучших моих помощниц, — сказал он, протягивая Тома листок. — Сейчас она отошла от дел, но, когда Джорди отпустили на свободу, я дал ему именно ее координаты. С ней я тоже давно не общался, так что вам самому предстоит выяснить, существует ли еще ее книжный магазин или нет...

Тома мельком взглянул на листок, где характерным острым почерком было написано: «Катрин Клермон. Книжный магазин „Вертекс“, Париж, Восемнадцатый округ».

— Они все вас оставили, не так ли? Поэтому вы и дали мне ее имя с такой легкостью?

Кутизи впился взглядом в глаза Тома:

— Вы знаете, сколько писем я получаю каждую неделю? От пятидесяти до ста! Поэтому у меня есть будущее. Неважно, с моими бывшими сторонниками или без них... С вами или без вас...

Тома кивнул.

— Я дал вам это имя потому, что вы — человек слова. Все Козероги такие. Большинство, во всяком случае...

Тома воздержался от комментариев и вынул из портфеля фотографию:

— И последний вопрос. Вы знаете эту женщину?

На фотографии была изображена Шарли — этот снимок был найден Коньо в доме Тевеннена накануне вечером.

Кутизи склонился к фотографии. В следующий миг на его лице появилось довольное, почти гурманское выражение.

— Так это она?..

Тома застыл на месте.

— Та, кого ищет Джорди... и кого он найдет, будьте уверены. Да, очевидно, это она...

— Как вы могли уз...

— Удачи вам, лейтенант, — перебил Кутизи. — Передайте Катрин привет от меня... если с ней встретитесь.

40

Шарли была не уверена, что все произошедшее за последние несколько минут реально. Ей казалось, что она провалилась в какой-то липкий душащий кошмар. Реальность отодвигалась все дальше по мере того, как человек, которого она по-прежнему держала на мушке револьвера, продолжал свой рассказ: камеры повсюду в доме... круглосуточное наблюдение... почти в течение года...

Значит, он все знал... он все видел!

Все!

Он видел, как Серж бил ее, насиловал, унижал. День за днем, месяц за месяцем.

Он видел, как она готовилась к бегству.

Он видел, как она вонзила нож в грудь Сержу, видел, как тот зашатался и рухнул на пол.

Он знал про лотерейный билет. А что еще ему удалось узнать? Что именно он знал о способностях Давида?

Выигрыш?.. Ради этого он приехал сюда? Чтобы шантажировать ее с помощью видеозаписей?

— Теперь ты понимаешь? — спросил он. — Нам надо срочно уезжать!

— Нет, я... я ничего не понимаю! — Шарли сама разозлилась на себя за этот жалобный тон. — Почему мы должны уезжать? Что за опасность нам грозит?

— Нас было трое, как я сказал. И нам была поручена миссия...

— Какая миссия? Кто вы?!

— ...но потом я понял, что намерения моих партнеров... не так чисты, как мне казалось вначале.

— Но о чем ты говоришь? Какие намерения? И как вы меня снова нашли?

— Я не знаю. Кольбер, один из моих... ну, короче, Кольбер получил от кого-то информацию по мобильнику как раз тогда, когда мы уж думали, что потеряли твой след. Вот так я и оказался здесь. Их я бросил на дороге...

Шарли недоверчиво взглянула на него. Как они смогли ее найти? Никто не знал, что они с Давидом здесь, — никто, кроме матери. Может быть, ее телефон прослушивался?.. Знают ли они, кто такая Шарли на самом деле? Камеры, прослушка... Но каким же образом она оказалась в самом центре этой шпионской истории?..

И вдруг ей на ум пришла ужасная догадка.

— Это вы... это вы убили Брижитт?

Глаза незнакомца округлились от непритворного удивления.

— Кто это?

— Моя подруга... у которой мы остановились в первый вечер после отъезда... Так это вы ее убили?

В глазах человека промелькнул какой-то странный огонек.

— Может быть... — наконец прошептал он.

— Но почему?

— На самом деле я не знаю, ответственны ли мы за смерть твоей подру...

— Зачем все это было нужно? Все эти камеры? Вся эта слежка? Зачем???

— Это все ради него... ради Давида. Точнее, *из-за* него... Он всему причиной.

Все это время Давид был в своей комнате, наверху. Он не находил себе места. Ему никак не удавалось ни на чем сосредоточиться. Не получалось вызвать силу. Не получалось даже отвлечься на игровую приставку... Он чувствовал страх.

Он знал, что какой-то человек должен вот-вот приехать. Он слышал, как тот крадется через лес, потом заходит в дом... И он знал, кто это: тот самый человек, который склонился над ним в больничной палате; человек, который объявил, что собирается убить его мать...

Внизу стояла тишина. Такая же глухая, ватная, парализующая тишина, как в те моменты, когда Серж учил маму «дис-цип-ли-не»...

Тревога сдавливала ему горло, мешая дышать. Он должен был спасти маму, а для этого нужно было пробудить силу.

Давид натянул шерстяные носки и бесшумно выскользнул в коридор. Голоса снова зазвучали, точнее, говорил в основном один, мужской голос, по-прежнему неразборчиво,

но, по мере того как Давид приближался к лестнице, он слышал его все отчетливее...

...как голос Сержа, когда тот разговаривал сам с собой...

Нет, этот голос был мягче, спокойнее. Хотя именно это спокойствие казалось едва ли не самой ужасной вещью в данных обстоятельствах: человек не может быть спокойным, если на него направлен револьвер. Давид знал, что револьвер у мамы есть — она забрала его из дома в ночь отъезда и теперь взяла с собой, чтобы встретить нежданного гостя.

Он пошел вдоль перил, окружавших верхнюю галерею, пытаясь найти место, откуда можно было бы увидеть происходящее внизу. Наконец, просунув голову между двумя столбцами, поддерживающими перила, он смог различить вздыбленную копну волос, которую сразу же узнал.

Мама. Она стояла спокойно, не собираясь нападать или защищаться...

Это все ради него... ради Давида. Точнее, из-за него...

Давид застыл на месте. Этот человек знает его?! О чем он говорит?

Он всему причиной.

Чему?!

Давид еще немного подался вперед, пытаясь увидеть лицо человека. Маневр был довольно рискованный, но...

Лица человека по-прежнему не было видно, поскольку он стоял вполоборота, но Давид увидел его одежду и волосы.

Нет, не может быть! Что-то не так... совсем не так! Это был не тот человек, который склонялся над ним в недавнем видении. Но именно тот должен был сегодня приехать сюда — Давид был в этом уверен.

Он уже хотел закричать, чтобы предупредить маму о совсем другой опасности, но в это время громко задребезжал колокольчик над входной дверью.

Услышав этот звук, Шарли застыла от ужаса. То, что незнакомец подался ближе к ней, словно желая защитить, ничуть ее не успокоило.

— Не отвечай! — прошептал он.

— Шарли, с тобой все в порядке? — донеслось снаружи. — Это месье Боннэ! Шарли!

Месье Боннэ... Шарли с облегчением вздохнула, узнав его голос, и в особенности этот акцент, типичный для бургундского жителя, с раскатистым «р». Да, это действительно был месье Боннэ. За эти десять лет его голос тоже почти не изменился...

Колокольчик зазвенел снова.

— Шарли?..

Шарли колебалась. Если не отвечать, месье Боннэ может подумать, что она куда-то отлучилась, и решит ее дождаться. Или же он забеспокоится и позвонит ее матери... Ни в коем случае нельзя, чтобы он увидел здесь этого типа, иначе он вызовет полицию, и та прибудет через каких-нибудь двадцать минут...

Незнакомец, должно быть, тоже об этом подумал, потому что сказал:

— Я где-нибудь спрячусь, а ты открой дверь. Когда он уйдет, мы сразу же уедем.

Шарли в нерешительности посмотрела на него:

— А откуда мне знать: может быть, ты приехал за деньгами? Может быть, твои сообщники тебя подослали, чтобы...

Он взглянул на нее почти с болью. Потом, прервав ее жестом, расстегнул куртку и показал рукоятку пистолета, торчавшую из-за пояса. Прежде чем Шарли успела отреагировать, он взял пистолет и протянул его ей, рукояткой вперед:

— Если бы я пришел с дурными намерениями, уж наверное, я держал бы его в руках, когда вошел в дом.

— Шарли! — снова закричал месье Боннэ и изо всех сил забарабанил в дверь.

— Бери! — настойчиво сказал человек, протягивая ей свое оружие.

— О, черт!.. — пробормотала Шарли, взяла пистолет и наспех спрятала его вместе со своим под грудой диванных подушечек. Затем пошла открывать.

На пороге стоял месье Боннэ — крепко сбитый, краснолицый человек лет шестидесяти. Его руки в огромных варежках были похожи на две лопаты. На голове была меховая шапка с наушниками.

— Здравствуйте, месье Боннэ, — сказала Шарли, пытаясь улыбаться как можно непринужденнее. — Что-то случилось?

Гость крепко обнял ее и расцеловал в обе щеки:

— Шарли, малышка! Сколько лет мы с тобой не виделись!.. Глазам своим не верю!.. А ты не очень сильно изменилась... прическа у тебя, правда... гхм... а в остальном все как прежде! Пирог понравился?

...пирог понравился?..

Точно, ничего не изменилось! Как будто какая-то спираль раскручивалась в ее сознании, уводя к самым глубинам памяти...

— Я просто зашел проверить, все ли в порядке. У тебя гости? Я видел тут неподалеку две машины...

Шарли вздрогнула:

— Две?..

Выражение лица месье Боннэ стало другим — на нем появилось нечто вроде недоверия.

— Ну да, две... там, на подъездной дорожке. Джи́п и...

Он не договорил — откуда-то из-за угла ему на голову обрушился удар бейсбольной биты. Месье Боннэ рухнул на крыльцо. Шарли завопила.

— Привет, Шарли.

Она инстинктивно обернулась на голос, одновременно пятясь назад.

Перед ней стоял светловолосый, высокий и худой тип, чьи бледность и некоторая вялость движений были характерны для представителей старинных французских семейств, которых Шарли в своей прошлой жизни встречала довольно часто. Разница состояла лишь в том, что помимо шикарного кожаного пальто и элегантного шарфа еще одной деталью его экипировки была огромная бейсбольная бита, которой он только что оглушил месье Боннэ.

Шарли не отрываясь смотрела на него. Какое-то смутное воспоминание поднималось из глубин памяти на поверхность...

Человек шагнул вперед, и это вывело Шарли из оцепенения. Она снова начала пятиться назад, в дом. Нужно было добраться до дивана, под подушками которого она спрятала оба пистолета...

— Ни с места... *Анн Шарль!*

Шарли застыла, увидев направленный на нее пистолет. Значит, недавний визитер сказал ей правду... Их действительно было трое, и они охотились за ней и Давидом. Но

прежде всего им был нужен Давид! И они знали все о ней, о них обоих!..

Небрежно перешагнув через тело сторожа, человек вошел в дом и захлопнул за собой дверь. Остановившись почти вплотную рядом с Шарли, он взглянул на нее с удовлетворенной улыбкой, от которой по ее телу пробежала дрожь отвращения. Он уже собирался заговорить, как вдруг из кухни донесся какой-то шум. Оба непроизвольно обернулись.

— А... должно быть, мой приятель обнаружил... нашего сбежавшего попутчика, — улыбаясь, сказал новоприбывший визитер.

В следующую секунду человек, который представился ей как Джорди, вышел из кухни с поднятыми руками. За ним шел здоровенный верзила с пистолетом в руке, уперев дуло прямо ему в спину.

Все четверо вошли в гостиную.

— Ну что ж, — с притворной любезностью сказал лжеаристократ, — я вижу, на нашем маленьком празднике не достает только одного человека... однако это самый почетный гость!

...на нашем маленьком празднике...

Слова эхом отдались в голове Шарли. Этот голос...

О боже!

Да, она его узнала! Она знала этого человека очень, очень давно... и теперь вспомнила это полузабытое знакомство.

Судя по всему, он об этом догадался, поскольку на его лице появилась широкая улыбка. Он почти фамильярно подмигнул Шарли и прошептал:

— Время принимать таблетки, мадемуазель Жермон...

Лабиринт узких темных улочек; лужи с мерцающими в них отражениями редких фонарей; удушливый запах грубого бетона, бензина, холодной земли; граффити на стенах... Вдова с трудом сдерживала непритворно грустные вздохи, идя по одному из грязных кварталов Ситэ следом за мальчишкой лет тринадцати, казалось, только что сбежавшим со съемок клипа на MTV — в рэперовской одежде и огромных, явно не по размеру, кроссовках. Обычно она никогда не ходила пешком по таким районам — всю грязную работу делали за нее подчиненные, и это было к лучшему: от вида столь неприкрытой нищеты и убожества ей хотелось сбежать не только из этого места, но и вообще из этого мира, улететь в какую-нибудь волшебную страну бизнес-классом в самолете «Эр Франс», отгородившись портъерами от остальных пассажиров...

Но сегодня дело обстояло немного иначе, даже несмотря на ледяной холод и сырость, исходящую от влажных стен. Сегодня на кону были тридцать четыре миллиона. Поэтому Клео подавила свою антипатию к нищим кварталам, оделась потеплее и отправилась за малолетним проводником.

— Далеко еще? — спросила она.

Мелкий паршивец даже не обернулся — должно быть, в ушах у него были наушники от плеера (проверить, так ли это, не позволяли низко надвинутая шапка и наброшенный поверх нее капюшон). На всякий случай Клео покрепче сжала рукоятку восьмизарядного «Смит-и-Вессона» 317-го калибра, который благодаря небольшому весу почти не ощущался в кармане шубы. Она никогда не питала чисто

мужского пристрастия к оружию, но понимала, что если несколько ее подручных захотят увидеть на ее месте кого-то другого, то они, скорее всего, попытаются прикончить ее либо вот в таком дешевом квартале, либо где-нибудь на подземной парковке.

Вдруг рэпер резко остановился перед металлической дверью и постучал в нее каким-то условным стуком, чередуя частые и редкие удары, словно в азбуке Морзе. Потом окликнул:

— Хей, Жам!

Дверь приоткрылась, из-за нее показалась голова Жамеля Зерруки. При виде знакомого лица Вдова невольно вздохнула с облегчением. И тут же подумала, что стареет.

— Он здесь, — вполголоса сообщил Жамель. — Его малость помяли, но нам повезло, что мы его вообще нашли. Очень уж он орал — видно, просек, что его ждет... — Потом, обернувшись к рэперу, добавил: — Мурад, постой на стреме. Вон там, у лестницы. Если какой шухер, жми вот эту кнопку. — И передал мальчишке «уоки-токи».

Человек, о котором шла речь, был привязан к стулу. На глазах у него была повязка, рот залеплен широкой серебряистой клейкой лентой. Из носа, напоминавшего готовый распуститься тюльпан, струилась кровь.

Найти его оказалось на удивление просто: Ольге пришлось сделать всего несколько телефонных звонков, чтобы выяснить, что приятель покойной Брижитт был постоянным клиентом одного распространителя наркотиков, работавшего на Вдову. Этот тип знал еще одного парня, тот — еще одного; последний и сообщил, где можно найти нужного Клео человека, которого в настоящее время разыскивала

вся парижская полиция. Но люди Вдовы нашли его первыми — в небольшом дешевом кафе недалеко от площади Гамбетты.

Двадцать минут спустя он уже лежал связанным в багажнике «БМВ», направлявшегося в район Олней-су-Буа, в то время как полицейские обыскивали его квартиру.

Клео в очередной раз была поражена таким совпадением и той легкостью, с какой ей удалось достичь желаемого. События разворачивались как по заказу — словно красная ковровая дорожка, которую мир стелил ей под ноги... По этой дорожке она дойдет напрямиком до заветного билета.

Перст божий...

Больше не обращая внимания на окружающую обстановку, она приблизилась к человеку и резким жестом сдернула повязку с его глаз. Человек — худой, ничем не примечательный мужчина лет тридцати — захлопал глазами и замычал что-то невразумительное. Затем уставился на Клео с неприкрытым ужасом.

Она приложила к его губам, заклеенным липкой лентой, свой указательный палец с длинным наманикюренным ногтем:

— Т-с-сс... Я знаю, что мой друг слегка перестарался, но у него была для этого серьезная причина. Я не сделаю тебе ничего плохого, просто задам несколько вопросов. Вот что мы сейчас сделаем: я избавлю тебя от кляпа, а ты пообещай, что не будешь кричать... просто ответишь на мои вопросы.

Глаза человека расширились еще больше.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но я не имею ничего общего с тем или теми, кто убил твою подружку, — добавила Клео успокаивающим тоном.

В глазах человека промелькнуло облегчение. Он слабо кивнул.

— Ну что ж, тогда... — Она вынула из сумочки фотографию. — Ты готов?

И когда человек снова кивнул, отклеила липкую ленту с его рта — на сей раз осторожно, с почти материнской заботой.

— Теперь тебе легче дышать, не так ли? В таком случае, ты сможешь рассказать мне все, что знаешь об этой женщине...

При последних словах на лице пленника отразилось отчаяние, но потом он взглянул на фотографию, и оно сменилось удивлением. Он нахмурился. И наконец заговорил.

Вдова, склонившись над ним, внимательно слушала. Как выяснилось, он знал не так уж и много. Хотя, впрочем, достаточно. Увлечение наркотиками, реабилитационная клиника, бегство, муж-тиран... Клео задавала вопросы, выясняла детали, выпытывала подробности, даже самые незначительные. Пленник, судя по всему, не пытался ничего от нее скрыть, но... «Вы понимаете, я даже не был знаком с ней лично... это Брижитт мне о ней рассказывала...»

Вспомнив о Брижитт, он утратил остатки самообладания и разрыдался. Вдова поняла, что больше ничего ценного от него не услышит.

Она сделала знак Жамелю, который все это время держался на расстоянии, в глубине комнаты. Ее помощник приблизился и без лишних слов засунул в рот пленнику грязную тряпку, одновременно зажав ему ноздри двумя пальцами. Тот захрипел.

Клео закрыла за собой дверь еще до того, как несчастный испустил последний вздох.

— Пора принимать таблетки, мадемуазель Жермон...

Шарли вышла из оцепенения и повернула голову к вошедшему. Его невероятно бледное лицо было почти неразлично на фоне белых стен и его собственного медицинского халата — идеально чистого, сияющего ослепительной, почти невыносимой для глаз белизной. В комнате не было почти никакой обстановки, лишь на стенах висели какие-то странные схемы в строгих металлических рамках, напоминавшие астрологические карты.

— Спасибо, Жозеф...

Был ли это Жозеф? С другого конца комнаты Шарли этого не видела. Однако она, скорее всего, не ошиблась — она научилась распознавать присутствие этого человека, поскольку он находился рядом с ней почти постоянно на протяжении многих дней... или месяцев?..

Сколько же именно? Месяц?.. Два?..

Она должна была вспомнить. В последнее время ее память стала улучшаться, даже приобретать какую-то новую силу... Воспоминания возвращались к ней. Она стала даже вспоминать многие эпизоды из самого раннего детства, хранящиеся где-то в потаенных глубинах сознания.

Она обсуждала этот феномен с доктором Ансе. Он был в полном восторге — такой результат подтверждал эффективность проводимой им терапии.

— Вспоминая эти сцены и заново переживая те эмоции, которые их сопровождали, ты тем самым избавляешься от них, очищаешь от них сознание — примерно так же, как организм очищают от шлаков... Теперь ты сможешь

без помех думать о будущем, оставив в прошлом все, что привело тебя к саморазрушению...

Некая смутная интуиция, чей голос был слышен даже сквозь ватный туман, в котором пребывало сознание Шарли, заставила ее умолчать о том, что в большинстве ее воспоминаний присутствует мать, и ее присутствие невыносимо тяжело, даже губительно... каждое из таких воспоминаний было как новый барьер, отделяющий их друг от друга...

Итак, она должна была вспомнить имя санитаря: кажется, Жозеф (или Жильбер?..). Но ирония ситуации заключалась в том, что если далекое прошлое вспоминалось в мельчайших подробностях, то настоящее было каким-то смутным, расплывчатым, вневременным...

Жозеф приблизился к ней с небольшим подносом, на котором были разложены многочисленные разноцветные таблетки. В последнее время воспоминания, вызванные ими, были настолько отвлечены, что Шарли с трудом сдерживалась, чтобы не взбунтоваться и отказаться их принимать. Но все же она заставила себя взять стакан воды, также стоявший на подносе, и начала глотать таблетки одну за другой. Жозеф внимательно наблюдал за ней. Шарли решила, что попросит доктора сократить дозы, особенно белых таблеток — это, как она поняла, были успокоительные... хотя уж скорее отупляющие. Что касается других, она точно не знала об их составе, но догадывалась, что они наверняка содержали опиаты.

От слишком пристального взгляда санитаря ей становилось не по себе. Казалось бы, все в его поведении говорило лишь о добросовестном отношении к работе, но в едва за-

метной довольной, почти гурманской улыбке одними уголками рта, в пугающе пристальном взгляде было что-то ненормальное.

Но, может быть, сама обстановка этого не совсем обычного заведения и многочисленные таблетки вызвали у нее легкую паранойю? Несколько раз по ночам, в пограничном состоянии между сном и явью, ей казалось, что он заходит к ней в комнату — на сей раз не в медицинском халате, а в обычной одежде — и неподвижно стоит в углу, наблюдая за ней. Черт его лица Шарли не видела, но различала длинную шею, покатые плечи и особенно эту бледность и пронзительный, режущий взгляд светло-голубых глаз, заметный даже в слабом луче света, падавшего из коридора через круглое застекленное окошко в двери, похожее на иллюминатор...

Но, скорее всего, это был сон. Точнее, кошмар. Жозеф никогда не дежурил по ночам...

Шарли пребывала в некоем странном, полубессознательном состоянии всего несколько секунд, но их ей хватило, чтобы в точности вспомнить эту сцену, с которой началось постепенное сокращение лекарственных доз.

— Я вижу, вы все вспомнили, мадемуазель Жермон...

Шарли вновь вернулась из прошлого в настоящее, в дом у озера. Перехватив взгляд Джорди, она догадалась: до сих пор ему было неизвестно, что его компаньон, которому он помогал по какой-то пока неизвестной причине, был знаком с Шарли и что это очень давнее знакомство...

— Ты сильно осложнила нам работу, Шарли, и ты это знаешь... — Голос бывшего санитаря по-прежнему болезнен-

но отдавался в ее ушах. — Нам понадобилось немало времени, чтобы тебя разыскать...

Она выдержала его взгляд, стараясь не замечать направленный на нее пистолет и не думать о прошлом. Не слушать этого человека. Думать только о Давиде. Сосредоточиться на нем. Давида нужно спасти любой ценой.

— Тебе стоило бы поблагодарить отца твоего ребенка: он ничего не сказал. Ни слова.

«Не слушать его... думать о Давиде...»

— Он тебе этого не говорил? — неумолимо продолжал светловолосый человек в кожаном пальто. — Очевидно, нет. Он не мог... — Эти слова сопровождались гримасой фальшивого сочувствия. — Мы нашли его, представь себе, с помощью одного его бывшего дружка. С наркоманами всегда так: пообещай им дозу, и они тебе хоть луну с неба достанут.

«Не слушать его... даже если он... говорит правду... правду, которую ты ни в коем случае не хочешь знать...»

— Парень оказался упорным... Как бишь его звали?.. Ах да, Фабиан... Так вот, Фабиан-наркоман не сломался. А ведь мы применили к нему все средства... слышишь, Шарли, все... — почти прошипел он. Его аристократический лоск таял на глазах. — Но он нам так и не сказал, где ты скрываешься. В конце концов, пришлось от него избавиться...

Шарли почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Она напрягла все силы, чтобы не рухнуть в обморок прямо сейчас, но откровения Жозефа... или Жильбера потрясли ее до глубины души. Значит, Фабиан не оставил их — ее и ребенка, которому предстояло появиться на свет. Он попал в ловушку! Он отдал свою жизнь ради них обоих!

Ей хотелось зарыдать от облегчения, от отчаяния, от ярости. Излить ту ненависть, которая внезапно изо всех сил стиснула ей горло, на человека, который много лет их разыскивал, на человека, чьи действия в каком-то смысле обусловили ее жизнь.

Это все ради Давида. Точнее, из-за него. Он всему причиной.

Словно прочитав ее мысли, Жозеф недобро улыбнулся:

— Где он?

Она беспомощно взглянула на Джорди, но тот ничем не мог ей помочь: гигант, стоявший позади него, уткнул ему в спину дуло пистолета.

— Его здесь нет... — наконец произнесла Шарли, слыша себя словно со стороны. — Он ушел погулять... наверно, играет где-нибудь в лесу...

Снова улыбка.

— Ты врешь, Шарли. Но это обычное дело для наркоманов, они всегда врут. Только это они и умеют. Разумеется, он здесь. Снаружи нет никаких детских следов. Так где же он?

В комнате, обшитой деревянными панелями, повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в камине.

— Давид! — позвал бывший санитар. — Спускайся!

Прошло несколько секунд. Ни звука.

— Давид, твоя мама с нами, и, если ты не спустишься, с ней случится что-то очень нехорошее! Ты же не захочешь...

— Давид, — закричала Шарли, — не спускайся, звони в поли...

Она не ожидала пощечины и не успела отстраниться, но у этого человека явно не было практики Сержа, поэтому

она устояла на ногах. Лишь слегка пошатнулась, мельком увидев, что Джорди попытался оттолкнуть гиганта, но безуспешно. Потом снова выпрямилась и повернулась лицом к своему мучителю.

«Ему это нравится...» — подумала она. Она слишком хорошо знала этот блеск в глазах, чтобы ошибиться: такой же она часто видела раньше в глазах Сержа. Этим человеком владел тот же демон.

«Нет... еще более страшный...»

— Если скажешь еще хоть слово, я тебя прикончу! А перед этим я покажу тебе вот на этом типе, как именно умер тот паршивый наркоман, с которым ты сбежала из клиники! Для мальчишки это все равно ничего не изменит!

Утонченный акцент полностью исчез, сменившись обычным, даже вульгарным выговором.

Человек снова позвал:

— Давид, хватит уже! Спускайся! Иначе я сам за тобой приду! И уж поверь, лучше тебе спуститься!

Тишина. Краем глаза Шарли заметила, что Джорди внимательно обводит взглядом комнату, словно обдумывая какой-то маневр.

Сверху донесся слабый шум. Шарли подняла глаза и вздрогнула.

«Нет!»

Маленькая фигурка отделилась от одной из деревянных колонн верхней галереи.

«Нет, нет, нет!»

— Давид, мы тебя ждем...

Фигурка достигла верхней лестничной площадки и двинулась вниз. Снова замерла.

Сердце Шарли сжалось от тревоги и ужаса, когда она различила искаженное судорогой лицо сына, его расширенные глаза... Казалось, он испытывал страшную боль.

— Ну вот и ты, — сказал светловолосый человек и закусил губы, словно сдерживая готовые вырваться слова «мелкий паршивец» или что-то в этом роде.

Он молчал — очевидно, чтобы не напугать Давида раньше времени, — но исходящая от него враждебная сила была почти физически ощутима.

— Спускайся, Давид, мы все тебя ждем...

Ступенька, другая, третья, четвертая... Движения Давида были механическими, словно у заведенной игрушки.

— Давид, нет!..

— Заткнись!

На сей раз пощечина была оглушительной, и Шарли рухнула на пол.

Гнев и ненависть, затопившие все ее существо, были сто- крат сильнее тех, что она когда-либо испытывала к Сержу. Она не чувствовала боли от удара, не замечала, что из носа идет кровь, а зуб — все тот же самый многострадальный зуб — словно пронизывают десятки острых иголок. Не ви- дела, как Джорди снова попытался освободиться, не слышала ворчания гиганта: «Стой смирно, сучий потрох!», сопрово- жденного тяжелым ударом в спину пленника...

Шарли почувствовала, что ненависть взрывается в ней, как мощный гейзер. Она поняла, что готова умереть, но все же попытаться защитить себя и Давида. В метре от камина к стене была прислонена тяжелая кочерга. Хватит одного прыжка, чтобы оказаться там, схватить ее и броситься на этого мерзавца... Шансов почти никаких, но она должна это сделать — это их последний шанс. На кону их жизнь. Схва-

тить кочергу и изо всех сил шарахнуть этого типа по колену... или по яйцам... Что бы потом ни случилось...

...сильнее.

Она застыла.

Голос, прозвучавший в ее ушах — или внутри ее головы? — не принадлежал ей. Это был...

...сильнее!

В комнате резко похолодало — или, по крайней мере, Шарли так показалось, потому что ее руки внезапно покрылись «гусиной кожей». Она мельком огляделась и поняла, что все, кто здесь был, ощутили то же самое.

Она подняла глаза и взглянула на Давида. Он стоял на середине лестницы — совершенно прямой, даже как будто одеревеневший; его лицо было освещено бледным зимним светом, падающим из узкого бокового окна. В глазах, устремленных на светловолосого человека, пылала такая ненависть, которой она никогда не могла бы в нем заподозрить... похожая на ту, что владела сейчас ею самой. От него словно исходило электричество — огромная энергия, превосходящая по силе человеческую...

Шарли точно не знала, что Давид собирается сделать, но понимала одно: ему ни в коем случае нельзя... вызывать эту силу!

— Ты что творишь, мать твою?.. — прорычал Жозеф.

Давид не отвечал. Его лицо напоминало маску смерти, глаза были похожи на два темных провала в бездну.

В комнате стало еще холоднее.

— Ну и что ты, по-твоему, сможешь сделать? Спускайся немедленно!

Никакого ответа. Ни единого движения. Только пристальный взгляд этих невероятных глаз, темных, как небо во время бури...

Резким движением убийца приставил дуло пистолета к щеке Шарли:

— Ты спустишься сию минуту, или я пристрелю ее у тебя на глазах! Ты слышишь? У тебя на гла...

..СИЛЬНЕЕЕЕЕЕ!

— Давид, нет!..

Все, что произошло потом, заняло ровно семь секунд.

Первая секунда: револьвер Жозефа упал на пол, словно оружие выбил из его руки кто-то невидимый.

Вторая секунда: Жозеф попятился, недоуменно глядя на свою пустую руку; Джорди, воспользовавшись всеобщим замешательством, нанес своему стражнику-гиганту резкий удар локтем в живот.

Третья секунда: Шарли вскочила на ноги и схватила кочергу; Джорди обрушил на лицо Такиса мощный удар кулаком, кажется сломавший тому нос.

Четвертая секунда: Шарли с размаху ударила кочергой по ногам Жозефа, в то время как тот пытался добраться до своего револьвера, отлетевшего на несколько метров.

Пятая секунда: Джорди подобрал с пола пистолет гиганта, выроненный тем во время схватки, и ударил его рукояткой по затылку.

Шестая секунда: Джорди наставил оружие на Кольбера с криком: «Ни с места!»

Седьмая секунда: Шарли повернулась к сыну — как раз вовремя, чтобы увидеть, что глаза у него закатились.

Она бросилась к нему вверх по лестнице, но не успела предотвратить падение — она подхватила его в тот момент, когда он упал без сознания и покатился по ступенькам.

— Комиссар Греди? лейтенант Тома Миньоль...

И Тома протянул руку, постаравшись улыбнуться как можно дружелюбнее. Человек, сидевший за столом, смотрел на него если не враждебно, то, по крайней мере, настороженно: это был взгляд копа из криминального отдела, к которому явился его «коллега» из ГИС. Да еще и без приглашения. Причем заявил, что хочет переговорить с ним лично, с глазу на глаз.

Хозяин кабинета встал, чтобы пожать руку Тома. Его рукопожатие оказалось твердым, сильным, но не чрезмерно крепким. Он внимательно взглянул на посетителя черными влажными глазами уроженца французского Юга, потом указал ему на кресло:

— Что вас ко мне привело, лейтенант?

— Я хотел кое о чем узнать в рамках своего нынешнего расследования...

— Речь идет об одном из моих людей? — перебил Греди.

— Нет, ни в коей мере, — заверил его Тома. — Мое расследование заставило меня обратиться к одному давнему делу, связанному с так называемой астрософией.

Реакция собеседника удивила Тома: он увидел, что Алекс Греди помрачнел, и правильные черты его лица на мгновение исказились.

— Значит, астрософия... — пробормотал он.

— Да. Я знаю, что вы были одним из тех, кто вплотную занимался этим делом. Вы даже лично арестовали Кутизи. Мне нужна кое-какая информация.

— Я понимаю. Позвольте и мне вас спросить: чем именно дело об астрософии, закрытое около девяти лет назад, сейчас

заинтересовало ГИС? Это дело не из тех, которые обычно интересуют вашу службу.

Греди произнес эти слова ровным тоном, но прозвучавший в них едва заметный сарказм не ускользнул от Тома. Однако он ждал этого вопроса и был готов ответить на него.

— Дело в том, что один из моих нынешних «клиентов», судя по всему, прежде имел некоторое отношение к обществу адептов астрософии...

— Хотите сказать, какой-то коп был с ними связан?

— Нет. Но члены общества интересовались им. Я должен понять почему. А для этого я должен лучше понять саму организацию. Я мог бы запросить в архиве материалы по делу, но для этого нужно время, а у меня его нет.

Алекс Греди с задумчивым видом откинулся на спинку кресла.

— Тип, о котором идет речь, был вовлечен еще во многие чисто криминальные дела, — добавил Тома. — Так что дело тут не только в сектантах...

Он предполагал, что этот аргумент подействует на комиссара полиции, и не ошибся. Греди подался вперед и положил обе руки перед собой на стол:

— Хорошо. Что именно вы хотите знать?

— Каковы были основные направления деятельности общества? Да, прежде всего: вы арестовали всех подозреваемых?

— Как вы понимаете, официально основная деятельность заключалась в проведении семинаров, на которых предлагались определенные методики развития личности. Методики вполне работающие. Структура общества была строго иерархической, доходы весьма солидными...

— Официально... — машинально повторил Тома.

— Это в конце концов насторожило финансовые службы: небольшая секта, состоявшая поначалу лишь из нескольких адептов — они все впоследствии фигурировали в деле Кутизи, — вдруг стала зарабатывать огромные деньги, при этом никак себя не афишируя, фактически оставаясь в тени. Им принадлежали очень дорогие здания, в частности роскошный особняк в Сен-Жермен-ан-Лэ, книжный магазин в самом центре Парижа и так далее.

— То есть такое количество денег явно не могли обеспечить семинары и пожертвования адептов...

— Основным источником доходов, как мы выяснили — правда, уже слишком поздно, — была спонсорская поддержка одного очень богатого американца, владельца сети фармацевтических компаний.

— Но почему вдруг он финансировал какую-то секту?

— Ради тестов. Астрософия была лишь прикрытием для проведения медицинских тестов на адептах общества. Одни соглашались добровольно и даже безвозмездно, другие, как, например, юные бездомные наркоманы, — в обмен на проживание и медицинский уход. Таких Кутизи находил немало... Американец переводил секте средства, которые позволяли Кутизи процветать и одновременно разыгрывать из себя гуру...

Тома кивнул.

— Тесты были связаны с изучением одного случайно открытого вещества, — продолжал Греди. — Допамнезин, если не ошибаюсь, — так оно называется. Сильный стимулятор памяти. Одно время медики были просто помешаны на нем — революция в медицине, победа над болезнью Альцгеймера и все такое... Проблема состояла в том, что его применение давало множество побочных эффектов, причем

различных для разных индивидов. У людей начинались галлюцинации, которые порой доводили их до самоубийств, причем настолько жестокими способами, что в связи с этим пришлось наконец начать полицейское расследование: казалось совершенно невероятным, что кто-то может покончить с собой таким образом...

— Насколько я помню, было заведено десять — двенадцать уголовных дел...

— Да... всего лишь.

— Всего лишь?

Греди кивнул.

— Хотите кофе, лейтенант? — спросил он, поднимаясь.

Не дожидаясь ответа, он вышел в коридор и вскоре вернулся с двумя пластиковыми стаканчиками, над которыми поднимался пар.

— Странно, — заметил он, ставя один стаканчик перед Тома, — я почему-то всегда был уверен, что рано или поздно это дело снова всплывет...

На какое-то время он задержался у окна, задумчиво глядя на заснеженные крыши Парижа. Тома подумал, что этот вид напоминает рождественскую открытку...

— Расследование оказалось нелегким, — снова продолжал Греди, отхлебнув кофе. — И для нас, и для судей. Вы, скорее всего, не в курсе, но такой тип организаций — я говорю не о мелких сектах, но о мощных ассоциациях, у которых есть своя недвижимость и огромные средства, — чаще всего пользуется покровительством очень влиятельных людей. С Кутизи дело обстояло похожим образом. Но его отличие от большинства доморощенных гуру заключалось в том, что его методика... работала.

— Работала?

— Да. Он и в самом деле помог излечиться от депрессии... или от наркотиков многим людям, которым прежде не помогали никакие другие методы. Только не подумайте, что я его защищаю. Но дело в том, что среди его пациентов были и очень высокопоставленные люди. Которые, разумеется, не хотели, чтобы их имена всплыли в ходе полицейского расследования, да еще такого громкого...

— Иными словами, по указанию сверху дело было спущено на тормозах?

Казалось, Греди колеблется. Наконец он сказал:

— Имейте в виду, если вы передадите кому-нибудь мои слова и этот человек явится ко мне за подтверждением, я буду все отрицать. Поскольку официально никакого давления ни с чьей стороны не было. Просто, скажем так, нам не захотели помогать.

Но повторяю, если вы скажете кому-то с моих слов, что из дела исчезли сведения о некоторых пациентах Кутизи — богатых бизнесменах, заметных фигурах шоу-бизнеса и так далее, — я буду все отрицать напрочь. Я скажу этому человеку, что дело об астрософии прошло и быльем поросло. Что мы никогда не подозревали эту секту в том, что у нее есть целая сеть филиалов чуть ли не по всему миру, гораздо надежнее замаскированных, чем головная организация... Что нас ничуть не удивило, с какой быстротой сверху спустили приказ приостановить расследование...

И наконец, мне даже мысли не приходило о том, что после крушения ассоциации несколько десятков уцелевших адептов вновь сформировались в небольшие группы и про-

должили дело своего наставника, уже без официального руководителя, без иерархической структуры, — в конце концов, об их дальнейшей судьбе ничего не известно.

Однако, лейтенант, будем считать, что я вам ничего не говорил, а вы ничего не слышали. Более того, я первым заявлю о беспочвенности всех слухов, распространяемых в Интернете об этой организации, и заверю в том, что расследование было проведено по всем правилам и что оно увенчалось для меня успехом, а не стало одним из самых серьезных провалов... — закончил Греди с печальной улыбкой.

В кабинете надолго воцарилась тишина. Тома чувствовал, что запутывается еще больше. Тевеннен, Вдова, Шарли, Джорди Фонте, Кутизи, астрософия... За кем или за чем бежать в первую очередь?.. Какая тень из прошлого готовится принять зримый облик?

Внезапно Греди спросил, в упор взглянув на собеседника:

— А вам действительно кажется, что астрософия — или то, что от нее осталось, — имеет отношение к ГИС?

После паузы Тома ответил:

— Все зависит от того, что именно она в себя включает...

— Да, так и есть, — кивнул Греди. — Ну что ж, надеюсь, вы будете держать меня в курсе дела.

Тома кивнул, понимая, что беседа окончена, и простился с комиссаром.

Он уже шел к двери, когда Греди его окликнул:

— Лейтенант, не сочтите за бестактность, но все-таки — что вы делаете среди этих ГИСовских крыс? Вы, судя по всему, человек совсем из другого теста...

Тома не в первый раз об этом спрашивали, но при ответе он впервые воздержался от грубости.

— Считайте, что дело в личной мести, — с такой же прямотой, с какой Греди задал вопрос, ответил он.

— Понимаю, — кивнул комиссар. — Когда доведете свою личную месть до конца, свяжитесь со мной. Я, может быть, смогу кое-что для вас сделать...

44

Джорди поморщился, отпив небольшой глоток из бокала. Хозяйка заведения настояла на том, чтобы он заказал именно этот аперитив — из белого вина и черносмородинового ликера: «Это лучшее средство, чтобы согреться!», — и он на всякий случай не стал спорить, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Лучше всего было разыгрывать из себя обычных доверчивых туристов. Кроме того, немного спиртного после недавних событий и впрямь не помешало бы.

Он медленно потягивал аперитив, сидя за угловым столиком у окна, откуда открывалась широкая панорама заснеженных равнин, окружавших окутанный туманом Лавиль-Сен-Жур. Небольшой отель, в котором они остановились, стоял на некотором расстоянии от города, и к тому же выше него — Лавиль располагался в низине. Для беглецов он оказался идеальным убежищем: хватило лишь удостоверений личности (разумеется, фальшивых), чтобы их встретили со всей любезностью.

Дверь бара открылась, и Джорди вздрогнул, увидев входящую Шарли. Он невольно стиснул зубы: настало время объяснений.

— Все в порядке?

Шарли села напротив него. Он смотрел на эту женщину, за которой наблюдал (*шпионил, ты хочешь сказать, вот как это называется!*) восемь месяцев, и с трудом ее узнавал: длинные светлые волосы превратились в стоящие торчком черные иголки дикобраза, взгляд огромных серых глаз, покрасневших от слез и обведенных кругами, стал жестким, почти суровым. Он подумал, что наверняка она плакала сейчас в комнате наверху, укладывая Давида. Но даже такая, совершенно изменившаяся, дрожащая от гнева, страха и множества других эмоций, которые ей довелось испытать за последние два часа, она была восхитительна.

Восемь месяцев...

— Он в шоке, — тихо ответила она, — но кажется, серьезной опасности нет...

Какое-то время Шарли сидела молча, обводя невидящим взглядом обстановку бара. Сегодняшние события разворачивались так быстро и хаотично, что она почти не помнила, каким образом они все втроем здесь оказались.

Они выбежали из дома и через лес побежали к машине. Давида Джорди нес на руках. В доме остались двое бандитов, привязанных к креслам, и все еще не пришедший в себя месье Боннэ, которого Шарли и Джорди перенесли на диван. Она смутно помнила, как Джорди вырвал провода из чужой машины, видела словно со стороны себя, бегущую за ним с большой спортивной сумкой на плече... Кажется, она даже вспоминала, как новый товарищ по несчастью объяснял ей, что состояние месье Боннэ неопасное, он скоро очнется и у него разве что будет здоровенная шишка на голове. И еще — что в полицию звонить ни в коем случае нель-

зя... Но в какой последовательности все это происходило, она бы затруднилась сказать.

Она вообще была уже ни в чем не уверена. Потому что даже в буре эмоций, в потоках слез, в душащих спазмах гнева и отчаяния она не переставала видеть все ту же картину: револьвер вылетает из руки убийцы, вырванный у него одной лишь энергией ее сына...

Сам Давид, казалось, вообще забыл об этом эпизоде — по крайней мере, на данный момент. Он пришел в себя после недолгого обморока уже в машине, когда они ехали в больницу, и тогда Шарли решила отказаться от этого намерения. Состояние Давида требовало медицинского вмешательства, это не вызывало сомнений. Но сразу ехать в больницу было рискованно. Врачи могли заподозрить, что речь идет о малолетнем бездомном, который чуть не замерз на улице — в домашних условиях такое сильное переохлаждение было исключено, — и это создало бы для беглецов новые трудности. Поэтому Джорди предложил сначала остановиться в отеле, а потом посетить частного педиатра. Скрепя сердце Шарли приняла это предложение, хотя понимала, что оба варианта таят в себе одинаковую опасность — Давида могут у нее забрать, и кто знает, на сколько времени... в итоге может получиться, что навсегда...

— Все в порядке? — только что спросил Джорди.

Что она могла ответить?..

— Не знаю, насколько он здоров, — произнесла она с бесконечной печалью. — Очевидно, что не вполне... Во всяком случае, его обязательно нужно показать врачу...

— Я тоже слышал... — вдруг почти прошептал Джорди.

— Что?

— Голос... который произнес: «Сильнее!»

Он увидел, что на лице Шарли отразилось замешательство, и понял его причину.

— Я говорила об этом с Давидом... Я знаю, что он хотел меня защитить. Но он не должен этого делать! Я чувствую, что это причиняет ему боль... матери всегда чувствуют такие вещи...

Джорди кивнул, но она не была уверена, что он до конца понял смысл ее слов. Доверить свою защиту ребенку девяти лет — это безответственно, недостойно! Всю свою жизнь она делала одну ошибку за другой... и продолжает делать. Куда это ее в конце концов приведет?

Но сейчас ее судьба не имела значения. Важнее всего был Давид. Она должна была спасти своего сына. А не наоборот. Она не могла позволить себе такую роскошь — жалеть себя.

Оторвавшись от размышлений, она взглянула на человека, сидящего напротив нее.

— Ну так что? Ты мне наконец все объяснишь? — холодно спросила она.

В его глазах она прочитала безмерную усталость.

— Кольбер... ты ведь его знаешь? — спросил он.

— Кого?... А... этого белобрысого подонка...

— Да.

Она кивнула.

— Тогда, может быть, у тебя есть какие-то догадки насчет...

— Мне не нужны догадки! — перебила Шарли. — Мне нужны объяснения! Кто ты? Кто вы?

Джорди вздохнул:

— Примерно десять лет назад тебя поместили в клинику. Эта клиника была одним из двух или трех филиалов медицинского центра, который находился в пригороде Парижа. Он назывался «Биостем». — Это слово вызвало у Шарли какое-то воспоминание... нет, даже точное знание. Она определенно слышала его раньше. — «Биостем» был официальным центром общества астрософии.

«Биостем», астрософия... Да, это имело какое-то отношение к ее прошлому, но она помнила это лишь смутно. И еще с этим был связан какой-то громкий скандал, в детали которого она не вдавалась, поскольку в то время думала лишь о том, чтобы скрыть свою истинную личность, воспитать Давида, забыть Фабиана...

— Ты была подопытным кроликом. На тебе испытывали действие недавно открытого вещества — допамнезина, сильного стимулятора памяти. Тесты давали очень хорошие результаты у тех пациентов, которым, скажем так, нужно было покончить со своим прошлым. В основном это были нар... то есть люди с какой-то сильной зависимостью. Люди, которые стремились убежать от реальности. И вот на них-то и проводились испытания. Под строжайшим врачебным наблюдением, конечно, но...

Шарли уже не слышала продолжения.

«Время принимать таблетки, мадемуазель Жермон...»

Непонятные знаки и изображения звезд в металлических рамках...

Воспоминания о прошлом, бессвязные, хаотичные, потоком нахлынувшие на нее...

Навязчивые, пугающие сны из самого раннего детства...

Гнев против матери, становившийся все сильнее по мере того, как проходила наркотическая зависимость...

Лечение, которое длилось бесконечно — недели, месяцы...

— Ты забеременела, — продолжал Джорди, — и это сильно осложнило ситуацию. Такие тесты ни в коем случае нельзя было проводить на беременных женщинах. За этим строго следили при отборе пациентов...

— Но я встретила Фабиана... — прошептала Шарли.

— Да.

В течение нескольких минут в пустом баре было слышно лишь потрескивание огня в камине. Джорди не нарушал тишины, понимая, что Шарли нужно собраться с мыслями, привести в порядок воспоминания, восстановить в памяти все детали этой истории...

— Это как с «талидомидными детьми»... — наконец почти прошептала она.

— Что?

— Давид... как один из тех детей, которые родились у женщин, принимавших во время беременности талидомид. Кажется, в пятидесятые или шестидесятые годы... Это были монстры... не внешне, но...

— Ты не можешь утверждать наверняка, что...

— Строение его мозга аномально. Я это точно знаю. Ему делали энцефалограмму...

— «Дело об астрософии» разразилось вскоре после твоего бегства, — перебил Джорди. — Поэтому тебя и не стали искать сразу.

— А другие дети были? Такие же, как Давид? Или он единственный?

Она даже не отдавала себе отчет, что стала говорить громче. Джорди понимал, что сейчас ее волнует только сын.

— Да, были и другие. Я не знаю точно сколько. Не знаю даже, кто они. Единственное, что я знаю, — они все проявляли необычные способности. У них были невероятно развитая память и многое другое... Не у всех в равной степени, но... Вот поэтому мы и установили в вашем доме камеры. Чтобы узнать о способностях Давида немного больше.

— А то, что Фабиан тоже был одним из тех, на ком проводили тесты, сыграло свою роль?

Джорди чувствовал ее лихорадочное желание узнать, понять. Она задавала вопросы отрывистым тоном следователя, всеми силами стараясь разрушить все преграды на пути к нужной информации.

— Я не знаю...

— А ты? Кто ты во всей этой истории?

Лежа в постели, Давид задумчиво смотрел на дверь, которую мама несколько минут назад закрыла за собой.

— Мне нужно кое-что уладить, — объяснила она и добавила, что скоро вернется.

Мама хочет поговорить с этим человеком, догадался он. С Джорди? Да, точно, Джорди — так он себя назвал. Человек, которого он спутал с другим, светловолосым, поскольку Джорди прибыл раньше того, и даже раньше, чем Давиду предстало «воспоминание».

Они познакомились с этим человеком уже в машине. Конечно, Давид смутно помнил присутствие Джорди в *доме*

у озера, но на сей раз действие его собственной силы было таким мощным, что от недавней сцены у него остались лишь обрывки воспоминаний — и скорее это были эмоции, чем факты.

Очнувшись в машине, он увидел Джорди, сидевшего за рулем. Хотя Давид по-прежнему чувствовал себя как будто оглушенным, он испытывал умиротворение, видя, как двое взрослых порой переглядываются и улыбаются друг другу. Осознание того, что мама под защитой надежного человека — на сей раз не его, мальчишки, а взрослого мужчины, — успокаивало его и давало возможность ненадолго расслабиться. Присутствие Джорди словно... освободило его. Теперь, когда мама была в безопасности, он мог целиком сосредоточиться на своих планах.

Оторвавшись от созерцания двери, он обвел глазами комнату. У нее был по-деревенски уютный вид: покрывало из разноцветных лоскутков, нормандский шкаф, огромный комод, маленький старый телевизор, засушенные цветы... Телевизор, оказывается, был включен, и по нему шла программа новостей — когда Давид стал вслушиваться, до него донеслись слова: «...недавнее убийство на площади Республики, по словам полиции, весьма напоминает другое, столь же зверское и немотивированное, совершенное около двенадцати лет назад в Кот-д'Ор...»

Давид сел в постели и отбросил одеяло — в комнате было жарко натоплено. Он больше не слышал комментариев журналиста, не видел кадров, которыми они сопровождалась, поскольку его изучение окружающей обстановки было вызвано отнюдь не праздным любопытством.

«Пробуждение силы причиняет тебе вред, — прошептала мама, глядя его по волосам, прежде чем уйти. — Тебе нельзя... ты не должен ее вызывать!..»

Да, возможно. Но ведь именно это и спасло их совсем недавно, причем самым невероятным образом!

По телевизору по-прежнему говорили об «убийстве на площади Республики». Давид убавил звук и закрыл глаза. Отгородившись от окружающего мира, он вновь ощутил то лихорадочное состояние, находясь в котором смог вырвать револьвер из руки убийцы, не прикасаясь к нему. Оно похоже было на то, как если бы... внутри у него постепенно разгорался огонь, но не обжигал. Это сопровождалось ощущением триумфа, всемогущества... Сегодня он впервые испытал свою силу на белобрысом типе — ах, если бы только раньше он мог проделывать нечто подобное с Сержем!..

Но, по крайней мере, теперь он точно знал: он это *может*.

То, что он раньше называл «глазом», оказалось не только глазом. У этого «нечто» была еще и рука.

Он много раз подряд повторил про себя: «Я это могу». Теперь он стал таким же, как «Герои». Может быть, даже сильнее.

А это значит... Это значит, что он должен тренироваться. Должен учиться управлять своей силой. Для начала хотя бы научиться быстрее ее вызывать.

Чтобы быть готовым, когда белобрысый вернется.

И чтобы справиться с черной дамой с огненными волосами.

Давид медленно открыл глаза. Снова обвел комнату внимательным взглядом — в поисках предмета, на котором можно было бы поупражняться.

Тома осторожно закрыл за собой дверь, но слова начальника по-прежнему звучали у него в ушах, пока он шел по коридору к своему кабинету: «Ты, черт тебя дери, можешь хоть предположить, с чего вдруг из министерства присылают запрос по поводу этого дела?..»

Но он не мог предположить. Когда его пятнадцать минут назад вызвали к комиссару Рулену, он заподозрил, что превысил полномочия, и уже готовился признать свою вину — в конце концов, нынешнее дело не имело прямого отношения к ГИС, — но совершенно не ожидал вопроса, который свалился как снег на голову: почему Министерство внутренних дел требует отчета о ходе расследования? Кто из высоких чинов вдруг заинтересовался делом Тевенена?

Тома не знал. Рулен тоже. Но запрос явно означал, что дело взято наверху под особый контроль. Теперь оно становилось приоритетным. Рулен не хотел допустить промашку. Он требовал результатов.

И Тома оказывался в первом ряду на линии огня. Именно там, где всегда мечтал оказаться, но... только после благополучного завершения нынешнего дела. А сейчас он, не пройдя еще и полпути, оказался со всех сторон окружен загадками, разгадать которые с каждым часом представлялось все сложнее.

Погруженный в эти мрачные мысли, он вошел в свой кабинет, и буквально в следующую минуту появилась Орели.

— Ты это читал? — спросила она.

Они не виделись с сегодняшнего утра, после того как, вынырнув из уютной теплоты постели, окунулись в про-

мозглый парижский холод. Орели присела на краешек стола. На сей раз она была одета в кожаную куртку, джинсы и ботинки на шнуровке вместо одного из своих «фэбээровских» костюмов, и в таком виде нравилась Тома гораздо больше. В то же время он чувствовал, что дихотомия между Орели и Дюбар становится слишком зыбкой, и это опасно.

Взглянув на указанную ею папку, он кивнул:

— Да, читал.

Он в самом деле был погружен в изучение материалов этой папки, когда его вдруг вызвали к шефу. Речь шла о нераскрытом убийстве десятилетней давности, которое, казалось бы, не имело никакого отношения ни к астрософии, ни к Тевеннену. И однако...

Девушка лет двадцати была найдена мертвой в лесу неподалеку от Лавилля-Сен-Жур. Она была изнасилована, избита и задушена. Убийцу так и не нашли. Если он и совершал впоследствии похожие преступления, то не в этом регионе — во всяком случае, никаких других жертв, убитых таким же или сходным образом, не было обнаружено.

И вот теперь выяснилось, что *modus operandi* убийцы Брижитт Биша подозрительно схож с тем, что продемонстрировал неизвестный преступник десять лет назад. Та же самая жестокость, издевательства, побои, и в итоге — удушение... Первая жертва, юная англичанка, не была изнасилована в прямом смысле слова, но убийца заставлял ее совершать действия сексуального характера. Судя по ее фотографиям, она была хороша собой — стройная длинноволосая блондинка с очаровательной улыбкой, тогда как недавняя жертва с площади Республики имела, как ми-

нимум, двадцать килограммов лишнего веса и нелепую прическу, напоминавшую птичье гнездо. Может быть, именно это физическое несходство с первой жертвой и привело к тому, что к побоям добавилось изнасилование?.. Или извращенные фантазии убийцы претерпели изменения?..

Невозможно было сказать. И без сомнения, связь между двумя убийствами никогда не была бы установлена, если бы не было главного связующего элемента: анализы ДНК совпадали. И самое интересное: они совпадали и с теми, что были обнаружены в доме, откуда велось наблюдение за домом Тевеннена.

Стало быть, один из членов шпионской группы находился в Бургундии десять лет назад и оставил там весьма заметные следы своего пребывания... И вот теперь он неожиданно объявился в квартире Брижитт Биша... всего через несколько часов после каких-то загадочных событий в доме Тевеннена.

Джорди Фонте?..

— И какие ты сделал выводы? — спросила Орели.

— Пока никаких. Я еще не дочитал до конца. Меня вызвали...

— Он не собирался ее убивать, — перебила Орели. — Во всяком случае, не так...

Тома некоторое время постоял в задумчивости, затем приблизился к столу, отодвинул стул и сел. Он заметил охотничий блеск в глазах Орели и понял, что она что-то нащупала.

— Они искали мадам Тевеннен, — сказала она. — Я имею в виду тех, кто наблюдал за домом...

— Да, скорее всего, так, раз они наведались к Брижитт...

— Именно. Они знали, что Шарли остановится у нее. Может быть, Брижитт ее старая подруга?.. Во всяком случае, Шарли подготовилась к отъезду заранее.

Тома встряхнул головой:

— То есть?..

— Вот посмотри...

И Орели протянула ему несколько тонких закрученных листков — факсов.

— Тут зафиксированы все телефонные разговоры Брижитт Биша. Последний входящий звонок был из той самой телефонной будки, в которую заходила Шарли Тевеннен, когда за ней следили Марион и Коньо. Там же она оставила айфон Тевеннена, видимо надеясь, что его кто-то подберет...

Тома кивнул. Айфон действительно был недавно обнаружен в руках подростка, который нашел неожиданный подарок судьбы на полочке в телефонной будке и все еще не мог до конца поверить своему счастью (как выяснилось, не напрасно: айфон был изъят и присовокуплен к остальным уликам).

— Значит, Шарли Тевеннен решила, что будет безопаснее позвонить из телефонной будки, чем с айфона, а его решила оставить там же, на месте, — зачем, кстати? Чтобы сбить охотников со следа? Тогда, получается, она знала, что ее преследуют?

Лицо Тома прояснилось.

— Значит, наш видеошпион, который проследил за ней до квартиры ее подруги, и давешний бургундский убийца —

в самом деле одно и то же лицо. Вот почему он действовал с такой жестокостью — он не предполагал, что все так обернется. Ситуация вышла у него из-под контроля, жертва от него ускользнула — и это вывело его из себя.

«Что ж, кое-что начинает проясняться», — добавил Тома уже мысленно, чувствуя удовлетворение и в то же время некоторую досаду: как же он раньше об этом не догадался? Абсолютно все совпадало!

Когда Вдова прибыла в дом Тевеннена, хозяин был уже мертв. А сколько же времени прошло с момента бегства Шарли до приезда мулатки?..

Всего каких-то несколько минут!

Итак, Шарли совершила убийство. Невероятно глупое. «Астрософы» увидели это на своих мониторах — но, без сомнения, слишком поздно, чтобы вмешаться. (Или, может быть, в момент убийства перед мониторами вообще никого не было?..) Когда они это обнаружили, Шарли с сыном уже скрылись.

Да, все укладывалось в эту схему, даже слова Жамеля: «Ты найдешь там немало улик...» Жамель там был. Видимо, он понял.

Вот почему тела не нашли: «наблюдатели» позаботились о том, чтобы увезти его, потому что не хотели вмешательства полиции. Они хотели сами найти Шарли!

Нет тела — нет дела.

— Что? — нетерпеливо спросила Орели.

Тома обернулся к ней.

— О чем ты думаешь?

Он колебался, не решаясь ей сказать.

— Тома, мне нужно знать! Ты о чем-то догадался?

Он взглянул на нее с некоторой нерешительностью, уже собираясь уступить. Какой смысл молчать?.. Почему бы не рассказать ей обо всем?..

— Тома, — мягко добавила Орели, — я не знаю, что ты от меня скрываешь, но я знаю две вещи: во-первых, это дело, в сущности, не имеет никакого отношения к ГИС. Сейчас отдел убийств пока еще не знает, что образцы ДНК нынешнего убийцы совпадают с теми, что найдены в доме Тевеннена и в Бургундии десять лет назад. Но как долго это будет им неизвестно? Думаю, судмедэксперты им это сообщат в самое ближайшее время.

Тома ничего не ответил.

— И во-вторых, если ты никогда не будешь никому доверять, если будешь постоянно замыкаться в себе, то в конце концов это приведет тебя к катастрофе...

От этих слов Тома почувствовал глубокую тоску. Он знал, что она права: стены его личной уютной тюрьмы, которую он сам воздвиг вокруг себя, с каждым днем давили на него все сильнее. Он уже собирался рассказать Орели обо всем: о своем кузене, об убийстве Тевеннена и прочем, когда раздался телефонный звонок.

Орели Дюбар взяла трубку и, выслушав короткое сообщение, машинально кивнула. Выражение ее лица изменилось.

— Найден автомобиль Брижитт Биша, — сообщила она, кладя трубку на место.

— Где? — воскликнул Тома.

— Представь себе, — притворно-опечаленным тоном ответила Орели, — в лесу, примерно в двадцати километрах от города Лавиль-Сен-Жур... в Бургундии.

«А ты? Кто ты во всей этой истории?»

Джорди ждал этого — вполне законного — вопроса. Он вздохнул. На мгновение его взгляд скользнул по окну, за которым крупные снежинки танцевали среди прядей тумана — этот воздушный балет являл собой фантастическое, почти нереальное зрелище. Небольшой городок у подножия холма застыл в снежном плену. Обстановка напоминала декорации какой-то готической сказки — о страшных фамильных тайнах, о безумных страстях... и пылких признаниях, как те, что сейчас жгли ему губы...

Как же ей все объяснить? Встречу с Джошуа Кутизи, его учение, магнетизм этого необыкновенного человека, который освободил Джорди из душашей его паутины неврозов... Да, в тюрьме Джорди стал новообращенным адептом астрософии, открыв в сердце своей Астры — как называл это Кутизи — свой собственный путь к внутренней гармонии.

Кутизи также рассказал ему о грядущей эре Водолея и о том, что она принесет с собой. Новый мир должен был вот-вот родиться. Визионеры во всех частях света уже предчувствовали его, созерцали его в видениях. Повсюду разные организации уже готовились — каждая на свой манер — к жизни в этом будущем мире, готовились воспринять новые способности, новую силу... Наступал решающий этап вечной борьбы реалистов и утопистов, прагматиков и мечтателей, и ставкой на сей раз была, ни больше ни меньше, власть над будущим человечеством.

Выйдя из тюрьмы полным энергии и надежд, Джорди связался с прежними адептами общества астрософии. Они

дали ему крышу над головой, еду, работу, цель. Он выполнил несколько несложных заданий, после чего оказался перед стоящими в ряд мониторами, в полусотне метров от дома Тевеннена.

С этого момента все и началось.

Восемь месяцев бессонницы. Восемь месяцев мучительных наблюдений над ежедневными страданиями этой женщины и ее сына. На протяжении восьми месяцев Джорди замечал, как мальчик весь сжимается, когда перед домом останавливается машина отчима, как он вздрагивает от каждого стука двери, от каждого окрика... Видя все это, он не мог не вспоминать сцены своего собственного детства, и это ощущение уже виденного, уже пережитого вызывало почти физическую боль.

За это время он также начал испытывать все более сильные чувства к этой женщине. Наконец он осознал, что по-настоящему в нее влюбился. Несмотря на то что они никогда не встречались в реальности, он знал ее лучше, чем любой другой мужчина в ее жизни. Произошло нечто очень редкое и драгоценное: он полюбил эту женщину не такой, какой хотел бы ее видеть, не такой, какой ее себе представлял, воспламененный загадочной и обманчивой алхимией любви, а именно такой, какой она была.

Он принял в ней все таким как есть. Без колебаний.

В тот вечер, когда... произошла история с билетом и все перевернулось, Джорди испытал острое чувство вины: ни разу за все восемь месяцев он не вмешался в происходящее. Даже в последние дни, когда он был почти уверен, что Шарли что-то задумала — это было очевидно по манере обще-

ния матери и сына, по тому напряженному молчанию, которое возникало между ними, как до отказа натянутая струна, в присутствии Тевеннена... не говоря уже о ее загадочных звонках из уличных телефонных кабинок.

В результате его невмешательства Шарли сделалась убийцей.

Вот почему он решил, что обязательно поможет ей — неважно, какой ценой.

Но как рассказать ей правду и при этом не выдать себя?

— Мы не могли своими руками избавить тебя от Тевеннена, — снова заговорил он. — Вмешалась бы полиция, тебя наверняка арестовали бы... Мы собирались просто вывести его из игры, чтобы он уже не мог причинить тебе вреда. Дали наводку ГИС насчет его тайных махинаций, там заинтересовались и уже начали копать, когда... случилось то, что случилось.

— Но почему после этого ты решил нам помочь, Давиду и мне? — по-прежнему настойчиво спросила Шарли.

Джорди закусил губы. Он не мог заставить себя назвать истинную причину.

— Мы... мы собирались поехать за тобой. Все втроем, на двух машинах — «ауди» и джипе. Но «ауди» уже слишком примелькалась в вашем квартале, и Кольбер решил на всякий случай от нее избавиться... Мы сожгли ее за городом... А потом я нашел те видеозаписи...

— Какие?

Джорди почувствовал, что краснеет.

— Я и раньше заметил, что несколько дисков исчезли с полок, и заподозрил, что Кольбер забрал их себе... Когда мы остановились на бензозаправке, Кольбер с греком вышли,

а я остался в машине. Он не выключил свой ноутбук, и я увидел... несколько видеозаписей.

— Со мной?

Он кивнул.

Поколебавшись, Шарли все же спросила:

— Со мной... и Сержем?

— Да.

Шарли опустила глаза.

«Он наблюдал за нашей жизнью восемь месяцев, — подумала она. — Мы его не знали, но он... о, уж он-то изучил нас лучше некуда... Теперь он знает нас лучше, чем любой другой человек во всем мире...»

И осознание этой «близости на расстоянии» шокировало ее.

Шарли почувствовала, как лицо заливают краска стыда. За множеством неожиданных откровений она не сразу обнаружила ужасную истину: ведь этот человек... эти люди... они видели ВСЕ! Даже самое худшее...

Джорди молчал, не зная, как продолжать рассказ. Первой же видеозаписи ему хватило, чтобы отшатнуться от экрана с гримасой отвращения. Изначально его миссия заключалась лишь в том, чтобы наблюдать за этой женщиной и ее сыном, точнее, в основном за Давидом, чтобы понять, что могут дать необычные способности этого ребенка будущему человечеству. Вплоть до нынешнего момента Джорди не думал о том, чтобы бросить своих сообщников. Он хотел лишь защитить Шарли от полиции. Но при виде сцен на ноутбуке Кольбера он принял твердое решение уйти.

— Тогда я и заподозрил, что у Кольбера были... и другие мотивы для участия в этом деле, а не только будущее Детей Водолея... — наконец тихо произнес он.

— Он наблюдал за мной по ночам, когда я лежала в клинике. Когда... лечилась от наркомании. Раньше я не была в этом уверена, но сейчас... И... это он убил Брижитт, — почти шепотом добавила Шарли.

Джорди нахмурился. О чем это она?..

— Брижитт... мою подругу детства. О ее убийстве недавно сообщили в новостях... Это было в ту самую ночь, когда я заезжала к ней...

Джорди вдруг вспомнил, какой вид был у Кольбера накануне, когда они встретились утром на парковке.

— Ты уверена?

Шарли кивнула.

Джорди с силой сжал кулаки под столом, охваченный яростью, но не к Кольберу, а к самому себе.

Как он мог допустить, чтобы все зашло так далеко?

— Тогда я и решил уехать один, а тех двоих бросить там же, на заправке, — снова заговорил он. — Кольбер не говорил, куда мы едем, но координаты были у него на GPS. Я подумал, что, если брошу их с Такисом посреди дороги, у меня будет хороший запас времени — если только не начнется снежная буря и дороги не перекроют... Ну а все остальное ты знаешь.

В голове Шарли теснилось множество вопросов. Он ведь так и не сказал, что именно собирались сделать с Давидом и с ней после того, как захватили бы их в плен (поскольку именно об этом шла речь, не так ли?). Какие планы были у хозяев Джорди? Изучать Давида как подопытного кролика? «Дети Водолея» — это какое-то общество, организация? Что она собой представляет?

Но она молчала. Она чувствовала, что на данный момент с нее хватит неожиданных откровений, груз которых она

уже с трудом могла выдержать, — о собственном прошлом, не перестающем ее преследовать, но самое главное — о настоящем Давида, пораженного наследственным проклятием.

Шарли взглянула на человека, сидящего напротив нее, и вдруг перед ней снова возник образ Фабиана. В последний раз, когда она его видела (Шарли старалась лишний раз не пробуждать это воспоминание, и без того пережитое сотни раз: он обнимает ее у порога, шепчет на ухо: «Ты будешь самой сексуальной мамочкой на свете!» — и, смеясь, уходит по коридору), у него еще сохранялись некоторые детские черты, красивые, но не вполне четкие, не обретшие взрослой завершенности, отчего лицо казалось слегка размытым. Возможно, десять лет спустя он стал бы похож на Джорди: те же слегка выступающие скулы, глубокие черные глаза (которые унаследовал от него Давид), густые, почти сросшиеся брови; та же утонченная мужественность, свойственная по большей части южным народам...

Да, если бы Фабиан прожил еще десять лет...

Шарли глубоко вздохнула. Потом подумала, что нужно проведать Давида и, если понадобится, вызвать врача. Кроме того, ей необходимо было остаться одной, чтобы спокойно обдумать новые сведения, которые она только что узнала, и постараться принять все как есть.

Вся ее жизнь была сплошной ложью.

Вся ее жизнь была тюрьмой. Всегда. С самого начала.

А ее сын... был результатом медицинского эксперимента.

— С тобой все в порядке? — мягко спросил Джорди.

Он сделал произвольный жест рукой, словно собираясь протянуть ее к Шарли, но тут же оборвал это движение.

Шарли собиралась что-то ответить, когда какой-то глухой шум, донесшийся с лестницы, заставил обоих вздрогнуть. Джорди встал из-за стола и положил руку на рукоять револьвера.

Через несколько секунд на пороге появилась одна из двух хозяек заведения, почтенная пожилая матрона. Она была явно встревожена.

— Вам нужно срочно подняться в свою комнату! — воскликнула она, обращаясь к Шарли. — Я слышала отсюда такой страшный грохот... как будто упало что-то тяжелое...

Шарли и Джорди быстро переглянулись.

— Что-то... или кто-то, — добавила хозяйка.

47

Гребаный снег! Гребаный холод! Гребаная провинция!

Жозеф Кольбер — который на самом деле звался иначе, но за много лет так привык к этому имени, что почти забыл настоящее, — изрыгал проклятия на весь свет, бредя по снегу и поминутно проваливаясь в него чуть ли не по колено. От холода его не спасала даже зимняя куртка, украденная среди прочего в доме, который они с сообщником покинули примерно четверть часа назад.

Такис, идущий следом за ним, за все это время не проронил ни слова: и без того молчаливый по натуре, он редко заговаривал в присутствии Кольбера без его разрешения и полностью замолкал, когда тот отказывался от своих изысканных манер и принимался за грубую брань. Натянув вязаную шапку почти до самых бровей, гигант шагал

по снегу, и его недовольство можно было заметить разве только по тому, что он дышал еще более громко и хрипло, чем обычно.

— Ты что, перегрелся? — раздраженно спросил Кольбер.

Вместо ответа Такис лишь закрыл рот шарфом, чтобы заглушить хриплые звуки. Кольбер был к нему несправедлив и, вероятно, сам это сознавал. В конце концов, именно благодаря Такису они вдвоем смогли освободиться: гигант разорвал веревки, когда старик сторож пришел в себя и поспешно убрался восвояси. Но Такис ничего не сказал: он испытывал к своему сообщнику величайшее почтение, которое заставляло его чувствовать себя в присутствии Кольбера неразумным ребенком. И как большинство детей, он покорно и без возражений переносил любую несправедливость с его стороны.

Кольбер, идущий впереди, продолжал бормотать: «Гребаный снег!.. гребаный лес!..» Оказаться зимой в лесу без машины, да еще с кровоточащей, наспех перевязанной ногой, которую эта сучка чуть не проткнула насквозь гребаной железкой!.. В доме остались следы крови, так что сделать анализ ДНК — как два пальца обоссать... Еще одна проблема, как будто мало других... Ни пушки, ни мобилы... Обе машины — ту, на которой они с Такисом приехали, и старую развалину «клио» — этот гребаный засранец Фонте вывел из строя, позаботившись даже о том, чтобы разбить коробки передач...

Да, кажется, они в полной жопе. Сторож — или кто он там, этот старый хрен?.. — наверняка уже вызвал полицию. Еще немного — и она будет здесь.

Партия проиграна.

По его вине.

Нет, все-таки нет. По вине Шарли.

Он помнил во всех подробностях свою первую встречу с ней. Хотя это была не то чтобы встреча... скорее случайно подсмотренная сцена. Шарли, во всем очаровании своих пятнадцати лет, прогуливалась вместе со сверстниками по дорожкам загородной усадьбы в окрестностях Дижона, освещенным летним солнцем, а Кольбер с ненавистью наблюдал за этой «серебряной молодежью», будущей провинциальной элитой, к которой он никогда не сможет принадлежать — он, сын рабочего и горничной семьи Эргонсо.

В тот день он приехал повидаться с матерью. И в тот же день перед ним предстала Шарли — в объятиях Жана Кристофа Эргонсо, сына и наследника хозяина усадьбы. Они занимались любовью на берегу небольшого ручейка. Он подсматривал за ними из-за деревьев. С лихорадочно колотящимся сердцем наблюдая за двумя обнаженными телами, Кольбер пережил открытие, которое изменило всю его жизнь: открытие своей истинной природы.

Конечно, он и раньше понимал, что не такой, как все. Жестокие, мрачные и «влажные» сны после фильмов ужасов; волнующее, почти сексуальное наслаждение, которое вызывали у него сцены пыток, вплоть до такой степени, что он пытался вызывать его снова и снова, мучая кроликов, но вскоре бросил это занятие, поскольку приходилось затрачивать слишком много сил для мимолетного финального удовольствия.

Но Шарли... Шарли, чье обнаженное тело, позолоченное загаром того жаркого и сухого лета, какие порой случаются в Бургундии, содрогалось в объятиях этого мерзавца, этого неожиданного соперника, — она была... чем-то совершенно другим. В тот момент, когда они кончили, в мозгу Кольбера прозвучал категорический приказ: *«Убей ее! Убей ее, как грязную сучку!»*

Его собственный оргазм на сей раз был таким сильным, что, придя в себя, он несколько мгновений не мог пошевелиться от ужаса, а потом со всех ног бросился бежать, словно пытаюсь спастись от самого себя. Он еще успел услышать ее испуганный возглас: *«Кто-то на нас смотрит!»*, когда, не разбирая дороги, мчался сквозь заросли, оглушенный, потрясенный, охваченный стыдом...

В то лето он больше не видел Шарли. И в последующие тоже. Он лишь сохранил в памяти ее лицо, увиденное из-за дерева, — лицо с полузакрытыми глазами и влажным ртом... И запомнил этот крик, прозвучавший в его голове: *«Убей ее!»*

Этот образ... этот крик... И Кольбер окончательно свернул на дурной путь.

Выйдя из «воспитательного центра» — так стыдливо именовали заведение, больше напоминавшее тюрьму для подростков, — где он провел два года за разные мелкие преступления, Кольбер обратил на себя внимание общества астрософии. Он никогда не верил в силу их методик, да и во все эти «Астры», «жизненные пути», «новое человечество» и прочую хренотень. Но адепты астрософии приютили его в своем центре и самоуверенно пообещали «наставить на путь истинный». Он решил, что притворится и убедит их в собственном перевоспитании. Не такая уж это высокая

плата за комфортную жизнь... Но постепенно он начал с удивлением замечать, что под воздействием воспитательных астрософических методик его личность — точнее, его социальная личина — развивается, взрослеет, становится утонченнее... После нескольких месяцев терапии навязчивые кошмары — обнаженные бедра, бледная кровоточащая плоть — отступили, дали ему передышку, благодаря которой он смог направить всю энергию на то, чтобы стать Жозефом Кольбером, полностью воплотить этого персонажа в реальность. Он понял, что с помощью астрософии обрел опору, жизненную позицию, индивидуальность. Что реальная жизнь борется за него со страшной потусторонней реальностью его кровавых кошмаров...

Тогда же его приняли на работу санитаром в клинику. Никто из персонала ничуть не удивился и не усомнился в том, что он справится.

А потом — снова Шарли...

Светлые волнистые волосы... горделивая посадка головы... тонкие запястья и лодыжки... огромные трагические глаза, обведенные темными кругами...

Да, Шарли попала в тот же лечебный центр при обществе астрософии. Несмотря на то что в первый раз, шесть лет назад, он видел ее совсем недолго и не слишком отчетливо, он с первого взгляда ее узнал.

Кольбер понял, что от судьбы не уйдешь. Шарли была частью его судьбы. Ее имя было начертано на его жизненном пути. Кровавыми буквами... Почему? Тогда он этого еще не знал. Может быть, потому, что вся сила его желания выкристаллизовалась в категорическом приказе: «Убей ее!» Шарли, сама того не зная, открыла для него его истинную натуру.

Кошмары вернулись. Еще более жестокие, более угнетающие... Обладать Шарли! Убить ее!

Но Кольбер изменился. Точнее, в каком-то смысле родился заново. Он понимал, что даже один неверный шаг приведет его напрямик в преисподнюю. И он боролся с собой... боролся все то время, что Шарли была здесь, одурманенная таблетками, ничего не соображающая, полностью доступная... Но он устоял. Просто потому, что переход от фантазий к действию обошелся бы ему слишком дорого. А может быть, потому, что он всегда смущался в присутствии Шарли, словно настоящий влюбленный, который не осмеливается даже приблизиться к предмету своей страсти.

И вот перед ним случайно возникла другая: молодая девушка на обочине шоссе. Его поступок был величайшей неосторожностью, но в то же время и единственным способом хоть немного ослабить чудовищное напряжение. Он не собирался ее убивать, так получилось случайно. Но уже в тот момент, когда он затормозил у обочины, он понимал, на что идет.

Когда тело девушки было найдено, Кольбер пришел в ужас — все произошло так быстро и смутно, словно в каком-то красноватом тумане, что он почти ничего не помнил, и наверняка он оставил множество улик на месте преступления. Однако он даже не попал в число подозреваемых. Не без удовольствия он узнал о блуждающих по округе слухах, что преступление совершил какой-то местный сынок богатых родителей, возвращавшийся с очередной вечеринки. Все окрестные жители были в шоке.

Какая ирония судьбы!

Его жертва и в самом деле помогла ему избавиться от мучений — вплоть до того, что он нашел в себе силы больше не видеться с Шарли и даже попросил перевести его в другое отделение, располагавшееся в противоположном крыле здания клиники. Позднее он понял, как действует этот адский механизм: подобно наркотику, сексуальное удовольствие, сопровождавшее каждое убийство, приносило чувство умиротворения. Увы, иллюзорное и недолговечное.

Поэтому известие о бегстве Шарли стало для него жестоким ударом, невероятно болезненной утратой, настоящим предательством. Он пообещал сделать все возможное, чтобы ее найти.

И снова вмешалась судьба: скандал, разразившийся вокруг общества астрософии, арест Кутизи и его главных сподвижников заставили всех остальных рассеяться и залечь на дно. Лишившись денежных средств, которыми его обеспечивала секта, Кольбер вынужден был на время отказаться от поисков Шарли, хотя именно ему была поручена эта миссия. Молодая женщина бесследно исчезла, и ему оставалось только одно — лелеять страстное и мучительное воспоминание. Тем временем обезглавленное общество астрософии понемногу возрождалось уже в виде небольших отдельных групп, более-менее организованных и взаимосвязанных.

Несмотря на все усилия, Кольбер так и не смог забыть Шарли. На протяжении нескольких лет он совершил множество убийств во всех уголках Европы, каждый раз представляя себе, что убивает ее. Это происходило во время путешествий, которые он совершал сначала в одиночестве, потом в компании Такиса. В сущности, даже нельзя было сказать, что автором этих преступлений был Кольбер — их

совершал какой-то страшный хищник, время от времени просыпавшийся в нем. Это он был виноват в смерти шести девушек — юных стройных блондинок, чьи тела были обнаружены в лесах, по большей части на территории Восточной Европы. Все они были зверски убиты... точнее, она одна — Шарли — была зверски убита шесть раз. В каждой из жертв он видел только ее. Все остальное было как в тумане. Но это уже не имело значения: к тому моменту Кольбер почти не обращал внимания на внешние обстоятельства убийств, поглощенный лишь удовлетворением своей страсти.

И вот примерно год назад, против всякого ожидания, след Шарли снова обнаружился. Очевидно, снова вмешалась судьба... И на сей раз он откуда-то знал, что это вмешательство будет во благо. Что час настал. Потому что Кольбер никогда не считал встречу с Шарли случайностью: впервые он увидел ее в объятиях наследника семьи Эргонсо, в чьем доме работала его мать. А позже Шарли оказалась в том же медицинском центре, где работал (а до того проходил курс лечения) он сам... И всегда они находились по разные стороны барьера. Теперь наконец настало время его пересечь. И если бы такая логика показалась стороннему наблюдателю странной и извращенной, то тем хуже для него; главное, что для самого Кольбера она была безупречной. Он обретал в ней смысл, завершенность, уверенность.

Еще одним доказательством своей тайной правоты он считал то, что ему не пришлось прилагать никаких усилий, чтобы добиться у адептов астрософии поручения наблюдать за Шарли. Ему, можно сказать, поднесли ее на блюде.

Сцены, которые он ежедневно наблюдал на экранах мониторов — побои и изнасилования, которым подвергалась Шарли со стороны этого чудовищного куска мяса, — окончательно придали смысл его нынешней миссии. События как бы закольцовывались, обретали завершенность, ведь в первый раз он тоже увидел ее занимающейся любовью с другим...

И вот теперь, после ее очередного бегства, Кольбер, бредя по глубокому снегу и зная, что полицейские преследуют его буквально по пятам, отдавал себе отчет, что игра проиграна. Во всяком случае, для астрософов... Но возможно, это и к лучшему, решил он. По зрелом размышлении все события, составлявшие его личную историю, за последние два дня обрели почти мистический смысл: он не убил Шарли несколько лет назад, когда имел для этого все возможности, — и сколько раз потом проклинал себя за это! — потому, что тогда время для этого еще не пришло. А теперь Шарли стала богаче на тридцать четыре миллиона! Этих денег ему хватит, чтобы жить безбедно до конца своих дней, путешествовать в свое удовольствие, с Такисом или без, — словом, превратить свою жизнь в сплошную череду удовольствий.

Да, неумолимая логика их с Шарли... «союза» была с самого начала предначертана судьбой. От объятий Эргонсо к выигрышу в лотерею путь Шарли, так же как и его собственный, был отмечен взлетами и падениями, но конечный пункт назначения был уже очевиден: все должно закончиться в туманах Бургундии... там же, где и началось.

Что же касается мальчишки... он будет лишь прикрытием, средством для отвода чужих глаз, чтобы никто не смог помешать Кольберу и Шарли совершить то, что предначертано им двоим судьбой.

Шум приближающегося автомобиля нарушил тишину и одновременно ход его мыслей.

Кольбер замер на месте, стараясь не обращать внимания на струйки пота, стекавшие по спине и вызывавшие у него дрожь отвращения, и прислушался. Даже не одна, а несколько машин, едущих с небольшой скоростью... Дорога была уже совсем близко.

Он быстро оценил ситуацию: старик сторож, конечно, имел достаточно времени в запасе, чтобы вызвать полицию, но, с учетом его состояния, он не мог добраться до своего дома слишком быстро. В худшем случае копы отправили по указанному адресу рядовых патрульных, чтобы проверить обстановку. Поэтому еще есть шанс не столкнуться нос к носу со спецотрядом полиции, выбравшись на шоссе.

— Что будем делать? — спросил Такис.

— Найдем подходящую тачку и свалим отсюда.

«А потом посмотрим», — мысленно добавил Кольбер. Теперь он был почти уверен, что ситуация у него под контролем. Хорошо бы, конечно, иметь еще пару-тройку человек в своем распоряжении, но, увы, придется обойтись своими силами.

В сущности, оставалось лишь найти Шарли... и ее деньги. Ну и мальчишку заодно. Поскольку тот упал в обморок, Шарли, скорее всего, повезет его в больницу. Кольбер вновь ощутил магнетическую силу, которая выбила из его руки револьвер. Значит, мальчишка дал волю своей энергии... Следовательно — в этом Кольбер почти не сомневался, — ему понадобится лечение. Такие вещи даром не проходят.

Скорее всего, они поедут в ближайшую больницу.

Кольбер и Такис продолжали свой путь по направлению к шоссе. Кольбер сжимал рукоятку ножа, который он захватил из дома Шарли и спрятал под курткой.

Когда они подошли почти к самой обочине, Кольбер указал сообщнику на мощный древесный ствол и вполголоса произнес:

— Спрячешься здесь и подождешь меня.

— Почему?

Кольбер резко обернулся. Он уже готов был раздраженно ответить: «Да потому что мы та еще парочка! Потому что любой, кто увидит нас стоящими рядом на обочине, поймет, что лучше не останавливаться! Никто никогда не согласится подвезти таких кошмарных Джорджа и Ленни!¹»

Но он ограничился ледяным взглядом, и Такис больше ни о чем не спрашивал.

Кольбер поправил одежду, придал лицу спокойно-рассеянное выражение — эту маску он обычно носил на людях — и направился к шоссе, готовясь изобразить автостоппера.

48

...пропустите... срочно...

...скорее всего...

...коллапс...

Голоса... Яркий свет, проникающий сквозь веки... Ужасно неприятное ощущение езды на карусели спиной вперед, с бешеной скоростью...

¹ Джордж и Ленни — персонажи новеллы Стейнбека «О мышках и людях», двое бродячих работяг, которые скитаются по Калифорнии в поисках работы.

Давид приоткрыл глаза. На ослепительно-белом фоне он смутно различил неизвестные лица, склоненные над ним. Они постепенно отдалялись, словно он падал в колодезь... Он ощутил тошноту, затем — резкую боль в затылке. За миг до того, как он снова закрыл глаза, чтобы защититься от слепящего света, ему показалось, что он разглядел встревоженное лицо мамы, окаймленное темными прядями волос, беспорядочно выбивающимися из-под шерстяной шапочки...

— Все будет хорошо. Давид... Ничего страшного... Тебя вылечат... Это просто...

— Мадам, отойдите, пожалуйста.

Чья-то рука отстранила маму, и ее лицо с распахнутым в немом крике ртом исчезло.

Давид без возражений позволил себя увезти, собрав все силы для того, чтобы справиться с ужасным ощущением, будто внутри его тела клокочет пламя, и одновременно он кружится на безумной карусели, несущейся вспять... Перед глазами у него все еще стояла недавняя картина: огромный тяжелый комод, висящий в воздухе посреди уютного номера старого отеля, примерно в тридцати сантиметрах над полом... А потом Давид почувствовал, как резкая боль пронзила голову, как будто там, внутри, взорвался кровавый фонтан...

Но комод... он никогда в жизни не смог бы сдвинуть его с места, даже если бы навалился всей своей тяжестью... и однако этот комод парил в воздухе, и у Давида было восхитительное ощущение, что он и сам тоже парит, словно в невесомости...

...потихоньку, потихоньку... осторожнее!..

Приемная в клинике Святого Доминика, расположенной в Лавилле-Сен-Жур, на вид была гораздо уютнее, чем в современных многопрофильных больницах: небольшие удобные кресла, ковер, гравюры на стенах. Шарли и Джорди привезли Давида сюда по совету хозяйки гостиницы: «Там вам не придется долго ждать, пока вашим малышом займутся, да и обращение с больными куда более человеческое, чем в муниципальной больнице!»

Забившись в самый угол приемной и сжавшись в комок, Шарли с трудом сдерживала слезы.

Как она была зла на себя! Ей хотелось отколотить себя, отхлестать до крови! Прямо сейчас!

— Это ничего не даст, — спокойно сказал Джорди, словно услышав ее мысли.

Она обернулась к нему. Его волевой профиль четко выделялся на фоне светлой стены приемной, где они ждали вот уже полчаса.

— Сейчас нет смысла думать о том, кто виноват в случившемся. Главное, что ты его любишь. Я видел тому достаточно доказательств. И ты всегда защищала его, как могла. Все родители делают ошибки, все действуют по-разному в разных обстоятельствах... Но единственное, что в конечном счете играет роль, — это любовь. Любовь все спасает...

Он помолчал, потом добавил:

— Сейчас неважно, почему это случилось, и неважно, из-за кого. Самое главное — как нам с этим справиться...

Шарли хотела что-то ответить, когда на пороге появился бородач в белом халате:

— Вы — месье и мадам Бриссоль?

Новые вымышленные имена... Это была идея Джорди. Если месье Боннэ позвонил в полицию — что вполне вероятно, — то Анн Шарль Жермон уже в розыске. У Джорди были при себе фальшивые документы — по ним они зарегистрировались и в отеле.

Шарли поспешно поднялась с места.

После короткого приветствия врач без обиняков заявил:

— Я не понимаю, в чем причина его состояния. Можно предположить, что лопнул мозговой сосуд... или произошло что-то другое. У него очень продолжительный обморок — пару раз он очнулся, но совсем ненадолго, и снова потерял сознание. Причины могут быть самые разные... Но чтобы поставить точный диагноз, мы должны тщательно его обследовать. На данный момент признаков для сколько-нибудь определенного диагноза недостаточно: гипотермия, носовое кровотечение... все симптомы слишком разнородные. У него был шок? Или какая-то физическая травма?

«Как ему объяснить?!» — в отчаянии подумала Шарли.

— Нет, насколько я знаю... Он был один в комнате, когда все произошло...

«Лжешь. Снова лжешь, снова запутываешься... Как же они смогут вылечить Давида, если ты скроешь от них самое главное?»

— Это случилось впервые? У него раньше бывали сильные носовые кровотечения? Обмороки?

— Была небольшая травма головы... Ему сделали энцефалограмму, и выяснилось, что... — Шарли почувствовала, что краснеет, — у него врожденные отклонения в устройстве мозга... связанные с центром памяти, насколько я поняла...

Несколько секунд врач пристально смотрел на Шарли. Она почувствовала, что ее рассказ пробудил в нем живой интерес. Это ее встревожило.

— У вас нет с собой медицинского заключения на этот счет?

— Нет, мы здесь проездом, — произнес Джорди, прежде чем она успела что-либо ответить.

— Оно бы мне очень помогло, — продолжал врач. — То есть, конечно, это не обязательно... но было бы полезно и ускорило нашу работу. По крайней мере, я хотел бы связаться с неврологом, который им занимался... Как его имя? Вероятно, в это время ему еще можно позвонить?

— Мы сами с ним свяжемся, — ответил Джорди. — И отправим вам заключение по факсу. Оставьте, пожалуйста, ваш номер.

Несколько секунд врач переводил подозрительный взгляд с него на Шарли и обратно.

— Хорошо, — наконец сказал он. — У вас есть на чем записать?

Джорди вынул из кармана мобильник, и врач продиктовал номер.

— Но, боюсь, как бы это не затянулось надолго, — продолжал он. — Здесь рядом есть кафе, возможно, вам удобнее будет подождать там. Сегодня нет ни снега, ни тумана, так что вы легко его найдете...

— Но я хочу остаться с Давидом! — перебила Шарли. — Мне нужно...

Она почувствовала, как рука Джорди слегка сжала ее руку.

— Шарли, лучше послушай доктора. Мы пойдем в это кафе и спокойно подождем...

Шарли с трудом сдержалась, чтобы разом не выложить доктору все как есть: «Мой сын — результат неудачного медицинского эксперимента, его мать — то есть я — была наркоманкой. У него невероятная память. Иногда он... словно вспоминает будущее. А в последнее время у него начали проявляться и другие способности, о существовании которых... и тем более о развитии я даже не подозревала!..

Ах да, совсем забыла: дело в том, что я убила его отчима, буквально у него на глазах... Кухонным ножом. Как вы думаете, это могло стать причиной шока? Или дело скорее в тех двух типах, которые гнались за нами, собираясь захватить и куда-то увезти? Мы избавились от них всего пару часов назад...»

Она чувствовала, что голос разума слабеет. Еще немного — и она полностью слетит с тормозов... Джорди прав: нужно отсюда уйти. Иначе у нее случится нервный срыв, и тогда...

Она без возражений позволила ему вывести себя из приемной. Затем, пройдя по коридору, они вышли во внутренний дворик больницы. Очертания старинных каменных корпусов казались размытыми из-за полупрозрачного тумана, окутавшего Лавиль-Сен-Жур.

49

Цок...цок... цок...

Пальцы Вдовы с длинными ярко-красными ногтями постукивали безумную сарабанду по оцинкованной стойке бара. Она сидела на высоком табурете, с деланой небрежностью скрестив длинные ноги, и ее глаза поблескивали

в красноватом сумраке «Эль Паласио» — все портьеры в клубе были задернуты, чтобы создать более интимную обстановку.

Она не испытывала никакого удовольствия от присутствия здесь, но это место сразу пришло ей на ум как самое подходящее для допросов. Что ж, тем хуже: придется потерпеть эту потрепанную роскошь и поддельные украшения...

Мало-помалу кольцо вокруг «мадам Тевеннен» сжималось: буржуазная семья, Бургундия, наркотики, не совсем обычная реабилитационная клиника, курс лечения в которой продолжался неоправданно долго, затем бегство... Не хватало самого главного: истинной личности. Узнав настоящее имя своей жертвы, Клео узнала бы самое главное — как разыскать ее семью.

Но теперь она знала, кто сообщит ей это имя.

Ольга сделала человеку знак приблизиться. Это был уже третий. Устный приказ разошелся даже быстрее, чем если бы Клео отправила по электронной почте рассылку типа «Живо-тащи-сюда-свою-задницу» всем подчиненным: ей нужен был какой-нибудь наркоман, проходивший курс лечения в Бургундии примерно лет десять назад; она всего лишь собиралась задать ему несколько вопросов; наградой должна была стать щедрая доза наркотика. Надо ли говорить, что в кандидатах недостатка не оказалось. Ольга, выполняя обязанности секретарши, представляла их хозяйке по очереди. Все это напоминало какую-то пародию на шоу «Стань звездой», и в другое время Клео от души позабавилась бы, но сейчас, когда речь шла о тридцати четырех миллионах евро, она сидела как на иголках и думала лишь

о том, чтобы не обнаружить своего нетерпения перед посторонними.

При виде очередного соискателя она невольно наморщила нос — не столько потому, что от него сильно воняло (не сильнее, чем от остальных наркоманов, хотя и они пахли отнюдь не розами), но потому, что его редкие волосы, сероватая кожа и крайняя худоба, еще более подчеркнутая толстой зимней курткой, производили крайне отталкивающее впечатление.

— Это Жоко, — слегка официальным тоном объявила Ольга.

Вдова изобразила на лице улыбку — настолько фальшивую, что буквально почувствовала, как пудра осыпается с ее лица.

— Ну подойди же, — подбадривающим тоном сказала Ольга. — Тебе надо будет просто повторить то, что ты недавно рассказал мне.

Жоко неуверенно взглянул на сидевшую перед ним хозяйку заведения — она была известной личностью, но многие осмеливались подходить к ней на близкое расстояние. За много лет она стала чем-то вроде городской легенды — призраком, чьи смутные очертания можно порой разглядеть лишь в окне шикарного «мерседеса» или у двери дома в богатом квартале, кем-то вроде Милен Фармер, за которой зачарованно наблюдают многочисленные фанаты с блуждающими глазами и исколотыми руками...

Несколько секунд Жоко стоял неподвижно, не осмеливаясь поднять глаза на это загадочное существо и не в силах понять, является ли оно самым красивым или самым уродливым из всех, что он видел за свою жизнь, самым от-

талкивающим или самым возбуждающим... На лице существа промелькнуло нетерпение — веки дрогнули, губы на миг сложились в раздраженную гримасу... Взгляд Жоко переместился от этих губ к маленькому носу, к изящно очерченным скулам, к миндалевидным глазам, растянутым чуть ли не до самых висков... Ненависть, которую он прочел в этих глазах, сперва оледенила его, потом заставила прийти в себя.

— Э... так вот... Ольга мне сказала, что вы ищете одну бывшую пациентку клиники... в Бургундии... — Он не стал уточнять, какой именно клиники, поскольку Вдова вряд ли пригласила бы его для беседы, если бы речь шла, например, о клинике пластической хирургии.

Клео слегка кивнула, и ее лицо на миг осветилось красноватым светом лампы над барной стойкой.

— Я тоже лечился в той самой клинике, — продолжал Жоко. — Примерно в то же время, десять лет назад. Тогда я еще верил, что смогу вылечиться, — добавил он с ноткой печали в голосе. — Я сам оттуда родом. Из Дижона. Тогда я еще не подсел на иглу так прочно... И они сами меня позвали.

— Кто — «они»?

Жоко невольно вздрогнул, услышав высокий и резкий, как будто механический, тембр этого голоса: «Кто — они-и-и?» — словно этот вопрос задал робот.

— Сотрудники клиники... Точнее, волонтеры. Я тогда жил в сквоте... на улице Бербизи. — На всякий случай Жоко решил не упускать ни одной подробности, чтобы Вдова ни на минуту не усомнилась в правдивости его истории. — Они часто появлялись в том квартале. Вели с нами разговоры за

жизнь, иногда подбрасывали кой-какую работенку... Рассказывали о той клинике...

— Рассказывали... — задумчиво повторила Вдова, нежно промурлыкав звук «р».

— Да. Она находилась недалеко от города Лавиль-Сен-Жур. Шикарное заведение, что-то вроде загородного дома отдыха для богатых пенсионеров, — добавил Жоко, слегка приободренный тенью улыбки на лице слушательницы. — Только вот стариков там как раз и не было...

Нам сказали, что на нас хотят испробовать новый метод лечения от наркозависимости. И что нам не надо будет за это ничего платить. Все совершенно бесплатно — и лечение, и проживание, и еда... Только нужно будет в точности выполнять все предписания. А если мы вдруг захотим уйти — то без проблем. Никто нас не будет удерживать...

Жоко немного помолчал, видимо ожидая реакции собеседницы. Но, не дождавшись, снова продолжал:

— Ну и, в общем, мы согласились...

— «Мы»? — переспросила Вдова.

— Да, я... и одна моя подружка. То есть даже не подружка... просто девчонка, с которой мы вместе тусовались...

Он заметил, как во взгляде Вдовы вспыхнул интерес, и шестым чувством, развившимся за долгие годы бродячей жизни, понял, что вожделенные десять граммов почти у него в кармане.

— И что же происходило в этой клинике?

— Ну, я одно могу сказать: эта их методика и правда работала, — ответил Жоко, и в его голосе прозвучало нечто похожее на сожаление. — Поначалу, конечно, тяжело было, но потом все стало проходить... даже, я бы сказал, как-то очень

быстро и без особых мучений... Все бы ничего, но мне стали сниться какие-то очень странные сны... Кошмары. Очень... нехорошие. И они все время повторялись...

— А что в них было странного?

— Они были... как воспоминания. Но не такие как обычно, а... В общем, разница была как между фильмом по телику и в 3D-кинотеатре. И даже после того, как я просыпался, эти воспоминания никуда не исчезали, они даже как будто вытесняли настоящую жизнь... Я как будто продолжал жить в них наяву. Раньше они никогда не приходили — это были воспоминания из детства... самого раннего, чуть ли не с самых первых дней жизни... Я и не думал, что можно помнить такие вещи... а чаще всего их даже не хотелось вспоминать, — мрачно добавил он. — Наверно, и с другими пациентами было то же самое — они все выглядели как зомби... Моя подружка в конце концов не выдержала. — Взгляд Жюко на мгновение устремился куда-то вверх. — Дело в том, что, когда она была совсем маленькой, с ней проделывали ужасные вещи... и она не выдержала этих воспоминаний... Застрелилась... Разнесла себе голову вдребезги...

На какое-то время повисла тишина, нарушаемая лишь отдаленным шумом машин, доносившимся с парижских улиц.

— После этого я решил свалить. Но оказалось, это совсем не так просто, как нам говорили вначале. За нами наблюдали день и ночь. К тому же никто из персонала не пришел бы в восторг, если бы я после отъезда стал рассказывать о самоубийстве моей подружки... Но мне повезло: вскоре сбежала парочка пациентов, а потом нагрянула полиция, и разразился скандал... Вот тогда я и свалил. Уехал из Лавилля, потом и из Бургундии... И никогда больше туда не возвращался.

Жоко наконец осмелился снова поднять глаза на Вдову и встретил сочувствующий, почти материнский взгляд. Кажется, она осталась довольна рассказом.

— А девушка, которая сбежала, была вот эта? — спросила она, слегка подтолкнув к нему по барной стойке небольшую фотографию.

Слегка поколебавшись, Жоко приблизился и наклонился над стойкой.

Увидев изображенную на фотографии женщину — здесь, посреди всей этой обстановки, — он испытал легкий шок. Анн Шарль. Он очень хорошо ее помнил. Да иначе и быть не могло. Она поражала с первого взгляда. Не только потому, что была очень красива и не так сильно потрепана уличной жизнью, как большинство других пациентов, но и благодаря своей грации, изящным манерам, даже своему имени, — все это делало ее белой вороной на фоне остальных. Жоко с ней даже немного подружился — насколько это вообще было возможно в этой клинике, похожей на замок вампиров, под постоянным наблюдением, в череде нескончаемых лечебных сеансов, так называемых «уроков воспоминаний»...

Да, это и в самом деле была она. Анн Шарль.

Он молча кивнул в ответ на вопрос собеседницы.

Рядом с фотографией на стойке появился конверт, однако его все еще придерживал длинный острый ноготь, окрашенный ярко-красным лаком.

Жоко нерешительно протянул руку к конверту, но Клео отодвинула его на несколько сантиметров:

— И последнее. Как ее звали?

— Анн Шарль. Фамилии я не знаю.

— А у клиники было название?

Жоко пожал плечами:

— Вроде нет... Но ее легко найти — она недалеко от южного выезда из Лавилля-Сен-Жур. Большой дом посреди парка... что-то вроде загородной усадьбы. Там она одна такая.

— Спасибо, Жоко.

Ноготь соскользнул с конверта. Жоко быстро протянул руку и с кошачьей ловкостью схватил возделенную награду. Затем не мешкая направился к выходу.

Уже у порога он неожиданно осознал ответ на вопрос, который недавно задавал самому себе: Вдова не была ни самым нелепым, ни самым восхитительным существом, встреченным им в жизни. Но вот самым жутким — это да.

50

День постепенно угасал, и в небольшой палате сгущался сероватый сумрак, образованный смесью туманной белизны с темнотой близящейся ночи. Голова Давида неподвижно лежала на высоко взбитой подушке, черные волосы ореолом окружали лицо, еще усиливая его невероятную бледность. Шарли нежно поглаживала сына по щеке, думая о том, каким долгим и тяжелым выдался сегодняшний день: утреннее нападение двух преступников, выбитый из руки одного из них револьвер, бегство, лихорадочное волнение последних часов — всего этого хватило бы на много дней, а то и недель... как бывает иногда в коротком тревожном сне, где множество событий укладываются в несколько минут...

И вот все закончилось здесь, в больничной палате, где время как будто исчезло. Остались лишь ощущение горячей

влажной испарины на лбу Давида, едва слышный звук сочащейся из капельницы жидкости, отчаяние, тревога, страх. Ничто больше не имело для Шарли никакого значения: ни степень риска, которому она подвергалась, ни шокирующие сведения относительно нее самой и Давида, сообщенные Джорди...

— Мам, прости меня, пожалуйста...

— За что, радость моя?

Произнося эти слова, Шарли изо всех сил старалась, чтобы ее голос не дрожал.

— Ну... за все это... — смущенно пробормотал Давид.

— Тебе не за что просить прощения, котенок.

— Я... даже не знаю, что со мной...

«...первые симптомы — тошнота, недомогание — могут быть признаками опухоли мозга, но это очень большая редкость у детей такого возраста...» Шарли пыталась хотя бы на время забыть эти слова, услышанные ею недавно от врача, — этот момент истины, который внезапно обрушился на нее, буквально парализовав.

— С тобой все в порядке, ты просто устал... у тебя сильное переутомление. Доктор так сказал... Ничего страшного...

Она и сама чувствовала, как фальшиво это звучит.

«...энцефалограмма подтверждает многочисленные разрывы сосудов... риск достаточно велик...»

Только никаких слез, приказала она себе. Ни в коем случае нельзя тревожить Давида! Нельзя допустить, чтобы он догадался...

«...сейчас ему необходим полный покой. Нам понадобится некоторое время, чтобы понять, почему его мозговая активность вдруг увеличилась до такой степени... По-

чему вдруг такое сильное расширение сосудов — как будто мозг избавляется от избыточного объема крови...»

— Нет, мам, я не просто устал... Не в этом дело...

Несмотря на то что Давид был очень слаб, Шарли уловила в его взгляде и голосе так хорошо знакомую ей решительность, проявлявшуюся у него и раньше, — суровое трезвомыслие взрослого, которое никак нельзя было заподозрить в девятилетнем ребенке.

— Что-то должно скоро произойти, — настойчивым тоном добавил он.

Давид по-прежнему лежал неподвижно, но Шарли чувствовала, как внутри у него клокочет лихорадочное возбуждение. Он смотрел на нее так пристально, что это еще усилило ее беспокойство.

— Ничего плохого не случится, Давид... Просто мы с тобой пережили очень, очень много всего за один сегодняшний день...

Давид не отрываясь смотрел на мать. Широко раскрытые глаза блестели, словно у одержимого.

— Комод и правда висел в воздухе... — прошептал он.

Сердце Шарли подскочило в груди. Она вспомнила грохот, донесшийся со второго этажа отеля, а потом свое собственное ощущение в первый момент, когда вошла в номер: обстановка слегка изменилась, как будто... что-то переставили. Тогда она сразу забыла об этом, увидев неподвижное тело сына. Но было ли это на самом деле? Разве можно в одиночку сдвинуть такую тяжесть?..

— Что ты говоришь? — воскликнула она.

Видимо, эти слова прозвучали слишком громко и вывели Давида из того странного оцепенения, наводившего на

мысль о колдовских чарах, в котором он пребывал после того, как пришел в себя. С легким смущением, словно раскаиваясь в неосторожном или глупом поступке, он произнес:

— Я просто хотел... потренироваться. После того случая с револьвером... мне захотелось узнать, что еще я могу...

До Шарли не сразу дошел смысл этих слов, но, осознав его, она вздрогнула: Давиду это нравилось, возможно даже, это его... забавляло. Она поняла, что ошибалась, считая его взрослым: несмотря на свои сверхспособности, Давид по-прежнему оставался ребенком. Может быть, даже в большей степени, чем его сверстники... Просто если они экспериментировали, зажигая спички или отрывая хвосты ящерицам, то он... поднимал в воздух мебель. И один Бог знает, на что еще он был способен!

«Еще один такой эксперимент — и ты потеряешь его навсегда! Но как ему это объяснить?»

Как всякий ребенок, Давид, обнаружив у себя новую способность, стремился ее самостоятельно развить, даже если это было рискованно. Небольшие ежедневные успехи, очевидно, лишь укрепляли его в этом намерении. Но теперь пора было расставить все по местам. И прежде всего она сама должна была занять свое — место матери.

— Давид... ты можешь погубить свой мозг. Ты и так уже нанес ему большой вред. Ты пытаешься делать какие-то вещи, потому что думаешь, что тебе это по силам. Да, в каком-то смысле это так. Но не вполне. Ты понимаешь? Вот, например, ты можешь думать, что у тебя получится пройти по канату над пропастью. И теоретически ты можешь это сделать. Почти любой человек в принципе на это способен. В том числе и ты, и я. Только вот... если ты попытаешься это

сделать, ты, скорее всего, сорвешься в пропасть после первых нескольких шагов.

Он слабо кивнул.

— Даже если твой мозг... отличается от других, все равно это пока еще мозг ребенка. Мальчика девяти лет. А не фантастического героя вроде Супермена. Ты ведь не можешь поднять комод в воздух руками. Точно так же ты этого не можешь сделать и мысленным усилием... а если все-таки попробуешь, это может плохо закончиться... очень, очень плохо!

— Теперь я умру, да?

Сердце Шарли мучительно сжалось — на этот вопрос она могла дать только один ответ: «Я не знаю». Сейчас Давид находился под воздействием седативных препаратов — врач объяснил ей, что это необходимо для снятия того внезапного резкого напряжения, которое вызвало разрывы сосудов мозга.

Но что произойдет, когда действие лекарств закончится? Сколько шансов на то, что Давид останется живым и здоровым, с невредимым рассудком, и навсегда откажется продолжать эксперименты над собой?..

— Ну что ты, радость моя, конечно, ты не умрешь, — ответила она, еще ниже склоняясь к Давиду и обнимая его. — Ты не умрешь, и все будет хорошо... Но ты сам должен принять решение. Ты единственный человек, который может... контролировать эту силу. Ты понимаешь?

Раздалось легкое покашливание.

Впервые за долгое время Джорди, сидевший в самом углу комнаты в небольшом кресле, обтянутом искусственной кожей, обнаружил свое присутствие. Шарли почувствовала

раздражение. Он явно хотел ей напомнить, что они слишком долго здесь находятся — и это рискованно. Но он был прав: уже и без того врач косился на них с подозрением с тех пор, как увидел, что фамилия Давида в отчете о результатах энцефалограммы не совпадает с той, которой назвались его родители. И привлекать к себе еще больше внимания им явно не стоило.

Шарли слегка сжала руку сына. Разве можно оставить его здесь одного на ночь?.. Зная о том, какая опасность грозит им обоим?..

Снова выбор, и снова мучительный...

Даже не оборачиваясь, она расслышала шаги Джорди, приближающегося к ней. Потом ощутила, как его рука мягко легла ей на плечо.

— Я знаю, что это тяжело... Но у нас нет выбора. Надо уходить.

— А если с ним что-то случится?

— Мы не знаем, насколько полицейские продвинулись в расследовании. Ничего не может быть хуже для тебя... для вас обоих, если тебя узнает кто-то из местного персонала.

Что ж, это был голос разума. И этот голос напоминал ей: «Ты по уши в дерьме!»

Она взглянула на Давида. Его глаза были полузакрыты. Шарли снова нежно погладила его по щеке. Та была прохладнее, чем полчаса назад.

Шарли поцеловала сына в лоб, с трудом сдерживая рыдания:

— Я тебя люблю, Давид... Я вернусь завтра, рано утром. Хорошо?

Он ответил слабой печальной улыбкой:

— Я больше никогда не буду так делать, мам, честное слово... Все будет хорошо, не волнуйся...

Его голос звучал вяло и замедленно — таблетки понемногу начинали действовать.

Шарли кивнула и, собрав последние остатки мужества, поднялась.

— Вы ведь позаботитесь о ней, да?.. — прошептал Давид.

Эта фраза была адресована Джорди. Шарли подумала, что седативные средства ослабили, помимо напряжения, застенчивость и осторожность, которые обычно проявлялись у Давида в присутствии посторонних.

Джорди сделал успокаивающий жест и серьезным тоном ответил:

— Не волнуйся, парень. Я буду ее беречь как самое ценное сокровище на свете.

— Вот и хорошо... — прошептал Давид, закрывая глаза. — Потому что она и есть...

51

Время от времени жандарм искоса поглядывал на него, и Тома понимал почему: в этих краях не часто встретишь человека с североафриканскими корнями, вдобавок сотрудника ГИС, да еще и одетого в бесформенную рэперскую куртку с капюшоном и «лунные» ботинки.

В конце концов он мысленно пожал плечами, слегка развернулся на своем пассажирском сиденье и стал смотреть на заснеженный равнинный пейзаж, простиравшийся за стеклом.

Он не любил сельскую местность. Не любил провинцию. Не любил снег.

К тому же ему все меньше нравилось это расследование.

— Вам совсем ничего не известно о том, что случилось? — наконец спросил он.

— Мы уже почти приехали, — вместо ответа пробурчал жандарм, рыжеволосый тип с бледным лицом в красных прожилках. — Это вон там.

Тома недоверчиво взглянул в указанном направлении, куда водитель в следующий миг без всяких колебаний повернул. Дом показался минут через пять езды по ухабистому туннелю, образованному заснеженными кронами деревьев, ветки которых напоминали сталактиты.

Тома вышел из машины и начал разглядывать крепкое приземистое сооружение. Он неожиданно оказался в совершенно чуждом ему мире: буржуазно-провинциальном.

Дверь дома распахнулась, и навстречу им вышел здоровенный тип в униформе. Они с Тома обменялись рукопожатиями и представились друг другу. Тип оказался капитаном Дусе. На вид ему было лет сорок, выглядел он энергичным и держался вполне дружелюбно.

— Тот человек внутри, — сообщил он. — Сначала нам как-то не очень верилось в его историю... то есть не то чтобы мы его подозревали во лжи, просто все это казалось странным... Но позже выяснилось, что все сходится.

Войдя в дом, Тома не стал тратить время на изучение обстановки — всех этих диванов с расшитыми подушечками, дубовых панелей и сложенного из тесаных камней каминна, — а сразу сосредоточился на царившем здесь беспорядке: опрокинутый сломанный стул, веревки, разбитые безде-

лушки... и капли крови на полу. Приблизившись, чтобы их разглядеть, он заметил кочергу, валящуюся в нескольких метрах от камина. На ее острие тоже были заметны следы крови.

Затем, повернувшись к двери столовой, Тома увидел еще двух человек, сидевших за столом: один из них был полицейский, другой — пожилой краснолицый человек, выглядевший усталым.

— У нас хорошая новость для вас, — сообщил капитан. — Ребята уже собирались уезжать, как вдруг обнаружили ту самую «клио», по поводу которой вы присылали запрос.

— Я не собираюсь вмешиваться в ваше расследование, — заверил его Тома. — Но буду очень благодарен, если вы сообщите мне о результатах. Мы сейчас занимаемся делом об исчезновении одного нашего сотрудника, так что это очень серьезно.

Полицейский кивнул, затем, подойдя к столу, представил Тома месье Боннэ.

Тот еще раз повторил свою историю. Он присматривает за домом — иначе говоря, периодически проверяет, все ли в порядке, не забрались ли грабители, исправна ли сигнализация, а также иногда делает уборку и проветривает комнаты...

— Так вот, накануне мне позвонила мадам Жермон, хозяйка дома, и сказала, что вечером придет Шарли — это ее дочь — и остановится здесь на несколько дней.

— Шарли? — переспросил Тома.

— Ее зовут Анн Шарль, но дома ее всегда называли Шарли... По правде говоря, я удивился: сюда никто не приезжал вот уже много лет, а сейчас явно не сезон для отдыха.

Короче говоря, я все приготовил к ее приезду, и сегодня утром, около девяти, зашел ее проведать. Увидел недалеко от дома джип. Я подумал, что это вряд ли ее машина...

Тома вопросительно взглянул на капитана Дусе.

— Джип «чероки». На данный момент мы его не нашли, — пояснил тот.

Месье Боннэ продолжал рассказ. Тома внимательно слушал, пытаясь мысленно воспроизвести ключевую сцену во всех подробностях, восстановить недостающие элементы. Значит, сюда приезжала Шарли... Зачем? Чтобы спрятаться? Надеюсь, что здесь ее никто не найдет?

Как бы то ни было, преследователи ее нашли. Скорее всего, они знали ее настоящее имя.

Как же ей удалось выпутаться?..

Тома повернулся к свидетелю:

— Вы говорите, здесь было двое мужчин. Вы уверены, что больше никого из посторонних не видели?

— Да. Как я уже говорил, один из них был настоящий громила — когда я очнулся, он еще оставался без сознания, — а другой, белобрысый, — такой скользкий тип, из тех, что будут вам улыбаться, а через минуту всадят нож в спину...

Громила и белобрысый... Понятно. Недоставало только третьего — Фонте.

— Когда я очнулся, то увидел, что они оба привязаны к стульям. Через какое-то время здоровяк тоже пришел в себя и стал дергаться изо всех сил. Тогда я понял, что он вот-вот разорвет веревки, и поспешил убраться. Потом позвонил в полицию.

Тома подошел к обломкам стула, валявшимся на полу. Гигант действительно нашел в себе силы его сломать — ско-

рее всего, раскачивался на нем, одновременно надавливая на сиденье всем своим весом... А уж после того, как он освободился сам, освободить сообщника было плевым делом — достаточно было лишь перерезать веревки.

«А мальчишка? — вдруг спохватился Тома. — Где он был все это время?»

— Вы, я полагаю, уже осмотрели второй этаж? — спросил он у Дусе.

— Да. Ничего особенного не нашли, но, во всяком случае, выяснили, что там ночевали двое. Из них, судя по всему, один ребенок — в одной комнате остались детские шерстяные носки...

— А что с машинами?

— «Клио» стоит рядом с домом — на ней приехала мадемуазель Жермон.

— А другая — та, что стоит у опушки? Я видел ваших людей вокруг нее...

— Она была взята напрокат. По фальшивому удостоверению личности — нам прислали копию по факсу. Фотография там нечеткая, но можно предположить, что на ней тот самый громила. Как говорит месье Боннэ, эту машину он утром не видел, но когда он уходил, она стояла на опушке.

Черт, дело еще больше запутывается... Ни хрена не понятно! Из трех машин одна исчезла, две выведены из строя. Шарли Жермон снова скрылась...

Тома повернулся к сторожу, который уже начал проявлять признаки нетерпения — видимо, хотел поскорее уйти домой, что в его состоянии было вполне объяснимо.

— Вы сказали, один из двух нападавших был ранен?

— Да, белобрысый. В ногу.

— Мои люди обнаружили кровавые следы на снегу и отправились по ним через лес, — сообщил офицер полиции за спиной Тома.

— Я так понимаю, следы ведут к дороге?

Дусе кивнул.

— А мадам Жермон, владелица дома, живет где-то поблизости? — спросил Тома у месье Боннэ.

— Нет, в парижском предместье... В Сен-Клу. Я могу дать вам точный адрес и телефон.

— Как ее полное имя?

— Лиан Жермон.

Тома отошел на некоторое расстояние от остальных, вынул из кармана мобильник и набрал номер Орели Дюбар:

— Ты мне нужна. Сейчас я передам тебе имя и адрес, и ты наведишь некую Лиан Жермон. Она живет в Сен-Клу. Это мать Шарли Тевеннен. Дело срочное. Я тебе потом все объясню.

— Все в порядке? — спросила Орели. — У тебя такой голос...

— Не знаю, — перебил Тома. — Но мне все это очень не нравится.

В трубке послышался делано обреченный вздох. Тома невольно представил улыбку Орели, и ему захотелось сказать ей что-то ласковое и нежное, хоть на минуту отрешившись от всей этой кутерьмы...

— Хочу побыстрее вернуться, — почти прошептал он.

— Ты по мне уже соскучился? — шутливо спросила Орели.

Тома почти услышал, как в его сердце захлопнулась какая-то дверь.

Орели, видимо, тоже это почувствовала.

— Забудь о том, что я сказала, — попросила она. — Я срочно займусь мадам Жермон.

И, не дожидаясь ответа, отсоединилась. Тома несколько секунд стоял неподвижно, прижимая к уху молчащую трубку.

К нему приблизился Дусе.

— Ну что, какие у вас первые впечатления? — спросил он. — Мы имеем дело с похищением?

Тома встряхнул головой, возвращаясь к реальности. Он взглянул в окно на автомобили, на высокие белые сугробы, на густой заснеженный лес, напоминавший какие-то арктические джунгли...

— Нет, не думаю, — наконец тихо ответил он. — Скорее кто-то помог ей скрыться...

«Но почему вдруг Фонте решил это сделать? — добавил он уже про себя. — И с каких пор он с ней в сговоре?»

Он все еще пытался найти какие-то ключевые элементы, которые придали бы завершенность всей картине, когда у помощника Дусе затрещала рация.

Полицейский нажал кнопку приема и, выслушав сообщение, повернулся к начальнику. Краем уха Тома расслышал:

— Ребята, которые шли по следам через лес, обнаружили тело на обочине дороги. Мужчина, убитый, скорее всего, ударом ножа. Хреново...

52

Несколько секунд Орели простояла неподвижно с мобильником в руке, словно желая ненадолго сохранить иллюзорное присутствие Тома. Почему он по-прежнему замкнут? Чего он боится?

Но в конце концов она решила, что сейчас неподходящее время задавать себе вопросы в духе журнала «Космополитен», сунула мобильник в карман и толкнула дверь книжного магазина, возле которого и застал ее звонок Тома, то есть лейтенанта Миньоля.

Послышался нежный, мелодичный звон дверного колокольчика, и одновременно с этим Орели почувствовала густой аромат восточных благовоний. Внутри царил почти полная тишина. Освещение было мягким и приглушенным. Значит, вот он какой, книжный магазин «Вертекс»...

Орели быстро обвела глазами ряды книжных полок, столы с грудями книг, стойки для презентаций... Все как в обычных книжных магазинах, за исключением расслабляющей, словно вневременной атмосферы и названий разделов верху стеллажей: «Личностное развитие», «Аура», «Реинкарнация»...

Орели со всех сторон обошла презентационную стойку, решив для начала вести себя как обычная клиентка. Покупателей в магазине было немного, и почти все были погружены в изучение взятых с полок книг.

Вскоре Орели отыскала полку с надписью «Астрософия» в разделе «Астрология» и быстро пробежала глазами по названиям на корешках книг: «Будущее наступит завтра», «Понять Астру», «Триумф Водолея»... Автором многих книг был Джошуа Кутизи, но не всех. Быстрый просмотр дат издания подтвердил то, что Орели и так знала: у самозваного гуру появились последователи, развивавшие в своих трудах тезисы наставника. Среди них, помимо французов, попадались и иностранцы, в основном американцы.

Орели наугад взяла с полки книгу, раскрыла ее и прочитала:

«...во всех уголках планеты трудятся приверженцы нового мирового порядка. Для большинства из них развитие глобализации является настоящим подарком: оно позволяет осуществить всеобщее закабаление людей в мировом масштабе, без различия рас и границ. Их цель ясна: уничтожить политику ради экономики, заставить гражданина уступить место потребителю.

Астрософия же, напротив, предполагает поместить индивида в центр Вселенной и...»

— Могу я вам чем-то помочь?

Орели слегка вздрогнула. Атмосфера этого места и мрачные предсказания автора книги вызвали у нее чувство одиночества, полной отрезанности от мира... если только это не было результатом недавнего разговора с Тома.

Она поставила книгу на место и обернулась.

Женщине, стоявшей перед ней, было на вид около пятидесяти лет. Невысокая, полная, слегка чопорная, она улыбалась, открывая зубы, испачканные в губной помаде.

— Надеюсь, что да. Я ишу Катрин Клермон.

— Это я. Так что я могу для вас сделать, мадемуазель?

— Я лейтенант Орели Дюбар, Государственная инспекция служб. Я хотела бы задать вам несколько вопросов.

Катрин Клермон кивнула, не переставая улыбаться:

— По поводу чего?

— Джорди Фонте. И заодно Джошуа Кутизи.

Кивок, улыбка, зубы в губной помаде...

— Понимаю... Но я сегодня работаю одна и не смогу оставить магазин без присмотра... Может быть, вы зайдете завтра?

— Это срочно.

Владелица магазина не выразила ни малейшего недовольства — ее улыбка лучилась прежней доброжелательностью.

— Хорошо, тогда сядем вот сюда. Отсюда я смогу наблюдать и за входной дверью, и за посетителями внутри магазина. Может быть, кому-то понадобится моя помощь...

И она увлекла Орели за собой в небольшой закуток, образованный примыкающими друг к другу стеллажами.

— Насколько я понимаю, Джошуа Кутизи дал ваши координаты своему бывшему соседу по камере, когда тот освободился, — начала Орели. — Его звали Джорди Фонте. Он собирался разыскать с вашей помощью других адептов астрософии, чтобы...

— Да-да, я его помню очень хорошо. Но это было довольно давно... лет пять назад, если не ошибаюсь. С ним что-то случилось?

Улыбка слегка померкла — как бы для того, чтобы подчеркнуть обеспокоенность. Орели почувствовала такое раздражение, что чуть было не спросила напрямик, не является ли такое поведение результатом долгих лет специальных сектантских тренингов.

— Нет. Но мы его разыскиваем.

— Ах, какая жалость! Ведь это означает, что ему вряд ли удастся завершить обучение... Но так или иначе, я вряд ли смогу сообщить вам что-то ценное. Я ведь не поручала этому молодому человеку никакой работы. Хотя он был очень мил...

— Кутизи ничего и не говорил о работе. Скорее о неких контактах...

— О!.. Но Джошуа просто не знал о реальном положении дел... Я ведь давно отошла от астрософии, вы знаете... Как вы могли заметить, мой магазин предлагает очень разностороннюю литературу, и...

— Вы знаете Анн Шарль Жермон?

Это длилась мгновение, не больше. Блеск в глазах, чуть сдвинутые брови... и снова маска фальшивой доброжелательности вернулась на место. Слишком мимолетно, чтобы означать что-то определенное... Но не чтобы ускользнуть от внимательного взгляда Орели.

— Как вы сказали?

— Анн Шарль Жермон.

— Нет, это имя мне ничего не говорит. Оно очаровательно, и я бы запомнила его, если бы когда-нибудь услышала...

— У вас нет никаких соображений по поводу причин, по которым адепты астрософии приютили у себя Джорди Фонте?

— Я даже не знала, что Джорди Фонте был приверженцем учения об астрософии... Во всяком случае, в моем магазине он не покупал книг на эту тему...

— Понимаю, — кивнула Орели. — Поставлю вопрос иначе: у вас есть предположения по поводу контактов, которые Джорди Фонте после выхода из тюрьмы мог наладить с кем-то еще, помимо вас, чтобы выйти на общество астрософии?

Улыбка, кивок, следы помады на зубах...

— Видите ли, «общество астрософии» — это не совсем верное определение... Это не общество, это скорее учение, некое направление философской мысли... школа, если хотите. К тому же после... известных событий объединение бы-

лых приверженцев этого учения так и не было восстановлено в первоизданном виде. Если этот молодой человек хотел побольше узнать об астрософии, ему бы следовало начать с книг, с самообучения...

— Значит, у Джошуа Кутизи не было официального преемника? Человека, которому он, так сказать, передал бы эстафету?

Катрин Клермон замерла, улыбка словно застыла на ее лице. Все понятно: экономия жестов должна была подчеркнуть глубокую задумчивость...

— Ну, например, это могла быть Вирджиния Петерс... — наконец произнесла она. — У меня должны быть ее координаты... одну секунду...

Она быстрыми шажками просеменила к кассе, затем вернулась с визитной карточкой, которую протянула Орели.

— Я вас на минутку оставляю, меня ждут другие покупатели, — прошептала она.

Орели взяла карточку и поднесла к глазам, словно желая получше рассмотреть. Но на самом деле она следила за Катрин Клермон. Та вернулась к кассе, чтобы пробить чеки покупателям. Она любезно кивала и улыбалась каждому, но вот на секунду оторвалась от книг и банкнот и взглянула в сторону Орели. На сей раз эмоция, промелькнувшая в ее взгляде, была более чем красноречивой: неприкрытая ненависть, которая хлестнула Орели, словно удар кнута.

Теперь Орели все стало ясно. Хозяйка книжного магазина гала. Она все знала: и кто был Джорди Фонте, и кто была Анн Шарль Жермон... и какая связь существовала между двумя этими людьми.

Визитка неведомой Вирджинии Петерс была лишь средством выиграть время, запутать следы, отвести от себя подозрения...

Но не было никакой необходимости устремляться по другому следу, чтобы распахивать одну за другой двери, ведущие в никуда: этот книжный магазин был единственным ключом к той главной двери, которую предстояло взломать.

53

Шарли со вздохом положила телефонную трубку на место и села на кровать. Поговорить с Давидом ей не удалось, потому что он еще спал, но медсестра, понимая ее тревогу, заверила:

— Сейчас с ним все в порядке, состояние стабильное, беспокоиться не стоит...

Они с Джорди были в своем гостиничном номере, и время от времени взгляд Шарли невольно обращался в сторону комода. «Эпоха Луи-Филиппа», — машинально отметила она про себя, когда в первый раз вошла в номер. Она никогда не питала особого пристрастия к старинной мебели, но в детстве мать иногда брала ее с собой на антикварные аукционы, так что она более-менее научилась разбираться в стилях. Огромный тяжелый комод принадлежал эпохе, когда мебель была солидной и основательной, лишенной изысков и украшений предшествующего столетия. Сколько же он весил?..

Встав с кровати, она заметила на полу четыре отметины — точнее, это были небольшие углубления, за долгие годы образовавшиеся в паркете от ножек комода. При-

мерно в пятнадцать сантиметров от того места, где он стоял сейчас.

«Комод и правда висел в воздухе...»

И не только он один, надо полагать, — когда они с Джорди вернулись в номер, было ощущение, что там недавно пронесся ураган. Но хозяйка гостиницы клятвенно заверила их, что никто туда не заходил. Нельзя было даже заподозрить, что все это устроила она сама с какими-то недобрыми намерениями: у нее просто не хватило бы на это сил. Мебель была опрокинута, вещи в беспорядке разбросаны по всей комнате, словно их крутил в воздухе мощный вихрь... Джорди и Шарли с трудом могли вспомнить, как все выглядело изначально, настолько их шокировал этот хаос.

Неужели его устроил Давид?!

После неопределенного диагноза врача и тех сведений, которые сообщил ей Джорди, Шарли не могла отделаться от ужасного видения: мозг, разбухший от мощного прилива крови, пульсирующий, как огромное сердце...

Страшный образ, который она никак не могла соединить с детским личиком Давида...

И однако...

Давид! Как же ей его не хватало! Шарли даже не могла вспомнить, случалось ли ей хоть раз в жизни проводить целый день и ночь в разлуке с ним. Кажется, нынешний случай был первым...

Шум воды, донесшийся из ванной, прервал ход ее мыслей.

Через какое-то время она услышала, как у нее за спиной хлопнула дверь.

— Все в порядке? — спросил Джорди.

Шарли обернулась. Он только что принял душ, но сразу же полностью оделся — кроме джинсов на нем была слегка влажная футболка, — поскольку, очевидно, не могло быть и речи о том, чтобы ходить полуголым в тесноте их общего номера. Странная близость... почти невыносимая. Делить эту комнату и заодно самые тайные страницы своей жизни, самые интимные секреты, с человеком, который, по сути, до сих пор оставался для нее незнакомцем. Хотя и не вполне: по дороге из клиники в отель он успел рассказать ей кое-что — о своем детстве, о побоях и тираннии отца, о смерти матери, о судебном процессе... Он также упомянул о заключении и встрече с Джошуа Кутизи, человеком, которому удалось погасить его бунт и направить энергию в правильное русло... Иначе говоря, кратким пунктиром изложил основные события своей жизни.

Его искренность тронула Шарли. Его история — взволновала.

Но эмоции сейчас не имели никакого значения: нынешняя ситуация исключала любые проявления слабости. Настало время получить ответы на вопросы, которые она до сих пор не успела задать, выбитая из колеи последними событиями.

— Да, все в порядке, — ответила она. — Но я хочу знать все, что ты от меня скрываешь. Чего ты мне еще не сказал, Джорди? Кто были эти люди... и чего они хотели?

Джорди сел в кресло и какое-то время молчал, раздумывая, как лучше все ей объяснить. Наконец он решил говорить без прикрас:

— Я получал приказы напрямую от Кольбера. Он входил в один из филиалов общества астрософии, который на

какое-то время заглох, а потом снова ожил... Меня свела с ним одна женщина, которую звали Катрин, — для выполнения последнего задания. Раньше она давала мне поручения сама. Именно с ней я в основном работал... — Он хотел добавить «...над своей Астрой», но это уже ничего не значило. — Я ничего не знал о том, кто такой Кольбер, мне просто нужно было выполнять его приказы. Он, очевидно, тоже их от кого-то получал. Он же давал деньги и все необходимые средства. Я не спрашивал, откуда это все... Возможно, он работал на какую-то вышестоящую или параллельную группировку... Структура общества астрософии, я так понимаю, чем-то напоминала масонскую, с ее различными ложами... Я разыскал Катрин по рекомендации Кутизи — стало быть, он поддерживал старые связи, даже находясь в тюрьме. Но я не знаю, насколько тесные. И с какими именно группировками.

— Значит, ты не знаешь, кому именно понадобился Давид?

— Нет. Но я думаю, нам повезло, что это дело поручили Кольберу.

— Как это?

Джорди некоторое время помолчал, размышляя. Он и раньше замечал, что манеры Артиста как-то не сочетаются с целями их общей миссии. После недавнего поражения Кольбер, скорее всего, не осмелится связаться с теми, кто дал ему поручение, чтобы просить о подкреплении или о деньгах. Значит, сейчас он один, если не считать его цербера... Впрочем, были ли деньги главной его целью? Скорее всего, нет: с тех пор как Джорди узнал о тайном знакомстве Кольбера с Шарли (о котором не подозревала даже она сама) и о том, какие видеозаписи тот пересматривал на своем

ноутбуке, он понял, что речь идет о преследовании... скорее даже об одержимости.

— У меня такое впечатление, что, провалив миссию, он выйдет из игры.

— Но те, кто его послал, — чего они хотели от Давида?

Джорди вздохнул и коротко ответил:

— Силу.

Шарли в упор взглянула на него:

— Что ты хочешь сказать?

— Это общество... или течение, называй как хочешь... по сути, не имело другой цели, кроме как занять главную позицию в будущем мировом порядке. Они готовились принять власть над миром — ни больше ни меньше. Похожие тайные общества были во все времена. Всегда все начиналось одинаково: возникала небольшая группа людей, которая хотела распространить свои воззрения, свои идеалы на весь мир. Чаще всего они держались в тени. Те, кто хотел использовать возможности Давида в своих целях, по сути, ничем не отличались от масонов. Или христиан. Или нацистов...

— Но почему выбор пал на Давида?

Вот он наконец. Самый мучительный вопрос. Тяжелее всего будет ответить на него откровенно.

— Он последний из тех, кто выжил. Поэтому он и должен спасти мир...

54

Кольбер поднял голову, вглядываясь в массивное здание. Сквозь туман тускло светились окна в квадратных металлических переплетах. Мальчишка был где-то там, за одним из них...

Он перевел взгляд на приборную доску машины и посмотрел на часы. Еще слишком рано для визита...

— Ты уверен, что он здесь?

Голос Такиса, сидевшего за рулем, заставил Кольбера вздрогнуть. Внезапное желание наброситься на гиганта и вонзить ему нож в горло вызвало у него судорожный спазм. Его отношение к Такису всегда было неоднозначным. Кольбер, которого пребывание в обществе астрософии ничуть не изменило, хотя и дало какие-то познания в мифологии, определял его как синдром Сатурна — бога, пожирающего своих детей.

Он попытался успокоиться — поистине близость финала слишком взвинтила его нервы! Поскольку финал ведь был близок, не правда ли? Так или иначе, все должно было скоро закончиться. Конечная станция, поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны... Давняя история закольцовывалась: здесь, в Лавилле-Сен-Жур, точнее в нескольких километрах от него, когда-то все началось. На его жизненном пути возник самый важный перекресток... Здесь он увидел Шарли в первый раз. Здесь же перешел от мечтаний к действию.

Здесь он, можно сказать, встретился лицом к лицу со своей судьбой. Может быть, именно поэтому он испытывал к этому месту такую страстную ненависть?

Этот вопрос не требовал ответа. Здесь закончится эта часть его жизни... Или сама жизнь — что ж, посмотрим... Но, во всяком случае, он уйдет не один. Он заберет с собой всех — мальчишку, Такиса... и ее. Всех. Главное, конечно, ее.

Однако умирать не входило в его ближайшие намерения: долгое время он думал, что обладание Шарли, кото-

рым закончится погоня за ней, наконец-то принесет ему умиротворение, в котором жизнь ему отказала. Но теперь, когда на кону появились тридцать четыре миллиона евро, все изменилось. С такими деньгами он сможет поохотиться за сотнями Шарли в разных концах света... Бесконечное увлекательное приключение, без всяких помех, без всякой астрософии... Он будет свободно разъезжать по миру... один или вместе с Такисом, поскольку, хотя он и питал к своему компаньону противоречивые чувства, тот был единственным человеком, с которым ему удалось завязать хоть какие-то отношения. Единственным, кто знал о нем все и принимал его таким, как есть. Единственным, кто готов был следовать за ним по пути к вечному проклятию...

— Да, я уверен, что он здесь, — ответил Кольбер, сдерживая раздражение.

— Странно, — проворчал гигант после некоторого колебания, — этой клиники даже в справочнике нет.

Да, Кольбер вынужден был признать: никогда они бы не отыскали мальчишку здесь, если бы не счастливый случай. Они просмотрели местный справочник «Желтые страницы», еще точно не зная, как именно смогут добраться до своей добычи, поскольку, без сомнения, их уже искали во всем регионе и их описания были разосланы повсюду. Поэтому не могло быть и речи о том, чтобы обращаться в регистратуру каждой больницы с вопросом, не поступал ли к ним в последнее время мальчик лет десяти (они даже не знали, под какой фамилией Шарли его записала) с неврологическими проблемами. Они бы никогда не узнали, что он в клинике Святого Доминика, напоминающей средневеко-

вый монастырь, если бы им не сообщили об этом по телефону. В противном случае они бы так и мотались от одной больницы к другой и в конце концов неизбежно привлекли бы к себе внимание.

Уже второй раз Кольбера спасали от поражения. В первый раз — когда ему сообщили про *дом у озера*. И вот сейчас снова...

— Вот как раз потому, что ее нет в справочнике, щенок, скорее всего, там, — ответил он.

В этом утверждении не было никакой логики, но Такис понимающе кивнул. Кольбер уже успел пообещать ему скажочную жизнь. Только это и имело значение. Что касается всего остального, то одной лишь уверенности его наставника было достаточно, чтобы вселить уверенность и в него самого. Именно поэтому их союз был таким долгим и успешным.

— Ну ладно, что делать будем? — спросил грек.

Кольбер не отвечал. Он наблюдал за клиникой, за сотрудниками — фигурами в белых халатах, мелькавшими в окнах и из-за тумана казавшимися расплывчатыми, за посетителями, уже редкими в этот час, возвращавшимися к своим машинам, оставленным у сводчатой арки, ведущей во внутренний двор... Возле одного из соседних домов он заметил небольшую группу курящих мужчин. Все еще слишком много народа, чтобы действовать... Придется подождать. Ночью, в абсолютной тишине, когда туман заглушит любые звуки, все будет гораздо легче — украсть врачебную униформу, проникнуть в здание, найти нужную палату... Когда уже не боишься смерти, когда больше нечего терять, все становится легко и просто. Лишь страх обрекает на по-

ражение. Но Кольбер уже ничего не боялся. Он преодолел все страхи.

Он снова поднял голову к светящимся окнам клиники. Постепенно они гасли, одно за другим. В некоторых он замечал голубоватые отсветы телеэкранов. За одним из этих окон находился мальчишка, которому суждено было вскоре оказаться у него в руках. Воистину жизнь — это авантюра без начала и конца, подумал Кольбер.

— Поехали, — наконец приказал он Такису. — Поищем какое-нибудь кафе, где можно съесть пару сэндвичей... а заодно и другую тачку — эта наверняка уже в розыске... Вернемся, когда все утихомирятся.

55

...Ты упоминала о «талидомидных детях» — в каком-то смысле это похожий случай. Правда, детей вроде Давида было гораздо меньше. Большинство из них даже не успевали появиться на свет или рождались с серьезными отклонениями и жили совсем недолго. Некоторые прожили по несколько лет, но, когда их способности начинали проявляться, возникали проблемы. Мозговые кровоизлияния, опухоли... Словом, «допамнезиновый проект» уже решили похоронить, но тут появился Давид...

...последний, кто выжил...

Шарли уже минут двадцать стояла под горячим душем, но все никак не могла ни согреться, ни успокоиться. Слова Джорди снова и снова звучали в ушах.

...Давид стал так важен для них, потому что он единственный, кто... соответствует всем требованиям. К тому

же он единственный живет так долго. Никто не знает почему...

Но Шарли знала: потому, что Давид практически никогда не использовал свои способности. Не пробуждал свою силу. Может быть, даже сознательно пытался этого избегать... Вплоть до сегодняшнего дня...

...официальной целью общества было защитить Давида, но...

«Замолчи!» — мысленно закричала она.

Она схватила губку и начала растирать себя — с отчаянием, почти с яростью, как женщина, пережившая изнасилование. В сущности, то, что с ней произошло, было похоже на изнасилование: нечто нежелаемое и чужеродное проникло в ее сознание, а вместе с тем и во все тело — нечто, навсегда изменившее ее жизнь.

Шарли ощутила на губах соленый вкус и только тогда поняла, что плачет. Она не пыталась сдержать слезы, наоборот, дала им волю, и они двумя потоками хлынули по щекам, смешиваясь с водой.

Последний из тех, кто выжил... последний, кто выжил...

Прошло еще немало времени, прежде чем она нашла в себе силы вернуться к реальности.

Она вышла из ванны, чувствуя огромную усталость. От недавних эмоций не осталось ничего, кроме горькой изнуряющей тревоги.

Джорди погасил верхний свет, оставив гореть лишь ночник у изголовья софы, на которой лежал, укрывшись одеялом, с какими-то бумагами в руках. Это оказались документы из папок Сержа, которые Шарли захватила из сейфа

вместе с деньгами и оружием в ночь бегства. Она совсем забыла о них. К тому же сейчас она чувствовала себя слишком измученной, чтобы спрашивать Джорди о причине такого неожиданного интереса к доказательствам вины Сержа.

В комнате было тепло, но Шарли пересекла ее, вся дрожа, плотно запахнувшись в махровый халат, надетый поверх длинной бесформенной футболки, доходившей ей до середины бедер. Нырнув в кровать, она натянула на себя одеяло и шерстяное покрывало.

Джорди продолжал читать. Какое-то время она разглядывала его лицо с правильными, немного резкими чертами, на котором читались усталость и бесконечная тоска. Впервые с начала знакомства она была поражена красотой этого лица, еще усиленной таким контрастом.

Потом она отвернулась и начала смотреть в потолок, предоставив своим мыслям унести себя куда-то далеко от нынешних тревог и проблем...

Ей снова вспомнились подробности бегства из клиники вместе с Фабианом. Все это когда-то было здесь... совсем недалеко отсюда. Туман, окутавший Лавиль-Сен-Жур — город, раскинувшийся внизу, у них под ногами... Ночное небо в серебряных блесках звезд... Но тогда она испытывала огромное счастье и опьянение свободой и совершенно не думала об опасностях...

Фабиан... Он был последним, кто ее по-настоящему любил. Последним взрослым, во всяком случае. А до него? Может быть, отец... А потом потянулись бесконечные годы жизни в аду с Тевенненом...

Щорох переворачиваемых страниц прервал ее воспоминания. Она снова взглянула на Джорди.

Без сомнения, если бы дело происходило в голливудском фильме, они бы не раздумывая бросились в объятия друг друга, чтобы забыться после такого невероятно тяжелого дня. Но в реальности это было невыносимо. Сейчас Шарли не смогла бы ощутить и самого слабого физического удовольствия. Даже мысль об этом казалась ей чуть ли не противоестественной.

Но тревога по-прежнему не отпускала ее. Ей нужно было, чтобы ее обняли, утешили... Хотя бы несколько мгновений нежности...

Поколебавшись еще какое-то время, Шарли наконец вполголоса произнесла:

— Джорди?..

Она не смотрела на него. Шорох прекратился. Потом Джорди отложил папку в сторону.

— Я хочу, чтобы ты лег со мной. То есть... я не хочу ничего физического. Я не могу, понимаешь? Действительно не могу. Но мне нужно, чтобы кто-то был рядом. Нет, не так... Мне нужно, чтобы *ты* был рядом.

Молчание.

— Но если ты не хочешь... или не можешь... я пойму. Считай, что это неважно. Забудь...

— Тс-с-с...

Она снова услышала шорох страниц, потом — отброшенного одеяла. Наконец она осмелилась повернуться и встретиться взглядом с Джорди. Он улыбался, и в этой улыбке было столько нежности, что Шарли ощутила, как ее сердце сжимается.

Джорди обогнул кровать и легко скользнул под одеяло с другой стороны. Он не сказал больше ни слова, не спросил

позволения — просто обнял Шарли и прижал к себе. Он сделал это настолько естественно, словно они были вместе далеко не в первый раз.

Они оставались так минуту или две — близкие и одновременно далекие, тесно соединенные и почти не касающиеся друг друга. Та же самая странная близость на расстоянии предшествовала их встрече.

Наконец Джорди, улыбнувшись, произнес:

— Вот черт! Кто же теперь погасит свет, если ночник в другом конце комнаты?

И тут же оба расхохотались — нервным, почти истерическим смехом, который на минуту заставил Шарли забыть об угрозе, нависшей над ее сыном, и об ужасных словах: «Последний из тех, кто выжил...»

56

Лавилль-Сен-Жур... изящная готическая игрушка в обрамлении густой зелени...

«Опять какая-то хренотень! — раздраженно подумала Клео. — Tonterias de puta mierda!»¹

Сидя в небольшом светлом рабочем кабинете своей квартиры, она уже битый час пыталась разыскать в Сети нужные ей сведения, но все усилия были тщетны. Она не любила Интернет, потому что он был доступен для всех — а что может быть гаже общедоступности?

Тем не менее она продолжала поиски таинственной бургундской клиники, которая, судя по всему, вообще нигде не была зарегистрирована. Притом что статей о Лавил-

¹ Глупости чертовы (*исп.*).

ле-Сен-Жур нашлось больше чем достаточно: у города была богатая история, дополненная некоторыми не очень давними скандалами, один скабреезнее другого. Но ни о какой наркологической клинике — ни малейших сведений. Nada¹.

План Клео был очень прост: в клинике наверняка должны были сохраниться следы пребывания... Анн Шарль — так ее назвал тот торчок. Такое имя не часто встретишь. По нему можно будет узнать и фамилию, разыскать родных... Во всяком случае, найти какую-то зацепку. Где-то в архиве клиники по-прежнему жила Анн Шарль такая-то... Если родственников найти не удастся, можно будет расспросить кого-то из врачей, медсестер... хоть кого-нибудь из персонала.

Оставалось лишь найти саму клинику.

Клео немного поразмышляла, машинально покрутила на пальце свое знаменитое «болгарское» кольцо. Ей снова вспомнились слова наркомана:

...очень странные воспоминания... моя подружка не выдержала... ей хотелось об этом забыть...

«Так, ладно. Возвращаемся в Лавилль-Сен-Жур».

Клео напечатала в строке поисковика: наркотики + лечение + память.

Поисковик немедленно выдал десятки новых ссылок. Однако везде речь шла о случаях потери памяти после курса дезинтоксикации. Черт, совсем не то!.. Клео интересовали случаи, когда память, наоборот, возвращалась. Точнее, невероятно улучшалась.

Она набрала: дезинтоксикация + лечение + воспоминания.

¹ Ничего (*исп.*).

Снова десятки, сотни сайтов... Она просматривала их по диагонали, и вдруг ее внимание привлекло слово «астрософия». Вдова начала читать более внимательно.

Центр «Биостема» в Сен-Жермен-ан-Лэ, один из филиалов общества астрософии... лечение от интоксикации... восстановление и развитие памяти...

Казалось бы, что общего с Лавиллем-Сен-Жур?.. Но Клео ощутила холодок, пробежавший по спине. Инстинкт подсказывал: наконец-то это то, что нужно.

Она щелкнула еще по одной ссылке. Это оказалась газетная статья, посвященная какому-то давнему скандалу: «Допамнезин... Секта...» Еще одна статья: «Незаконные медицинские эксперименты...» Мало-помалу, от ссылки к ссылке, Вдова изучила подробности скандала, о котором шла речь. Эксперименты... самоубийства... депрессии... вспышки буйства...

Итак, она нащупала нить.

Ссылка... другая... личный блог...

Зазвонил мобильник — один из нескольких. Тот, номер которого был известен лишь очень немногим, особенно ценным клиентам.

Взглянув на экран, Вдова обнаружила незнакомый номер. Пьер Эдмон Жосней?..

— Это я, — подтвердил голос в трубке.

Клео молча улыбнулась. Каждому клиенту нравилось думать, что он единственный. Или, во всяком случае, более ценный, чем другие. Поэтому они, позвонив, никогда себя не называли. Но этого и не требовалось: за много лет Вдова научилась безошибочно распознавать их голоса. Например, у судьбы голос был звучный и глубокий. У журналиста — слег-

ка гнусавый. А Жосней страдал одышкой, и голос у него всегда был такой, словно он только что пробежал стометровку.

Очевидно, угроза разоблачения на Ю-туб возымела свое действие, удовлетворенно заключила Вдова. Жосней землю носом рыл, только чтобы не оказаться в центре скандала, как недавно патрон F1, заснятый на видео в компании «нацистских амазонок» — благодаря Ю-туб видеозапись посмотрели во всем мире.

— Я тебя слушаю, — холодно произнесла она, одновременно открывая новую ссылку — кажется, опять чей-то блог: «Исповедь бывшего наркомана...»

— У них ничего нет. Ничего серьезного, по крайней мере. Коп, про которого ты мне говорила, бесследно исчез. Его ищут, но пока безрезультатно.

Вдова, слегка озадаченная, машинально кивнула, словно собеседник мог ее видеть.

В суматохе последних дней она совсем забыла про Тевенена: все ее мысли были заняты предстоящей поездкой в Бургундию.

— А теперь я хочу знать, в какое дерьмо ты вляпалась!

Его тон застал Клео врасплох. Раньше он всегда обращался к ней на «вы», и не только из вежливости, но и потому, что таков был ее категорический приказ. Что же касается грубых слов, их обычно произносила она, чтобы сильнее его возбудить.

— Потому что я догадываюсь, что ты стоишь в центре всей этой истории, — продолжал Жосней. — Это ведь так, правда? Поэтому ты ко мне и обратилась...

— Ты о чем?

— За тобой наблюдали. У полиции были подозрения, что ты в стоворе с этим копом... как бишь его?.. Тевенненом. Ребята из ГИС собирались убить одним выстрелом двух зайцев: арестовать его и тебя прихватить за компанию. Но по какой-то непонятной причине дело сорвалось, потому что как раз в тот вечер, когда ты должна была встретиться с Тевенненом, он, судя по всему, и исчез.

У Клео перехватило дыхание. Это неожиданное сообщение выбило почву у нее из-под ног, а для этого требовалось нечто из ряда вон выходящее, особенно после давнего, почти забытого вечера в темном грязном парке Ла Габана Бьеха, когда ее сердце оледенело раз и навсегда. И однако несколько фраз, произнесенных Жоснеем, нанесли ей удар, подобных которому она не испытывала давно. Вдова застыла на месте, лихорадочно обдумывая ситуацию. Очень быстро она пришла к следующим выводам.

Во-первых, вот уже в который раз она подвергалась серьезному риску — и если бы не вмешательство Анн Шарль, на сей раз копы ее бы точно замели.

Во-вторых, в ее ближайшем окружении завелась крыса. Само собой, такие вещи неизбежны и в то же время непредсказуемы: где-то у самого подножия твоей пирамиды всегда найдется какая-нибудь мелкая шваль, готовая сливать информацию за гроши... Но именно что у подножия, а не на самом верху!

Один только Жамель Зерруки знал о том, что в тот вечер у нее назначена встреча с Тевенненом.

— Это ведь ты виновата в его исчезновении? — настойчиво спросил Жосней.

Этот вопрос позволил ей тут же сделать и третий вывод: поскольку полицейские знали о ее запланированной встрече с Тевененом, отныне она становилась одной из главных подозреваемых в его убийстве!

— Его жена и сын тоже исчезли, — продолжал Жосней. — Пока никаких следов. Или почти...

Тридцать четыре миллиона!.. Ей нужны эти гребаные тридцать четыре миллиона!..

Клео безотчетно принялась щелкать длинными острыми ногтями по клавиатуре. Щелк! щелк!.. *тридцать четыре миллиона!.. щелк!..*

— Как мне сообщили, полицейский, занимающийся этим делом, сегодня днем уехал в провинцию. Кажется, там нашлась ее машина...

Но Вдова уже не слушала. Она разглядывала фотографию, только что появившуюся на экране: большой загородный дом в буржуазном стиле за высокой решетчатой оградой, прутья которой были окутаны клубами тумана, напоминающими гигантские комья ваты.

Внизу была изложена, скорее всего, выдуманная история:

«Здесь, в клинике „Надежда“, недалеко от Лавилля-Сен-Жур, я прошел повторный курс лечения, что окончательно избавило меня от наркотиков».

Клео почувствовала, как ее сердце на мгновение замерло, потом заколотилось с удвоенной силой.

— Куда именно — в провинцию? — спросила она абсолютно спокойным тоном, удивившим даже ее саму.

В трубке послышался шорох переворачиваемых страниц.

— В Бургундию, — наконец ответил Жосней.

Некоторое время Клео пристально рассматривала фотографию, не говоря ни слова. Потом задумчиво перевела взгляд на собственный указательный палец...

— Ты слушаешь? — спросил Жосней.

...палец, который только что совершенно случайно щелкнул по ссылке с этой фотографией, наугад выбрав ее из сотен других...

Перст божий.

57

Самое обычное желание пописать заставило Давида очнуться от странного полубормочного состояния, в котором он пребывал, блуждая между сном и явью.

Слишком одурманенный, чтобы сразу встать, он рассматривал обстановку: маленький столик на колесиках, кресло, жалюзи на окне, сквозь которые пробивался лунный свет, бросая слабые отблески на металлическое изголовье кровати — слишком высокой, не похожей на обычную...

Понемногу к нему стали возвращаться воспоминания о последних часах, предшествующих обмороку, и почти сразу же — осознание того, что он не хочет ничего вспоминать, ни о чем знать, не хочет принять очевидную истину, на сей раз представшую ему во всей полноте и ясности; напротив, хочет укрыться от нее, хотя это было все равно что отвернуться от прозрачного родника с кристально чистой водой и погрузиться в кипящую хаотическую магму, пытаясь найти там возможное объяснение случившемуся, восстановить события по обрывкам воспоминаний... Комод... катящиеся носилки... белый халат бородатого доктора, то и дело повторяющего:

«Не бойся, это не больно...», когда Давиду делают укол, а потом помещают в какую-то трубу, похожую на ствол гигантской пушки и ревущую, словно адская машина... И все время этот ужасный шум в голове, сначала слабый и даже мелодичный, как пение сирены, а потом перерастающий в нескончаемый крик боли... Постепенно стали возвращаться и другие детали, хотя и не полностью: он помнил, как мама гладила его по голове; помнил человека рядом с ней — Джорди, их нового знакомого, который ему сразу понравился; помнил, что Джорди с мамой вроде бы о чем-то спорили... но о чем? И сколько времени он пролежал здесь, в больничной палате? Это ведь больничная палата?.. Он попал сюда, потому что хотел потренироваться... в вызывании силы. Он пробудил ее в себе... но слишком резко. Да, теперь он все вспомнил. В том числе и мамины предостережения. Значит, он в больнице. Здесь, в палате, слишком жарко... Хочется пить. И писать.

Давид перевел взгляд на прикроватный столик. В полумраке комнаты он разглядел графин с водой и стакан. Он отбросил одеяло, взял графин и налил в стакан воды, едва не задев какой-то странный воронкообразный пластмассовый предмет, стоявший рядом с графином. Похоже, эта штука — как раз для того, чтобы писать в нее... а может, и нет. Ему не хотелось рисковать. Впрочем, даже если и так, Давид не хотел, чтобы полная ночная посуда оставалась стоять рядом с кроватью, да еще на столе. Как на это посмотрит медсестра?.. Нет, слишком стыдно...

Он спустил босые ноги на пол и удивился, ощутив нагретые плитки. Не зажигая свет, ориентируясь лишь по отблескам лунных лучей, пробивающихся сквозь туман, и по слабому свету, проникающему в палату из коридора сквозь

круглое застекленное окошко в двери, похожее на иллюминатор, он направился к туалету. У него по-прежнему было ощущение, что он движется словно во сне — не идет, а буквально плывет по воздуху...

Войдя в тесную кабинку, Давид повернул выключатель. Свет единственной лампочки почти ослепил его, но в то же время немного приободрил.

Тогда он и услышал этот странный шум, глухой и нерегулярный, словно где-то рядом раздували кузнечные мехи.

Выйдя из туалета, он подошел к двери палаты и прислушался. Шум доносился из коридора. Давиду стало любопытно. Он осторожно приоткрыл дверь и высунул голову в коридор, освещенный тусклым синеватым светом. В самом конце он различил фигуру дежурной медсестры, склоненную над столом, в окружении стеклянных шкафов, — отсюда казалось, что она сидит в огромном прозрачном кубе.

Шум доносился оттуда — тревожный, беспокоящий, словно рычание хищного зверя. Давид замер в нерешительности, раздумывая, стоит ли выходить из палаты и отправляться в путешествие по незнакомому месту — ночной клинике.

Но он не мог ничего с собой поделать. Ему не нравился этот шум. И в то же время он его притягивал.

Даже не обуваясь, он выскользнул в коридор и осторожно пошел вдоль стены. По мере того как он приближался к посту дежурной медсестры, шум усиливался, все больше напоминая рычание хищника.

Он миновал дверь соседней палаты, потом еще одну, потом еще... Вот оно! Здесь! Вот за этой дверью...

Он быстро огляделся. Затем, не обращая внимания на тревожное предчувствие, слегка толкнул дверь и заглянул внутрь.

В гигантской прозрачной капсуле лежал человек, опутанный гибкими трубками и проводами, словно щупальцами спрута. Они соединяли его с каким-то медицинским аппаратом, который и издавал привлекавший Давида шум. Кажется, это был аппарат искусственного дыхания.

Внезапно Давид почувствовал, как его зрение затуманивается. Охваченный страхом, он спросил себя, не случится ли однажды так, что из-за своей... как ее назвать?.. непонятной вещи, живущей в его мозгу, он тоже окажется в этом прозрачном саркофаге, который будет поддерживать в нем жизнь... или понемногу ее забирать.

Аппарат с шипением и треском вытолкнул новую порцию воздуха, и Давид вздрогнул, охваченный паникой.

Он резко захлопнул дверь и быстро засеменял обратно в свою палату, как вдруг его внимание привлек новый звук — похожий на приглушенный вскрик... Он остановился и обернулся. За его спиной тянулся пустой коридор, освещенный синеватым светом. Пост дежурной медсестры пустовал.

Куда же она ушла? Может быть, ее позвал кто-то из больных?.. С каждой секундой Давид чувствовал себя все более неуверенно. Ему казалось, что он один во всей клинике.

Он почти бегом вернулся в палату, забрался в кровать и с головой укрылся одеялом. Немного успокоившись, он отогнул краешек одеяла, чтобы не задохнуться. Взгляд его упал за окно, в котором виднелся узкий шлейф тумана, похожий на протянутую руку... Ему вдруг стало бесконечно грустно. Он снова ощутил, как сильно ему не хватает мамы. Он чувствовал себя одиноким, маленьким и потерянным. Будущее казалось ему мрачным и совершенно непроницаемым — он был слишком сильно одурманен снотворным, чтобы даже

пытаться разглядеть его. Кроме того, он был страшно зол на себя: он сам виноват в том, что случилось! Если бы он не «увидел» выигрышные лотерейные номера, если бы не сказал о них маме, ничего этого не было бы! Если бы, по крайней мере, он не пытался экспериментировать со своими возможностями, если бы... не наслаждался ощущением своего могущества, маме не пришлось бы везти его в клинику, подвергая себя риску быть задержанной. Потому что он прекрасно понимал — кроме двух бандитов их наверняка разыскивает еще и полиция. Может быть, она уже близко...

Его талант оказался бесполезным. Это был не дар, а тяжелый груз. Проклятие. Ужас... Пряди тумана медленно колыхались за окном, изгибаясь, меняя форму... Внезапно ему почудилось, что в тумане появилось детское лицо... оно ему улыбалось... и вдруг его выражение изменилось (хотя, скорее всего, это была иллюзия, вызванная порывом ветра), стало тревожным, словно предостерегающим...

В следующий миг Давид ощутил чье-то чужое присутствие у себя за спиной. Он резко обернулся и увидел уже знакомого светловолосого человека, который с улыбкой его разглядывал. Прежде чем Давид успел открыть рот, чтобы закричать, ладонь человека с силой прижалась к его рту.

И вот, в точности так же, как в недавнем кошмарном видении, убийца склонился над ним и прошептал:

— Привет, щенок. Вот мы и снова увиделись... *А когда я покончу с тобой, я убью твою шлюху-мамашу, как раньше убил ее подружку!*

Часть четвертая

58

Человек склонился над ним и прошептал...

Шарли резко вздрогнула и судорожно глотнула воздух, вынырнув из сна, словно из глубокого омута. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы успокоиться и убедить себя в том, что это был просто кошмар, а в реальности Давиду не угрожает никакая опасность.

Рядом слегка похрапывал Джорди. Шарли осторожно, стараясь его не разбудить, откинула одеяло и слегка приподнялась. Взглянула на часы: 5.02.

Сев в постели, она обвела взглядом комнату, погруженную в полумрак. Ей удалось поспать несколько часов — без сомнения, благодаря присутствию Джорди, — но она знала, что больше не сможет заснуть. Она неподвижно сидела несколько минут, дожидаясь, пока дыхание окончательно выровняется. Нет, конечно, Давиду ничто не угрожало... Он просто нуждался в ней — и она тоже нуждалась в нем, как никогда.

Вот и все.

Немного поколебавшись, Шарли все же решила отправиться к нему. Прямо сейчас. А что еще оставалось делать? Сидеть и ждать... чего? Часа посещения? Она уже давно перешагнула все мелкие условности...

Дрожа, она встала с постели и на цыпочках отправилась в ванную. Зажгла свет, умылась, привела себя в порядок. Несмотря на все ее попытки заглушить тревожное предчувствие, оно не только не исчезло, но еще усилилось, перейдя в твердую уверенность: что-то не так. Накануне ее совершенно выбил из колеи рассказ Джорди, а теперь она чувствовала, что тревога за сына отнимает у нее последние силы. Этого нельзя было допустить. Она не могла позволить себе быть слабой.

Она торопливо оделась, светя себе экранчиком мобильного, чтобы не разбудить Джорди. Подойдя к двери, надела зимние ботинки, сняла с вешалки куртку и выскользнула из номера.

Она была уже на полпути к выходу, как вдруг остановилась и после некоторого колебания повернула обратно, по-прежнему держа мобильник, словно карманный фонарик.

Пистолет. Конечно, он вряд ли понадобится...

...Давид в опасности!..

...но, во всяком случае, не помешает. По крайней мере, придаст уверенности.

Войдя в номер, она раскрыла сумку, собираясь схватить пистолет...

— Что ты делаешь? — сонным голосом спросил Джорди.

Она обернулась. Джорди приподнялся на локте.

— Собираюсь в клинику, — шепотом ответила Шарли, как будто надеясь, что, если не говорить громче, он снова уснет.

— Я с тобой.

— Нет.

Она приблизилась к кровати и жестом остановила Джорди, уже готового встать.

— Нет, — мягко повторила она. — В этом нет никакой необходимости. Я просто хочу убедиться, что с ним все хорошо. Я скоро вернусь. И еще... на всякий случай нам надо держаться по отдельности. Ты понимаешь?..

Помолчав, Шарли добавила:

— Если что-то случится... лучше, если мы не будем вместе в этот момент.

Джорди замер.

— Если меня арестуют, я рассчитываю на тебя, Джорди.

Ну вот, теперь она наконец-то все сказала. Последняя фраза стоила ей огромных усилий. Но она должна была быть уверена, что он до конца понял весь смысл ее слов, даже если еще накануне догадался об истинном положении дел — когда она позвала его ночью...

— Кроме тебя, у меня никого нет. Только на тебя я и могу рассчитывать. Если со мной что-то случится, я хочу, чтобы ты позаботился о Давиде. Если я попаду в тюрьму, они... они за ним вернуться. Ты и сам это знаешь. Сделай все что сможешь, прошу тебя. Но сейчас... нельзя допустить, чтобы нас задержали обоих, тебя и меня...

Оставалось самое последнее... Она еще немного помолчала и договорила:

— Потом, когда... все уляжется, когда Давид *по-настоящему* будет в безопасности, свяжись с моей матерью. Она о нем позаботится, я в этом не сомневаюсь. Ты обещаешь, что выполнишь мою просьбу? Что защитишь моего сына?

— Да.

Шарли слегка сжала его руку. Какое-то время оба сидели молча.

— Но я не думаю, что до этого дойдет, — наконец сказала Шарли. — Я надеюсь, что все будет хорошо... Когда я вернусь, мы все обсудим. Нам нужно будет разделиться, взять две машины напрокат и уехать отсюда. Встретимся позже в условленном месте... надо будет придумать где.

Она поцеловала Джорди в лоб — нежным, почти материнским поцелуем, словно благодаря за обещание и в свою очередь обещая: «Позже... позже мы обязательно встретимся!»

Затем она вышла из номера, больше уже не оборачиваясь, со смутным ощущением, что между ними только что произошло нечто очень важное, гораздо более важное, чем все недавние откровения, восемь месяцев тайной слежки и эта ночь, проведенная в объятиях друг друга.

Она просто доверила ему жизнь своего сына.

Шарли бесшумно пересекла холл гостиницы и вышла на улицу, в холод и сырость, которых почти не ощутила, полная решимости взять судьбу в свои руки.

Она глубоко вдохнула воздух и несколько секунд просто-яла, глядя в густую черноту ночного неба, потом перевела взгляд вниз, на молочно-белые клубы тумана, окутавшего небольшой городок Лавиль-Сен-Жур...

Давид будет так рад, когда, проснувшись, увидит ее...

59

Доктор Массиак машинально постукивал ногой по полу в такт навязчивому мотивчику, крутившемуся у него в голове и состоявшему всего из нескольких простеньких нот: по-ра ва-лить, по-ра ва-лить, по-ра ва-лить...

Но, увы, сейчас никак нельзя было этого делать. Сначала нужно было подробно изучить состояние Давида. Прежде чем перевозить его в другую клинику, более подходящую для него, нужно было позаботиться о том, чтобы с ним ничего не случилось во время переезда. Самое главное — сохранить ему жизнь любой ценой. Невозможно в его нынешнем состоянии подвергать его риску долгого путешествия, тем более если учесть, что они его похитили: в пути их будут ждать дополнительные опасности. Наверняка дороги уже перекрыты...

Краем глаза он заметил, что ребенок, лежавший в кровати, слегка пошевелился.

Массиак быстро встал с кресла и приблизился к своему пациенту. На мгновение Давид открыл глаза, но почти сразу снова их закрыл и погрузился в сон. Чертыхнувшись про себя, Массиак проверил капельницу, взглянул на показатели давления. Оно снова упало. Сейчас трудно было сделать какие-то определенные выводы о состоянии мальчика. К тому же Кольбер для большей безопасности усыпил его с помощью небольшой дозы хлороформа, прежде чем вынести из клиники.

Если бы у Массиака была на руках медицинская карта Давида, все было бы гораздо проще. По крайней мере, можно было бы точно выяснить характер его заболевания. Хотя предварительный диагноз Массиак мог поставить и сейчас: система мозгового кровообращения находилась под сильным давлением, что привело к разрыву нескольких сосудов. Накануне он попросил доктора местной клиники держать его в курсе любых изменений в состоянии пациента. Но от того не поступало никаких вестей — без сомнения, доктор

опасался, что, если поставит неверный диагноз или применит неправильные методы лечения, его парижский коллега подаст на него в суд и его лишат права заниматься врачебной деятельностью.

Он вновь испустил нетерпеливый вздох и подошел к окну. Палата, в которой лежал Давид, находилась в правом крыле здания. Из окна были видны лишь голые ветви деревьев, окутанные туманом, на которых поблескивали застывшие ледяные капли. Совершенно удручающее зрелище...

Он никогда раньше не был в клинике «Надежда». В те времена, когда здесь проводились запрещенные эксперименты над пациентами-наркоманами, он был всего лишь врачом-консультантом (хотя, по общему признанию, весьма квалифицированным) и работал в парижском центре «Биостема». О существовании же этой клиники он тогда даже не подозревал. Он узнал о ней позже, когда общество астрософии уже распалось на отдельные, слабо связанные между собой группировки, одни из которых практиковали методики личностного развития, другие грелись в лучах славы Джошуа Кутизи и создавали собственные псевдонаучные труды на основе его учения, третьи продолжали изучать это поистине волшебное, но вместе с тем и очень опасное вещество — допамнезин... Каждый преследовал собственные интересы. Если они пересекались, различные группировки сотрудничали друг с другом.

Несколько лет Массиак посвятил изучению таинственной молекулы. Осуществить задуманные проекты оказалось сложнее, чем это представлялось на первый взгляд. После скандала с обществом астрософии лаборатория, которая спонсировала исследования — и саму секту, в обмен на по-

ставки «подопытных кроликов», — отказалась от продолжения сотрудничества, заботясь о своем имидже. Еще через несколько лет, после того как от неустановленных причин умерло большинство детей, рожденных у бывших пациентов клиники, Массиак отказался от дальнейших исследований, как порой отказывается от своего призвания спортсмен после травмы или пилот, у которого начинает слабеть зрение.

И вот появилась она. Красивая женщина с тонкими волевыми чертами лица, которые немного смягчал печальный взгляд.

Когда Массиак получил результаты осмотра ребенка, которого она привела к нему с травмой, полученной во время игры в мяч, его охватила лихорадочная дрожь. Из всех детей, рожденных у пациенток клиники «Надежда» — во всяком случае, тех, которые появились на свет без очевидных отклонений и не умерли вскоре после рождения, — один до сих пор так и не был найден. Один-единственный! Возраст совпадал... И вот этот ребенок каким-то чудом объявился в его кабинете! Через шесть лет после того, как он оставил всякую надежду когда-либо проникнуть в тайны молекулы допамнезина — иными словами, разгадать механизм воздействия этого вещества на формирование эмбриона в утробе матери, в частности на развитие необычных свойств мозга, — словно само небо послало ему обоих: мальчика и его мать.

Охваченный воодушевлением, Массиак вновь ощутил прилив сил и желание продолжать работу. Для начала потребуется установить за мальчиком тайное наблюдение. Если выяснится, что он и впрямь обладает необычными спо-

собностями, нужно будет убедить Шарли в необходимости... скажем так, сотрудничества. Наверняка она согласится, если описать ей всю степень риска, которой подвергнется ее сын, если не провести курс лечения как можно скорее. В случае отказа оставалась крайняя мера — похитить обоих, мать и сына, или же его одного.

Но вскоре после того, как видеонаблюдение было установлено, Массиак понял всю ошибочность своих расчетов. Во-первых, мальчик не демонстрировал никаких особенных способностей — наоборот, для своего возраста он казался даже слегка заторможенным, — во-вторых, присутствие копа, гражданского мужа матери, сильно осложняло задачу: вряд ли удалось бы похитить Шарли и ее сына без последствий, поскольку Тевеннен наверняка использовал бы все средства, имеющиеся в его распоряжении, чтобы ее найти. Нужно было каким-то образом его нейтрализовать.

Технические детали этой авантюры Массиака не беспокоили. Его единственным интересом был результат — видеозаписи. Хотя слово «интерес» в данном случае звучало неуместно: ежедневно наблюдать за семейным тираном, изводящим жену, и мальчиком, часами не отрывающимся от игровой видеоприставки, было тоскливо и мучительно.

После шести месяцев бесплодных наблюдений он почти убедился, что Давид не обладает никакими сверхординарными способностями — возможно, он относился к тем детям, на которых допамнезин вообще не оказал никакого влияния.

Массиак уже готов был отказаться от своей затеи. Тем не менее он выслушал аргументы Кольбера, возражавшего

против этого, и признал его правоту: тот сообщил, что школьная успеваемость мальчишки на высоте, и это очень странно, принимая во внимание, как мало времени он тратит на уроки (если тратит вообще). Массиак был слегка удивлен этим неожиданным интересом своего подручного к эксперименту — раньше ему казалось, что Кольбер полностью равнодушен к выполняемой миссии, как всякий наемник, работающий только ради денег. Впрочем, поскольку дело зашло уже слишком далеко, он и сам решил, что стоит продолжать.

Однако продолжение оказалось совершенно непредвиденным: убийство... бегство...

Сейчас Массиак думал о том, что его пациент воистину уникален, и не мог удержаться от честолюбивых мечтаний, в которых присутствовали и Нобелевская премия по медицине, и сказочное состояние, которое можно заработать продажей секретов допамнезина китайцам... или корейцам... да кому угодно, лишь бы хорошо заплатили...

За спиной у него опять послышался шорох сминаемых простыней. Массиак обернулся, приблизился к кровати. Черт, мальчишка все еще без сознания... Пора бы ему очнуться...

Внезапно он вспомнил про Кольбера и его громилу помощника. Нужно было расспросить их подробнее — пока он еще не успел этого сделать, слишком занятый пациентом.

Выглянув в коридор, он увидел грека (больше похожего на неандертальца), неподвижно стоящего у стены в нескольких метрах от двери палаты.

— Где Кольбер? — спросил Массиак.

Гигант бросил на него взгляд, способный обескуражить любого, кто посвятил свою жизнь загадкам интеллекта и памяти.

— Вроде наверху...

— Где именно — наверху? Что он делает?

Такис пожал плечами:

— Что хочет, то и делает... как всегда. Сказал, чтоб я остался здесь, а то вдруг с мальчишкой будут проблемы. Он... сами знаете, может всякое...

Массиак растерянно моргнул, потом решил, что лучше отказаться от дальнейших расспросов и самому найти Кольбера.

Он вышел в коридор. Сейчас клиника пустовала, поэтому Массиак включил только самое необходимое освещение, чтобы не привлекать внимания посторонних. Погруженная в полумрак, она выглядела мрачной. Построенное в двадцатые годы прошлого века, здание первоначально было роскошным отелем, который не слишком себя афишировал, но при этом не имел недостатка в клиентах. Поговаривали даже, что во время оккупации сюда приезжали развлекаться высокопоставленные нацисты. После войны отель пришел в запустение, и в конце концов здание было приобретено обществом астрософии буквально за гроши, после чего преобразовано в современную клинику. Однако внешний вид здания был полностью сохранен, изысканный барочный фасад отреставрирован. Внутри о былом великолепии напоминал просторный холл на первом этаже, с огромной люстрой и широкой парадной лестницей. Второй и третий этажи занимали палаты и процедурные кабинеты. Оборудование немного устарело, но Массиак, прибывший на место на

несколько часов раньше своих сообщников, убедился, что все исправно функционирует — против всякого ожидания, даже старый энцефалограф все еще был в рабочем состоянии. В клинике был и аварийный электрогенератор, мощности которого было вполне достаточно, чтобы запустить всю необходимую аппаратуру.

Если все пойдет так, как он рассчитывал, через пару дней состояние Давида удастся стабилизировать, и тогда можно будет перевезти его в Швейцарию. В сущности, бегство Шарли после совершенного ею убийства не столько осложнило задачу, сколько упростило: учитывая обстоятельства, она никогда не осмелится заявить в полицию о похищении сына.

Так что «последний выживший» окажется всецело в его распоряжении.

60

— Кажется, добрались...

Вдова приоткрыла один глаз. Отсюда, с заднего сиденья машины, на котором она лежала, закутавшись в меха, были видны лишь темное небо и пряди тумана, очень необычного на вид: серебристого, как будто даже слегка флуоресцирующего...

Она выпрямилась и взглянула на Ольгу, сидевшую за рулем, машинально отметив, что они представляют собой ту еще парочку: хозяйка притона на водительском сиденье, мулат-трансвестит — на заднем. Трэш-версия «Мисс Дейзи»¹...

— Куда теперь? — спросила Ольга.

— Притормози-ка...

¹ «Шофер мисс Дэйзи» — американский кинофильм.

Ольга исполнила это распоряжение. Вдова попыталась собраться с мыслями. Было около шести утра. Они отправились в путешествие ночью, в обычном «мегане», чтобы не привлекать к себе лишнего внимания в провинциальном городке. Клео почему-то представляла его себе населенным старыми дамами, одетыми по моде полувековой давности, и фермерами, развезжающими на тракторах. Оказалось, ничего подобного: средневековая архитектура, каменные своды, массивные колонны, вымощенная брусчаткой площадь (возле которой они сейчас и находились), тусклый свет старинных фонарей — все это вызывало ассоциации скорее с готическим романом о страшных тайнах проклятого семейства...

После звонка Жоснея Клео с трудом взяла себя в руки и попыталась рассуждать хладнокровно. Вскоре у нее созрел план. Прежде всего она позвонила Ольге: если уж такой близкий помощник, как Жамель Зерруки — с ним она еще разберется! — начал под нее копать, на кого еще она могла положиться? (Странно, но отправляться в путь одной ей совершенно не хотелось.) Затем принялась искать адрес клиники «Надежда» — увы, напрасно. Эта клиника не упоминалась ни в одном справочнике. Итак, единственными сведениями, имевшимися в распоряжении Клео, были название, фотография фасада и ориентир, сообщенный бывшим пациентом-наркоманом: «Недалеко от южного выезда из города». Вдова представила себе небольшой городишко в окружении многочисленных предместий. В каком-то смысле так оно и оказалось: Лавиль-Сен-Жур не слишком подходил под определение «городишки», но его в самом деле окаймляли предместья, тихие, уютные, утопающие в зелени, как и здание клиники, изображенное на фотографии.

Потом ей пришло в голову, что копы, занимающиеся убийством Тевеннена и уже, без сомнения, разыскивающие Шарли, скоро могут оказаться в тех же краях, и это создаст дополнительные трудности. Нужно было действовать на опережение. Иными словами, нужно было срочно выяснить настоящую фамилию Анн Шарль Тевеннен и найти ее раньше, чем это сделает полиция. Поэтому Клео решила трогаться в путь сейчас же, не дожидаясь утра.

— Я выкурю косячок, — полувопросительно сказала Ольга и, не дожидаясь ответа, вынула из сумки золоченый портсигар.

— Только не здесь, а снаружи, — категорическим тоном заявила Вдова. — Там не так уж холодно.

Еще не хватало, чтобы в машине воняло марихуаной, раздраженно подумала она.

Ольга с сожалением убрала портсигар обратно в сумку:

— Ладно, обойдусь. Так куда теперь?

Клео собралась с мыслями. Что говорил тот торчок?.. «К югу от города»?.. Значит, едем на юг..

— Ничего не пойму в этом долбаном GPS!.. Где тут направление?.. Вроде бы он должен отмечать всю эту хрень — север, юг.. В общем, нам нужно южное направление. Когда выберемся из города, попробуем узнать у местных, где эта гребаная богадельня..

61

Шарли облегченно вздохнула, увидев, что вокруг клиники Святого Доминика все спокойно. Она остановила машину на небольшой парковке позади здания, поглубже натянула

шерстяную шапочку и вышла. Темные очки Шарли решила не надевать — в такой ранний час это было ни к чему и только привлекло бы к ней лишнее внимание. Сейчас она снова увидит Давида и сможет его обнять...

Она вошла в холл. Он был совершенно пуст. Тем лучше — чем реже она будет попадаться кому-то на глаза, тем меньше риска.

Но, поднявшись на второй этаж, Шарли почувствовала, как недавняя тревога возвращается. Коридор был заполнен больными, покинувшими свои палаты, и медицинским персоналом. По мере того как она приближалась к палате Давида, до ее ушей долетали обрывки разговоров.

— В аптеке ничего не украдено...

— Это точно?

— Да, все на месте...

— Но почему тогда напали на Жислен?..

— Не знаю... полицию уже вызвали...

Шарли почувствовала, как вся кровь отхлынула у нее от лица. Она повернулась к одной из пациенток — пожилой женщине в халате, судя по виду, еще не вполне проснувшейся.

— Что случилось?

— Кто-то напал на дежурную медсестру. Можете себе представить?.. Нас попросили проверить, не украдено ли что-нибудь из наших вещей...

Шарли с трудом сдержалась, чтобы не броситься к палате Давида бегом. «Этого не может быть! — твердила она про себя. — Не может быть!..»

Наконец, дойдя до палаты, она резко распахнула дверь.

Кровать была пуста.

Несколько секунд Шарли стояла на пороге, глядя на капельницу с болтающейся трубкой...

Не может быть!

Войдя в палату, она открыла дверь в туалет. Никого... Давида не было... Давида не было нигде!

Она вышла в коридор, оглушенная, растерянная, все еще продолжая цепляться за последнюю надежду: он скоро найдется... он где-то недалеко. Он мог услышать какие-то звуки, голоса и выйти из палаты посмотреть... Может быть, он куда-то ушел в бессознательном состоянии, вроде лунатического...

«Ты действительно в это веришь? Как он мог уйти? После того, что с ним недавно случилось?»

Шарли схватила за руку первую попавшуюся медсестру, которая собиралась отвести одну из пациенток обратно в палату. Лишние свидетели, но что делать?..

— Вы не видели моего сына? Мальчика из палаты 11В?

Медсестра удивленно захлопала глазами, увидев столь раннюю посетительницу, но, видимо, решила, что это не самое экстраординарное явление за сегодняшнее утро.

— Мальчика?.. Ах да! Эй, кто-нибудь видел мальчика, которого привезли вчера вечером?..

— Пациента доктора Лабрусса?

— Да-да.

Пауза. Удивленные взгляды.

— О... его уже искали... Но не беспокойтесь, он, наверно, просто вышел из палаты, когда начался весь этот переполох... Он где-то здесь. Мадам?.. Мадам! Эй, куда вы?

Шарли на подгибающихся ногах вышла из клиники. Мысли путались, из глаз струились слезы. Она с трудом добралась до

машины, рухнула на водительское сиденье и некоторое время сидела неподвижно, вцепившись в руль. Ее словно парализовало. Она не в силах была действовать, почти не в силах даже дышать. Мысленно она повторяла себе одно и то же, раз за разом: «Я буду сильной. Я не сломаюсь. Я найду тех, кто украл моего сына, и заберу его у них».

Наконец, собрав всю свою волю, она вытерла слезы, несколько раз глубоко вздохнула, пытаюсь прогнать все эмоции, все бесполезные мысли и навязчивые страшные видения, главным из которых был образ Давида, снова освобождающего свою силу, чтобы защититься от похитителей...

«Успокойся! Если ты не успокоишься, все кончится катастрофой!»

Отдаленный звук полицейской сирены окончательно вывел ее из оцепенения. Нужно было уезжать.

Шарли нажала на газ, тронулась с места и вскоре скрылась в тумане Лавилля-Сен-Жур, надеясь отыскать хоть какой-нибудь след пропавшего сына. Когда полицейские машины остались далеко позади, она притормозила у ограды городского парка и вынула из сумки мобильник, собираясь позвонить Джорди.

Но вдруг замерла.

Насколько *они* контролируют ситуацию? Может быть, *они* прослушивают ее телефон? Каковы *их* истинные возможности? И кто *они* вообще такие? Если полиция еще не успела ее вычислить, то как смог это сделать Кольбер?... Звонить Джорди — значит подвергать себя и его лишнему риску... Если она это сделает, ее запасной план провалится... Если учесть всю опасность ситуации, то надо сказать, что

она и Джорди просто обязаны держаться раздельно. Полиция не должна разыскивать его. Ни в коем случае. Только не его.

Опасность грозит со всех сторон...

Итак?..

Резким жестом она убрала мобильник обратно в сумку, вновь охваченная отчаянием. Закрывает глаза и попыталась сосредоточиться на главном, не давая панике вновь завладеть собой.

И вдруг на нее словно снизошло озарение, через секунду превратившееся в уверенность.

Клиника «Надежда».

Похитители Давида знали, что он серьезно болен. И если он представлял для них ценность — а это, судя по всему, было именно так, — они должны были обеспечить ему лечение и уход в надежном месте. Причем оно должно было находиться недалеко — учитывая состояние Давида, они понимали, что долгого переезда мальчик мог не перенести. Значит, скорее всего, его перевезли в другую клинику, расположенную поблизости. И она знала — в какую именно! В этом была какая-то логика судьбы — история возвращалась туда, где она когда-то началась...

Да, клиника «Надежда».

Зов из прошлого...

62

Доктор Массиак спустился по широкой парадной лестнице с мощными каменными перилами, пересек холл, вся мебель в котором была укрыта полотняными чехлами, и остановил-

ся, спрашивая себя, где может находиться Кольбер. Внутренний план здания был довольно хаотичным — можно было подумать, что архитекторы нарочно старались создать здесь как можно больше запутанных переходов и потайных уголков. Было совершенно непонятно, где именно скрылся Кольбер и чем он занимается.

За спиной Массиак услышал легкий скрип и, обернувшись, увидел своего сообщника, выходящего из узкого бокового коридора, погруженного в полумрак.

— Вы убрали все вещи из его палаты? — без всяких предисловий спросил Кольбер.

Массиак с удивлением заметил, что Кольбер явно взволнован, хотя прежде всегда держался невозмутимо и слегка отстраненно. Он приписал такое волнение недавнему риску, связанному с похищением ребенка (хотя по здравом размышлении слово «похищение» было неуместно: Давид от рождения принадлежал обществу астрософии; более того, он принадлежал будущему).

Но и сейчас невероятно бледное и осунувшееся лицо Кольбера выражало, как минимум, беспокойство.

— Какая-то проблема там, наверну?.. — осторожно спросил Массиак.

— Я проверял электрические кабели. Вам ведь понадобится электрооборудование?

Резкий, почти угрожающий тембр этого голоса заставил Массиака невольно вздрогнуть.

— Так что, вы убрали вещи из его палаты? — настойчиво повторил Кольбер.

— Да, но я не понимаю, почему вы на этом так настаиваете. Это не имеет никакого смысла...

— Потому что он находится в обычной палате, а не в бронированной камере, — перебил Кольбер.

Логика этого рассуждения осталась Массиаку недоступной, и в других обстоятельствах он бы обязательно потребовал объяснений, в том числе и для того, чтобы лишний раз подчеркнуть свое главенствующее положение, как умел это делать в своем парижском кабинете, говоря с подчиненными. Но вдруг он с удивлением осознал, что чувствует себя с каждой минутой все менее уверенно в присутствии этих двух типов. Если бы не забота о том, как скрыть свое присутствие в этом месте от полиции и других нежелательных лиц, он бы обязательно взял с собой своих ассистентов и медсестер. Но это было невозможно. Несмотря на то что клиника «Надежда» находилась в тихом пригороде и была укрыта от посторонних глаз, большое количество незнакомых людей и необычная суета в этом здании, после того как оно много лет простояло заброшенным, могло привлечь к себе внимание местных жителей.

— Есть нечто такое, что мне следует знать? — все же спросил он.

— Ничего существенного... — С этими словами Кольбер направился обратно в боковой коридор, но через несколько шагов обернулся и добавил: — Не беспокойте меня по пустякам. Если что, зовите Такиса... Но главное — убедитесь, что в палате мальчишки нет ни одного предмета.

И исчез, оставив Массиака в полном замешательстве. Машинально взглянув в окно, доктор заметил, что снаружи по-светлело — день уже вступал в свои права.

В палате его ждал сюрприз: Давид очнулся.

Некоторое время доктор и необычный пациент молча смотрели друг на друга. Массиак был немало удивлен тем, как мальчик отреагировал на неожиданную ситуацию: он не продемонстрировал ни удивления при виде чужого человека, ни паники при виде своих привязанных к кровати запястий. Его взгляд был спокойным и серьезным — он принимал случившееся таким, как есть.

Массиак поискал глазами кресло, но тут вспомнил, что в его отсутствие Такис вынес из палаты все вещи, прежде всего предметы мебелировки. Поэтому он в легком замешательстве сделал несколько шагов и остановился, обводя взглядом совершенно пустую, если не считать кровати, комнату, больше похожую на тюремную камеру.

— Здравствуй... — наконец почти смущенно пробормотал он. — Здесь тебе никто не причинит вреда... не беспокойся.

Давид продолжал пристально его разглядывать — невозмутимый, почти безмятежный. Массиак растерянно моргнул — он никак не ожидал такой реакции. Может быть, это эффект снотворного?..

— Ты очень особенный мальчик, Давид, — заговорил он уже увереннее. — У тебя невероятные способности. И мы хотим тебе помочь. Потому что эти способности, которые ты... не так давно в себе открыл, могут представлять угрозу для твоего здоровья. Но они же могут принести спасение всему миру, — с пафосом добавил Массиак, вдохновленный собственной речью. — Поэтому мы должны позаботиться о тебе.

Давид по-прежнему молчал. Вкрадчивый голос собеседника напомнил ему голос дантиста, который обещал ему

сделать «всего один маленький укольчик», а потом всадил ему в челюсть шприц длиной чуть ли не в руку. Никогда в жизни ему не было так больно.

Он попытался мысленно отстраниться от происходящего, от грозящей опасности и от парализующего страха, который уже начал проникать в затуманенное транквилизаторами сознание. Он закрыл глаза, представил себе, что оказался где-то далеко от этой комнаты, и попытался сосредоточиться, чтобы вновь... пробудить силу, просто чтобы увидеть, что произойдет. Но вскоре понял, что еще слишком слаб.

Он снова открыл глаза. За то время, что они были закрыты, Массиак сделал несколько шагов в его направлении, одолеваемый страхом и любопытством, подозрениями и надеждами. Склонившись над ребенком, он прошептал:

— Ты ведь меня помнишь? О, конечно, помнишь... Ты ведь никогда ничего не забываешь. Ничего, абсолютно ничего... Даже если бы ты и захотел, все равно бы не смог...

Давид почувствовал, что краснеет, и отвел взгляд.

Он и в самом деле вспомнил этого доктора, но понятия не имел о том, что это за место и почему его руки привязаны к кровати. Будущее, а отчасти и прошлое было смутным. Более или менее отчетливо он различал лишь финал, неизбежный и близящийся с каждой минутой. Несмотря на тяжесть в голове, шум в ушах и тошноту, Давид мог видеть этот финал, который казался ему черным бездонным колодецем, затягивающей бездной...

Но, по крайней мере, он не испытывал никакого удивления, глядя на этого высокого пожилого человека с серебри-

стыми волосами, к которому когда-то мама привела его после травмы. Более того, этот человек был одним из хаотически перемешанных элементов адского пазла, который постепенно складывался в предвестие катастрофы.

И он знал, что вскоре случится с этим человеком в комнате с такими белыми стенами, что они почти сливаются с туманом за окном...

Давид взглянул своему врагу прямо в глаза и впервые произнес адресованные ему несколько слов — во всяком случае, впервые после того, как простился с ним на пороге медицинского кабинета несколько лет назад. Они прозвучали спокойно, почти бесстрастно:

— Ты скоро умрешь...

63

Бородач внимательно посмотрел на фотографию, которую Тома Миньоль положил перед ним на стол, и утвердительно кивнул:

— Да, это она.

Почти не веря своим ушам, Тома в свою очередь склонился над фотографией — точнее, фотороботом — нового облика Шарли: коротко стриженные, перекрашенные в черный цвет волосы. Фоторобот был составлен полицейскими по описанию месье Боннэ.

— Она была с мужем, — продолжал бородатый доктор. — То есть это я так подумал, что он ее муж и отец мальчика, потому что тот был на него похож... Поскольку случай был серьезный и действовать надо было срочно, я не стал уточнять фамилии и прочие данные...

Тома глубоко вздохнул и машинально окинул взглядом кабинет доктора Лабрусса — один из множества безликих больничных кабинетов:

— Кое-что я не уяснил, доктор...

— Я уже все объяснил полицейским...

— Я знаю, но это дело огромной важности.

— Ну еще бы, похищение... Кроме того, кто-то напал на нашу медсестру и двух санитаров. Их оглушили, забрали униформу...

— В котором часу это произошло? — перебил Тома.

— Видимо, около четырех утра... Но обнаружилось это только в пять, когда пришла на дежурство другая медсестра. Во всей этой суматохе никто не заметил исчезновения мальчика... Только к шести...

Да, об этом Тома уже знал: только к шести прибыла полиция, и, когда в ситуации более-менее разобрались, одному из полицейских пришла в голову мысль о связи этого исчезновения с исчезновением Шарли и ее сына. Еще через час разбудили звонком Тома, который обосновался в небольшом отеле.

— Сначала мы заподозрили кражу медикаментов, — продолжал Лабрусс. — Сами знаете, такое случается... Это было самое логичное объяснение, поэтому о похищении мальчика никто даже не подумал...

— А что за болезнь у него была? — спросил Тома.

Доктор помрачнел.

— Трудно сказать... Этот мальчик ненормальный... — прошептал он, отводя глаза, словно раскрывал какую-то постыдную тайну.

— Что вы хотите сказать?

— Некоторые части его мозга гипертрофированы. И эта гипертрофия усилилась в последнее время... насколько я могу судить по предыдущим результатам осмотра...

— Разве вы его осматривали раньше?

— Нет, но мать мальчика сказала о том, что несколько лет назад ему делали энцефалограмму. Я попросил дать мне координаты врача, который ее делал, но она сказала, что сама с ним свяжется. А потом он мне позвонил. Доктор Массиак...

Тома закрыл глаза. Словно бы краешек плотного занавеса, скрывавшего от него истину, вдруг на мгновение приподнялся. Астрософия... эксперименты... подопытные кролики...

Этот мальчик ненормальный...

Неужели именно ребенок был главным козырем в этой безумной игре? Неужели ради него все это было затеяно — видеонаблюдение, преследование, похищение?..

— Его матери пока ни о чем не сообщали?

— Я не знаю, — пробормотал Лабрусс. — Я передал ее координаты полицейским... подумал, что они сами ей сообщат...

— Хорошо. Они ей пока не звонили, я у них уже спрашивал. Может быть, кто-то из медперсонала?..

— Нет, насколько я знаю... всем было просто не до того...

— А можно точно узнать?

— Можно спросить в регистратуре...

Тома быстро вышел из кабинета и, миновав коридор, спустился на первый этаж, где подошел к двум девушкам, принимающим вызовы.

По его просьбе одна из них начала проверять по компьютеру список телефонных разговоров, но тут вторая, ко-

торая до того говорила по телефону, положила трубку и вернулась к Тома:

— Вы хотите позвонить его матери? Не нужно, она уже в курсе. Она приехала сюда ни свет ни заря. Как раз от нее мы и узнали, что мальчик исчез...

— Как? — воскликнул Тома. — И что вы ей сказали?

Служащая клиники холодно взглянула на него:

— Она искала своего сына. Что, по-вашему, я должна была ей сказать? Что он уехал поразвлечься в ближайший ночной клуб?

64

Кольбер знал каждый угол, каждый закуток в клинике «Надежда». Из всех этих углов, боковых коридоров, оконных ниш он следил за Шарли, подкарауливал ее тень, мечтал о ней.

Сейчас он был на чердаке. Над его головой тянулись деревянные балки, покрытые паутиной. Слуховое окно, у которого он стоял, было чуть шире крепостной бойницы и к тому же располагалось слишком высоко, так что заметить Кольбера снаружи было невозможно. Однако сам он мог наблюдать за машиной, недавно остановившейся напротив въездных ворот. Джип «чероки». Тот самый, который угнал у них с Такисом Джорди Фонте.

Странно, что Джорди решил сохранить эту машину, рассеянно подумал Кольбер. Джип подъехал к клинике несколько минут назад, но никто из него не вышел. Сейчас он по-прежнему стоял под огромным деревом, словно выжидая... Кто был внутри? Джорди? Шарли? Или они приехали

вдвоем? Да, возможно... Поэтому Кольбер приказал Такису спуститься на первый этаж и быть наготове. Шарли принадлежит ему. Что касается Джорди, Такис с удовольствием им займется.

Кольбер спросил себя, удалось ли уже Фонте... трахнуть Шарли. Одно лишь это предположение привело его в бешенство. Тевеннен — это было другое дело. Тевеннен знал, как с ней обращаться. Но мысль о том, что Джорди мог... *заниматься с ней любовью*, была ему отвратительна.

Шарли не имела права на любовь. Шарли не имела права вообще ни на что. Потому что она была виновна. Виновна в том, что пробудила в нем убийцу. В каком-то смысле она... создала его заново, дала ему второе рождение. Вот почему он должен был ее уничтожить. Она одна могла принести ему умиротворение. Она одна могла его освободить. Подумав об этом, он невольно застонал.

Звук собственного голоса вернул его к реальности. Он должен был... сохранять самоконтроль. Ситуация была сложная, щекотливая. От него требовалось полностью владеть собой.

Во-первых, пора было избавляться от Массиака. В присутствии доктора изначально не было особой необходимости: вколоть мальчишке снотворное Кольбер мог и самостоятельно. Но того никак нельзя было остановить: узнав, что Давид находится в клинике в Бургундии, он срочно прибыл сюда и категорически запретил перевозить мальчишку куда-либо до тех пор, пока он, Массиак, не даст на это разрешения. Впрочем, он все же оказал Кольберу ценную услугу, ведь именно он выяснил, что мальчишка в клинике Святого Доминика.

Во-вторых, нужно было получить тридцать четыре миллиона. Если бы не эти деньги, Кольбер давно бы уже избавился от мальчишки — сделать это можно было без всякого труда, пока тот был без сознания. Но он понимал, что сможет получить от Шарли деньги только в обмен на мальчишку. Разумеется, совершив обмен, он не собирался оставлять ее в живых, но прежде необходимо было предоставить ей доказательства, что щенок жив и здоров. С другой стороны — кто знает, на что еще мальчишка способен?.. А вдруг он вышибет похитителю мозги с той же легкостью, с какой недавно вышиб из его руки пушку?.. Проверять это на практике Кольберу совершенно не хотелось.

Он снова перевел взгляд на джип, стоящий внизу. Внутри не заметно было ни единого движения. Чего они ждут?..

Про себя Кольбер еще раз повторил все детали своего плана. Потом взглянул на часы. Он не предполагал, что Шарли окажется здесь так быстро — он даже не был уверен, что она осмелится приехать. Но уж коль скоро она была здесь, нужно было поскорее урегулировать некоторые проблемы...

Когда Кольбер вошел в зал, где располагалось медицинское оборудование, Массиак изучал что-то на экране одного из мониторов.

— А, Кольбер... Энцефалограф готов. Нужно привести пациента... мальчика.

— В палате не осталось никаких посторонних предметов?

Массиак выпрямился и обернулся к своему сообщнику.

— Дались вам эти посторонние предметы! — с досадой произнес он.

— Такис выполнил мое распоряжение на этот счет? — не обращая внимания на его слова, настойчиво спросил Кольбер.

— Да, он все вынес! Кресло, телевизор — все! Комната пуста! Это вас устраивает? — Массиак раздраженно прищелкнул языком. Он решил, что на этот раз добьется объяснений. Но, едва лишь взглянув на лицо Кольбера, отказался от своих намерений.

— Его состояние стабилизировалось? — поинтересовался Кольбер.

— Да, на данный момент с ним все в порядке.

— Значит, он проживет еще какое-то время?

— Довольно долгое, я надеюсь!

— Вы дали ему снотворное?

— Нет. Давление у него слегка повысилось, но я не хочу давать ему снотворное до осмотра. Это может смазать общую картину...

— Тем не менее я настаиваю, чтобы вы это сделали.

— Кольбер, это ведь я врач, а не вы. Я не вижу в этом необходимости. Спасибо за совет, но...

Он снова склонился над мониторами, проверил панель управления. Нажал клавишу. За стеклянной перегородкой, отделявшей его от аппарата, вспыхнул свет. Массиак удовлетворенно кивнул. Затем выключил свет и перевел аппарат в режим ожидания, чтобы тот пока нагрелся.

— Вы не могли бы привести мальчика? — спросил он у Кольбера.

— Нет.

— Но почему?

— Ты так ничего и не понял, идиот!

Массаик даже не почувствовал боли: он умер почти мгновенно. Зато судьба дала ему редчайшую возможность — наблюдать за собственной смертью. В стеклянной перегородке он увидел отражение высокого человека с серебристыми волосами и вылезшими из орбит глазами, поднесшего руку к шее, из которой фонтаном хлестала кровь. За спиной у него виднелся размытый силуэт другого человека — отчетливо были видны лишь прищуренные блестящие глаза, похожие на два стальных лезвия, и нож, которым этот человек только что перерезал ему горло.

65

Шарли вытянула шею, вглядываясь через автомобильное стекло в окутанное туманом здание клиники, в красивый фасад в стиле барокко, окруженный высокими деревьями. «Надежда»... Какая ирония судьбы!

Потом, уже в который раз, она перевела взгляд на цепочку грязноватых следов, тянущихся по снегу от ограды к зданию, — доказательство того, что кто-то недавно здесь прошел. Но это мог быть кто угодно, не обязательно похититель. Может быть, сторож...

Вокруг было безлюдно. Пейзаж застыл в какой-то почти сверхъестественной неподвижности, несмотря на редкие хлопья снега, все еще кружившиеся в воздухе. Любое движение отсутствовало. Машину Шарли заметила лишь одну — впереди, на противоположном конце улицы, окаймленной

деревьями и кустами, сквозь туман слабо виднелся серый капот. Слишком далеко от ворот клиники, чтобы предположить, что машина принадлежит кому-то из персонала.

Но Давид здесь, в этом нет никакого сомнения! Эта уверенность отзывалась во всем теле Шарли лихорадочной дрожью. И хотя она понимала, что являться сюда в одиночестве было настоящим самоубийством, что еще ей оставалось делать? Звонить в полицию? Даже не смешно...

Она сунула руку в сумку и, невольно вздрогнув, сжала рукоятку пистолета. «Глок 17». В самом начале ее знакомства с Тевенненом, еще до первых побоев, до первых оскорблений, он несколько раз возил ее за город поупражняться в стрельбе. На словах — для того, чтобы научить ее защищаться. Но на самом деле, очевидно, просто хотел утвердиться в роли надежного покровителя. Лишний раз напомнить, что он о ней заботится. А потом... потом Тевеннен начал прятать пистолет где-то в доме — скорее всего, из опасения, что в один прекрасный день она обратит это оружие против него.

В целом у Шарли было очень мало практики в стрельбе, но все же достаточно, чтобы выстрелить в любого, кто встанет между ней и ее сыном. Давида похитили. Итак, нужно было действовать, тем более что, по мере того как шли минуты, ее способность рассуждать холодно и спокойно постепенно слабела. Однако стоило лишь ей схватить пистолет, в ней вновь пробудилась та часть природы, которая несколько дней назад заставила ее без колебаний вонзить нож в грудь своего врага.

Она твердо решила, что отныне эта часть будет присутствовать в ней всегда.

Она взвела курок. Сделала глубокий вдох.
И быстро составила план атаки.

— Ну? Ты что-нибудь видишь?

Клео молча продолжала возиться с маленьким театральным биноклем, пытаясь настроить резкость. Отсюда, с их наблюдательного поста в сером «мегане», она давно заметила подъехавший темный джип. После того как он остановился напротив клиники, никто из него не вышел. Инстинкт Вдовы нашептывал ей, что в клинике вскоре произойдет нечто из ряда вон выходящее — одинокая машина, подъехавшая к воротам в такой ранний час, не предвещала ничего хорошего, и Клео лишней раз порадовалась, что заняла такую удобную позицию. Но в то же время ее не оставлял страх: копы наверняка преследовали Шарли и в любую минуту могли встать между Вдовой и ее вождленным богатством.

За ветровым стеклом джипа она различила смутный силуэт, короткие темные волосы... Мужчина или женщина? Трудно понять... Машина стояла за деревом, к тому же туман ухудшал видимость.

Клео отложила бинокль.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Ольга. Клео машинально крутанула на пальце перстень с печаткой. — Ты мне скажешь наконец, что мы тут делаем? Почему ты не поручила вести машину Жамелю или кому-то еще? Я тебя вообще не узнаю в последние дни!..

Клео едва сдержалась, чтобы не рывкнуть ей прямо в лицо: «Заткнись!» Но тут она увидела, как дверца джипа распахнулась, и снова схватила бинокль. Оказалось, что за ру-

лем была женщина. Короткие темные волосы, тяжелая зимняя куртка...

Выйдя из машины, женщина застыла, все еще не отпуская дверцу. Клео почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Шарли была блондинкой с длинными волнистыми волосами. Но фигура... Несмотря на куртку, было заметно, что женщина изящна и стройна, к тому же обладает той грацией, которая достигается годами обучения хорошим манерам в приличных семьях.

Шарли? Или все-таки нет?..

Женщина продолжала стоять неподвижно. Казалось, она смотрит в одну точку. Затем резко захлопнула дверцу и направилась к клинике. Подойдя к воротам, она машинально провела рукой по ограде, словно собиралась перелезть через нее, цепляясь за вьющиеся плети какой-то растительности, вместо того чтобы войти обычным путем.

Вдова пыталась ее разглядеть, но туман, *esta puta niebla*¹, словно окутывал лицо женщины полупрозрачной вуалью.

Перед тем как исчезнуть из поля видимости, незнакомка обернулась к их машине — тревожно, как человек, которому кажется, что за ним наблюдают, но он не может понять кто и откуда. От слабого порыва ветра туман на мгновение рассеялся, и Вдова смогла ясно увидеть лицо той, что держала ее будущее в своих руках.

Стены, окружавшие клинику «Надежда», были в несколько метров высотой, и снаружи можно было увидеть лишь крышу центрального здания. Шарли шла вдоль стены, пы-

¹ Этот чертов туман (*исп.*).

таясь найти хоть какой-нибудь способ тайно проникнуть внутрь. Скорее всего, раньше, когда здесь было множество пациентов, по верху стены была протянута колючая проволока под током, а через равные промежутки располагались камеры видеонаблюдения. Но сейчас?.. Место казалось полностью заброшенным. Интересно, кто его нынешний владелец?..

Она оказалась у задней стороны ограды, в надежде отыскать потайную калитку или хотя бы небольшой пролом... Ничего.

Затем ее взгляд упал на высокое, отдельно стоящее дерево — величественный старый каштан, ветви которого почти касались ограды. Правда, они были покрыты инеем, и цепляться за них наверняка было опасно. Но это был единственный способ перебраться на ту сторону. Шарли подошла к дереву. Надо хотя бы попытаться...

Она стянула перчатки, сделала глубокий вдох и ухватилась за первую ветку. Ей понадобилось добрых пять минут и вся сила воли, чтобы, постепенно цепляясь за ветки застывающими от холода пальцами и одновременно ища опоры поминутно соскальзывающим ногам, наконец взобраться на уровень стены. В детстве она часто лазила по деревьям в Сен-Клу или здесь, в Бургундии, возле *дома у озера*. К тому же долгие годы занятий балными танцами придали ей гибкость и хорошую координацию. Она и позже не бросала эти занятия, не столько ради поддержания формы, сколько ради избавления от скуки. Мало-помалу во всем ее теле пробуждались былые рефлексy, а мускулы благодаря приливу адреналина начинали работать все четче и слаженнее.

Еще одно усилие... Боже! Когда Шарли наконец осмелилась посмотреть вниз, ей показалось, что она забралась на крышу пятиэтажного дома!

С трудом удерживая равновесие, она пыталась рассмотреть что-нибудь по ту сторону стены, но самое главное — первый этаж и небольшой парк, окружавший клинику, по-прежнему были скрыты от глаз.

Шарли осторожно поставила ногу на толстый сук, тянувшийся к стене, чтобы проверить его на прочность. Он угрожающе закрипел. Сможет ли он выдержать ее вес?..

Шарли на секунду закрыла глаза, пытаясь собрать остатки мужества, потом сделала глубокий вдох и медленными, осторожными шажками стала перемещаться по суку, чувствуя себя словно канатоходец, идущий над бездной. Приблизившись к стене на достаточно близкое расстояние, она принялась постепенно раскачиваться. После двух-трех неудачных попыток, подняв облако снежной пыли, она наконец поставила на стену одну ногу... другую... и почти тут же опустилась на корточки, а потом села верхом на гребне стены.

То, что некогда было ухоженным парком, сейчас больше напоминало дремучие джунгли, но Шарли все же разглядела сквозь заросли два автомобиля, стоявшие позади клиники, так что снаружи, сквозь чугунные решетчатые ворота, их было не видно. Судя по всему, они появились здесь совсем недавно, а не были брошены владельцами в незапамятные времена. Один из них был новехонький сверкающий «ленд-ровер».

Теперь ей было совершенно ясно: похитители Давида там, внутри, вместе с ним.

Оставалось выбрать оптимальный вариант действий. Две машины... Сколько же там могло быть людей?..

Как бы то ни было, отступать было уже некуда. Путь назад был отрезан: сук, по которому она перебралась с дерева на стену, вернулся в прежнее положение, и теперь она уже не смогла бы до него дотянуться. С одной стороны, наружной, была бездна в несколько метров глубиной. С другой, уже на территории клиники, у подножия стены высился сугроб, хотя это мог быть и занесенный снегом куст. Если уцепиться за гребень стены и повиснуть, до земли еще останется метра два...

Рискованно, но что делать?..

Шарли крепко ухватила за край стены и спустила ноги вниз одну за другой. Теперь она держалась только на руках. Долго выдержать в таком положении было невозможно, и через несколько секунд она разжала пальцы, одновременно закусив губы, чтобы не закричать. Пришла в себя она уже внизу, с удивлением осознав, что не расшиблась и ничего себе не повредила, — сугроб оказался небольшим стожком сена, укрытым под снегом. Лишь на губах чувствовался привкус крови.

Все еще слегка оглушенная, Шарли поднялась и отряхнулась. Затем быстрыми шагами направилась к зданию клиники.

Ты с ума сошла... ты совершенно обезумела... в этом нет никакого смысла...

Пытаясь не обращать внимания на внутренний голос, она продолжала идти к своей цели. Если двигаться вдоль стены, можно незаметно приблизиться к двери... А потом? Потом будет видно.

Пробираясь сквозь колючие кусты и перепутанные ветки, она машинально отмечала, что в этом месте, некогда столь красивом и ухоженном, осталось очень мало от былой роскоши, но в то же время оно казалось ей странно знакомым — таким она запомнила его, когда впервые сюда попала. Это было не столько зрительное впечатление, сколько внутреннее ощущение. Тогда она не замечала ни аккуратно подстриженных газонов, ни зеленых массивов, ни даже красоты самого здания, в чьем архитектурном облике смешались два стиля — ар-деко и барокко... Она просто чувствовала, что идет по дороге, ведущей в тюрьму.

Прячась в зарослях, она внимательно рассматривала окна. Света в них не было, как не было и вообще никаких признаков жизни. Однако люди внутри были: об этом свидетельствовали цепочки свежих следов на снегу.

Давид!.. В этих стенах!..

Ты с ума сошла!.. Ты просто рехнулась!..

Но голосу разума уже не удавалось пробиться в ее сознание. Сейчас ее вела та могущественная сила, которая заставляет женщин бросаться к грузовику и поднимать его, если ребенок попал под колесо. Сила обреченных...

Она пригнулась и, скользя вдоль стены, добралась до массивной входной двери. Прислушалась. Ни звука, ни шороха. Голосов тоже не слышно...

Последнее секундное колебание... Нет, отступать поздно. Клиника «Надежда» ее ждала. Звала ее...

Шарли выхватила пистолет и с силой толкнула дверь. Та неожиданно легко подалась.

Шарли вошла в темный холл с таким ощущением, что эта темнота сейчас поглотит ее.

66

— Орели? Срочное дело!

— Что случилось?

Тома, стоявший недалеко от входа в клинику Святого Доминика с мобильником в руке, кратко изложил своей коллеге ситуацию:

— И здесь опять замешана Шарли! То ли она входила в общество астрософии, то ли его адепты проводили на ней медицинские опыты, черт ее знает, но вся нынешняя заваруха связана с ней. Ты выяснила что-нибудь о ее матери?

— Нет. Вчера вечером я снова заходила в книжный магазин, но мадам Клермон там не оказалось. Сейчас мы пытаемся ее вычислить.

— Хорошо. Кроме того, я хочу, чтобы ты расспросила одного доктора... — он взглянул на данные в верхнем углу факса, — по фамилии Массиак, улица Курсель. Судя по всему, он наблюдал за мальчиком, сыном Шарли...

— Тома, но это совсем не наше дело! Мы ищем Тевеннена. Этим должны заниматься другие службы!

Тома вздохнул.

— Почему это для тебя так важно?

Хороший вопрос, ага. И самое подходящее время его задавать... Кроме того, Тома и впрямь не знал, что на него ответить. Точнее, не совсем так. У него не шли из памяти слова комиссара Греди: «Свяжитесь со мной, возможно, я смогу найти что-то для вас...» Но не этим одним объяснялась его нынешняя лихорадка. Просто он вошел в азарт. Ему не терпелось отыскать эту женщину, которая являлась ключом к разгадке всех тайн. И еще, пожалуй, его не оста-

вила равнодушным вся эта история — похищенный ребенок, Шарли, которая в первую очередь все же была жертвой, а не убийцей... Доходило уже до того, что он начал всерьез сомневаться в ее причастности к исчезновению Тевеннена.

— Если все будет хорошо, я вернусь сегодня вечером, — сказал он. — И... я думал о тебе. Правда. Мы будем вместе... сегодня вечером. И все остальные вечера...

Молчание. Он догадался, что Орели улыбается. И спросил себя, удачный ли момент выбрал для этих слов.

— Я согласна, — наконец произнесла она.

— Ты чем сейчас занимаешься?

В трубке послышался вздох.

— Ты не поверишь, особенно после того, как я недавно посоветовала тебе бросить это дело, но я выслеживаю хозяйку книжного магазина. Вместе с Коньо. И мы...

Их разговор прервал звонок с другого мобильного Тома.

— Черт, номер не определен... — с досадой пробормотал он и торопливо произнес, обращаясь к Орели: — Извини, у меня срочный вызов. Я тебе перезвоню.

— Здорово, родственничек...

Голос Жамеля Зерруки резко вернул его с небес на землю.

— Я спалился, — объявил тот без дальнейших предисловий.

— Что? Ты о чем? Тебе бабки нужны?

— Какие, на хрен, бабки?! Я спалился! Она меня вычислила! Теперь я по уши в дерьме! Из-за тебя, между прочим. Так что ты должен меня оттуда вытащить. Ты не забыл, что я, можно сказать, принес тебе ее голову на блюдечке?

Тома молчал. Он понимал, что и в самом деле виноват перед кузеном, что подставил его из-за собственного нетерпения и неумеренных амбиций. Отец наверняка сказал бы ему, что эти два недостатка неизбежно приводят к падению любого, кто благодаря им поднялся на сколь угодно большую высоту...

— Короче, я даже не знаю, как она все просекла, — продолжал Жамель, — но теперь она мне больше не доверяет. Теперь вот свалила куда-то... Не знаю, куда, зачем... Одно могу сказать: с того вечера, когда мы заезжали к Тевеннену, она сама не своя. Выслеживает его жену, как собака...

— Что? — перебил Тома. — Что ты сказал?

— Мать твою, да ты слушаешь или нет? Тебе что, все с начала повторить? Ты вообще должен отвечать, а не спрашивать!

— Вдова ищет жену Тевеннена?

Догадавшись по интонации кузена, что дело важное, Жамель в общих чертах рассказал о последних событиях, умолчав о собственном участии в убийстве приятеля Брижитт.

— А вчера она поставила всех на уши, чтобы ей нашли торчков, которые лечились в какой-то бургундской клинике... причем эту клинику закрыли уже черт знает сколько лет назад...

Тома встряхнул головой — у него было чувство, что по ней только что ударили обухом.

Клиника в Бургундии!

— В общем, я что хочу сказать: я теперь не при делах. У меня есть пара-тройка хороших знакомых, они и дали мне об этом знать. Ты хоть понимаешь, что это значит?..

Жамель продолжал говорить — о том, что собирался залечь на дно и рассчитывает на Тома, что тот убьет «эту полоумную кубинскую шлюху». Но после слова «Бургундия» Тома уже с трудом вникал в смысл его слов.

Закончив разговор, он быстро вернулся в кабинет доктора Лабрусса, почти бегом преодолевая лестницы и коридоры.

— Скажите, пожалуйста, — обратился он к доктору, едва лишь оказался перед ним, — здесь поблизости есть наркологическая клиника? То есть, кажется, сейчас она закрыта, но...

Лабрусс пристально взглянул на него, и Тома понял, что попал в точку.

— Да, — нехотя ответил доктор, заметно помрачнев, — я понимаю, о какой клинике вы говорите...

67

Видения обрушились на него хаотическим каскадом, вспышки памяти превратились в безумный фейерверк, где смешались прошлое, настоящее и будущее. Лежа в кровати и почти не чувствуя ремней, которыми он был к ней привязан, Давид отчаянно пытался упорядочить эти видения и одновременно боролся с паникой — по мере того, как эффект снотворных рассеивался, она все больше завладевала им.

Он не знал, к чему «все это» — в свои девять лет он не мог назвать иначе призрачную лавину грядущих событий — приведет их с мамой, и, хотя при желании, скорее всего, смог бы узнать точно, сейчас он не хотел пробуждать в себе силу. Непонятно откуда к нему пришла уверенность —

и сейчас он изо всех сил цеплялся за нее, чтобы не кричать от ужаса, не звать на помощь маму или кого угодно, — что именно ему предстоит спасти маму. А ради этого он должен был беречь силы. Держаться до последней минуты, до последней секунды. Вот почему, даже после ухода доктора, он больше не пытался проявить свои способности. Он мог бы, по крайней мере, разорвать свои путы, но чувствовал, что не имеет на это права. Он не знал, до каких пределов простирается его сила, но знал, что должен экономить ее как только возможно, пока не придет время раскрыть ее полностью для решающего удара.

Эту перспективу он принял совершенно безропотно. Кроме того, он все еще чувствовал себя слегка одурманенным и не знал, что могло бы произойти, если бы он в таком состоянии попытался вызвать силу. Как мог бы отразиться на ней эффект снотворного?..

А вдруг снотворное ослабило его способности?

Давид в ужасе отогнал эту мысль.

Из коридора донесся какой-то приглушенный шум. Давид прислушался. Доктор все не возвращался. Возможно, был уже мертв, как Давид ему и предсказал немногим раньше... А человек-горилла? Мальчик чувствовал, что тот где-то недалеко, стоит на страже. Кажется, доктор говорил с ним... но это было минут пятнадцать назад. Или десять? Или пять?..

Шум стих. Теперь в ушах Давида была лишь глухая ватная тишина.

Он повернул голову к окну, словно для того, чтобы избавиться от навязчивых видений: Джорди, куда-то бегущий... нечеловеческий крик боли... обжигающее дыхание пламени...

кровь, крики, смерть... и все это — посреди безмятежного, почти рождественского заснеженного пейзажа... зимнего рая, мгновенно превратившегося в преисподнюю...

Давид попытался сосредоточиться на причудливых, каждое мгновение меняющихся узорах, образованных завитками и прядями тумана. Перед ним возникали и исчезали прозрачные, слегка фосфоресцирующие, едва различимые образы... Вдруг ему показалось, что он увидел лицо — то же самое, что и накануне, лицо девочки, примерно его ровесницы. Ее косички плыли по ветру. Она улыбалась Давиду в клубах тумана, слабо вспыхивающих за миг до того, как рассеяться. Оптический обман, подумал он. Но все равно ему нравилось смотреть на это личико, на котором читались дружелюбие и сочувствие, — это придавало ему храбрости, и он чувствовал себя не таким одиноким...

Из коридора снова донесся какой-то шорох, заставивший Давида вынырнуть из оцепенения. Он пристально взглянул на дверь...

...и тут же перед ним, как вспышка, возникло четкое и ясное видение.

Мама скоро будет здесь!

68

Через пару минут глаза Шарли привыкли к сумраку. Она никогда раньше не видела центральный холл полностью погруженным в темноту, но сейчас слабый дневной свет проникал сюда лишь сквозь запертые ставни на высоких окнах, освещая мебель в пыльных полотняных чехлах, стоящую вдоль стен.

Внезапно она осознала, что стоит прямо посреди холла, представляя собой идеальную мишень. Шарли торопливо направилась к лестнице. Оказавшись у ее подножия, подняла голову, вглядываясь в темноту. Где же они держат Давида?..

Он мог быть где угодно. Клиника «Надежда» была очень большой — десятки палат и процедурных кабинетов, игровые залы, столовые, кухни...

«Подумай хорошенько. Давид болен. Ему нужно лечение. Так куда его могли поместить?»

В одну из специально оборудованных палат, скорее всего...

Она помнила, что такие палаты — небольшие, скорее похожие на мини-операционные — располагались в западном крыле.

Оттуда и нужно было начать.

Она скользила вдоль стены, держа пистолет наготове слегка дрожащими руками. Погруженная во мрак и тишину, «Надежда» казалась ей нескончаемым запутанным лабиринтом.

Наконец она углубилась в коридор, по обе стороны которого было множество дверей, и принялась толкать их одну за другой. Все оказались заперты.

В глубине коридора, где царила почти абсолютная темнота, одна из последних дверей неожиданно подалась.

Шарли осторожно просунула голову внутрь. В полумраке она разглядела спинку кресла и панель управления, на которой кое-где светились крошечные лампочки. Здесь недавно кто-то был! Об этом говорил и запах, уже знакомый, слегка металлический. Такой... человеческий запах.

Шарли сделала несколько медленных шагов и вдруг ощутила под ногами что-то вязкое. Она слегка наклонилась

и прищурилась, чтобы разглядеть, что это, и недоуменно моргнула, все еще не понимая: весь пол был в каких-то густых темных пятнах. Самое большое из них застыло под креслом.

И тут же из ее горла вырвался непроизвольный крик ужаса. Запах!.. Точно такой же запах она ощутила несколько дней назад — на кухне, где убила Сержа!

Кровь!

Она наступила в лужу крови!

Охваченная отвращением, Шарли попятилась. И тут какое-то шестое чувство дало ей знать о чужом присутствии у нее за спиной.

Она резко обернулась.

Но человек, которого она увидела, уже ничем не мог ей повредить. Доктор Массиак полусидел в углу у стены, устремив изумленный застывший взгляд на мыски своих ботинок, и горло его было перерезано от уха до уха.

Шарли прижала руку ко рту и попятилась к двери, с трудом сдерживая рвотные позывы.

Оказавшись в коридоре, она прислонилась к стене, чувствуя, как бешено колотится сердце и подкашиваются ноги от ужаса.

Давид! Что они сделали с Давидом?!

Она быстро вернулась в начало коридора, еле сдерживаясь, чтобы не побежать, во весь голос выкрикивая имя сына.

Снова холл, лестница... Шарли бросилась по ней.

Пробежав несколько ступенек, она вдруг остановилась, пораженная неожиданной мыслью.

Ее бывшая палата...

Неужели Кольбер посмел?..

Откуда-то она знала, что так и есть. Все это имело смысл. Неуловимый, нелогичный... и тем не менее.

Шарли остановилась на лестничной площадке второго этажа и прислушалась. Абсолютная, сверхъестественная тишина...

И она пошла по коридору к палате номер 32.

«Ты не должна выходить за него замуж, Шарли!.. Ты даже не понимаешь, насколько это безрассудно! Ты должна сделать аборт!..»

Голоса и образы из прошлого преследовали ее. Вот они вместе с матерью идут в ту самую палату номер 32 по коридору, уже почти пустому в этот вечерний час... здесь, как всегда, витает слабый запах лекарств, создающий больничную атмосферу, несмотря на ковровую дорожку под ногами, заглушающую шаги, на мягкое, приглушенное освещение, на фотографии звезд и планет в металлических рамках, висящие на стенах... всю эту ложь, которая превращала клинику «Надежда» в такое... особенное место.

И мать шепчет ей, и этот шепот бьет по ушам хуже всякого крика: *«Ты должна сделать аборт, Шарли... должна сделать аборт!..»*

Ну вот. Она уже прошла почти весь коридор. Прямой путь, ведущий в ее прошлое, в ее историю...

Палата номер 32, в которой она провела... сколько же? Почти полгода...

Палата номер 32, соседняя с палатой номер 34, где лежала девушка, которая мало-помалу впадала в безумие... и в итоге покончила с собой ужасным способом — вонзила ножницы себе в глаза...

Палата номер 32, возле которой она стояла сейчас.

Шарли приложила ухо к двери в надежде уловить стон, или вздох, или шорох простыни...

Ничего.

Она осторожно повернула дверную ручку и толкнула дверь.

Дневной свет, падавший из незакрытого ставнями окна, почти ослепил ее. Стены по-прежнему сияли незапятнанной белизной, разве что с легким налетом пыли. Только эта чисто медицинская белизна и свидетельствовала о том, что «Надежда» была в первую очередь все-таки клиником, а не «реабилитационным центром», как ее называли в рекламных проспектах.

Шаг... другой... С такого расстояния было видно только изголовье кровати. Невозможно было понять, лежит ли на ней кто-нибудь.

Шарли приблизилась. Справа она заметила дверь, ведущую в санузел. Держа пистолет наготове, она осторожно толкнула дверь ладонью. Раздался слабый, почти неслышный скрип — в точности такой же, как десять лет назад! Шарли вплотную прижалась к стене и вытянула шею. Нужно все проверить, чтобы убедиться в отсутствии западни... или в ее наличии.

Она быстро окинула взглядом небольшое помещение. Там было пусто. Правда, душ был задернут непрозрачной пластиковой занавеской.

Шарли приблизилась к нему и неуверенно протянула руку к занавеске. Внезапно ей стало страшно. Но сдаваться было нельзя.

Стараясь произвести как можно меньше шума, она отдернула занавеску.

Никого.

Шарли облегченно вздохнула.

Затем вернулась в палату.

«Господи, пусть он будет здесь! Пожалуйста, сделай так, чтобы он был здесь!»

Она на цыпочках приблизилась к кровати. С каждым шагом она все больше различала очертания небольшой фигурки под одеялом...

Наконец она оказалась у изголовья. Да, кто-то лежал под одеялом, скорчившись и укрывшись с головой... кто-то такого же роста, как Давид!

Шарли опустила оружие, склонилась над кроватью и осторожно отогнула краешек одеяла.

— Давид, радость моя, — прошептала она, — это...

И застыла от изумления, обнаружив под одеялом диванный валик.

В ту же секунду послышался сухой щелчок, и в висок Шарли уперлось дуло револьвера. Знакомый голос произнес:

— Время принимать таблетки, мадемуазель Жермон...

69

Миновав очередной поворот, Тома Миньоль выехал на дорогу, ведущую к расположенному на склоне невысокого холма, обнесенному оградой поместью, и понял, что прибыл куда нужно. Клиника «Надежда» с прилегающей к ней обширной парковой территорией действительно больше напоминала загородную усадьбу, чем наркологический центр. Царящая вокруг тишина придавала ей мрачный, заброшенный вид. Ее словно окружала аура запустения.

Он слегка сбросил скорость и, подъехав ближе, заметил автомобиль, припаркованный под деревом недалеко от входа. Джип «чероки». В точности подходит под описание джипа, о котором говорил накануне месье Боннэ. И джипа, который был замечен раньше неподалеку от дома Тевеннена... Сердце Тома подскочило. Получалось, что он разминулся с Шарли максимум на час! Хотя, скорее всего, даже меньше. Но, во всяком случае, теперь становилось ясно: они здесь.

Да, кстати, кто — «они»?

Этого он не знал. В этом деле все еще было слишком много неизвестных. Но все указывало на то, что «они» находились внутри клиники. Беспокойство Тома за ребенка росло с каждой минутой.

Он остановил машину, которую одолжили ему местные коллеги, и вызвал по радиии подкрепление. После этого он несколько минут наблюдал за «чероки», но вскоре ему стало ясно, несмотря на тонированные стекла джипа, что тот пуст. Тома вышел из машины и приблизился к ограде в поисках каких-нибудь следов. Обвел пристальным взглядом улицу, ограду, массивные решетчатые ворота, запертые на висячий замок... Ненадолго его внимание привлек серый автомобиль на другом конце улицы, словно бы вмерзший в обочину. Связан ли он как-то с этим делом?.. Немного поколебавшись, Тома решил, что нет: все-таки стоит слишком далеко.

Он вернулся к джипу. Изучил цепочку следов, тянувшихся от водительской дверцы к ограде клиники. Приведут ли они его к ребенку? Или к Шарли?..

Можно ли позволить себе дожидаться подкрепления? Ведь речь идет о похищении ребенка. Причем похитители, судя по всему, привыкли ни перед чем не останавливаться.

Тома решил положиться на свой инстинкт. Он пошел по следам, которые привели его к большому дереву, росшему у ограды с наружной стороны. Он оглянулся на джип. Значит, тот, кто вышел оттуда, тайком пробрался вдоль стены, остановился здесь и исчез в никуда. Или... Тома поднял голову и увидел, что несколько веток погнуты и, в отличие от остальных, инея на них нет.

Так, понятно...

Он подышал на ладони, затем крепко ухватился за одну из нижних веток.

70

— Думаешь, она приведет нас к Тевеннену?

Орели Дюбар на мгновение обернулась к Коньо, сидящему за рулем. Трудно ответить на этот вопрос, не выдав собственных сомнений, а главное, не выдав Тома. Нет, она совсем не была уверена, что слежка за Катрин Клермон, владелицей книжного магазина «Вертекс», каким-то образом выведет их на Тевеннена. Она не была уверена, что это приведет хоть к чему-нибудь, и окончательно отказалась от попыток понять логику своего коллеги, в данный момент напавшего на какой-то след в Бургундии. Однако после недавнего визита в книжный магазин Орели никак не могла отделаться от собственных подозрений: так или иначе, но Катрин Клермон связана с Джорди Фонте. А уж Фонте точно замешан в этом деле. Оставалось лишь восстановить недостающие детали, чтобы выяснить причастность Катрин Клермон к «делу Тевеннена». А заодно выяснить, в чем именно заключается суть этого дела, хотя Орели уже сейчас

могла с уверенностью сказать, что оно не имеет никакого отношения к деятельности ГИС.

С самого утра они с Коньо заняли наблюдательный пост у дома владелицы книжного магазина. Когда последняя, выйдя из дома и сев в машину, направилась к западному выезду из Парижа, вместо того чтобы поехать в Восемнадцатый округ, где находился «Вертекс», у Орели мелькнул проблеск надежды. Сейчас, когда они застряли в пробке и напарник донимал ее вопросами, а она еще не могла прийти в себя после недавнего разговора с Тома, Орели чувствовала, что вот-вот потеряет терпение.

— Ага, так и есть, выезжает из города, — пробормотал Коньо.

Орели бросила взгляд на придорожный щит с указанием направлений, и тут же в ее душу закралось подозрение.

— Быстрее! — воскликнула она. — Иначе мы ее потеряем!

Коньо прибавил скорость. Постепенно рекламных щитов становилось все меньше, а воздух заметно улучшался. Затем стали появляться аккуратные типовые коттеджи и небольшие особнячки. Дорожки повсюду были расчищены, снег уложен в сугробы одинаковой высоты. Дальше начались более роскошные особнячки.

— Хм... — произнес Коньо. — Слушай-ка, а это случайно не...

Он замолчал, увидев, как машина мадам Клермон, ехавшая в полусотне метров впереди, замедлила ход, потом свернула на подъездную дорожку к одному из владений.

— Черт, кажется, начинает пахнуть жареным... — пробормотал Коньо.

— Нужно проехать вперед еще немного, — сказала Орели. — Посмотреть, куда именно она свернула.

Коньо притормозил у поворота. Высунув голову в окно, Орели заметила, что Катрин Клермон остановилась в самом конце боковой дороги, где располагался большой частный особняк. Теперь Орели обо всем догадалась. Ее напарник, судя по предыдущим замечаниям, тоже.

— Что теперь? — спросил Коньо. — Идем за ней?

— Нет... Посмотрим, что будет дальше.

Ждать пришлось недолго. Через пару минут мадам Клермон вышла из ворот особняка и направилась к своей машине. Коньо рванул с места. Женщина удивленно обернулась на звук внезапно подъехавшего автомобиля. В следующий миг из него одновременно выпрыгнули двое полицейских.

— Кажется, вчера вы рассказали мне не все, мадам Клермон, — произнесла Орели.

— Соблаговолите следовать за нами, мадам, — добавил Коньо.

Катрин Клермон даже не шелохнулась. Но вместо приторно-любезной улыбки, которая не сходила с ее лица во время вчерашней беседы, теперь на ее лице читалась неприкрытая ненависть.

— Вы так и не поняли, — холодно произнесла она. — Вы уже ничего не сможете сделать. Арестуете вы меня или нет, это ничего не изменит. Он все равно явится и спасет мир!

Оба полицейских переглянулись. Потом Коньо вежливо взял мадам Клермон под руку и повел к машине. Орели повернулась к фасаду особняка и достала из кармана мобильник. Нужно срочно предупредить Тома.

Его рука переместилась с горла Шарли на грудь. Пистолет по-прежнему упирался в ее висок. Его дыхание щекотало ей затылок. Шарли стояла в «своей» палате, лицом к окну, затаенному пеленой тумана; Кольбер — вплотную у нее за спиной, буквально приклеившись к ней.

Несколько мгновений Шарли не чувствовала ничего, кроме ужаса.

С огромным трудом она подавила рвущийся из горла крик и попыталась отрешиться от этого кошмара, чтобы трезво оценить ситуацию. В других обстоятельствах она вряд ли оказалась бы на это способна. Но сейчас речь шла о жизни ее сына.

— Я долго тебя ждал, Шарли...

Не слушать. Не отвечать. Не злить его. Действовать так, как если бы Давид был еще жив — нет, без всяких «если бы», Давид жив! Кольбер ни за что не стал бы подвергать риску жизнь «последнего уцелевшего» — во всяком случае, Шарли изо всех сил старалась себя в этом убедить.

Сосредоточиться. Найти выход... Выиграть время. Да, попытаться выиграть время, как тогда с Сержем...

— ...с того самого дня, ты помнишь? Когда сынок Эргонсо трахал тебя, как шлюху...

Шарли оцепенела. Эргонсо... Имя из прошлой жизни... Летний флирт... И вдруг ее, словно пощечина, хлестнуло воспоминание: их любовная схватка была внезапно прервана появлением какого-то человека, прячущегося в лесу... Так это был Кольбер!

И тут же она воочию увидела все звенья этой кошмарной цепи: от подростка, подглядывающего за ними из-за дерева,

до взрослого мужчины, ставшего убийцей Фабиана... Все из-за того, что он хотел ее только для себя! Давид был лишь предлогом этого бесконечного преследования... И — о боже! — Давид мог быть уже мертв!.. Шарли почувствовала, как у нее подкашиваются ноги — такое предположение лишило ее последних сил.

— Вижу, что помнишь... И знаешь, что я тогда подумал?

С этими словами он сжал ее грудь так сильно, что Шарли едва не закричала от боли. И от отвращения.

— Знаешь, что я тогда подумал? — настойчиво повторил Кольбер.

— Что ты меня хочешь больше всего на свете, — ответила Шарли, сама удивляясь тому, насколько спокойно прозвучал ее голос.

Кольбер застыл в неподвижности.

— Что тебя нужно прикончить, Шарли... — прошептал он. — Как бродячую собаку. Тебя и всех остальных. Потому что только этого вы и заслуживаете — чтобы кто-то помог вам сдохнуть...

Ненависть, с которой были произнесены эти слова, вырвала Шарли из оцепенения.

— Это ты и сделал с Брижитт? — спросила она.

— А... с той уродиной?..

И вдруг Кольбер резко развернул ее и с силой прижал спиной к стене. Одна его рука вцепилась ей в горло, другая прижала к щеке дуло пистолета.

— Шарли, ты за кого меня принимаешь, а? Думаешь, я сплю с жирными уродинами? Ну, отвечай, грязная шлюха! Ты ведь так думаешь? Что человек вроде меня заслуживает только вот таких баб, как эта гора сала?

Его лицо вплотную приблизилось к лицу Шарли — бледное, осунувшееся, с выступившими от переизбытка эмоций красными пятнами. Сузившиеся глаза сверкали, как два стальных лезвия, редкие светлые волосы прилипли к влажному от пота лбу. Шарли почувствовала, как его пальцы еще сильнее сжали ее горло — длинные, бледные и влажные пальцы... скорее женские, чем мужские.

Ей не хватало воздуха, но она знала, что не должна проявлять ни малейшей слабости. В этом она уже достаточно напрактиковалась за годы жизни с Тевенненом. Там, где большинство женщин попросту сдались бы, она знала, как нужно действовать. Это не всегда помогало избежать худшего, но, по крайней мере, не ускоряло его приближения.

— Я... я никогда не считала Брижитт жирной уродиной... — с трудом произнесла она. Это было первое, что пришло ей на ум. Кроме того, это было абсолютной правдой. Все меньше воздуха... На глазах Шарли выступили слезы. — И я... понятия не имею... что ты за человек.

Она едва могла вздохнуть. Перед глазами заплясали черные точки. Не сдаваться. Не терять сознания. Ради Давида... ради Давида...

— Так, значит, для того... чтобы меня убить... ты меня сюда привел?

Кольбер растерянно моргнул. Видимо, он ждал какой-то другой реакции — страха, мольбы о пощаде...

Он ослабил хватку, по крайней мере настолько, что Шарли смогла свободно дышать, но по-прежнему крепко прижимал ее к стене.

Шарли с жадностью сделала глубокий вдох, потом еще один... Черные точки перед глазами исчезли, зрение прояс-

нилось. Несколько секунд они с Кольбером пристально смотрели друг на друга — Шарли пыталась уловить в его глазах хотя бы намек на то, что он собирается сделать, но взгляд Кольбера был непроницаемым.

В полной тишине ей вдруг показалось, что она расслышала какой-то шум снизу, с первого этажа. Совсем слабый... Вот опять!..

Она ощутила новый прилив надежды. Джорди?.. Может быть, ему пришла в голову та же мысль, что и ей, когда он узнал о похищении Давида?..

Шарли нашла в себе силы, по-прежнему не отрываясь, смотреть в глаза Кольбера, чтобы не выдать своего волнения. Одновременно боковым зрением она старалась отыскать хоть что-нибудь, что могло бы послужить оружием или средством защиты. Пистолет Кольбер у нее отобрал, и она не успела разглядеть, куда он его дел. Сунул за пояс?..

— Твоего сына тебе ужасно не хватает, правда?

Это был удар прямо в сердце.

— Где он? С ним... все в порядке? — Шарли готова была проклинать себя за этот жалобный, умоляющий тон, но последний вопрос жег ей губы с того самого момента, как она сюда попала. Теперь у Кольбера было очевидное преимущество перед ней, и она сама дала ему в руки лишний козырь.

— Понятия не имею... Меня это не интересует. Я к нему даже не заходил. Ты ведь и сама знаешь, на что он способен, не так ли?

И Кольбер засмеялся странным смехом, похожим на визг. Шарли ощутила во рту горький привкус желчи. В этот момент она испытывала к своему врагу ничем не прикры-

тую ненависть. Не за то, что он сделал с ней, а за то, что он сделал с Фабианом, с Брижитт и вот теперь — с Давидом. Именно этот человек был причиной всех ее бед. Пусть даже и не имел никакого отношения к ее «лечению» с помощью допамнезина.

— Ты хочешь знать, жив он или мертв, да? В конце концов, кто поручится, что я не прикончил его сразу же?

И снова этот жуткий визгливый смех...

Шарли почувствовала, как мир вокруг нее зашатался, вот-вот готовый рухнуть.

«Джорди, где ты? Как я могла настолько обезуметь, чтобы посчитать себя способной в одиночку...»

— Впрочем, это можно выяснить, — продолжал Кольбер. — Я ведь знаю, где он сейчас.

Он играет с ней? Хочет предложить ей сделку?..

И вдруг она все поняла. Ему нужна была не только она, а еще и... Ну да, ведь теперь он тоже знал про лотерейный билет!

— Пойдем проверим, Шарли. Вместе. Так уж и быть, я разрешу тебе заглянуть в палату и лично выяснить, как обстоят дела. Это не будет тебе ничего стоить. Ну почти ничего. Всего каких-то тридцать четыре лимона.

Снизу опять донесся шум. Неужели Кольбер и правда ничего не слышит?..

Но, судя по всему, так и было — он слишком упивался своим триумфом.

Нужно торговаться. У нее был главный козырь в рукаве — лотерейный билет.

— А что потом? — спокойно спросила она. — Где гарантия, что ты дашь моему сыну спокойно уйти?

Он холодно взглянул на нее и сильнее стиснул пальцы на ее горле — словно для того, чтобы напомнить, кто контролирует эту игру.

И тут внизу раздался звонок мобильного телефона.

72

Тома буквально подпрыгнул, услышав этот звук, и торопливо достал из внутреннего кармана мобильник, чтобы отключить. Но перед этим он все же проверил, кто звонил. Орели.

Затем снова схватил пистолет и продолжал путь в полумраке центрального холла.

Ему было не по себе. Да что там, чертовски страшно.

Страх охватил его, едва лишь Тома переступил порог. Белые чехлы на мебели, в темноте похожие на привидения, слабый свет, сочившийся через отверстия в ставнях, в лучах которого кружилась многолетняя пыль, гнетущая атмосфера, пронизанная отчаянием и трагедиями прошлых лет, — все это создавало ощущение угрозы, неясной, но вполне реальной.

Тома шел, держа пистолет наготове, стараясь ступать как можно бесшумнее. Он слишком хорошо знал правила и не мог не отдавать себе отчет, что нарушил их: единственным оправданием незаконного вторжения могла служить лишь интуитивная догадка о том, что похищенный ребенок находится здесь, хотя и в этом случае его могли обвинить в том, что он не дождался подкрепления. И это не говоря уже о его принадлежности к ГИС и об отсутствии опыта — и то и другое могло дорого ему обойтись. Подумать только: парень из ГИС, вместо того чтобы протирать штаны в своем кабинете на набережной Орсей, с оружием в руках неза-

конно проникает в частные владения, где могут находиться преступники, да еще при этом оказывается таким идиотом, что забывает отключить мобильник!

И вот теперь он чувствовал страх. Настоящий. Тот самый, которого никогда не испытывают киношные полицейские, но от которого у полицейских реальных встают дыбом волосы на затылке, а яйца сжимаются до размера виноградин. Потому что следы привели его к трупу пожилого мужчины с перерезанным горлом. А сейчас он услышал голоса, донесшиеся со второго этажа. Кажется, один был мужской, другой — женский. Значит, звонок его мобильного тоже кто-то услышал.

Тома нырнул в темный боковой коридор. Подождал несколько минут. Затем вернулся в холл. Здесь было по-прежнему пусто. С верхних этажей не доносилось ни звука. Во всей клинике «Надежда» стояла пугающая тишина. Несмотря на холод, почти такой же, как на улице, Тома чувствовал, как по спине стекают капли пота.

Надо было подниматься. Отступить он уже не мог.

Пытаясь придать себе храбрости, Тома быстро заскользил вдоль стены к центральной лестнице. Когда он уже поставил ногу на нижнюю ступеньку, металлический клацающий звук, донесшийся откуда-то сбоку, заставил его вздрогнуть. Он повернул голову. Прямо перед ним высился массивный темный силуэт, возникший словно из ниоткуда.

73

Услышав звонок мобильного, Кольбер окаменел.

Так же как Шарли, он прислушался. Тишина. Пять секунд... десять... двадцать... Он немного ослабил хватку на ее

горле. Шарли воспользовалась этим, чтобы едва заметно повернуть голову в поисках подходящего предмета, который мог бы стать оружием.

Она заметила маленький ночник у изголовья кровати. До него было около трех метров. Казалось бы, пустяк. Но в данной ситуации они казались пропастью.

С первого этажа донесся топот ног и сразу вслед за ним — крик боли, эхом разнесшийся по коридорам.

— Что за...

Поразительно, но в этот момент убийца отпустил ее и сделал шаг в сторону. Сейчас или никогда!

За семь лет жизни с Тевенненом она научилась уклоняться от ударов или терпеть их лучше, чем кто бы то ни был. Семь лет почти непрерывных побоев научили ее, какие точки на человеческом теле самые уязвимые, какие удары самые болезненные. Часто, строя в мечтах планы мести, Шарли представляла себя наносящей эти удары, а не получающей их. Сколько раз ей хотелось врезать Тевеннену, и она с трудом удерживалась в последнюю секунду!..

Когда внизу раздались два выстрела, она поняла, что момент настал. Одним прыжком она оказалась у кровати и схватила лампу.

Под воздействием адреналина ее движения оказались еще более быстрыми и скоординированными, чем она ожидала. Крепко обхватив ножку лампы, она размахнулась и нанесла Кольберу удар, который пришелся между ухом и виском. Он оказался таким сильным, что боль пронзила ее руку от запястья до плеча.

Хлопок взорвавшейся лампочки, брызги крови, звон осколков разбитого абажура...

Кольбер зашатался, инстинктивно схватившись за пораженное место. Револьвер выпал из его руки.

Шарли бросилась на пол, пытаясь дотянуться до оружия, и в следующий миг Кольбер рухнул прямо на нее. Она успела лишь обхватить дуло револьвера и, собрав последние силы, ударила своего противника рукояткой по голове. Второй удар лишил его сознания. Шарли ощутила, как под рукояткой что-то хрустнуло.

Тело Кольбера придавило ее к полу мертвым грузом. Шарли с трудом освободилась от него, поднялась на ноги и несколько раз глубоко вдохнула воздух. Взглянув на неподвижное тело, распростертое у ее ног, она почувствовала, как в ней вновь поднимается волна ярости. Она уже навела револьвер на голову своего врага, как вдруг раздался крик:

— Ма-а-а-ма-а-аа!..

Давид!

Давид звал ее! Он был жив!

Она выбежала в коридор и помчалась на звук голоса, не обращая внимания на боль во всем теле — в плече, в колене, ушибленном при падении на пол, в горле, которое горело как в огне...

— Ма-а-м-а-а-аа!

Она бежала на этот голос, забыв обо всем — о Кольбере, о звонке чьего-то мобильного внизу, о криках и выстрелах... Бежала, не разбирая дороги, иногда поднимая тучи пыли от случайно задетой шторы или мебельного чехла...

Третий этаж!.. Он был в одной из палат третьего этажа!..

— Давид! Я иду, радость моя!.. Давид!..

Она нашла его в одной из палат восточного крыла — и когда наконец распахнула дверь...

— Мама!..

...почувствовала, как под ее ногами буквально разверзлась бездна отчаяния и вины.

Они его привязали!.. Давид, чье бледное личико, залитое слезами, было едва различимо среди окружающей белизны абсолютно голых больничных стен, был привязан к кровати, словно буйнопомешанный!.. Ее малыш!.. Такой хрупкий!.. Да как они посмели!..

Она бросилась к нему и принялась лихорадочно развязывать путы. Освободив сына, она крепко прижала его к груди:

— Все позади, мой хороший, все позади... Тебе больно?.. У тебя где-нибудь болит? Что они с тобой сделали?

Вместо ответа Давид разрыдался. Слезы и страх копились в нем так долго, что больше он не мог их сдерживать.

— Ты можешь идти, радость моя? Скажи маме... Если нет, мама тебя понесет...

Шарли сама не замечала, что начинает говорить с сыном так, словно ему не больше двух-трех лет.

— Да... — наконец с трудом произнес он. — Они... они ничего не сделали. Я не знаю, что они хотели потом сделать... но они не успели.

Шарли с трудом отогнала кошмарные видения — над ее сыном собирались проводить какие-то ужасные опыты, как над лабораторным мышонком...

Больше никогда! Ни-ког-да!

Она осторожно стерла слезы с его щек:

— Пойдем, Давид. Возьми маму за руку. Уйдем отсюда поскорее!

Давид с трудом встал с кровати, слегка пошатываясь, — наверняка от снотворного и от общей слабости, подумала Шарли. Эти мерзавцы даже не подумали о том, чтобы дать ему поесть!

Несмотря на то что мать в ней одержала верх над воительницей, та все же не теряла бдительности. В коридор Шарли вышла, левой рукой держа за руку сына, а в правой сжимая револьвер.

Следуя вплотную вдоль стен, они бесшумно спустились на второй этаж. Здесь Шарли остановилась и прислушалась. Она не прикончила Кольбера. В каком состоянии он был сейчас? Каких подвохов можно было ожидать с его стороны? Она не знала, но не хотела допустить ни малейшего риска.

На втором этаже стояла полная тишина. Никакого движения в коридоре. Никаких признаков жизни.

Решив наконец, что путь свободен, она повернулась к Давиду и, слегка кивнув, сделала ему знак рукой в направлении первого этажа.

Он кивнул в ответ и начал спускаться по лестнице следом за ней.

По мере того как они приближались к выходу, Шарли чувствовала, как в ней растёт нетерпение: бежать! Скорее вырваться на вольный воздух!

Но нужно было сохранять осторожность, ведь оттуда недавно донеслись два выстрела. Кто там был и что именно произошло? Куда, кстати, подевался неандерталец, который был с Кольбером в доме у озера?..

На последний вопрос она получила ответ почти сразу: гигант лежал у подножия лестницы, широко раскрыв невидящие глаза, в которых отражался слабый дневной свет. Шарли отвела взгляд от огромного алого пятна, расплзшегося

у него на груди, и загородила собой Давида, чтобы он не увидел этого зрелища.

— Не смотри туда, радость моя... — прошептала она.

Последние ступеньки... Три... две... одна... Шарли подхватила Давида на руки...

— Закрой глаза!..

...и перенесла через труп.

Оставалось лишь дойти до двери. Они уже были на полпути, как вдруг...

— Полиция! Ни с места!..

Ледяная волна окатила Шарли с ног до головы.

— Руки... вверх. Не двигаться!..

Голос звучал так, словно человек был на пределе сил.

— Брось... пушку... Шарли... Руки... вверх...

Но Шарли не могла выпустить руку сына. Это было невозможно, немыслимо. По голосу она догадалась, что человек ранен. Полицейский или нет — может быть, это блеф, — но он вступил в схватку с гигантом и убил его. А тот его ранил. Теперь Шарли была в этом уверена.

Шарли медленно начала поднимать вверх руку, в которой сжимала револьвер. Одновременно она поворачивалась так, чтобы закрыть собой Давида.

В углу холла она увидела скорчившегося на полу человека. Черты его лица были резкими, суровыми. В бедре человека она заметила торчащую рукоятку ножа. Рядом на полу расплылась небольшая темная лужа.

Человек из последних сил вскинул руку с пистолетом и наставил оружие на нее. В его глазах читалось такое же выражение, как у раненого зверя.

— Шарли... я знаю, что они тебя преследовали. Тебе еще можно помочь... Вас обоих можно защитить...

Она отрицательно покачала головой и в свою очередь направила на него револьвер.

— Дайте мне уйти. Вместе с ним... Ради него, — умоляюще добавила она.

Несколько секунд они пристально смотрели в глаза друг другу. По его глазам Шарли поняла, что он не выстрелит. Он не сможет этого сделать из-за Давида, стоящего рядом с ней. Хотя он знает о ней все. В том числе об убийстве Сержа...

— Пожалуйста... — тихо произнесла она.

Человек опустил оружие.

— Я... мне очень жаль... — пробормотала Шарли, медленно пятясь к выходу.

Через несколько мгновений она ощутила за спиной порыв ветра — Давид открыл дверь.

Мать и сын устремились к дневному свету.

74

Грянул выстрел с металлическим отзвуком. Секунду спустя — второй. Еще через несколько минут Шарли выбежала из клиники и помчалась к воротам — у Вдовы, наблюдавшей за ней, создалось впечатление, что она сейчас вышибет их и сама того не заметит. Ее сын бежал рядом с ней, она крепко держала его за руку. В бинокль Клео разглядела, что у него на ногах даже не было обуви — только носки, а вместо верхней одежды он был закутан в какое-то покрывало. На полпути Шарли подхватила сына на руки и с прежней скоростью продолжала бежать, словно спасаясь из преисподней, до самого автомобиля. Видимо, такой прилив эне-

гии вызван какими-то чрезвычайными событиями, мельком подумала Клео, продолжая наблюдать за Шарли с невольным восхищением. Воистину, женщины гораздо сильнее мужчин.

Вот почему она так хотела быть женщиной. Такой, как Шарли. Она должна была родиться Клео, а не Кеннеди.

— Клео... — нерешительно произнесла Ольга. — Так там, оказывается, еще и мальчишка?..

Вдова ничего не ответила. Она продолжала не отрываясь смотреть в бинокль. Через пять минут — или двадцать, или тридцать — ее час придет, и тогда она не будет терять времени. Когда Шарли проникла в клинику, Клео едва не последовала за ней — очень уж подходящее было место для ее плана, о таком можно было только мечтать. Но появление копа спутало все карты. Клео сразу поняла, что это коп — она чуяла их за версту. Этот явно был выходцем из Северной Африки — внешность еще более характерная, чем у Жамеля... И по ухваткам сразу видно — ищейка... Так что она предпочла подождать. Крепко сжимая бинокль, она молилась лишь об одном: лишь бы этот тип не арестовал ее подопечную.

Ей даже пришла в голову мысль прийти на помощь Шарли, ведь коп был один, а с одним она справилась бы. В конце концов, дать Ольге команду завести машину, а потом всадить ему пулю в лоб, прежде чем он успел бы понять, что происходит, было ей вполне по силам.

Но нет, Шарли не вышла из клиники в сопровождении копа, а выбежала вместе с сыном. Что же произошло внутри? Клео подозревала, что коп вполне мог разделить участь Тевеннена.

Ну что ж, одним копом меньше — невелика беда.

— Клео, ты мне не говорила про мальчишку, — почти жалобным тоном произнесла Ольга.

Вдова отложила бинокль и резко повернулась к своей спутнице.

— Заткнись! — приказала она.

— Что?..

— На кону тридцать четыре лимона, а ты собираешься устроить сцену в духе «Тельмы и Луизы»?¹ Заткнись, мать твою!..

Джип «чероки» тронулся с места.

Вдова досчитала до пяти и велела Ольге следовать за ним.

75

Джорди осторожно положил трубку и некоторое время неподвижно сидел на кровати в гостиничном номере, где ждал возвращения Шарли вот уже два часа. Слова девушки-диспетчера из клиники Святого Доминика по-прежнему звучали в его ушах — даже не сами слова, а долгая пауза, наступившая после того, как он спросил о Давиде. Потом послышалось бормотание: «Я... подождите минутку...», — после чего трубку взял мужчина и властным тоном спросил, кто говорит. Джорди тут же все понял.

Вот почему Шарли так долго не возвращалась! Вот почему не звонила! Они ее арестовали!

Джорди с трудом подавил рвущийся из горла стон. Он ни на минуту не задумался о своей собственной участи, хотя

¹ «Тельма и Луиза» — приключенческий кинофильм о двух подругах, ставших преступницами.

понимал, что копы, скорее всего, тут же отследили его звонок и самое большое через пятнадцать минут придут сюда, чтобы арестовать и его. Все его мысли, вся его боль были сосредоточены вокруг Шарли. Она проиграла битву. Потеряла и свободу, и сына... Это настоящая трагедия.

А Давид? Как теперь спасти его? Как сдержать обещание?

Мысли неслись потоком, перемешиваясь, захлестывая друг друга. Наконец, в последний раз обведя взглядом комнату, в которой они с Шарли провели в объятиях друг друга несколько мирных часов, словно украдкой выхваченных из бурного хаоса последних суток, Джорди решил, что надо бежать. Прежде всего — ради Шарли. Попытаться найти Давида и не позволить никому его забрать. Потому что Шарли была права: кто знает, что с ним сделают?

Он резко встал с кровати, торопливо побросал вещи в сумку, не забыв и о папках Тевеннена. Кто знает, может быть, с копами удастся договориться? Документы, находящиеся в этих папках, вполне могли произвести эффект разорвавшейся бомбы.

Да, он должен сделать все, чтобы вытащить Шарли из этой передраги. И если уж это не удастся, то, по крайней мере, забрать Давида. Не допустить, чтобы тот попал в лапы копам или астрософам.

Пора было уходить. Куда? И что сделать в первую очередь? Джорди еще не знал, но надеялся найти ответы в ближайшее время. Видимо, сначала надо заехать в клинику, чтобы оценить ситуацию. И уж потом строить дальнейшие планы.

Уже у двери он вдруг остановился. Нет, что-то тут не сходится...

Он несколько раз пытался дозвониться до Шарли, но ее мобильник был выключен. Однако, если бы полицейские ее в самом деле арестовали, они бы обязательно оставили его включенным, чтобы отслеживать входящие звонки — это помогло бы им вычислить возможных сообщников. Так всегда делается. Конечно, Шарли могла успеть от него избавиться, но...

Джорди строил одну гипотезу за другой, но ни одна не казалась ему удовлетворительной. Однако — скорее всего, потому, что ему очень хотелось в это верить, — он всячески убеждал себя в том, что Шарли все же не арестована. Есть хоть какой-то шанс, какой-то проблеск надежды.

Но тогда что означает тот мужской голос по телефону в клинике, спросивший, кто говорит...

Давид... похищен?

Джорди колебался. Что делать? Куда похитители могли увести мальчика?

А может быть, Шарли изменила первоначальный план? Может быть, она решила на время скрыться и связаться с ним позже? Позвонить не со своего мобильного, а с какого-нибудь городского телефона?

Но этот голос?..

Ни одного более-менее логичного объяснения... Одно было ясно: оставаться в гостинице не имеет ни малейшего смысла. Более того, это опасно.

Джорди вышел из номера и направился к лестнице. Когда он был на полпути вниз, ему пришла в голову одна идея. Если Шарли удалось ускользнуть от полицейских, которые ждали ее в клинике, он, кажется, догадывался, куда она направится. Накануне она сказала ему, что по дороге сюда спрятала лотерейный билет в надежном месте, на всякий

случай. Она не сказала где именно, и Джорди не стал ее спрашивать, однако логика подсказывала ему ответ. Сколько остановок сделала Шарли по пути из Парижа в Лавиль?

Всего одну.

Вот туда он и поедет.

76

Тома стиснул зубы. Рана была глубокой — этот носорог вонзил ему в бедро нож по самую рукоятку. Тома не помнил, испытывал ли хоть раз в жизни такую сильную боль, как в тот момент, когда выдернул нож из раны.

Потом он отрезал широкую полосу ткани от рубашки и кое-как перевязал ногу. Теперь кровь сочилась уже не так обильно — кажется, артерия была не задета. Нужно было попытаться уйти отсюда самостоятельно или дожждаться подкрепления, которое что-то не спешило (наверняка, подумал Тома, не посчитали вызов, поступивший от сотрудника ГИС, таким уж срочным).

Ситуация была катастрофическая: серьезно раненный, он лежал в огромном темном холле, где, словно на опустевшем поле битвы, царила гробовая тишина и пахло свежей кровью. В двадцати метрах от него лежал труп. Еще один был наверху, в медицинской лаборатории. Где-то в здании скрывался белобрысый тип. Или Шарли его убила?.. Если нет, почему она так поспешно убежала? Перед глазами Тома до сих пор стояло ее лицо, искаженное ужасом и отчаянием, с расширенными, словно у безумной, глазами. Ее сын, закутанный в шерстяное покрывало, дрожал как в лихорадке — от холода, от страха, от всего...

Подкрепления все не было. Связи тоже: в схватке его мобильник разбился. Рация осталась в машине.

Тома поправил и плотнее закрепил повязку, затем с огромным трудом поднялся. Попробовал ступить на раненую ногу, но ее тут же пронзила адская боль. Если бы хоть было на что опереться — на трость или на простую палку... Но все же Тома, ковыляя и пошатываясь, кое-как дотащился почти до самой входной двери. По пути он пытался собраться с мыслями и найти наиболее убедительное объяснение для поспешного бегства Шарли.

Вдруг он услышал снаружи шум автомобильного мотора, но не со стороны въезда, а откуда-то из-за дома.

Его мысли окончательно смешались.

Он, как мог, ускорил шаги, не обращая внимания на жгучую боль в ноге.

Распахнув дверь, он увидел «лендровер», который выехал с заднего двора и, поднимая клубы снежной пыли, устремился к воротам. Через несколько секунд он уже скрылся из виду.

Тишина наступила так внезапно, что Тома, ошеломленный, еще какое-то время неподвижно стоял на верхней площадке наружной лестницы. Лица водителя он, конечно, разглядеть не успел, но цвет волос не оставлял никаких сомнений.

Белобрысый тип.

77

— Мам?..

Бежать из преисподней! Как можно быстрее, как можно дальше!

Шарли гнала машину на полной скорости, судорожно вцепившись в руль и не отрывая широко раскрытых глаз от дороги. Ее тело сотрясала непроизвольная дрожь.

— Мам!

Господи, что же делать? Они наверняка уже преследуют ее! Джорди ведь говорил, что это мощная организация, а вовсе не только Кольбер и его помощник... А еще коп! Этот-то как ее нашел? Да еще и приехал вслед за ней в «Надежду»...

Конечно, месье Боннэ позвонил в полицию — но как полицейские догадались о связи между нападением на дом и похищением Давида?.. Ведь когда Шарли отвезла его в клинику Святого Доминика, у них с Джорди уже были другие документы... И у полицейских не было никаких причин искать Давида именно в «Надежде». Но почему этот коп приехал туда? Почему? ПОЧЕМУ?

Шарли буквально заиклилась на этом «почему?», оно повторялось в ее голове раз за разом, словно запись на пластинке, которую заело: *почему? почему?*

— Мам, ты едешь слишком быст... А-а-ааа!

Тревожный голос Давида перерос в крик, когда машину сильно занесло на повороте. Шарли еще крепче сжала руль. Джип вильнул вправо, влево, заскользил вбок и наконец врезался в сугроб. Целый снежный каскад обрушился на лобовое стекло.

Шарли включила «дворники» и облегченно вздохнула, глядя на сугроб, который, казалось, стоял здесь именно для того, чтобы уберечь их от падения в кювет. Иначе говоря, чтобы спасти им жизнь.

— Давид, милый, с тобой все в порядке? Давид!

Давид, сидевший сзади, плотнее завернулся в покрывало:

— Да... Но ты едешь слишком быстро.

Если в его словах и прозвучал упрек, он был едва заметен.

— Да, ты прав, котенок... Извини.

Редкие автомобилисты, проезжавшие мимо, останавливались и стучали в стекло.

— Все хорошо... все в порядке... я просто отвлеклась и потеряла управление...

Наконец Шарли снова тронулась с места, главным образом для того, чтобы не привлекать внимания зевак. В их осуждающих взглядах явственно читалось: «Хороша мамаша!..» Наверняка думали, что она наркоманка. Или полоумная. В любом случае — виновная. В какой-то степени все три упрека были справедливы...

— Еще только одна остановка, Давид, и все, мы уедем далеко-далеко отсюда! На юг...

При мысли об этом Шарли немного приободрилась. Она увезет Давида в Испанию, хотя бы на несколько дней, чтобы он пришел в себя и отдохнул, а она тем временем получит свой выигрыш... хотя в свете последних событий эта перспектива казалась ей все более иллюзорной.

— А эта остановка — в *доме у озера*, да?

Вопрос ее не удивил. Давид был единственным, кому она рассказала о тайнике, где спрятала билет. Если вдруг с ней что-то случится, нужно, чтобы у него остался хоть крошечный шанс получить выигрыш... Пусть даже без нее. Пусть это будет *его* путь к свободе...

— Да. Но совсем ненадолго. Буквально на минуту... Всего одна минута — и мы уедем...

Теперь Шарли вела машину очень осторожно, вплоть до места назначения. Она знала, что идет на риск — в последний раз, как пыталась себя убедить. Копы ведь не оставили у дома круглосуточный наблюдательный пост?.. В конце концов, вчерашнее нападение обошлось без серьезных жертв...

Так или иначе, выбора нет. Каждая минута дорога. Надо как можно быстрее оставить как можно большее расстояние между собой и преследователями — не важно, копами или астрософами... Если бы она сначала завезла Давида в гостиницу, затем поехала сюда, а потом вернулась, чтобы его забрать, она бы сильно сократила их шансы ускользнуть.

Она свернула на подъездную дорогу к дому со смутным ощущением дежавю: все было почти как в вечер ее приезда, если не считать отпечатков шин на снегу и обломанных веток по обе стороны дороги.

Шарли решила не доезжать до самого дома, а остановить машину метрах в ста от него и остаток пути пройти пешком. Если при приближении она заметит какую-то опасность, проще будет незаметно вернуться.

Затем она повернулась к сыну:

— Давид... как ты себя чувствуешь?

— Нормально.

— Правда?

Он кивнул.

Шарли бросила взгляд на его ноги в одних носках и вздохнула. Она не сможет пронести его такое большое расстояние. А подъехать к дому на машине означало огромный риск для них обоих.

— Я не смогу тебя долго нести. К тому же ты не одет... Придется тебе немного посидеть в машине. Все будет хо-

рошо. Ты закроешься изнутри, я оставляю печку включенной...

Давид смотрел на нее, не говоря ни слова. От взгляда его огромных черных глаз у нее сжалось сердце. Найдет ли она в себе силы оставить его одного?

Выбора нет!

В последний раз! И больше никогда! Никогда!

— Я делаю это ради нас, Давид... — с трудом произнесла она. — Я обещала тебе свободу, и я все сделаю, чтобы сдерживать обещание. Ты это знаешь, котенок, не правда ли?

Давид улыбнулся ей слабой улыбкой, печальной и беспомощной. Улыбкой растерянного ребенка, который не может понять, почему все в жизни так... сложно.

— Я люблю тебя больше всего на свете, малыш...

Она отвернулась и внимательно оглядела лес позади них. Пустынно... Кажется, никто их не преследовал. Но все-таки Шарли не могла отделаться от дурного предчувствия.

— Давид, ложись на пол и закутайся в покрывало плотнее, хорошо? На всякий случай. Я скоро вернусь, обещаю!

Шарли вышла и захлопнула за собой дверцу. Потом слегка постучала по стеклу:

— Закройся изнутри!

На миг ей показалось, что Давид хочет ей что-то сказать, но с его губ не сорвалось ни слова. Она подождала, пока он не защелкнет изнутри задвижку и не уляжется на пол, закутавшись в плед.

Когда она полностью убедилась в том, что снаружи его не видно, она углубилась в лес, чувствуя огромную тяжесть на душе.

По пути она несколько раз оглядывалась, чтобы убедиться в отсутствии опасности. Когда с шоссе доносился шум мотора, она каждый раз вздрагивала. Но постепенно шум стихал — машина проезжала мимо.

Вскоре впереди появились смутные очертания дома, скрытого за стеной деревьев, чьи стволы и голые кроны были покрыты инеем.

Спрятавшись за высоким старым тополем, Шарли разглядывала дом. Ничего подозрительного. Никаких дежурных полицейских, никаких ограждений...

Несмотря на все свое нетерпение и желание побыстрее вернуться к Давиду, она еще немного подождала. Ее грызло непонятное беспокойство. Дрожа от холода, она вдруг вспомнила о Джорди. Когда она выберется отсюда, то позвонит ему из первого же придорожного автомата.

Наконец Шарли решила, что путь свободен, вышла из укрытия и направилась прямо к дому. По мере того как она шла по белому безмолвному пространству, ее охватывало чувство умиротворения. Она прекрасно понимала, что это иллюзия, причем опасная. Но только здесь, в этом укромном уголке, вдали от посторонних глаз, она могла почувствовать себя дома, несмотря на все события последних дней. Только здесь, и нигде больше.

Приблизившись к дому, она свернула и уже собиралась обогнуть его, как вдруг ей показалось, что в окне первого этажа чуть дрогнула занавеска.

Или это был случайный отблеск света на окне, сыгравший с ее разыгравшимся воображением злую шутку?

Шарли непроизвольно сжала рукоятку пистолета, лежавшего у нее в кармане куртки, и направилась к входной две-

ри. С каждым шагом ею все сильнее завладевал страх. Недоброе предчувствие вернулось.

Она была здесь не одна.

Подойдя к двери, она взяла в правую руку пистолет, а левую протянула к дверной ручке.

Дверь распахнулась раньше, чем Шарли успела до нее дотронуться. То, что открылось за ней, сперва показалось сценой из какого-то дурного сна.

78

Женщина не произнесла больше ни единого слова. За сорок минут допроса Орели не удалось вытянуть из нее ничего, кроме все той же фразы, которую она твердила с лихорадочным, фанатичным упорством: «Что бы вы ни делали, он все равно спасет мир!»

О ком она говорила? О Кутизи?

Орели сидела напротив Катрин Клермон, сменившей дежурную механическую улыбку на холодный взгляд и поджатые губы. Всем своим видом она показывала, что Орели и Коньо, которые по очереди ее допрашивали, пытаются получить хоть какое-то объяснение, недостойны ее доверия, недостойны разделить ее тайну. Она даже не изъявила желания узнать, за что ее задержали и привели сюда, в эту полупустую комнату с бледно-желтыми стенами. Она не требовала присутствия адвоката. В ней чувствовалась железная убежденность человека, обладающего Знанием. Ее совершенно не интересовали последствия собственного молчания. «После меня — хоть потоп».

— Мадам Клермон, вы причастны к весьма серьезным преступлениям. Итак, я в последний раз прошу вас ответить

на мои вопросы, и надеюсь, что вы сможете избежать худшего. Вчера я спрашивала вас о Джорди Фонте. Также я спрашивала, знакомы ли вы с Анн Шарль Жермон. Насчет Джорди Фонте вы ответили, что он обращался к вам после выхода из тюрьмы по поводу работы, но вы ничего не смогли для него сделать. Что касается Анн Шарль Жермон, вы сказали, что вы ее не знаете. Но в таком случае как вы объясните, что сегодня утром вы направились напрямиком к...

У нее за спиной распахнулась дверь.

— Он звонит! — с порога объявил Коньо.

Орели резко поднялась и вышла в коридор.

— Что с ним случилось? — взволнованно спросила она.

— У него сломался мобильник. Он связался с диспетчерской службой по автомобильной радиии, и его соединили с нами. Кажется, там была серьезная заварушка...

Орели едва удержалась от дальнейших расспросов — она сама много раз тщетно пыталась дозвониться до Тома и уже начала подозревать самое худшее. Коньо провел ее в кабинет, и она схватила лежащую на столе телефонную трубку.

— Что произошло? — торопливо спросила она. В ее голосе звучал упрек и одновременно облегчение. — Мы попытаемся выехать к тебе как можно скорее, и...

— Послушай меня, — прервал ее Тома.

Орели замолчала. По мере того как он рассказывал ей о происшедшем, ее беспокойство все росло. О своей ране он упомянул вскользь, но это не обмануло Орели: рана причиняла ему сильную боль, это чувствовалось по голосу и прерывистому дыханию.

— Я думаю, Шарли по-прежнему в опасности, — заключил он. — Белобрысый уехал, и я понятия не имею, куда он направляется, но если вдруг...

— Ты должен вызвать «скорую», — перебила Орели. — И вообще, бросай это дело немедленно! Судя по твоему рассказу, ты уже в сто раз превысил свои полномочия!

— А у вас есть новости? — спросил Тома, не обращая внимания на ее слова.

Орели заколебалась. Вправе ли она скрывать от него информацию? Промолчать — означало бы защитить Тома, но в то же время и предать. К тому же он был прав: Шарли Жермон, скорее всего, грозила опасность. Бóльшая, чем та могла бы себе представить.

— Орели?..

— Да, — нехотя ответила она и рассказала о событиях сегодняшнего утра.

79

Вдруг вспомнилось...

Ей пятнадцать лет, она только что вернулась из *дома у озера*, где провела полтора месяца вместе с Брижитт.

(Может быть, именно в то лето она отдалась Эргонсо в парке, окружавшем загородное поместье?..)

Итак, она вернулась в Сен-Клу. Матери не было, она не позаботилась о том, чтобы встретить дочь.

Но это не имело значения — за последние месяцы Шарли пристрастилась к кокаину. Сейчас она чувствовала себя просто отлично: бодрой, заряженной энергией на год вперед. Теперь она могла прожить этот год бок о бок с «драконом», тем более что мать сократила общение с ней (заключавшееся в основном в потоках поучений и нотаций) до минимума. Точно так же как сократила

и потребление спиртного. Да, Шарли четко ощущала, что в это лето с матерью произошла какая-то кардинальная перемена.

Впрочем, это не мешало наслаждаться ее отсутствием. К тому же можно было без помех вернуть в ее комнату украшения, которые Шарли тайком у нее одолжила перед отъездом: эти украшения мать никогда не носила.

Но все это совершенно не важно...

Когда Шарли вошла в спальню матери, ей показалось, что она уже очень давно здесь не была, хотя, конечно, это была иллюзия, поскольку в последний раз она заходила сюда полтора месяца назад, накануне отъезда, как раз для того, чтобы тайком забрать из шкатулки украшения. Впрочем, содержимое этой шкатулки мать презрительно называла побрякушками — настоящие драгоценности она хранила в сейфе, код от которого был известен только ей одной.

Шарли аккуратно разложила серьги и кольца на красной шелковой подкладке и уже собиралась уходить, как вдруг ее внимание привлекла одна деталь: книги на ночном столике у изголовья кровати, в ярких разноцветных обложках. Ей стало любопытно.

Приблизившись, она рассмотрела их: на хорошей мелованной бумаге были изображены какие-то таинственные рисунки и схемы, среди которых преобладали изображения звезд и планет. Названия книг были непонятными: «Раскрытие Астры», «Учение Водолея», «Время и Пространство».

Автором всех книг был некий Джошуа Кутизи.

Что это за бред? Новый бзик матери?

Шарли пожала плечами, положила книги на место и вышла.

Все это совершенно не важно...

— Я тебя ждала, Анн Шарль. Может быть, не здесь и не сейчас. Но, учитывая недавние обстоятельства, хочу сказать, что нам суждено было встретиться именно так. Хотя изначально предполагалось, что это произойдет иначе...

Шарли оглядывала просторную гостиную, где так уютно пахло деревом, нагретым камнем, кожей... Как она здесь оказалась? И сколько времени провела? Она не помнила. Слишком сильным было потрясение от неожиданного открытия, которое вдруг резко высветило все непонятные детали недавних и давних событий — ярким, режущим, невыносимым светом. Воспоминание, от которого не осталось никакого следа и которое не всплыло из глубин памяти даже во время терапевтических сеансов в клинике «Надежда». Которое ни разу ее не посещало... вплоть до сегодняшнего дня.

— Нет, это не должно было так произойти... Но когда месье Боннэ рассказал мне, что случилось вчера, я поняла, что возникли... осложнения. Поэтому я решила приехать сюда.

Сейчас все обретало новый смысл; среди прочего и то, что мать периодически куда-то исчезала (как, например, в то лето, когда Шарли прожила полтора месяца в доме у озера), а когда возвращалась, ее манера поведения была... ну не то чтобы идеальной, но, по крайней мере, терпимой. Иными словами, мать становилась ко всему безразличной. Шарли вспомнила и картины в металлических рамках на

стенах клиники — круги, в которых, словно цветы, распускались многолучевые звезды. Похожие рисунки были и в книгах, которые она нашла в спальне матери. Астрософия... Допамнезин... Вот почему преследователи так легко ее нашли...

...Потому что мать была их сообщницей! Если не вдохновительницей.

— Ты была в самом центре событий, Шарли, — произнесла сидящая напротив нее ухоженная пожилая женщина: волосы искусно мелированы, «сельский» наряд прост, но явно недешев, взгляд голубых глаз, устремленных на Шарли, спокоен и безмятежен.

Шарли наконец нашла в себе силы заговорить:

— Что ты сделала, мама? Что ты *с нами* сделала?!

— Ничего! Во всем, что с тобой случилось, виновата только ты! — сурово произнесла Лиан Жермон. — Если бы ты не потеряла голову во время курса лечения, если бы ты не сбежала из клиники, ничего с тобой не случилось бы! Ты слышишь? Ничего! Хотя надо признать, что в конечном счете все обернулось во благо.

— Во благо?! Как... как ты смеешь такое говорить? Они... они похитили Давида! Твоего внука! А этот тип... Кольбер... он хотел меня изнасиловать и убить!..

— Я тебе уже сказала, что ничего этого не должно было случиться!

Голос матери теперь звучал громче и резче.

— Никогда! — добавила она. — Я не знаю, каким образом этот молодой человек вдруг оказался рядом с тобой. Однако он пользовался доверием... впрочем, неважно. Джорди был выбран для того, чтобы тебя защитить.

Лиан Жермон внимательно изучала лицо дочери, у которой был такой вид, словно ей неожиданно вонзили нож в спину.

— Ты бросилась в его объятия, не так ли? О, я была в этом уверена, — произнесла она с явным удовлетворением. — А как ты думаешь, почему ему поручили эту миссию? Мы знали его историю. Мы знали, что он не останется равнодушным, увидев, как с тобой обходится твой... тогдашний партнер.

Шарли вдруг вспомнила слова Джорди, которыми он завершил рассказ о себе: «Я часто спрашивал себя, почему именно мне доверили эту миссию. Ведь они знали, через что я прошел. Они не могли не догадываться, что я не смогу спокойно на это смотреть...»

Значит, им манипулировали, так же как и ею. Чтобы он ее защитил... Нет, не ее! Давида! Именно Давид представлял для них наибольшую ценность...

— О, дочь моя, дочь моя! — произнесла Лиан Жермон с пафосом, совершенно излишним в данных обстоятельствах. — Ты даже не понимаешь, насколько важен твой сын для нас! Для всех нас! Ты даже не знаешь, что только он, он один, может спасти мир!

80

Шаги по снегу. Слабое ритмичное поскрипывание. Все ближе и ближе...

Давид еще глубже зарылся в шерстяное покрывало, чувствуя, как все внутри леденеет от страха.

Он сжался в комок, инстинктивно пытаясь вжаться в пол за водителем сиденьем, уткнувшись лицом в пыль-

ный коврик, усеянный хлебными крошками и капельками от растаявшего снега. Он весь дрожал — прежде всего от страха, но еще и от холода. Он знал, что происходит, и не хотел, чтобы *она* догадалась о его присутствии. На всякий случай он даже вынул ключи зажигания и выключил печку. Лежа на полу, он чувствовал, как тянет холодом из-под дверцы.

Шаги все приближались. Они казались ему невероятно медленными и тяжелыми. Это была настоящая пытка.

Вот они еще немного приблизились... и остановились.

Теперь она была всего в нескольких метрах.

Шаг... другой... и последний.

Тишина. Глубокая, бесконечная тишина.

Сопротивляться было невозможно. Он знал, что произойдет, но все равно не мог ничего сделать, чтобы этого избежать. Потому что нельзя избежать будущего — это он четко усвоил после сна, в котором увидел выигрышные номера лотереи.

Кончиком пальца, очень осторожно, он сдвинул покрывало буквально на миллиметр и попытался разглядеть в образовавшуюся узенькую щелку что-нибудь за окном. И тогда он ее увидел. Она стояла у самого окна, слегка наклонившись, и пристально вглядывалась вглубь салона. Она была точь-в-точь такой же, как в его ночных кошмарах и «воспоминаниях» наяву. Нет, даже хуже! Она оказалась гораздо выше, а ее лицо, обрамленное пышным меховым воротником... о, воистину оно было нечеловеческим!

Существо еще долго вглядывалось внутрь автомобиля, и на его лице читалась жестокая радость, гурманское предвкушение добычи, словно у хищника, загнавшего жертву,

отчего оно казалось еще страшней. Наконец оно исчезло. Снова слышались шаги — на сей раз они удалялись.

Давид еще несколько минут лежал неподвижно.

Так надо, повторял он себе. Так надо.

Наконец он отбросил покрывало и встал.

Время пришло. Он должен был спасти маму. И погибнуть сам. В этом у него не было ни малейшего сомнения: всякий раз, когда он пытался разглядеть будущее, он видел лишь непроницаемую черную пелену. Она обволакивала его и уносила далеко-далеко... в никуда.

Было уже поздно пытаться что-то изменить — в голове сам собой сложился приказ: *пробудить силу*. И почти сразу Давид почувствовал, как по всему его телу при каждом ударе сердца словно расходятся волны — *нечто* стремилось вырваться наружу.

81

— Этот мир скоро погрузится во тьму, Анн Шарль, — бесстрастно говорила Лиан Жермон тоном профессора, читающего лекцию, сидя напротив потрясенной, совершенно оглушенной дочери. — Ты ведь тоже это чувствуешь, не так ли? Это неизбежно. Все, что мы знали до сих пор, все, чего достигло современное человечество, скоро развеется как дым. Близится конец эры, Анн Шарль. На всех уровнях: экономическом, религиозном, социальном. На всех.

Шарли не знала, что сказать. С каких пор ее мать беспокоится о судьбе всего мира? И какое отношение это имеет к Давиду? Ей казалось, что вместо недавнего черного кошмара ее окутывает багровая пелена безумия.

— Эра Рыб близится к концу. Ты знаешь, каковы ценности Рыб? Нет конечно же. Любовь, бегство от реальности, набожность, склонность к мистицизму. Начало Эры Рыб совпадает с рождением Христа. Это христианская эра, которая в итоге и создала тот мир, который нас сейчас окружает.

Но она вот-вот закончится, и настанет Эра Водолея. Это будет время науки, объединенного человечества, глобализма, коммуникации. Развитие индивидуальности будет гармонично сочетаться с коллективным мышлением. Это можно заметить уже сейчас: телевидение, Интернет, пацифизм, демократия, экология, стирание границ — все это признаки близящейся Эры Водолея! И этой эре нужен свой мессия! Единственное, уникальное создание, которое сможет сокрушить тех, *других!* Тех, кто обманывает, манипулирует, ловчит, чтобы сохранять свою нынешнюю власть. Ты понимаешь это, Анн Шарль? — Голос матери сорвался на крик. — Ведь они правят миром! Они попирают демократию, чтобы держать весь мир под контролем, — все эти финансовые компании, банки, семейные кланы... Все те, кто предпочитает держаться в тени.

Шарли встряхнула головой, пытаясь собраться с мыслями. Она не верила своим ушам. Это невозможно! Женщина, сидящая напротив нее, не была ее матерью, не была той Лиан Жермон, какой она ее прежде знала.

Но так ли это? Ведь неизвестно, что произошло с матерью за те десять лет, что они не виделись. Неизвестно, какой внутренний путь она прошла с того времени, как избавилась от алкогольной зависимости. Какое влияние в действительности оказала на нее астрософия, если уж дело дошло до бредовых теорий о мировом заговоре...

А ведь именно об этом шла речь — Шарли понимала все с полуслова. Несмотря на то что в последние восемь лет она вела жизнь типичной домохозяйки, умирая от скуки в четырех стенах в унылом городском предместье, она, как и все остальные, слышала по телевизору о происходящем в мире. В ее памяти четко отпечатывались имена и события: 11 сентября, Рокфеллеры, Буши, «Череп и кости»¹... Она понимала, что мир управляется немногочисленными индивидуумами, которые развязывают и прекращают войны, исходя из собственных интересов, действуют с бесконечным цинизмом, не брезгуют подлогами и огромными взятками, кормят людей массовыми развлечениями, вроде концертов поп-звезд, как древние римляне — гладиаторскими боями, чтобы отвлечь их внимание от насущных проблем, убаюкать их иллюзией «всемогущей демократии». Политики во всех концах света все чаще упоминали какой-то «новый мировой порядок», но никто даже не пытался как-то определить, объяснить, расшифровать то, что под этим понималось. Да, она слышала обо всем этом, причем, по иронии судьбы, единственным живым, а не телевизионным комментатором мировых новостей для нее был Серж, который тоже постоянно твердил: заговоры, сплошные заговоры кругом, — впрочем, видя ее недоверчиво-ироническую улыбку, быстро прекращал разглагольствования на эту тему.

— Твой отец тоже один из них, — холодно добавила мать. — Да, он один из них! Ты думаешь, он просто рассла-

¹ «Череп и кости» — тайное общество студентов Йельского университета, из числа которых вышли многие представители американской политической элиты.

бляется где-нибудь на Багамских островах, но это не так. То есть, возможно, он в основном проводит время именно там, но вместе с тем он является членом одного закрытого клуба и нескольких организаций, которые...

И Лиан Жермон принялась сыпать названиями каких-то комитетов, клубов, тайных обществ; называть имена, одни из которых были известны во всем мире, другие говорили Шарли не больше, чем имена демонов, обитающих в разных кругах ада, о которых упоминал Данте. Она лишь выхватывала из потока непонятных сведений какие-то знакомые слова: «Трехсторонний», «Бильдербергский», — которые, впрочем, для нее почти ничего не значили. Зато мало-помалу перед ней начинала брезжить истина.

— Ты думаешь, он меня поддерживал? Ну да, что-то он мне подбрасывал, но по сравнению с его состоянием это капля в море! У него огромное состояние! Огромное! И его власть... невероятно пагубна!

Какова была доля правды в этих бредовых утверждениях?.. Что мать действительно могла знать о реальных делах своего бывшего мужа и что ей наплели астрософы, когда увидели, что такая роскошная добыча, как Лиан Жермон, сама плывет к ним в сети?

Шарли слышала о чем-то подобном множество раз. Но у нее не было времени задуматься — мать продолжала говорить, все более лихорадочно:

— Теперь ты понимаешь?.. Понимаешь, что судьба предназначила Давиду? Он сын Водолея. Ребенок с невероятными способностями, вдобавок харизматичный, он приведет наш мир в новую эпоху, освободит его от тех, кто несет ему гибель, кто хочет использовать силу Водолея для установле-

ния мировой диктатуры! Хочешь ты того или нет, Шарли, но Давид не сможет избежать своей участи! Это начертано в его Астре! Я ее изучила после того, как узнала дату его рождения у Массиака. Конфигурация звезд в момент его рождения была уникальной! И судьба, которая ему предначертана, тоже уникальна! Ты не сможешь нас остановить! И не сможешь остановить его! Ведь не случайно так получилось, что ты привела Давида именно к этому врачу! Вот почему Давид — единственный выживший: так было предначертано! Ты понимаешь: предначертано! Таких, как он, не должно было остаться двое, трое или четверо. Только один! Мессия всегда один!

Шарли инстинктивно обхватила голову руками, словно пытаясь защититься от всего этого ужаса.

Нет, Лиан Жермон, ее мать, не беспокоилась о судьбах мира. Она преследовала лишь одну цель: стать в некотором роде наставницей пророка, раз уж не получилось стать его матерью. Стоять рядом с этим исключительным существом. С этим ребенком, который заменит ей Шарля, ее сына, умершего тридцать лет назад. Ради этого она готова была пожертвовать собственной дочерью. Кроме того, она стремилась поквитаться с мужем, который предал ее, а затем много лет унижал подачками.

И вот при поддержке небольшой группы фанатиков Лиан Жермон затеяла безумную, очень рискованную операцию. Совершенно не считаясь с тем, что окружающая реальность незыблема и никто не может повлиять на неумолимый ход вещей.

Да и потом, что она собиралась делать с Давидом? Воспитывать его как будущего мессию?.. А тем временем все эти

доктора и профессора изучали бы его и разве что не препарировали бы, как лягушку?..

— Я знаю, что ты все еще не понимаешь всей важности Давида, — продолжала мать. — Но ты не должна недооценивать его роль. Ни в коем случае! Нас гораздо больше, чем ты думаешь. И еще больше людей ждут появления того, кто наконец-то изменит мир. И хотя все произошло не так, как должно было произойти, но ни ты, ни кто-либо другой не может изменить предначертанный ход событий. Теперь тебе предстоит сделать выбор — помогать нам, поддерживать нас, позволить Давиду выполнить свою миссию или...

Внезапно раздавшийся выстрел заставил обеих оцепенеть. Потом Лиан Жермон медленно поднесла руку к груди, на которой расплозалось темное густое пятно, пошатнулась и рухнула на пол. В ее широко раскрытых глазах читалось безграничное удивление.

— Мама!

Шарли бросилась к матери и вдруг услышала за спиной какой-то слабый шорох. Она резко обернулась.

В дверном проеме возник высокий, узкий и как будто бесплотный силуэт. Он бесшумно проник в комнату и двинулся вперед, к свету.

82

Вдове казалось, что вся ее жизнь наконец обрела смысл — именно здесь и сейчас. Словно бы каждый ее шаг, каждый поступок, начиная с отъезда с Кубы, были звеньями одной цепи, которая наконец привела ее сюда, в этот большой де-

ревянный дом, затерянный в зимнем лесу, к этой женщине... Сначала проституция, потом бунт против сутенера, потом тщательное, методичное сооружение своего собственного небольшого королевства, частью которого был и клуб «Эль Паласио», куда поступила на работу Шарли, а одним из источников доходов был наркотрафик, который невозможно было бы осуществлять без помощи продажных копов вроде Тевеннена, чей мертвый палец указал ей на скомканный клочок бумаги. Жизнь, полная борьбы и страданий, трагедия, достойная голливудского экрана. Мотор, хлопущка... и вот наконец счастливый финал.

— Это твоя мать, я полагаю? — небрежно спросила она вместо приветствия.

Шарли поддерживала голову матери, чьи широко раскрытые глаза невидяще смотрели на нее, в то время как кровь продолжала струиться из раны. Странная темная тень приближалась. Из-за черной шубы с огромным меховым воротником, чьи длинные ворсинки колыхались, словно перья, очертания фигуры были размыты. Ярко-рыжие волосы казались пылающей огненной короной, глаза горели как два черных бриллианта. Настоящий ангел смерти...

— Да уж, заставила ты меня побегать, Анн Шарль, — продолжало это странное создание. Однако его слова не имели для Шарли никакого смысла — она физически ощущала, как жизнь матери буквально утекает у нее из рук. От острого запаха крови у нее все плыло перед глазами, в голове продолжал звучать вопрос, который она не успела задать матери: кто такие *другие*, о которых она говорила, и не является ли убийца одним из них?

Но этот голос... резкий, металлический.

— Или называть тебя Софи? Как тебе больше нравится?

Это имя словно переключило какой-то рычажок в ее мозгу.

— Кле... Клео?..

Вдова улыбнулась, обнажив два ряда великолепных, сияющих зубов. Однако Шарли все еще не могла осознать, что перед ней живое существо из плоти и крови. Скорее оно походило на призрак... Призрак, явившийся из прошлой жизни. Еще один. Последняя деталь пазла, который представляла собой ее исковерканная жизнь...

— Ей конец, — холодно произнесло существо, указывая на неподвижное тело на руках Шарли дулом своего револьвера.

Эти слова вывели Шарли из оцепенения, и она переключила все внимание на мать, больше не обращая внимания на призрачное существо.

Лиан Жермон, чье лицо теперь приобрело восковой оттенок, изредка слабо моргала, но жизнь уже покидала ее. Кровь, заливающая руки и одежду Шарли, давала странно-жутковатое двойное ощущение животного тепла и смертельного холода.

К своему удивлению, Шарли чувствовала глубокую скорбь и пробуждение запоздалой любви к матери. Она шепотом повторяла одну и ту же фразу, словно молитву:

— Держись, мама... держись...

— Я бы на твоём месте сама ее прикончила, — равнодушно бросила Вдова. — Судя по тому, что я слышала, это было бы вполне заслуженно. Но уж конечно, мама — это святое... даже для французов!

Шарли не знала, что ответить. Все происходящее казалось ей нереальным, словно во сне.

— Да, ты заставила меня побегать, Шарли, — снова повторила Вдова. — Но я на тебя не в обиде. Это была достойная схватка. Я даже готова признать, что у тебя были веские причины убить этого подонка, твоего мужа... но, видишь ли, он задолжал мне деньги. Много денег.

Шарли наконец подняла голову и взглянула на свою бывшую патронессу. Она всегда боялась Вдову. Не потому, что знала обо всех деталях ее бизнеса: работая в клубе, она почти не общалась с другими девушками и не прислушивалась к их болтовне. Но она чувствовала, что хозяйку заведения окружает какая-то темная, непроницаемая, смертоносная аура. И вот теперь эта смерть настигла ее мать и собиралась обрушиться на нее.

Но за что?

— Странная вещь — судьба, — задумчиво продолжала Клео. — Я помню, что собиралась тебя уволить из «Эль Паласио». Ты хорошо танцевала, но... чувствовалось, что ты не на своем месте. Ты не подходила для этого заведения. Но, сама не знаю почему, я этого не сделала. Случайность?.. — Вместо ответа Вдова покачала головой и горько улыбнулась.

Шарли почему-то показалось, что двигался лишь ее череп, а огненная шевелюра оставалась неподвижной, словно в подтверждение нереальности всей этой сцены. Какой-то дурацкий трюк из третьесортного фильма...

— Но я уже давно не верю в случайности, — продолжала Вдова. — И как выяснилось, не зря: если бы я не заинтересовалась твоей персоной и не просмотрела твою анкету, я бы тебя никогда не вспомнила. Но вот, как видишь, я здесь. Все

случившееся имеет смысл. Это судьба. El destino¹. Когда я в тот вечер заехала к тебе — то есть к вам, — я даже представить себе не могла, что вернусь на тридцать четыре миллиона богаче.

Постепенно Шарли начала понимать, в чем дело.

— Теперь тебе ясно? — спросила Вдова. — Да, я там была. Он еще не успел остыть. И знаешь, что я нашла на полу рядом с ним?

Листок с цифрами... Тот самый, который Серж все еще держал в руке, когда она ударила его ножом... Листок, который дал ей Давид...

Давид!

— Где он? — воскликнула Шарли.

Вдова взглянула на нее с непритворным удивлением. О ком она говорит?..

— Мой сын! Где мой сын? — закричала Шарли и, осторожно переместив голову матери со своих колен на пол, выпрямилась во весь рост.

Вдова тут же навела на нее револьвер:

— Ни с места, puta²!

Шарли замерла.

— Ты о чем... — начала было Вдова, но тут же все поняла: в машине на полу лежал свернутый плед. Мальчишка был там, под этим пледом!

Конечно же он был не в доме — он бы сюда просто не дошел. Клео заметила, в каком он был состоянии, когда Шарли убежала из клиники, неся его на руках. Опьяненная успехом, близостью вождеденных денег и предвкушением свободы,

¹ Судьба (*исп.*).

² Сука (*исп.*).

Клео упустила из виду эту немаловажную деталь: мальчишка все еще скрывался в машине.

— Отдай мне этот гребаный билет! — сквозь зубы процедила Клео. — Отдай мне *мои* деньги! Иначе ты больше не увидишь своего сына живым. Я приехала сюда не одна. Если через три минуты я не вернусь к своей машине с билетом, мальчишку изрежут на кусочки. Это будут делать медленно, у тебя на глазах, пока ты не уступишь. Ясно? В последний раз говорю: отдай мне билет!

Шарли почувствовала, как вся кровь отхлынула у нее от лица. Если Давид окажется в руках наемников Вдовы, это будет гораздо ужаснее, чем если он попадет в руки астрософфов. Первые убьют его без колебаний.

— Билет спрятан в другом месте, не здесь... — с трудом произнесла она. — Я отдам его тебе, но мне нужны гарантии. Я хочу быть уверена, что с моим сыном все будет в порядке...

— А если я просто разнесу тебе башку? Как тебе такая гарантия?

Выиграть время. В очередной раз. Хотя к чему?.. По лицу Вдовы Шарли догадывалась, что та потеряла голову от жадности. Как только билет окажется к нее в руках, она ее убьет. У Вдовы попросту не будет другого выбора — она ведь уже застрелила Лиан Жермон, хотя в этом не было никакой необходимости. Сейчас, когда мать истекала кровью, Шарли понимала, что дорога каждая секунда... Как же спасти Давида?..

У нее кружилась голова. Положение было безвыходным: со всех сторон ей угрожала смертельная опасность. Она чувствовала себя загнанным зверем, со всех сторон окруженным охотниками... и вдруг...

Какой-то шум снаружи.

Вдова тут же направила на дверь револьвер.

Дверь гостиной распахнулась с такой силой, что обе женщины невольно вздрогнули. В комнату ворвался поток ледяного воздуха. На пороге дома виднелась маленькая дрожащая фигурка.

И тут же в голове Шарли, словно отзвук далекого эха, раздалось одно-единственное слово: «Сильнее!..»

83

Джорди остановил машину, старую «тойоту», которую с большим сожалением вынужден был одолжить на стоянке возле гостиницы без ведома владельца. Правда, он оставил двойную плату за номер на ночном столике у изголовья кровати, а о местонахождении машины собирался позднее сообщить в гостиницу по телефону.

Впереди он заметил знакомые очертания черного джипа «чероки», наполовину скрытого за деревьями, и понял, что Шарли проявила разумную осторожность, оставив автомобиль в сотне метров от дома. Значит, она все еще здесь. По идее, Джорди должен был бы этому порадоваться, но никакой радости он не испытывал. Прежде чем направиться сюда, он заехал в клинику Святого Доминика, где множество полицейских машин и всеобщая суэта подтвердили его худшее подозрение: Давида похитили. Что еще могло вызвать подобный переполох?

К тому же скоро он понял, что был не единственным, кто следовал за Шарли, — на снегу он различил цепочку следов, тянувшихся от леса к дому, совсем свежих.

Кто же шел пешком через лес?

Он остановил свою машину возле джипа Шарли, вышел и осмотрел окрестности. Убедившись, что никого поблизости нет, он принялся более внимательно изучать следы. Они вели напрямиком к джипу. Судя по размеру, это были мужские следы.

Человек обошел машину несколько раз — снег был основательно утопан. Кажется, визитер подолгу топтался у каждой дверцы — наверняка пытался разглядеть, что внутри...

Но что-то было не так...

Джорди на мгновение прикрыл глаза, потом, наклонившись, внимательнее изучил отпечатки на снегу. И почувствовал, как его руки покрываются гусиной кожей: кроме следов ботинок, оставленных взрослым человеком, он увидел маленький четкий отпечаток необутой детской ноги!

Цепочка этих отпечатков также тянулась к дому. Джорди резко выпрямился, выхватил из-за пояса пистолет и устремился в том же направлении.

84

Шарли не отрываясь смотрела на сына — но был ли это в самом деле ее сын? У нее было ощущение, что дверь в гостиную распахнулась сама по себе, потому что с того места, где Давид стоял, он не смог бы до нее дотянуться. Но это было ничто по сравнению с тем, как Давид выглядел. Его глаза буквально вылезли из орбит, и в них была сплошная чернота. Лицо с запавшими щеками, напротив, было таким бледным, словно всю кровь из него высосал какой-то внутренний вампир. Давид неподвижно стоял у двери и даже

не дрожал, несмотря на то что температура в комнате понижалась с каждой секундой.

— Да... Давид?... — пролепетала Шарли и сделала шаг ему навстречу.

— Не двигаться! — приказала Вдова.

Шарли остановилась и взглянула на нее. Клео слегка склонила голову набок, словно собака, увидевшая что-то любопытное. Потом Шарли с ужасом увидела, что она приближается к Давиду, слегка выставив вперед полусогнутые пальцы с длинными острыми ногтями, словно собираясь его схватить. При этом одна ее рука по-прежнему продолжала сжимать миниатюрный револьвер.

Но вдруг Клео замерла: Давид тронулся с места ей навстречу. Входная дверь за ним захлопнулась сама собой.

— Давид... Не надо... не надо *это* усиливать... пожалуйста...

Голос Шарли звучал еле слышно, почти боязливо — впервые в жизни она действительно ощутила исходящую от сына энергию. Это было похоже на поток электрических частиц, на чередующиеся волны жара и холода.

— Давид! — повторила она уже громче.

Но он ее не слышал. Он даже не взглянул в ее сторону. Взгляд его огромных черных глаз был устремлен прямо на Вдову, но он как будто ее не видел. Или наоборот — не видел ничего, кроме нее.

Клео удивленно смотрела на него. Потом в ее взгляде промелькнула тревога.

Она ни о чем не догадывается, поняла Шарли. Она ведь даже не знает...

...всей разрушительной силы Давида...

— Давид, — заговорила она, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно естественнее, — успокойся... Не надо пробуждать силу... Давид, послушай меня... Не надо!

— Что это за херня? — в ярости воскликнула Вдова, приближаясь к Давиду.

...Сильнее...

Револьвер вылетел из ее руки так резко, что она не удержалась от вскрика. На сей раз он пролетел не пару метров, как в случае с оружием Кольбера, — он вообще скрылся из виду и упал где-то в кухне. Шарли услышала грохот разбитой посуды и выстрел, а сразу вслед за этим — свист. Пламя в камине резко взметнулось вверх.

Глаза Клео расширились. Она изумленно посмотрела на свою руку, затем перевела взгляд на камин, пламя в котором полыхало как огромный костер.

Шарли воспользовалась ее минутным замешательством и бросилась к ней. Но Клео не зря прошла школу уличных драк — в ее руке мгновенно появилась выхваченная из рукава опасная бритва.

Давид повернулся к матери.

Шарли была уже в прыжке — еще секунда, и она наткнулась бы на выставленное вперед лезвие...

...Сильнее!..

...но вдруг ощутила, как мощный поток энергии с силой оттолкнул ее назад. Удар Клео пришелся в пустоту. Стекла в окнах одновременно разлетелись вдребезги. Книги сорвались с полок и закружились в воздухе.

Шарли упала недалеко от двери, сильно ударившись об пол. Но от ужаса она почти не чувствовала боли. Потoki энергии пронизывали комнату насквозь, с каждой минутой

становясь сильнее и смешиваясь с ледяным ветром — Шарли не могла понять, дул ли ветер снаружи через разбитые окна или... это было дыхание силы, бушующей внутри дома.

Он же умрет!.. Он потерял контроль над своей силой, и она его уничтожит!..

— Давид!.. — закричала она, но тут же поняла, что он ее не услышит — она с трудом слышала сама себя. В комнате стоял страшный шум... нет, скорее грохот, напоминающий громовые раскаты.

— Давид! Посмотри на меня! Давид! — Шарли попыталась подойти к нему, но не смогла — его сила удерживала ее на расстоянии. И тогда она с ужасом поняла: *ему это нравится! Это доставляет ему удовольствие! Он не хочет это останавливать!*

Вдова больше не обращала внимания на Шарли, полностью сосредоточившись на своем новом неожиданном противнике. Каким-то краешком сознания она отдавала себе отчет в том что перед ней ребенок, всего лишь ребенок. А она никогда не убивала детей. Кроме Эдисона.

Но нет, сейчас перед ней был не просто ребенок. Скорее какой-то маленький демон. Он собирался противостоять воле Бога, который привел ее сюда!

Но никто не мог противостоять Вдове — даже сам дьявол.

Больше не обращая внимания на бушующий вокруг хаос, от которого содрогались стены дома, она сжала рукоятку бритвы изо всех сил — крепкой хваткой разъяренного мужчины.

Последнее, что увидела Шарли перед тем, как потерять сознание, была Вдова, бросившаяся к Давиду с воп-

лем: «...и да-же сам дьявол!..», — которому ответил пришедший из ниоткуда голос:

— СИЛЬНЕЕ!

85

Тома не переставая прокручивал в памяти рассказ Орели: «Хозяйка книжного магазина, очевидно, пыталась, как и мы, связаться с матерью Шарли, но также безуспешно. И тогда решила отправиться прямо к ней, в Сен-Клу. Там мы ее и задержали — возле дома Лиан Жермон...»

И с тех пор задержанная не произнесла ни слова, кроме загадочной фразы: «Вы уже не помешаете ему спасти мир!» О ком она говорила? И о каком спасении?.. Ему все еще не удавалось сложить в общую картину множество отдельных элементов — астрософия, эра Водолея, скандал вокруг медицинских экспериментов в клинике «Надежда», недавнее похищение Давида... И вот теперь еще — мать Шарли... Но мало-помалу истина начинала открываться перед ним. Он начинал прослеживать некую логику во всем этом хаосе, безумии и фанатизме. Он понял, что в центре всех этих событий, давних и недавних, была не Шарли, а ее сын.

Он остановился у поворота на боковую дорожку, ведущую к дому семьи Жермон. Лиан Жермон приехала сюда?

Тома вздохнул. Ему-то уж точно не стоило сюда приезжать. Он промыл рану спиртным из найденной в машине бутылки, затем тщательно перевязал, но все равно она постоянно напоминала о себе пульсирующей болью. К тому же вскоре после того, как он добрался до рации, к клинике «Надежда» съехалась целая армия копов — очевидно, его

аргументы, перемежаемые крепкими выражениями, возымели свое действие. Так что в его дальнейшем присутствии не было никакой необходимости. Но он твердо решил идти до конца.

Он машинально взглянул на часы на приборной доске, ощущая все большее нетерпение. И смутное беспокойство.

Наконец, миновав коридор из заснеженных деревьев, он увидел впереди дом, а совсем близко — два автомобиля. Он тут же узнал джип «чероки», на котором Шарли увезла сына из клиники.

Она была здесь! Они были здесь! Но кому принадлежала старая красная «тойота»?.. Сторожу? Вдове?

Он выругался сквозь зубы, пытаясь понять, с какими еще говенными сюрпризами предстоит столкнуться. В конце концов он решил, что разбираться с этим все равно придется на месте, и распахнул дверцу машины. Он уже выставил здоровую ногу наружу, как вдруг нечто необыкновенное заставило его замереть.

Тома встряхнул головой, пытаясь убедить себя, что это галлюцинация. Потому что... такое было просто невозможно.

Он подождал несколько секунд. Ничего. Значит, обычная слуховая галлюцинация. Он слышал птичье пение, шум ветра в кронах деревьев — и больше ничего.

Он вышел из машины и, перенеся вес тела на раненую ногу, крепко стиснул зубы от боли. Какое-то время он стоял на месте, пытаясь преодолеть боль, и тут снова услышал голос, подтвердивший его самые безумные теории.

Этот голос шел словно из ниоткуда... напрямую в его сознание.

Детский голос яростно выкрикивал одно-единственное слово, повторяемое многократным эхом: «Сильнее!..»

86

Куда бы он ни повернул, со всех сторон его окружала плотная стена деревьев, непроницаемая завеса покрытых снегом ветвей, холодная и враждебная белизна. Однако Жозеф Кольбер знал: он идет в правильном направлении. Дом находился примерно в полукилометре отсюда — от этого наиболее дикого и дремучего участка леса, через который он решил пробираться. Рано или поздно он должен был выйти на открытое пространство, где много лет назад глава семьи Жермон решил построить загородный дом.

Кольбер был не в лучшем состоянии для подобной авантюры: раненный в голову, весь во власти боли и ярости, порой впадающий в полузабытье, он лишь с большим трудом выдерживал этот импровизированный марш-бросок. Перед глазами плыли красные круги, и порой только сверлящая боль помогала понять, что он по-прежнему в сознании. Но полностью завладевшее им безумие удваивало его силы, вопреки законам природы и психики. В каком-то смысле оно даже заменило ему разум: он понимал, где нужно свернуть, где проявить больше осторожности, чтобы не оступиться, как не сбиться с пути и при этом остаться незамеченным — свой «лендровер» он бросил на обочине шоссе, не доезжая километра три до поворота на боковую дорогу, ведущую к дому.

Мотив, побуждающий его двигаться вперед, теперь был один-единственный: *прикончить ее!* Он забыл о деньгах,

о своих былых мечтах о безбедной жизни, о Давиде, об астрософии... Забыл даже о Жозефе Кольбере. Человек, который брел через лес, пошатываясь и хрипло дыша, утратил свое имя. У него остались только образы — Шарли в объятиях Эргонсо; ощущения — Шарли в его власти, его рука стискивает ей горло; и единственная цель — *прикончить ее*. Покончить с этим кошмаром. С ней... И с собой.

Вот почему он шел к дому через лес. Еще недавно он был уверен, что она не окажется настолько глупа, чтобы вернуться в это место снова, но, когда он очнулся в пустой палате клиники «Надежда», цель пришла к нему словно сама собой: загородный дом Жермонов. Даже если он не найдет там Шарли, там могут обнаружиться какие-то указания на то, куда она собиралась отправиться дальше, какой-то след, идя по которому он сможет ее отыскать. Это его последний шанс.

Он споткнулся о скрытый под снегом корень, пошатнулся и едва не упал. От резкого движения боль пронзила голову десятками острых иголок. На сей раз она была такой сильной, что на мгновение вырвала его из того полубредового состояния, в котором он пребывал с тех пор, как вышел из машины на обочине шоссе. Голову словно стиснул стальной обруч; казалось, она вот-вот взорвется. Обхватив ее руками, он ощутил на них густую запекшуюся кровь. Этот жест не принес ему облегчения, но...

...Шарли...

...вернул его к реальности. Оглядевшись, он спросил себя, не заблудился ли. Эта часть леса казалась совершенно дикой, и за деревьями не было видно ничего, кроме других деревьев. Долго ли он шел? Он потерял всякое ощущение време-

ни. Ему казалось, что события в клинике «Надежда» произошли несколько дней назад, хотя он знал — *точно знал!* — что с тех пор минул всего час с небольшим. Он помнил, как очнулся... помнил голос Шарли, донесшийся с первого этажа, и отвечающий ей мужской голос... но не голос Такиса, потому что Такис ведь был мертв, не правда ли?.. Мысль об этом вызвала у него горечь и сожаление, ощущение потери, даже заброшенности. Он понимал, что теперь обречен на вечное одиночество.

Но если это не Такис, то кто? Джорди?..

Через минуту он услышал грохот стальной решетки и, с трудом найдя в себе силы дотащить до окна, увидел быстро удаляющийся джип «чероки». Шарли уехала в нем, Кольбер был в этом уверен. Он с силой прижал обе ладони ко рту, чтобы удержать рвущийся наружу вопль.

Он не знал, остается ли по-прежнему внизу тот мужчина, который недавно говорил с Шарли, и на всякий случай, решив, что в его состоянии лучше не рисковать, спустился вниз по боковой лестнице и вышел наружу через запасной выход. Затем сел в «лендровер» и направился сюда, к загородному дому Жермонов.

...Шарли...

...Шарли, которая посмела!..

Гнев снова вспыхнул в нем, застывая глаза красной пеленой. Воспоминания были настолько мучительны, что он даже забыл о боли. Забыл о времени, о провале своих планов и снова тронулся в путь, не слишком хорошо представляя, в правильном ли направлении идет, спотыкаясь и пошатываясь. Он уже не чувствовал ни холода, ни боли от раны и царапающих кожу веток. В перерывах между приступами

дурноты он пытался как-то определить верное направление — он помнил, что дом должен вскоре появиться слева...

...сильнее...

Голос донесся откуда-то издалека и сначала даже не испугал его. Но уже через несколько секунд человек, которого некогда звали Жозеф Кольбер, замер на месте, прижавшись к заснеженному стволу дерева и оцепенев от страха. Он узнал голос мальчишки, который, по каким-то необъяснимым причинам, внушал ему бесконечный ужас.

И вдруг его осенило: если мальчишка был здесь, то... Шарли тоже! *Шарли тоже!*

Кольбер схватил пистолет, который отыскал перед тем, как покинуть клинику, и почти бегом бросился вперед.

Сила его безумия была такова, что она победила животный страх и почти полностью блокировала инстинкт выживания.

Он понял, что движется в верном направлении, когда во второй раз услышал тот же голос — уже громче и отчетливее:

...Сильнее!..

87

...Сильнее!

Джорди был уже на середине поляны, когда перед ним предстало завораживающее зрелище: стены дома буквально зашатались, словно при землетрясении. Внутри что-то загрохотало. Джорди бегом преодолел последние метры, и в тот самый момент, когда он оказался у порога, одно из окон взорвалось изнутри, осыпав его дождем осколков. Не обра-

щая внимания на порезы, он попытался открыть дверь, но тщетно. Какая-то сила заблокировала ее, и она не поддавалась ни на миллиметр.

...Сильнее!

Взорвалось второе окно. Джорди едва успел броситься на землю и закрыть голову руками. Снова раздался грохот, причину которого никак нельзя было понять. Звучал ли он на самом деле? Или это была просто галлюцинация?

Может быть, удастся попасть в дом с другого входа?

Он обошел фасад и увидел дверь, ведущую в полуподвальную прачечную. Она была открыта — точнее, взломана. Грохот усилился, к нему добавился пронзительный, ужасающий детский голос, выкрикивающий одно и то же слово: «Сильнее!», — земля под ногами задрожала, и наконец Джорди ощутил мощные потоки энергии, которые волнами накатывали на него с такой силой, что он едва мог удержаться на ногах. С трудом выпрямившись, он заметил, что паровой котел сотрясается, готовый вот-вот сорваться со своей опоры, и в тот же момент понял, откуда этот странный запах.

Утечка газа!

Он бросился в кухню, оттуда — в гостиную. И застыл на пороге, пораженный апокалиптической сценой: занавески и картины были сорваны со стен, мебель носилась по воздуху, подхваченная неведомой силой, какая-то женщина прижалась к стене, глаза ее были полны страха и ненависти, лицо пересекал кровоточащий порез. Кто она такая и что здесь делает?.. Шарли тоже была здесь, она пыталась заслониться от летающих по воздуху предметов, одновременно выкрикивая имя своего сына. Тело Лиан Жермон

лежало на полу в луже крови... Давид стоял посреди всего этого хаоса — казалось, он был в трансе. Именно от него расходились волны сокрушительной энергии, сотрясавшие весь дом.

Возле самых ног Джорди появилась широкая трещина в полу, и это вывело его из оцепенения. Нужно захватить Давида врасплох, решил он. Это единственный выход. Через минуту-другую все может взорваться! Поэтому — сейчас или никогда!

Он одним прыжком оказался в комнате, едва не столкнувшись с летящим по воздуху креслом, и со всех ног бросился к Давиду. Ребенок повернул к нему голову в тот момент, когда Джорди осталось преодолеть последние несколько метров.

88

..Сильнее!

Этот крик звучал в голове Тома Миньоля, грозя расколоть ее на части. В нем звучал вызов, к которому примешивались гнев, отчаяние и — облегчение. Все это заставило Тома забыть о ране, и теперь он шел все быстрее и быстрее, влекомый ужасным предчувствием неминуемой драмы.

Цепляясь за стволы и ветки, он шел вперед, на призыв этого повелительного голоса. Наконец он вышел на поляну перед домом, задыхающийся и обессиленный.

И вот теперь он в изумлении смотрел на дом, подпавший под власть непонятной разрушительной силы, невидимой, но вполне ощутимой: над поляной стоял грохот, стены дома дрожали, каждую минуту готовые рухнуть. Тома с трудом

удержался от того, чтобы не вернуться обратно в лес в поисках надежного укрытия.

...Сильнее!

Новый крик привел его в чувство. Внутри дома находились люди. Что он мог сделать в такой ситуации? Тома не знал. Но он понимал одно: главная опасность сейчас исходила не от Вдовы и не от Кольбера. Она исходила от этого ребенка, в которого вселилась какая-то демоническая сила.

Но поскольку Тома был из тех людей, которые не отступают ни перед какой опасностью, он устремился напрямик к дьяволу в пасть, сжимая в руке пистолет, хотя никогда еще оружие (которое, впрочем, ему и раньше приходилось применять довольно редко) не казалось ему таким бесполезным.

Ему оставалось преодолеть метров двадцать, как вдруг входная дверь распахнулась, и на пороге показалась какая-то странная, расплывчатая, многоцветная фигура. В следующую секунду раздался взрыв, и огненная завеса поглотила все.

89

Человек, которого когда-то звали Жозеф Кольбер, стоял на коленях в снегу, оглушенный взрывом, или пронзительным детским голосом, или адской болью в голове — он не смог бы сказать. Все, что он помнил, — это крик «Сильнее!», яростный и пронзительный, сверлящий мозг, и последовавший за ним взрыв, расколовший небо и лес, а затем смешавший их в единое хаотическое месиво.

Он стоял неподвижно минуту, две, три...

Затем наступила тишина.

Эта непроницаемая тишина его успокоила. И даже придала ему сил. Ужасный пронзительный голос наконец смолк. И с ним — все остальные голоса, крики, вопли ужаса и боли, рыдания, которые разносились над поляной еще совсем недавно...

Он огляделся по сторонам. До поляны было метров тридцать. Его цель была уже близка. Хотя сейчас дом представлял собой дымящиеся развалины...

Он поднялся и, пошатываясь, побрел к ним.

Тома не знал, сколько времени оставался без сознания. Он даже не был уверен, действительно ли упал в обморок или же утрата чувства времени объяснялась глубокой тишиной, воцарившейся после адского грохота, — эта внезапно наступившая тишина дезориентировала его до такой степени, что он уже не мог отличить сна от яви, реальность от кошмара.

Он открыл глаза. Увидел над собой бледно-серое небо в красноватых отблесках. И одновременно ощутил волны жара, ласкающие его лицо, хотя спина была скована холодом.

Он попытался подняться, но жгучая боль в ране пригвоздила его к земле. Неужели он упал на раненую ногу?..

Перед глазами на миг промелькнуло ужасающее видение: ему ампутируют ногу. У него заражение крови, гангрена!.. Господи, как он мог оказаться настолько безумным, чтобы...

Чтобы — что? В памяти остались лишь хаотичные обрывки недавних событий, так что он даже не мог восстановить их реальную последовательность. К тому же он до сих пор

не услышал ни единого звука. Небо над головой напоминало импрессионистское полотно. А нога...

Нужно попытаться ею пошевелить.

Он повернулся на бок и тут же уткнулся лицом в снег, заглушая крик боли, который перешел в глухой стон.

Глазам предстала воистину апокалипсическая сцена, возвещающая конец света. На память ему тут же пришли все недавние войны, теракты, посттравматические психозы... Всего в нескольких десятках метров от него виднелись руины, охваченные пламенем. Всюду царило разрушение. А внутри себя он ощущал огромную, невероятную усталость.

Он поднял голову и тут же снова опустил ее в снег, пытаясь избавиться от страха и боли — точнее, от многочисленных болей, которые терзали уже не только ногу, но и все его тело. И вдруг какое-то движение привлекло его внимание. И вот он увидел, как из леса вышел какой-то кошмарный окровавленный призрак — медленной, неуверенной походкой.

Белобрысый...

...но как же хочется уснуть и забыть обо всем...

Зрелище, представшее Кольберу, заворожило его, как заворачивает ребенка впервые увиденный пожар. От дома Жермонов почти ничего не осталось. Неужели Шарли уже мертва? Эта мысль привела его в ужас.

Шарли принадлежит ему! Только ему! И никто, ничто, даже сама судьба, не сможет отнять ее у него!

Его глаза с жадностью обшаривали руины — обугленные камни, клубы дыма, дом, буквально вывернутый наизнанку,

поляну, усеянную обломками и всевозможными предметами: деревянные балки, телефон, рамки от сгоревших картин... и... тела...

...Мертвые тела?!

Когда Кольбер увидел их, его сердце заколотилось с такой силой, словно пыталось пробить грудную клетку.

Шарли!

Он приблизился к распростертому на земле телу. Оно было невероятно изуродовано... но все же можно было понять, что это не ее тело.

А вот это, другое? Полуголое и обожженное?.. Скорее всего, мертвое, судя по черной обугленной коже... Вид этого тела почему-то вызвал у Кольбера смутное чувство, похожее на сожаление... Он сам не понимал почему. Но, во всяком случае, это была не Шарли.

Ребенок?..

Кольбер подошел к третьему телу, распростертому на земле. Найти ребенка означало приблизиться к Шарли. А в своем нынешнем состоянии ребенок не представлял никакой угрозы.

Он наклонился. Сжал кулаки. Это было похоже на обман зрения: он разглядел шерстяное покрывало, покрытое густым слоем пепла, а под ним... как будто небольшой сверток, вроде того диванного валика, что он оставил под одеялом в палате клиники «Надежда», чтобы обмануть Шарли... что же это? О боже, голова сейчас взорвется!..

Какое-то движение... Да, что бы там ни было под покрывалом, оно шевельнулось — он был в этом уверен!

Кольбер не отрываясь смотрел на очертания предмета под покрывалом.

Мужчина? Женщина?

Шарли?

Он приблизился...

Как же хочется спать... И как же болит эта рана, о господи... вытащите меня отсюда кто-нибудь... хоть кто-нибудь... где же эти чертовы коллеги... черт!..

Рука Тома Миньоля бессильно упала в снег, и ледяное прикосновение вернуло его к жизни. Он вспомнил...

...о белобрысом типе!

Он приподнялся на локте — невозможно, *совершенно невозможно* было встать на ноги. Где оружие?..

С того места, где он лежал, Тома видел белобрысого типа, бредущего к горящим руинам. Кажется, тот искал... что-то. Точнее, кого-то. Женщину. Или ребенка. Тома не знал. Знал только одно: этот человек был опасен. И тому, что он сам, Тома Миньоля, находится здесь живым и относительно невредимым, должна быть серьезная причина.

Он осмотрел заснеженное пространство вокруг себя. В глазах мутилось, но в нескольких метрах в стороне он различил пистолет. Нужно до него добраться!

Тома пополз к оружию, кусая себе губы до крови, чтобы не кричать и... *не заснуть*. Преодолев несколько метров, он вытянул вперед руку. Когда его пальцы сжали рукоятку пистолета, он почувствовал невероятное облегчение.

Последним усилием, причинившим ему адскую боль, он перевернулся на спину — как раз вовремя, потому что белобрысый теперь бежал прямо к нему.

В полубессознательном состоянии Тома выстрелил. Но уже ничего не услышал. Ни выстрела, ни крика. Просто се-

кунду назад белобрысый был прямо перед ним. А сейчас его уже не было.

Задел ли он его? Ранил? Убил?..

Тома из последних сил приподнял голову, но не смог ничего различить. Только вдалеке виднелась какая-то странная фигура, словно вознесшаяся над пылающими руинами... Но... это ведь не он?.. Слишком уж далеко, и...

И в этот момент Тома, к счастью, наконец-то потерял сознание.

90

Когда Вдова пришла в себя, она забыла все, вплоть до собственного имени — по крайней мере, того, которое она носила последние двадцать лет. В снегу под осколками щебня лежала Кеннеди Васкес, маленькая *negrita*¹ из Ла Габана Бьеха, которой было совершенно непонятно, почему вдруг она оказалась в таком жутком холоде, которого никогда не бывает на Кубе и — даст бог! — никогда не будет.

Однако ей совершенно не хотелось освобождаться из ледяных объятий. Она чувствовала себя... почти хорошо. Словно убаюканной колыбельной песенкой, ей хотелось уснуть... забыться...

Наконец, поскольку никакой звук не достигал ее слуха, она нашла в себе силы открыть глаза. Разрушенный дом... языки пламени... дымящиеся камни и обломки... отблески пламени на снегу...

Все еще лежа на земле и даже не замечая, что ее тело наполовину обнажено, она попыталась восстановить в памяти

¹ Негритяночка (*исп.*).

последние минуты перед... перед чем?.. каким-то несчастным случаем?..

Там был мальчишка... этот *hijo de puta*¹, который кричал прямо ей в голову! И какой-то тип, явившийся неизвестно откуда... спасти эту *zogga*²... А потом начался хаос... И последняя мысль: тридцать четыре миллиона! мои тридцать четыре миллиона!

Потом... потом какой-то черный провал. Снег на лице... И тишина...

Однако сейчас тишина была уже не абсолютной: к ней примешивался отдаленный, пока еще едва слышный звук сирены.

Пожарные?.. Копы?..

Что же произошло? Кажется, она слышала два выстрела... Те, кто стрелял, еще здесь?..

Надо отсюда валить.

Кеннеди попыталась пошевелиться и тут же почувствовала, как волна боли прокатилась по всему телу. Ее охватила паника. Видимо, она серьезно ранена — серьезнее, чем ей вначале казалось...

А может, просто контужена? Да, могло быть и так... Она цеплялась за эту надежду, убеждая себя, что пережила уже многое, в том числе и гораздо худшее. Она выкарабкается!

Звук нарастал, хотя и был все еще далеко. Но был ли он на самом деле? Она понимала, что взрыв мог на время оглушить ее.

«Хватит разлеживаться! Шевели задницей, мать твою!»

¹ Сукин сын (*исп.*).

² Шельма, потаскуха (*исп.*).

Собрав всю силу воли, которая много раз в жизни ее спасала, она слегка приподнялась.

Перед ее лицом появилась чья-то рука.

Кеннеди подняла глаза. Ей понадобилось всего несколько секунд, чтобы вспомнить имя бледной одутловатой женщины, стоящей перед ней.

Ольга.

Ольга ей что-то говорила, но она слышала только отдельные невнятные звуки. И... что-то было не так — Ольга пятилась от нее, не отрывая взгляда от ее лица. И чем дольше она смотрела на ее лицо, тем быстрее пятилась. И все сильнее прижимала ко рту ладонь, словно пыталась заглушить рвущийся наружу крик ужаса.

Страшная догадка потрясла Кеннеди. Она посмотрела на то место, где ее лицо оставило отпечаток в снегу, и увидела там клочки кожи и несколько зубов... Только сейчас она ощутила во рту вкус крови и обожженной плоти и нащупала языком множество провалов между уцелевшими зубами.

Забыв о боли и о ранах, покрывавших ее тело, она резко поднялась. Оглушенная, потрясенная, едва держащаяся на ногах, она осматривала пространство вокруг себя, но почти не обращала внимания на обломки, разбросанные по всей поляне, языки пламени над развалинами дома и несколько неподвижных тел на снегу...

Наконец она нашла то, что искала: осколок зеркала.

Она попыталась подобрать его, но тело ей не повиновалось. Тогда она наклонилась, как смогла, терзаемая болью и ужасным предчувствием, и взглянула на свое отражение. Одного взгляда оказалось достаточно. То, что ей удалось разглядеть, не имело ничего общего с человеческим лицом.

Кеннеди подняла глаза к небу, словно бросая ему вызов. Она поняла, что судьба сыграла с ней злую шутку. Она надеялась, что лотерейный билет изменит ее жизнь, позволит ей наконец-то стать самой собой, раскрыть свою истинную натуру. Что путь ей указывает перст божий...

Именно так и случилось.

Никогда еще Кеннеди Васкес, ни мужчина и ни женщина, ни человек и даже ни животное, не выглядел настолько похожим на того, кем был на самом деле: на монстра.

91

Белые стены... Слишком белые, режущие глаз...

Хочется спать... Это так хорошо — спать... Забыть, забыть обо всем... навсегда.

Белые стены... Одна из палат клиники «Надежда»?.. Ее опять накачали таблетками?..

Нет, это не «Надежда»... Комната была не такой большой и не такой мрачной, как палаты клиники. Но... но что тогда здесь делает Фабиан?

— Фа... Фабиан?..

Человек, который, казалось, дремал в кресле, опустил голову на грудь, выпрямился и взглянул на нее. Шарли прищурилась, вглядываясь в его лицо. Оно показалось ей знакомым, но это было не лицо Фабиана. Потому что Фабиан... был мертв, уже давно, и...

— Мадам Жермон? Шарли? Вы меня слышите?

Человек приблизился к ней. Сквозь пелену слез Шарли различила резкие черты лица и неверную походку. Полицейский. Тот самый, который лежал, раненный в ногу, в по-

лутемном холле клиники «Надежда». На которого она нацелила пистолет, перед тем как оттуда убежать. Вот каким оказался итог ее жизни: очнуться в больничной палате и не увидеть рядом никого, кроме полицейского... Таков конец ее нескончаемого бегства. Но это уже не имело никакого значения. Она вдруг разом все вспомнила. И осознала ужасную истину: Давид мертв.

Да, она была в этом уверена. Он не мог остаться в живых.

Но она сама удивилась, когда услышала свой собственный едва различимый шепот:

— Мой сын... Что с ним?

Тома Миньоль слегка наклонился над ней:

— Он... с ним все в порядке. То есть... в общем, врачи вам все объяснят. Но его состояние стабилизировалось. Сейчас он вне опасности.

— Спа... спасибо... — наконец с трудом выговорила Шарли. — Я... могу его увидеть?

— Не знаю... не уверен. Врачи вам обо всем расскажут, но... послушайте меня.

Шарли взглянула на него с совершенно детским выражением лица, никак не соответствующим образу преступницы, который Тома нарисовал себе в начале расследования. Теперь он точно знал, что принял правильное решение.

— А что с Джорди? — спросила Шарли, не догадывающаяся о его недавних распоряжениях.

Тома помрачнел:

— Джорди сильнее пострадал. Он не здесь — его перевезли в ожоговый центр. Он вынес вас с Давидом из дома как раз вовремя и закрыл своим телом в момент взрыва. У него серьезные ожоги спины — сильные, но не смертельные. Ему

потребуется специальный курс лечения, провести который в Лавилле нет возможности, поэтому его и увезли. Но он в сознании и может говорить. Я провел с ним долгую беседу... Вы слышите меня? Это очень важно. У нас не так много времени.

Шарли кивнула. Тома пожалел, что не может дать ей хоть немного времени, чтобы прийти в себя.

— Через несколько часов или даже минут — словом, как только полицейские узнают, что вы очнулись, — они начнут задавать вам вопросы. И журналисты тоже. Сейчас я вкратце изложу вам ту версию вашего дела, которая поможет вам избежать обвинения в убийстве. В тот вечер, когда вы обнаружили дома видеокамеры, вы испугались и решили скрыться вместе с сыном. Вашего гражданского мужа на тот момент не было дома, но вы не стали его дожидаться, поскольку опасались за свою жизнь. Вы знали, что члены общества астрософии разыскивают вас, и опасались агрессивных действий с их стороны. По этой же причине вы последние годы жили под чужим именем, что мешало вам обратиться в полицию с жалобой на непрерывное домашнее насилие. А дальше расскажете о том, что было на самом деле. Об убийстве вашей подруги, о похищении вашего сына... И... о вашей матери, — после некоторого колебания добавил Тома. — Со своей стороны полиция высказывает предположение, что Сержа Тевеннена могли устранить члены общества астрософии, поскольку он мешал их планам...

Тома отвел взгляд, чувствуя, что краснеет.

— Впрочем, множество документов свидетельствует о том, что они пытались привлечь внимание ГИС к его дея-

тельности, чтобы вывести его из игры. Среди вещей Джорди Фонте были обнаружены бумаги, написанные рукой Тевеннена, в которых идет речь о преступной деятельности многих теневых бизнесменов, а также его собственных коллег. Мы начали проверять его денежные счета — официальные и тайные. Уже очевидно, что вы ничего о них не знали, поскольку в последнее время ни с одного из них не сняли ни сентима.

По поводу астрософов вы скажете, что вам точно не известно, за что они так злы на вас, но что они вас постоянно преследовали. Судя по всему, это может быть связано с медицинскими экспериментами, которые они над вами проводили против вашей воли, по настоянию вашей матери. Это же подтверждают и первые результаты полицейского расследования. Мы уже начали понемногу распутывать этот клубок, хотя это оказалось очень непросто. Речь идет о некоем научном проекте, однажды уже вызвавшем крупный скандал. К тому же единственная из уцелевших членов общества, которую мы на данный момент арестовали, отказывается давать показания. Это владелица книжного магазина «Вертекс». Она почти ничего не говорит, лишь твердит какие-то бессмысленные фразы о будущем спасителе мира... Но вас это не касается — вы понятия не имеете, о ком речь.

Теперь пришла очередь Шарли отвести взгляд.

— Кольбер мертв, — сообщил ей Тома, чтобы немного приободрить. — Он был убит в момент взрыва — точнее, вскоре после него.

Шарли растерянно моргнула. По выражению ее лица, в котором смешались ужас и изумление, он понял, что

она вообще не знала о присутствии Кольбера рядом с домом.

— Что до самого взрыва, вы скажете, что его причиной стала утечка газа. Смерть вашей матери... стала результатом несчастного случая.

Какое-то время Шарли не могла произнести ни слова, потрясенная жестокостью этих откровений и предстоящих ей лжесвидетельств.

— Мы были не одни, — прошептала она наконец. — Там была еще... Клео. Вдова.

— Вы в этом уверены?

— Да. Это она... убила мою мать.

Тома с силой сжал руками голову, словно для того, чтобы помочь себе быстрее соображать. Стало быть, Вдова тоже была замешана в этой истории. Ну что ж, по крайней мере, Жамель сказал правду. Теперь расследование будет разворачиваться сразу по множеству направлений, и пройдет немало времени, прежде чем удастся распутать весь клубок. Это дает Шарли дополнительные шансы. Однако до сих пор не было никаких доказательств присутствия Вдовы в доме в момент взрыва.

Разве что... тот странный расплывчатый силуэт, словно вознесшийся над развалинами... черная тень на фоне красноватого задымленного неба... возникшая сразу после того, как он выстрелил в Кольбера. И серый автомобиль, очень похожий на тот, который он прежде заметил в сотне метров от клиники «Надежда», — не промелькнул ли он в поле его зрения, наполовину скрытый за деревьями, в стороне от дороги, ведущей к дому Жермонов?..

— Мне очень жаль, — тихо произнес он. — Я... не знал, что это ваша мать. То есть... тело было буквально растерзано, так что даже отправлять его на вскрытие не имело смысла... Что касается Вдовы, она исчезла бесследно. Возможно, ей удалось сбежать. Но в бумагах Тевеннена немало доказательств ее вины...

— Она была в доме. Вместе с нами.

— Но если вы будете это утверждать, вам придется объяснить, что она там делала.

Шарли поняла, что он хочет ей сказать: чем меньше сведений она сообщит, тем меньше будет риска для нее.

— Хотя... — задумчиво продолжал Тома, — вы можете сказать, что она явилась, чтобы забрать у вас те самые папки с компрометирующими документами. — Он пристально взглянул на Шарли и добавил: — Так или иначе, вам будут задавать очень много вопросов. И вам придется по много раз встречаться со множеством людей, потому что расследованием этого дела занимаются сразу несколько полицейских подразделений. Поэтому самое лучшее для вас... — Немного поколебавшись, он продолжал: — Придерживаться правды, насколько это возможно. Давать самые простые ответы, всегда одни и те же. Ну а пока отдыхайте, приходите в себя. Вот моя визитка, — добавил он, кладя визитную карточку на ночной столик. — На всякий случай я записал вам и номер мобильного — возможно, я скоро перейду на другую работу, так что проще всего будет связаться со мной по нему. Расследованием этого дела я больше не занимаюсь, поэтому, скорее всего, сюда больше не приеду.

Он улыбнулся Шарли, и эта улыбка ее ничуть не удивила: она уже разглядела за суровым выражением его лица человечность и сострадание. Он скрывал их и, кажется, даже стыдился, но улыбка свидетельствовала об их подлинности.

— И последнее. У Джорди Фонте более сложная ситуация, чем у вас. Вы сами понимаете — все эти камеры, принадлежность к преступной группировке... Даже с учетом того, что он спас жизнь вам и Давиду, он причастен к серьезным преступлениям. Поэтому ему нужна ваша поддержка. Нужно, чтобы ваши показания свидетельствовали в его пользу.

На сей раз улыбнулась Шарли, и по этой немного печальной улыбке Тома понял, что его последний совет излишен.

— Ну вот и все, — в заключение произнес он.

Говорить «до свидания» в таких обстоятельствах показалось ему неуместным, и он молча направился к выходу.

— Но почему вы?..

Шарли произнесла эти слова слабым, прерывающимся голосом. Она даже не закончила вопрос, но Тома все понял.

Он обернулся и пристально взглянул ей в глаза. Но увидел перед собой не ту испуганную, обессиленную неравной борьбой женщину, которая была перед ним сейчас, а другую — ту, которая нацелила на него пистолет в клинике «Надежда». Тогда она тоже была испуганной, но вместе с тем полной решимости. Она умоляющим голосом просила дать ей уйти, одновременно угрожая пистолетом и прижимая к себе ребенка...

Вопреки ожиданию, именно этот образ запомнился ему лучше всего. Ни взорвавшийся дом, ни огненный хаос, ни

безумный взгляд убийцы, готового броситься на него, — но только эта женщина. Тот миг, когда он увидел ее перед собой в полутемном холле клиники, изменил всю его жизнь. Может быть, даже в каком-то смысле изменил его видение мира. Тома не был в этом уверен, но...

Поэтому он просто ответил:

— Потому что все это чистая правда.

92

Шарли подошла к двери палаты — дрожащая, неуверенная, измученная ужасными предчувствиями и сильной болью: как ей объяснили, от удара взрывной волны Джорди рухнул прямо на нее, и теперь у нее страшно болели ушибленная спина и три треснувших ребра.

Перед дверью стоял полицейский — судя по всему, не последний, с которым ей предстояло столкнуться в ближайшее время. Однако Шарли была счастлива от сознания того, что Давид под надежной охраной. Вдову все еще не нашли. И никого из общества астрософии, скорее всего, тоже. Никто из них, конечно, не рискнет объявиться здесь, но все же...

Полицейский шагнул в сторону, пропуская ее в палату.

Войдя, Шарли сделала над собой усилие, пытаясь не смотреть на трубки и провода, опутавшие Давида со всех сторон, и полностью сосредоточиться на его лице.

Он спал глубоким сном. Слишком глубоким... Доктор Лабрусс объяснил ей:

— Пока еще рано говорить о коме. У него, как вы знаете, множество ушибов, к тому же сильный шок. Такой долгий

сон — естественная реакция. Но все же он слишком долго не просыпается... — Врач замолчал. Затем, вероятно чтобы смягчить впечатление от этих слов, добавил: — Но вот что хорошо и даже удивительно: согласно обследованиям, его мозг в полном порядке. Конечно, центры памяти по-прежнему гипертрофированы, но повышенное кровяное давление исчезло. Опухоли нет. Даже если речь идет о коме, то не опухоль тому причиной.

Шарли поняла: *нечто* вырвалось из головы Давида наружу. Она помнила, что сказал ей Массиак в тот роковой день, когда она привела к нему Давида на осмотр: «Сильное потрясение может пробудить в нем нечто...» Так и произошло — после «той самой» сцены, вызвавшей у него шок, Давид увидел во сне (или в каком-то трансе) выигранные лотерейные номера. И с тех пор *нечто* пыталось освободиться, вырваться наружу. Так продолжалось вплоть до того дня, страшные воспоминания о котором Шарли хотела бы навсегда стереть из своей памяти.

Она села на краешек кровати, склонилась над Давидом и потрогала ему лоб. Горячий и влажный. Но на его лице больше не было того напряженного, измученного выражения, как все последние дни, даже месяцы. Круги под глазами почти полностью исчезли. На губах была заметна слабая улыбка. Сейчас Давид находился в каком-то другом, спокойном и безопасном мире, очень далеко от того ада, через который ему пришлось пройти. И от Сержа... и от всех своих детских невзгод. Шарли осторожно взяла его руку, поднесла ее к губам и стала целовать по очереди каждый пальчик — так она делала, убаюкивая его, когда он был совсем маленький.

— Давид, все позади, — тихо говорила она. — Все. Ты победил. Нам с тобой больше ничто не угрожает. Нет больше ни Сержа, ни остальных. И той страшной черной дамы тоже нет. Больше никого. Только ты и я. И свобода...

Ты слышишь, радость моя?.. Я знаю, ты меня слышишь. Помнишь, я тебе обещала, что мы поедем в Бразилию, когда будем свободны? Так вот, теперь мы свободны. По-настоящему свободны. И все это благодаря тебе, дорогой. Тебе не нужно больше спать. Тебе больше нечего бояться — даже самого себя, Давид! Даже самого себя. Потому что ты полностью здоров. Врачи сказали мне, что эта сила, которая бушевала у тебя внутри, оставила тебя. И больше никогда не вернется. Тебе нечего бояться. Совсем нечего.

Ну, если хочешь, можешь поспать еще немножко. Ты ведь так устал... Только не слишком долго, хорошо? Нам с тобой нужно еще столько всего успеть...

Я буду здесь, Давид. Я никуда не уйду. Я буду тебя ждать...

93

Тома терпеливо ждал, несмотря на неудобный казенный стул и унылую пыльную обстановку. Сейчас он был гораздо более спокоен и расслаблен, чем когда бы то ни было в жизни. Но и более собран.

Он рассеянно скользил взглядом по объявлениям на стенах: правила посещения, рекомендации для родственников, списки дозволенного и запрещенного...

Наконец послышался скрежет замка и следом за ним — голоса.

Джошуа Кутизи вошел в переговорную.

Если он и удивился, увидев Тома, то никак этого не показал и сел на стул возле стеклянной перегородки с тем же невозмутимым видом, что и во время их первой встречи.

— Вы пришли, чтобы сообщить мне какие-то новости о Джорди? — спросил бывший гуру. — Или хотите исполнить свои обязательства, которые были частью нашего договора?

Тома, не отвечая, внимательно изучал собеседника. С первой же встречи Кутизи вызвал у него антипатию, столь же сильную, сколь и необъяснимую, — ведь, в конце концов, самопровозглашенный гуру не был растлителем малолетних. Ну да, мошенник, пройдолец, в свою очередь ставший жертвой горстки медиков-авантюристов, которые использовали его адептов в корыстных целях. Но в этом не было ничего сверхординарного, что могло бы вызвать такую почти аллергическую реакцию. Однако сейчас Тома не чувствовал ничего, кроме любопытства: с самого начала расследования ему не давала покоя одна маленькая деталь. Одна смутная догадка, которую Кутизи мог подтвердить или опровергнуть.

— Не совсем так, но если хотите, я и в самом деле могу сообщить вам кое-что о Джорди, — спокойно ответил он. — Он сильно пострадал от ран, но надеюсь, все же выкарабкается. Хотя шрамы у него на спине останутся, надо полагать, на всю жизнь.

— Боевые раны, в каком-то смысле... Ну что ж, в целом это хорошая новость, — благодушно произнес Кутизи. — Кстати, в последнее время я получаю немало хороших новостей. Не в последнюю очередь благодаря вам...

— В самом деле? Однако несколько ваших бывших сподвижников арестованы...

Немного помолчав, Кутизи ответил:

— Да, но никогда еще об астрософии не говорили так много, как в последние дни. Что до меня, я могу этому только радоваться. Впрочем, это к делу не относится. Скажите мне наконец, что вас сюда привело.

— Один небольшой вопрос. Вы не обязаны на него отвечать, но...

— Вы сильно изменились, лейтенант. За такое короткое время... Очень заметная перемена! Вы кажетесь таким... умиротворенным. Безмятежным. Вам это уже говорили? Можете сами убедиться, какое благо астрософия несет миру! — полусутоливым тоном добавил Кутизи.

Тома пожал плечами. Гуру оседлал любимого конька, и не стоило ему мешать — тем больше будет шансов получить ответ на свой вопрос.

Когда Тома решил, что настал подходящий момент, он произнес только одно имя:

— Катрин Клермон. Владелица книжного магазина...

— Да?..

— Вы назвали мне ее имя...

— Да.

— Почему?

Кутизи взглянул на него, не скрывая удивления:

— Когда передаешь полицейским информацию, они обычно не спрашивают, почему ты это делаешь...

— Однако я все же спрашиваю вас.

— Вы мне кое-что обещали, лейтенант.

— Лучшие условия содержания? Но я навел справки: ваши нынешние условия не так уж плохи. Вы же не рассчитываете на апартаменты в каком-нибудь ВИП-квартале вместо вашей камеры?

— Что ж... действительно не рассчитываю.

— Так каков же был ваш *истинный* мотив? Вы назвали мне имя Катрин Клермон и сообщили ее координаты, хотя, если принять во внимание, в какой стадии сейчас находится расследование, мы бы и сами до нее добрались. Но вы позволили нам выиграть время. Почему?

Кутизи погладил бороду с задумчиво-рассеянным видом. Или ироническим. Трудно понять, подумал Тома. Этот человек — прирожденный актер.

— Потому что может быть только один.

— Простите?..

— Вы задали мне вопрос, я на него ответил. *Потому что может быть только один.* Прощайте, лейтенант. Передайте привет Джорди. И пожелайте ему удачи от моего имени.

— Ну что?

Тома захлопнул за собой дверцу машины. Орели, сидевшая за рулем, выжидающе смотрела на него. В конце концов, это ведь она задержала владелицу книжного магазина, и, несмотря на то что сейчас ее, как и его, отстранили от расследования, чувствовалось, что ей небезразлично дальнейшее развитие событий.

Тома молчал.

Потому что может быть только один...

Вы не мешаете ему спасти мир...

Кутизи боялся, что кто-то другой займет его место?.. Гуру хотел быть уверенным в собственном будущем? Если его имя вновь всплывет в ходе полицейского расследования, он получит новый шанс для распространения своих теорий и методик. И поэтому он боялся появления конкурента, готового спасти мир вместо него?..

А впрочем... к чему терзаться бесплодными догадками? Он задал вопрос — получил ответ. Настало время перевернуть эту страницу.

— Ничего, — ответил Тома.

— Ничего?

— Ничего. Наверняка у него были свои причины, но...

— Хорошо. Тогда что именно ты от меня скрываешь?

Тома повернулся к ней.

— Да-да, ты правильно расслышал. Ты прекрасно знаешь, что в этом деле полно дыр. Прямо как в швейцарском сыре. Например, айфон.

Тома изо всех сил пытался не покраснеть.

— Айфон, оставленный в городской телефонной кабинке, — это что, свидетельство невиновности Шарли Тевеннен или совсем наоборот?.. — И, не дожидаясь ответа, Орели продолжала: — Но если уж к этому делу привлечено столько служб, надеюсь, они найдут ответы на все вопросы...

Молчание. Тома не знал, что ответить.

— Ну хорошо, что мы делаем сейчас? — спросила Орели.

— Что делаешь ты — я не знаю. А мне нужно сделать звонок.

— Понимаю. Ты увольняешься и переходишь на другую работу?

— Возможно.

— Что ж, хорошо. Возьмешь меня с собой?

Тома вздохнул. Потом ответил:

— Вряд ли...

— Мило...

— Это потому, что, если мы собираемся и дальше жить вместе, нам нельзя вместе работать, тебе не кажется? Двадцать четыре часа в сутки общаться с таким умным и пронизательным коллегой, как ты... боюсь, мои мозги этого не выдержат!

Судя по улыбке, появившейся на лице Орели, он сказал именно то, что нужно.

94

Шарли остановила машину, вышла и, пошатываясь, направилась к дому.

Она долго стояла среди обугленных руин, в которые превратился дом ее детства. От фасада ничего не осталось; надежное сооружение, воздвигнутое ее отцом, было разрушено до основания, полностью отдано во власть стихии и мародеров. Здесь полуобгоревший диван... там обугленная балка... сломанное кресло... чудом уцелевшая фотография в рамке... сумка, ботинок, осколки фаянсовой раковины... и еще, и еще...

Шарли закрыла глаза, пытаясь избавиться от этого зрелища, обратить время вспять. Вспомнить счастливые сцены времен своего детства. Своего отца...

Его состояние огромно... Его власть губительна... Он променял меня на двух блядей...

Она встряхнула головой, пытаясь заглушить голос матери, навязчиво звучащий у нее в ушах.

Она вспомнила отца, стоявшего на крыльце в тот вечер накануне Рождества, облаченного в длинную красную куртку, похожего на Деда Мороза... и Брижитт, прикатившую сюда на велосипеде и с хохотом сообщавшую ей, что она «опять этим занималась»... и Фабиана, вместе с которым укрылась здесь после бегства из клиники... вспомнила его широко раскрытые от удивления глаза, когда он понял, что ее семья богата настолько, чтобы поддерживать в идеальном состоянии этот красивый загородный дом, в котором большую часть года никто не живет...

Этот дом рассказывал свою историю ей одной. Вплоть до невероятного финала, который уничтожил все, абсолютно все — все лица из прошлого, все воспоминания... Все, кто играл какую-то роль в ее жизни, как будто нарочно условились встретиться здесь. Даже те, кого она, в сущности, почти не знала — Кольбер, Вдова... Шарли не переставала думать об этом в последние четыре дня. «Даже Вдова, — повторяла она про себя, — даже Вдова...» В сущности, роль Клео в недавних событиях стала самой важной: именно на нее обрушилась та сила, которая наконец-то вырвалась из Давида. Страшно подумать, что было бы с ним сейчас, если бы этого не произошло...

Шарли открыла глаза, смахнула слезы — горечи, сожаления?.. Она не смогла бы сказать.

Что осталось ей из прошлого?

Ничего.

Может быть, отец... где-то далеко?..

Нет. Ничего.

Tabula rasa¹. Без всякой надежды на возрождение чего-либо.

Это было совершенно очевидно.

Она приблизилась к груде развалин, обошла их и направилась к небольшому сарайчику, где хранился садовый инвентарь. Каким-то чудом он совершенно не пострадал от взрыва.

Шарли открыла дверь и вошла. Огляделась. Лопаты, какие-то инструменты, велосипеды... странно, что их еще не украли...

У дальней стены стояла старая тачка с проржавевшими колесами, как будто вросшими в земляной пол. Казалось, что никакая сила уже не сможет сдвинуть ее с места. На ней громоздились старые кастрюли, сковородки, еще какой-то хлам...

Шарли наклонилась, просунула под нее руку, нащупала плоскую металлическую коробочку. Поддев ногтем крышку, она на мгновение замерла, охваченная внезапной паникой. Но нет, он был здесь. Дрожащими пальцами она нащупала этот небольшой листок бумаги, осторожно вытянула его из коробочки и развернула. Цел и невредим.

Чувствуя, как сильно колотится сердце, она долго смотрела на свой билет к свободе, затем инстинктивно прижала его к груди. Когда-то она думала, что он спасет ее от Сержа. Потом — что поможет ей избежать тюрьмы. Но сейчас деньги нужны были ей для другой цели. Для лечения Давида. Он по-прежнему не просыпался, и она не настаивала на том, чтобы его попытались разбудить, хотя каждая минута его сна стоила ей новых мучений. Очнется ли он? Сейчас,

¹ Чистая доска (лат.).

имея тридцать четыре миллиона, она найдет средство его исцелить — здесь, во Франции, или в Соединенных Штатах... да хоть на Луне!

Она вышла из сарайчика и вернулась к машине.

Перед тем как уехать, она в последний раз взглянула на то, что осталось от дома, словно пытаясь восстановить в памяти его былой образ и такой приятный запах дерева...

Наконец она захлопнула дверь машины и включила зажигание.

Эпизод

Одни называют его El Viudo¹, другие — El Fantasma². О нем ходят самые невероятные слухи — например, поговаривают, что, хотя он всегда одет как мужчина и носит широкополую шляпу, на самом деле это женщина.

Но правда заключается в том, что никто не знает о нем ничего достоверного. Обосновавшись вблизи мексиканской границы около года назад, этот человек — или целый преступный синдикат, превосходно организованный, — очень быстро превратился в легенду криминального мира и теперь держит в страхе полицию по обе стороны границы.

Таинственный ореол, окружающий этого человека, возник главным образом благодаря мизансцене, которая всякий раз повторяется во время его встреч с кем бы то ни было, — впрочем, такие встречи происходят очень редко, поскольку он предпочитает вести дела через посредников.

До сих пор никто ни разу не видел лица El Viudo. Когда он с кем-то встречается, это всегда происходит ночью, в уединенном, тщательно охраняемом месте. Он всегда

¹ Вдовец (исп.).

² Призрак (исп.).

остается в тени, при этом на собеседника направлен яркий луч света, как во время допросов в полиции. Поэтому увидеть можно лишь тонкий силуэт El Viudo, всегда в отлично скроенном дорогом костюме и широкополой шляпе. Отсюда и сомнения по поводу его пола. Движения его резкие и порывистые, голос бесстрастный, металлический. Существует множество предположений о том, почему El Viudo так себя ведет: он был изуродован в Ираке; он от рождения выглядит как настоящий монстр; он бывший террорист, сам пострадавший во время неудачного взрыва; у него какая-то страшная болезнь, возможно проказа... Все эти слухи сделали его живой легендой.

Его всегда сопровождают несколько телохранителей, а также те или иные личности обоего пола, о которых поговаривают, что это преступники, скрывающиеся от правосудия США (такова версия американской полиции). Почти всегда его сопровождает женщина, о которой известно лишь, что она уроженка Восточной Европы.

За последние полтора года El Viudo взял под свой контроль большую часть наркотрафика, идущего через мексиканско-американскую границу. Внезапно появившись неизвестно откуда, он сразу же начал теснить конкурентов и вскоре расправился с несколькими «семьями» самыми решительными и безжалостными способами. Ничего подобного местные наркоторговцы до сих пор на себе не испытывали.

На данный момент многочисленные расследования свидетельствуют о том, что группировка El Viudo полностью контролирует сорок процентов приграничного наркооборота. Также лично ему принадлежат около пяти

процентов совокупного дохода от продажи наркотиков в Северной Америке.

И наконец, последняя деталь: поговаривают, что El Vindo причастен к исчезновениям детей — мальчиков девяти-десяти лет, — которые недавно погрузили в траур весь регион. Но у полиции нет на этот счет никаких доказательств.

Давид сидел в тени пальмы, укрывшись от посторонних глаз. Во всяком случае, мама, которая сейчас была в доме, не могла его увидеть.

Украдкой посмотрев по сторонам, он убедился, что никто за ним не наблюдает. Впрочем, этот квартал Рио-де-Жанейро, где располагались богатые частные резиденции, никогда не был особенно оживленным местом. Убедившись, что ни одной камеры видеонаблюдения поблизости нет, он осторожно вынул из кармана сигарету, зажег ее и неумело затянулся. И тут же закашлялся, проклиная себя за слабость. Потом снова втянул едкий дым.

В свои двенадцать с половиной лет он по уши влюбился в Даниэлу, свою одноклассницу, первую красотку в школе. А все крутые парни в школе курили. Поэтому он решил тоже научиться. Хотя и сам понимал, что это совершенно идиотская затея. Как понимал и то, что невозможно было бы даже нарочно придумать более глупую причину, которая его к этому побудила, если вдруг мама застанет его с сигаретой во рту и потребует объяснений.

Еще одна затяжка... Фу, гадость!..

Он проследил глазами за струйкой дыма, поднимавшейся к ярко-синему безоблачному небу. Его мысли вновь обрати-

лись к статье, на которую он случайно наткнулся в Интернете... но случайно ли?..

Он уже знал ее наизусть. Историю El Viudo.

Он не знал почему, но эта статья... пробудила что-то внутри него. Словно какой-то отблеск промелькнул на поверхности омута его памяти... какая-то легкая рябь...

...поговаривают, что El Viudo причастен к исчезновениям детей — мальчиков девяти-десяти лет...

Было ли это как-то связано с «событиями» — так называла этот период мама в те редкие моменты, когда вообще вспоминала о нем?.. Давид этого не знал. Потому что он их почти совсем не помнил. Ирония судьбы — он выучил португальский меньше чем за два месяца, но при этом совсем не помнил о «событиях».

Конечно, он много читал и слышал о них. Даже восемь месяцев комы не стерли его воспоминания полностью. Его память осталась почти неповрежденной, и в каком-то смысле это было ее изъяном, поскольку «эпоху Сержа» (еще одно мамино выражение, которое ему ужасно не нравилось) Давид предпочел бы забыть. Он помнил и выпуск «Звездной академии», который они с мамой смотрели в тот вечер, когда все началось. Но то, что было после, представляло собой огромную черную дыру. Несколько месяцев «затяжного сна» сыграли свою роль. Врачи объясняли это посттравматическим стрессом. Мама, которая всегда относилась к медицинским заключениям довольно скептически, на сей раз приняла этот диагноз без возражений.

Итак, El Viudo...

Что-либо вспомнить не удавалось. По самой границе памяти, словно по поверхности глубокого омута, как будто проходила легкая рябь... но погрузиться глубже никак не получалось. Образы из прошлого ускользали от него.

Давид снова посмотрел по сторонам. Никого. Но он по-прежнему оставался начеку: Джорди мог появиться без предупреждения, как это часто бывало, и предложить ему прогуляться или покататься на роликах. Не говоря уже о маме, которая могла выкрикивать его имя раз за разом, охваченная паникой, если не видела его на расстоянии нескольких метров от дома, точнее, пентхауса на верхнем этаже многоквартирного комплекса (она отказалась от отдельного дома, объяснив это тем, что изоляция будет для нее непереносима, но на самом деле — Давид это понимал — ее прежде всего заботили соображения безопасности). Впрочем, сегодня она была занята: участвовала в открытии приюта для женщин, подвергавшихся домашнему насилию (это был уже третий из тех, которые она финансировала). Ее имя нигде не фигурировало, и размеры своего состояния она держала в тайне, как и любые другие сведения о себе. Однако немалую часть своего времени она посвящала этой тайной благотворительности, которой старалась придать официальный статус, при этом, однако, не раскрывая источников финансирования.

Давид снова затыкнулся. Ощущение было по-прежнему омерзительным. А стоит ли Даниэла такой жертвы? Должен ли он и в самом деле глотать дым ради нее?

Он в последний раз попытался втянуть дым и тут заметил в начале пальмовой аллеи роскошный лимузин. Новехонький, черный, сверкающий хромированными деталя-

ми. Огромный и медлительный — как будто ему тяжело было нести всю свою роскошь сквозь плотный тропический воздух.

Давид затушил сигарету и убрал бычок за спину. Ребята, которые подвергают себя таким мучениям, не имеют ничего общего с его бедными легкими и с его сердечными делами... но все-таки...

Лимузин медленно ехал по аллее. По мере его приближения Давид различал тонированные стекла, металлические отблески на блестящей черной поверхности кузова... и чувствовал невольную дрожь во всем теле. В этой сверкающей черной громаде ощущалась какая-то угроза. Тип, который находился внутри, был гораздо богаче их — отчего-то Давид знал это наверняка.

Ну что ж, сейчас этот лимузин проедет мимо и можно будет вздохнуть с облегчением...

Однако автомобиль остановился. Рядом с ним.

Секунда. Другая. Давид почувствовал слабое жжение в ладони — значит, он затушил сигарету не до конца...

Тонированное стекло опустилось почти бесшумно.

Пассажир оказался, как сказала бы мама, «человеком в возрасте», иначе говоря — стариком.

Давид настороженно наблюдал за ним.

— Это из-за девчонки? — неожиданно спросил старик.

Его удлинённое лицо с тонкими чертами было абсолютно безмятежно. Голова была непокрыта, что слегка удивило Давида: отчего-то он воображал, что такой тип обязательно должен носить шляпу. Но нет, лицо старика обрамляли длинные седые волосы, завязанные в хвост на затылке.

— Я уверен, это из-за девчонки ты начал курить.

Давид покраснел так, что почти услышал, как потрескивают сыплющиеся с его волос электрические искры.

— Я...

— Ты напомнил мне меня, — перебил старик. — В том же возрасте... Все парни делают одни и те же глупости. И девчонки тоже... Например, курят, потому что считают: это сделает их круче и поможет кого-то закадрить. И те и другие так думают.

Давид не мог произнести ни слова. Он понимал, что старик говорит правду: в его словах была какая-то комическая и в то же время печальная логика. Но одновременно его одолевали опасения: а вдруг это извращенец, педофил, который собирается его увезти?... Мама постоянно предупреждала его, чтобы он не разговаривал с незнакомыми людьми.

— Ты, наверно, думаешь, что я собираюсь предложить тебе конфетку? — спросил старик, словно прочитав его мысли, и рассмеялся искренним, заразительным смехом.

Услышав его, Давид расслабился — почти вопреки себе. Поскольку в этом смехе, в этом взгляде промелькнуло нечто знакомое... даже родственное. Когда мама смеялась, она точно так же слегка склоняла голову набок и чуть прищуривала глаза, отчего сразу становилась гораздо моложе... как сейчас этот старик. Это, конечно, не гарантировало отсутствия у него дурных намерений, но Давид все же немного ослабил бдительность.

— Знаешь что, молодой человек? Лучше выбрось эту сигарету. Уверяю тебя, если девчонка тебя полюбит из-за курения, это как-то не очень хорошо. Я, правда, тоже курил, но вот уже двадцать лет как бросил.

— Ладно. — Это было первое слово, которое Давид произнес.

Он бросил окурок на землю. Старик молча взглянул на окурок, потом перевел взгляд на Давида. В повисшей тишине слышалось только мягкое урчание мотора.

— Ты правильно поступил. Твоя мама гордилась бы тобой. Ты очень умный мальчик. И одаренный, я уверен. Да... очень одаренный.

— Спасибо, месье, — вежливо ответил Давид.

— Ну что ж... еще увидимся.

— Инш'алла.

Почему-то Давид неожиданно для себя произнес именно это слово. Он перенял его от Джорди, который его употреблял по самым разным поводам. Мама пыталась их от этого отучить, но безуспешно.

— Хм... а ты знаешь, что означает это слово?

— Ну примерно: если Бог того захочет.

Старик снова рассмеялся. Опять это неожиданное и волнующее сходство с мамой...

— Именно. А знаешь, что про меня говорят?

— Что?

— Что Бог — это я.

Старик загадочно улыбнулся, и в следующий миг Давид увидел свое собственное отражение в тонированном стекле.

Огромный автомобиль тронулся с места и все так же медленно и торжественно продолжал свой путь. Давид направился к дому. Он прошел примерно полпути и только тогда внезапно осознал: они со стариком говорили на французском, а не на португальском.

Он резко обернулся. Лимузин был уже в самом конце аллеи. Вот тогда и произошел этот феномен...

...сильнее...

Это слово возникло в его мозгу как будто само собой. Неужели он действительно хотел... задержать автомобиль? Остановить его? И на секунду ему показалось, что это удалось — лимузин неподвижно застыл в густом раскаленном воздухе.

Потом послышался резкий хлопок, и, подняв голову, Давид увидел, что один из фонарей, стоявших вдоль аллеи, буквально взорвался изнутри.

Лимузин скрылся за поворотом.

Несколько минут Давид стоял неподвижно, глядя то на осколки стекла на песке, то на пальмы в конце аллеи, за которые свернул автомобиль.

Он спросил себя, стоит ли рассказывать об этом случае маме, и решил, что нет. На всякий случай он запомнил номер машины — если старик снова здесь появится, тогда нужно будет предупредить маму. Но почему-то ему казалось, что старик этого не сделает.

А пока не стоит зря тревожить маму. Он уже показывал ей статью об El Viudo, чтобы проверить ее реакцию. Он понял, что она скрывает от него что-то. По мере того как он взрослел, необходимость пролить свет на «события» становилась все более насущной. Но про старика в лимузине он ей расскажет в другой раз.

Он продолжал путь к дому. В голове звучала мелодия босановы.

Содержание

Пролог	7
Часть первая	10
Часть вторая	101
Часть третья	212
Часть четвертая	337
Эпилог	470

ВЫХОДНУШКИ

